

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ	5
Акованцева Н.В. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГЛУБИННОЙ СЕМАНТИКИ	5
Арзамова О.В. ДИНАМИКА ОРГАНИЗАЦИИ КОМПОЗИЦИОННО-РЕЧЕВЫХ СТРУКТУР И ЕЁ ОТРАЖЕНИЕ В РОМАНЕ ВЛАДИМИРА МАКАНИНА «АСАН»	8
Бронник Л.В. ДИСКУРСИВНЫЙ АКТ В ЭВОЛЮЦИОННОМ АСПЕКТЕ	11
Гончарук А.В. ВРЕМЯ И ВЕЧНОСТЬ В ПОЭТИЧЕСКОЙ КНИГЕ А. БЕЛОГО «СТИХОТВОРЕНИЯ» (1923 г.)	15
Грязнова А.Ю. «ТЕХНИЧЕСКИЙ РОМАН» И «РОДИНА ЭЛЕКТРИЧЕСТВА» А. ПЛАТОНОВА: ТЕМА ПРЕОБРАЗОВАНИЯ МИРА	20
Дубинская А.С. ЭПИТАФИЯ И.Ф. АННЕНСКОГО: ОТГОЛОСКИ ТРАДИЦИИ	24
Книга А.В. НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА НАИМЕНОВАНИЙ ЯВЛЕНИЙ ПРИРОДЫ	29
Ковынёва И.А. СИНТАКСИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ГОЛОФРАСТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ	32
Куйдина Е.П. НАЗВАНИЯ ПЕСКАРЯ В ВОРОНЕЖСКИХ ГОВОРАХ	35
Кукса И.Ю. СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ ДОСТОВЕРНОСТИ В ГАЗЕТЕ «ВЕДОМОСТИ»	38
Нгуен Хуи Кыонг КУЛЬТУРА ЕДЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РУССКОЙ И ВЬЕТНАМСКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ	42
Мостепанов А.А. ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЦИКЛА «ХРОНИКИ НАРНИИ» К.С. ЛЬЮИСА	45
Нашатырева С.С. ЭКСПРЕССИОНИСТИЧЕСКИЙ ЖЕСТ В РАССКАЗЕ Л.Н. АНДРЕЕВА «СМЕХ»	49
Полякова Т.А. МИФОПОЭТИКА СНОВИДЕНИЙ В СКАЗКЕ Г.Д. ГРЕБЕНЩИКОВА «ЦАРЕВИЧ»	53
Пузов Н.А. ОМОНИМИЯ КОНСТРУКЦИЙ-ИДИОМ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ	57
Радь Э.А. МЕХАНИЗМ ПОРОЖДЕНИЯ СЮЖЕТНЫХ МОДИФИКАЦИЙ	60
Сафонова А.С. ЧТЕНИЕ В СИСТЕМЕ ВОСПИТАНИЯ ИНСТИТУТОК	65
Свистова А.К. СИНЕСТЕЗИЯ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ РАЗВИТИЯ ПОЛИСЕМИИ СЛОВА	70
Сычева О.А. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КОНЦЕПТА УБЕЖДАТЬ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ	73
Тезекбаева Г.А. СПОНТАННАЯ РЕЧЬ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИКИ	76
Тернова Т.А. ЭКСПРЕССИОНИЗМ С ИМАЖИНИСТСКОЙ ДОМИНАНТОЙ И. СОКОЛОВА	80
Тер-Оганова Е.Г. ТЕМА ПРОШЛОГО И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СРЕДСТВА ЕЁ ВОПЛОЩЕНИЯ В СТИХОТВОРЕНИИ ДЖ. МОНТЕГЬЮ «ДРЕВНИЕ МИФЫ»	85
Тимашова А.Ю. ЗНАЧЕНИЯ С ВЕРОЯТНОСТНЫМИ СЕМАМИ В ЯЗЫКЕ	89
Токарева Т.Н. ТРАДИЦИИ РОМАНА ВОСПИТАНИЯ В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	93

Федюнина Е.С. ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ АГРЕССИВНЫХ ТЕКСТОВ	98
Чан Тхи Тху Хыонг, Чарыкова О.Н. МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА КАК ФРАГМЕНТ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА	101
Шалина И.П. ИМЯ В ТВОРЧЕСТВЕ И.С. НИКИТИНА	104
Шевцова О.Н. АРХАИЗМЫ «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО» Н.М. КАРАМЗИНА И СЕМАНТИЧЕСКОЕ НАПОЛНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ТРУДА ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.	107
ЖУРНАЛИСТИКА	112
Белоусова Ю.В. «СОЗДАНИЕ ОБРАЗА ВРАГА НА СТРАНИЦАХ РОССИЙСКИХ СМИ	112
Васильев С.Л. О НЕКОТОРЫХ СВОЙСТВАХ И ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ ФОРМЫ ПЕРИОДИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ	115
Вахрушев А.А. «ВЯТСКАЯ ГАЗЕТА» — ПЕРВАЯ РОССИЙСКАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ ГАЗЕТА	119
Воронцова Е.А. ЭСТЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОТОГРАФИИ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ И СМИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX вв.	124
Голуб В.А. ЗАЩИТА АВТОРСКИХ ПРАВ КАК ЗАДАЧА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	127
Ежова Е.Н. КАРТИНЫ МИРА В СМИ: ТИПОЛОГИЯ, ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ, КАНАЛЫ ТРАНСЛЯЦИИ	132
Жилякова Н.В. ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ПЕРИОДИКИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	136
Жолудь Р.В. К ИЗУЧЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГРАЖДАНСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ	140
Золотухин А.А. КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ КОНКУРЕНТОВ НА МЕДИАРЫНКЕ	144
Маслов А.С. ЭТИЧЕСКИЕ СТАНДАРТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ: АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ	149
Махова А.А. ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ ГАЗЕТНОГО ТЕКСТА	159
Мелентьев А.А. РЫНОК ПРЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ	163
Мохаимен СК СПУТНИКОВОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ ИНДИИ И БАНГЛАДЕШ	166
Осенков Е.В. КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ СОВРЕМЕННЫХ СЕРБСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ РАЗЛИЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ	171
Осенкова Т.А. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СМИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В НАЧАЛЕ ХХІ ВЕКА	175
Петрихин А.В. РОЛЬ ГУМАНИЗМА В СМИ КАК ФАКТОРА ПРЕОДОЛЕНИЯ НЕГАТИВНОГО ВЛИЯНИЯ НА СОЗНАНИЕ ИНДИВИДА И УРОВЕНЬ КУЛЬТУРЫ В ОБЩЕСТВЕ	179
Романова В.Н. НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОРОДСКОЙ ЖУРНАЛ НАЧАЛА ХХІ ВЕКА	182
Садовников А.А. ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ БЛОГОВОЙ МЕДИАКРИТИКИ	186
Сундуков А.С. ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ ПРИРОДЫ ДИЗАЙНА	191
Фирас Джамил Джасим ЗАБЫТЫЕ ТЕМЫ В АРАБСКОЙ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ КИНЕМАТОГРАФИИ	197
Хмеленко Э.В. ЦЕННОСТНЫЕ ДОМИНАНТЫ УКРАИНСКОЙ МЕДИАКРИТИКИ	200
Чевозерова Г.В. ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА СМИ	206
Черваков А.А. СПЕЦИФИКА МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В СМИ	214
Ширина Е.В. ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ А.И. ГЕРЦЕНА: ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ	219
Ярцева С.С. ЖАНРОВЫЕ ПРИЗНАКИ КОЛОНКИ	226
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	229

CONTENT

PHILOLOGY	5
Akovanzeva N.V. EXPERIMENTAL RESEARCH OF DEEP SEMANTICS	5
Arzyamova O.V. THE DYNAMICS OF THE ORGANIZATION OF THE COMPOSITION SPEECH STRUCTURES AND ITS REFLECTION IN THE NOVEL «ASAN» BY VLADIMIR MAKANIN	8
Bronnik L.V. EVOLUTION OF DISCOURSE ACT	11
Goncharuk A.V. TIME AND ETERNITY IN A.BELY'S POETICAL BOOK "POEMS"	15
Gryaznova A.U. THEME OF TRANSFORMATION OF THE WORLD IN A.PLATONOV'S WORKS "THE TECHNICAL NOVEL" AND "THE ELECTRICITY NATIVE LAND"	20
Dubinskaya A.S. TITLE OF ARTICLE. THE ANNENSKY'S EPITAPH: ECHO OF THE TRADITION	24
Kniga A.V. NATIONAL SPECIFIC CHARACTER OF THE PHENOMENA OF NATURE	29
Kovyneva I.A. SYNTACTIC FUNCTION OF THE HOLOPHRASTIC CONSTRUCTIONS	32
Kujdina E.P. THE MINNOW NAMES IN VORONEZH DIALECTS	35
Kuksa I.Y. MEANS OF EXPRESSION OF THE VERACITY MODAL MEANING IN "VEDOMOSTY" NEWSPAPER»	38
Nguyen Hui Kyong FOOD CULTURE IN RUSSIAN AND VIETNAMESE PROVERBS	42
Mostepanov A.A. GENRE CHARACTERISTICS IN CYCLE C.LEWIS'S "NARNIA CHRONICS"	45
Nashatyreva S.S. THE EXPRESSIONISTIC GESTURE IN L.N. ANDREEV'S SHORT STORY «LAUGHTER»	49
Polyakova T.A. MYTHOPOETICS OF DREAMS IN G.D. GREBENSCHIKOV'S FAIRY TALE «TSAREVICH»	53
Puzov N.A. HOMONYMY OF CONSTRUCTION-IDIOMS IN ARTISTIC TEXTS	57
Radd E.A. THE PROCEDURE OF PRODUCTION OF PLOT MODIFICATIONS	60
Safonova A.S. READING IN THE SYSTEM OF EDUCATION AT NOBLE MAIDENS INSTITUTES	65
Svistova A.K. SYNESTHESIA AS ONE OF THE WAYS FOR PROGRESS OF POLYSEMY VORONEZH STATE UNIVERSITY	70
Sycheva O.A. EXPERIMENTAL STUDY OF THE CONCEPT CONVINCE IN LANGUAGE CONSCIOUSNESS	73
Tezekbaeva G.A. SPONTANEOUS SPEECH AS A SUBJECT OF LINGUISTICS	76
Ternova T.A. I. SOKOLOV'S EXPRESSIONISM WITH IMAGISM'S DOMINANT	80
Ter-Oganova E.G. THE THEME OF PAST AND THE DEVICES OF ITS OBJECTIFICATION IN THE POEM "OLD MYTHOLOGIES" BY J. MONTAGUE	85
Timashova A.Y. MEANINGS WITH PROBABILISTIC SEMANTIC COMPONENTS IN THE LANGUAGE	89
Tokareva T.N. TRADITIONS OF EDUCATIONAL NOVEL IN SOVIET LITERATURE	93
Fedyunina E.S. PECULIARITIES OF AGGRESSIVE TEXT	98
Tran Thi Thu Huong, Charykova O.N. METEOROLOGICAL METAPHOR AS FRAGMENT OF RUSSIAN WORLD-IMAGE	101
Shalina I.P. NAME IN IVAN NIKITIN'S WORKS	104

Shevtsova O.N. OBSOLETE WORDS IN "HISTORY OF RUSSIA STATE" BY N.M.KARAMZIN AND SEMANTIC FILLING OF HISTORICAL WORKS OF THE FIRST QUARTER OF XIX CENTURY	107
JOURNALISM	112
Belousova J.V. THE CREATION OF ENEMY IMAGE IN RUSSIAN MASS MEDIA	112
Wasiliew S.L. ABOUT SOME PROPERTIES AND DEVELOPMENT TENDENCIES OF PERIODICS FORM	115
Vakhrushev A.A. «THE VYATSKAYA GAZETA» – THE FIRST RUSSIAN NEWSPAPER FOR PEASANTS	119
Vorontsova E.A. AESTHETIC SIDES OF PHOTOGRAPHY THROUGH CULTURE AND MASS MEDIA TOWARDS THE CLOSE OF THE 19TH TO THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY	124
Golub V.A. COPYRIGHT PROTECTION AS A TASK OF INFORMATION SECURITY	127
Yezhova Y.N. PICTURES OF WORLD IN MASS MEDIA: TYPOLOGY, FUNCTIONALITY, TRANSLATION CHANNELS	132
Zhiliakova N.V. TYPOLOGICAL CHANGES IN SYSTEM OF PROVINCE PERIODICALS IN PERIOD OF THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION	136
Zholud R.V. ABOUT RESEARCH OF EFFICIENCY IN CITIZEN JOURNALISM	140
Zolotukhin A.A. CONTENT THE MAIN POSITIONING CHARACTERISTIC OF MEDIA	144
Maslov A.S. THE ETHICAL STANDARDS OF THE LOCAL JOURNALISM: THE ASPECTS OF THE STUDY	149
Mahova A.A. THE PROBLEMS OF UNDERSTANDING THE NEWSPAPER TEXTS	159
Melentiev A.A. MARKET MEDIA IN MOLDOVA: THE MAIN PROBLEMS FUNCTIONING OF NEWSPAPERS AND MAGAZINES	163
M. Sk SATELLITE TV IN INDIA AND BANGLADESH	166
Osenkov E.V. COMMUNICATIVE STRATEGIES OF MODERN SERBIAN PERIODICALS OF DIFFERENT POLITICAL ORIENTATION	171
Osenkova T.A. MAIN TRENDS IN LATIN AMERICA MEDIA IN THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY	175
Petrikhin A.V. ROLE OF HUMANISM IN MASS MEDIA AS FACTOR OF OVERCOMING NEGATIVE INFLUENCE OVER INDIVIDUAL'S CONSCIOUSNESS AND CULTURAL LEVEL OF SOCIETY	179
Romanova V.N. THE CITY MAGAZINE IN NIZHNY NOVGOROD AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY	182
Sadovnikov A.A. THE FEATURES AND THE PROSPECTS OF THE MEDIA CRITICS IN BLOGS	186
Sundukov A.S. AN INFORMATIONAL APPROACH TO UNDERSTANDING DESIGN	191
Firas Jamil Jasim THE FORGOTTEN TOPICS OF ARAB DOCUMENTARY FILMS	197
Khmelenko E.V. THE DOMINATING AXIOLOGICAL IDEAS OF THE UKRAINIAN MEDIA CRITICS	200
Chevozerova G.V. MASS MEDIA INFORMATION POLICY	206
Chervakov A.A. SPECIFICS OF POLITICAL ANALYSIS IN MASS MEDIA	214
Shirina E.V. TEXTOLOGICAL ANALYSIS OF THE PUBLICISTIC LEGACY OF A.I. HERZEN: HISTORICAL AND PHILOLOGICAL ASPECT OF THE STUDY	219
Yarceva S.S. GENRE FEATURES OF JOURNALIST'S COLUMN	226
RULES FOR AUTHORS	229

УДК 81'1

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГЛУБИННОЙ СЕМАНТИКИ (на материале концепта «отдых»)

© 2011 Н.В. Акованцева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 3 апреля 2009 года

Аннотация: Целью данного исследования является попытка выявить глубинную семантику лексических единиц экспериментальными методами и выявить ее возрастные особенности.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, экспериментальные методы, значение, концепт.

Abstract: Objective of this research is an attempt to reveal deep semantics of words by experimental cognitive methods and find out age differences.

Key words: cognitive linguistics, experimental methods, meaning, concept.

Когнитивная лингвистика занимается сверх-глубинной семантикой и ее интересуют в первую очередь глубинные содержательные аспекты языковых форм, вся совокупность отражаемых в когнитивной базе человека знаний [1]. Через описание содержания концепта можно перейти к более детальному и психологически достоверному описанию семантики номинирующих концепт единиц и выявить специфику семантики единиц в разных возрастных, гендерных и т. д. группах носителей языка.

Экспериментальное исследование концепта позволяет моделировать его в полном объеме его содержания и на базе интегрального описания концепта как ментальной единицы установить и описать особенности семантики номинирующих его слов. Объектом нашего исследования в данной статье является лексико-фразеологическая объективация концепта *отдых* в русском языке. В данной статье мы рассмотрим возрастные особенности концепта.

В рамках семантико-когнитивного подхода [1] нами было проведено исследование концепта *отдых* методом направленного ассоциативного эксперимента. В эксперименте приняло участие 317 жителей г. Воронежа, среди которых 99 учащихся школ, 104 студента и 114 взрослых.

В эксперименте ставились вопросы: *Отдыхать* — это что делать? *Отдых* — какой? *Отдыхать* — где? *Отдыхать* — как? *Отдыхать* — с кем? Необходимо было дать не менее 3 ответов на каждый из вопросов. Полученные результаты ассоциативного эксперимента были обобщены и обработаны методом когнитивной интерпретации [1, 203], в результате чего была выявлена совокупность когнитивных признаков, образующих исследуемый концепт. Приведем выявленные когнитивные признаки с индексом яркости каждого признака, вычисляемого как отношение числа выделивших данный признак к общему числу участников эксперимента). Приведем признаки с 0,05 и выше:

с друзьями 0,83, на море 0,64, с семьей 0,61, веселиться 0,56, активный 0,51, с любимым человеком 0,48, дома 0,39, один 0,32, классный 0,32, спать 0,27, гулять 0,26, расслабляться 0,26, на природе 0,26, хороший 0,25, длительный 0,18, интересный 0,16, валяться в постели 0,15, полезный 0,15, бездельничать 0,15, спокойный 0,14, красивый 0,13, загорать 0,13 смотреть телевизор 0,13, читать 0,12, в любом месте 0,12, забывать о проблемах 0,11, лесной 0,11, за границей 0,11, на пляже 0,10, на речке 0,09, буйный 0,09, на даче 0,09, запоминающийся 0,09, в клубе 0,08, делать то, что хочется 0,08, получать удовольствие 0,08,

приятный 0,08, радоваться 0,08, путешествовать 0,08, играть в комп 0,07, тихий 0,07, летний 0,06, слушать музыку 0,06, думать 0,06, в горах 0,05, в деревне 0,05, есть что-либо 0,05, развлекаться 0,05, в других странах 0,05, отрываться 0,05.

При сравнении выявленных когнитивных признаков в трех возрастных группах (до 17 лет, 17-26 лет, старше 26 лет) выявляются следующие варианты:

— Совпадающие когнитивные признаки у всех трех возрастных групп (с разницей яркости не более 0,01):

один, тихий, комфортный, кататься, на островах, работать, ходить в кафе, в воде, легкий, ленивый, всегда, плохой, по необходимости, в парке, постепенно, в городе, в отеле.

— Эндемичные (которые есть только в одной группе) по трем возрастным группам:

до 17 лет:

0,03 — в лагере, 0,02 — лучший, 0,01 — без пользы, в аквапарке, в тени, заслуженный, на сцене, необычно, с дневником, с игрушкой, с мобильным, с телефоном, своевременно;

от 17 до 26 лет:

0,03 — продуктивно, без последствий, 0,02 — романтический, эмоциональный, 0,01 — без алкоголя, безнравственный, более менее приличный, в сра салоне, в маршрутке, в пустыне, востребованный, делая ремонт, иметь свободное время, как настоящий физик, корпоративный, неблагоприятный, непредсказуемо, подальше от ВГУ, популярное, потратить время, праздничный, практиковать йогу, приводить мысли в порядок, работа по дому, рисовать, с приключениями, серьезно, только не на природе;

от 26 до 50 лет:

0,06 — рыбу ловить, 0,04 — частый, на экскурсиях, 0,03 — вязать, 0,02 — достойный, жить, знакомиться, культурный, 0,01 — в домике на опушке леса, в мастерской, детский, легко сердцу, на вечеринке, на горнолыжном курорте, на лыжной базе, не совершать над собой какое-то насилие, нежный, обоюдный, освежающий, психологически, с врагами. Это преимущественно субъективные (единичные) признаки.

— Дифференциальные (с разницей яркости более 0,01). Основная масса полученных когнитивных признаков имеет количественные отличия во всех возрастных группах.

Обсуждение результатов

В возрастных группах до 17 лет, от 17 до 26 и от 26 до 50 лет когнитивные признаки заметно различаются. Сравниваем когнитивные

признаки, которые попали в ядерную зону трех возрастных групп. В языковом сознании школьников и студентов наиболее ярким оказывается когнитивный признак *с друзьями* — 0,87 и 0,93 соответственно. А в ядерную зону представителей старшего поколения попадают следующие яркие когнитивные признаки: *на море* — 0,73, *активный* — 0,71, *с друзьями* — 0,69, *с семьей* — 0,68. Интересно, что когнитивный признак *активный* гораздо менее ярко представлен в младшей возрастной группе (0,15). Это может быть связано с тем, что дети всегда активные: бегают, прыгают, поэтому отдых ими осознается как нечто иное, а взрослые ведут более спокойный, размеренный образ жизни. А так как отдых обычно воспринимается как смена деятельности, то отдых для многих взрослых он представляется как проявление физической активности.

В ближнюю периферию концепта *отдых* в языковом сознании школьников попадают следующие когнитивные признаки: *классный* — 0,76, *с семьей* — 0,67, *веселиться* — 0,66, *на море* — 0,60, *дома* — 0,54, *гулять* — 0,46, *с любимым человеком* — 0,42, *хороший* — 0,38, *один* — 0,32, *спать* — 0,32. Следовательно, дети в подавляющем большинстве представляют себе отдых на море с семьей, что происходит, скорее всего, в период школьных каникул. А в остальное время они отдыхают обычно дома или гуляют на улице. Для них существенной оказывается позитивная оценка самого отдыха, то есть отдых осмысливается ими как обретение хорошего настроения, проведение времени в свое удовольствие. И не меньшее значение при этом имеет компонент *веселья*. В этом возрасте человек еще не задумывается о пользе отдыха.

Ближняя периферия концепта *отдых* в языковом сознании студентов представлена следующими когнитивными признаками: *активный* — 0,64, *веселиться* — 0,62, *на море* — 0,60, *с любимым человеком* — 0,56, *с семьей* — 0,46. Студенты так же, как и школьники, в массе своей представляют себе отдых на море. Но здесь уже меняется приоритет: большее количество из них представляет отдых с любимым человеком, а уже потом с семьей. Тем самым они демонстрируют стадию взросления и возрастание самостоятельности. Большинство предпочитает активный отдых, который ими, как и школьниками, не мыслится без веселья.

Ближняя периферия концепта *отдых*, в сознании взрослых включает такие когнитивные признаки, как: *с любимым человеком* — 0,46, *веселиться* — 0,44, *на природе* — 0,43, *дома* — 0,33, *один* — 0,32, *расслабляться* — 0,30. Взрослые люди обычно имеют семью (в состав которой входят супруги и их дети), поэтому и отдыхают с членами своей семьи. Но не менее важным для них оказывается отдых с любимым человеком (то есть без

детей, если они есть) и в одиночестве. Несмотря на то, что взрослые понимают необходимость отдыха как проявление активной деятельности, для них существенным становится состояние расслабления.

Дальняя периферия концепта *отдых* во всех возрастных группах представлена достаточно разнообразно.

Таким образом, представления носителей русского языка об отдыхе меняются с переходом из одной возрастной группы в другую. Концепт *отдых* формируется постепенно и претерпевает заметные изменения с течением времени под влиянием жизненного опыта носителей языка,

что проявляется в качественных отличиях когнитивных признаков, полученных в результате направленного ассоциативного эксперимента.

При описании психологически реального значения слова опора на выявленные когнитивные признаки позволит содержательно и объемно описать как ядро, так и периферию семантики слов *отдых*, *отдыхать*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — М. : АСТ : Восток — Запад, 2007. — 314 с.

Акованцева Н.В.

Воронежский государственный университет.

Преподаватель, соискатель кафедры общего языкознания и стилистики филологического факультета.

e-mail: nadin@phil.vsu.ru

Akovanzeva N.V.

Voronezh State University.

Post-graduate student, teacher of chair of a general linguistics and stylistics of philological faculty.

УДК 811.161.1'367

ДИНАМИКА ОРГАНИЗАЦИИ КОМПОЗИЦИОННО-РЕЧЕВЫХ СТРУКТУР И ЕЁ ОТРАЖЕНИЕ В РОМАНЕ ВЛАДИМИРА МАКАНИНА «АСАН»

© 2011 О.В. Арзямова

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 11 января 2010 года

Аннотация: Целью данного исследования является описание особенностей организации композиционно-речевых структур романа Владимира Маканина «Асан». Роман относится к так называемому «новому типу прозы». В нём прослеживается отражение определённых динамических процессов, происходящих в современной художественной речи. Они затрагивают несобственно-прямую речь, несобственно-авторское повествование и способствуют размыванию границ между формами внешней и внутренней речи.

Ключевые слова: текст, композиционно-речевые структуры, контаминация речевых форм, несобственно-прямая речь, несобственно-авторское повествование, внешняя речь, внутренняя речь.

Abstract: The aim of this study is to describe the characteristics of the composition speech structures of the novel «Asan» by Vladimir Makanin. The novel belongs to the so-called «new type of prose». It traced a reflection of certain dynamic processes occurring in the contemporary art of speech. They affect the quasi-direct speech, the author's quasi-narrative and contribute to the blurring of the boundaries between forms of external and internal (inner) speech.

Key words: the text, composition speech structures, contamination of the speech forms, quasi-direct speech, the author's quasi-narrative, external speech, internal (inner) speech.

В настоящее время в современной отечественной прозе всё отчётливее происходят процессы, связанные с изменением и усложнением композиционно-речевых структур литературного нарратива, которые требуют к себе пристального внимания. По этому поводу Н.А. Николина пишет: «Современная художественная речь отражает активные процессы, характерные для общенационального языка в целом, в то же время её специфическое «как» обуславливает действие особых тенденций, проявляющихся именно в художественной речи, развитие которых обусловлено напряжённым поиском новых средств выражения [1, 7].

К композиционно-речевым структурам мы, вслед за О.Г. Ревзиной, относим: авторское монологическое слово, прямую речь (художественный диалог), внутренний монолог, несобственно-прямую речь» [2].

В современной новейшей русской прозе композиционно-речевые структуры все больше подвергаются процессу диалогизации авторского и персонажного монологического слова. При этом различные субъектно-речевые планы объединяются в единое структурно-смысловое и коммуникативное целое, и таким образом обеспечивается повествовательная полифония текста.

Для анализа нами был выбран новый роман Владимира Маканина «Асан», автор которого является лауреатом премии «Большая книга» за 2008 год, что само по себе является примечательным. Отзывы о нем оказываются полностью противоположными: от восторженных («лучший роман XXI века») — до резко отрицательных («худшая книга писателя»).

В романе «Асан» Владимира Маканина наблюдается достаточно сложное соотношение композиционно-речевых структур, при котором доля несобственно-прямой речи в произведении существенно возрастает.

Тенденция, связанная с количественным увеличением употребления несобственно-прямой речи в современных отечественных прозаических текстах, уже была замечена исследователями. Так, например, О.В. Марьина отмечает: «Говоря о модификации конструкций с чужой речью, стоит отметить, что, несмотря на достаточно активное использование прямой, косвенной и свободной прямой речи в художественных текстах 1980-х гг., самой распространённой конструкцией так же, как и в предыдущие десятилетия (1960-е, 1970-е гг.), остаётся несобственно-прямая речь» [3, 94].

В «Асане» автор всё больше тяготеет к текстовой контаминации речевых форм: внешняя точка зрения сливается, соединяется с внутренней точкой зрения. С самого начала роман заявляет о себе как о полифоническом произведении, в котором прослеживается установка на воспроизведение нескольких речевых потоков, один из которых воспроизводит внешнюю точку зрения, а другой (другие) — внутреннюю речь персонажей:

«На опустевших рельсах... На открывшемся пространстве только и толпились они, новоиспечённые солдаты. Никого больше... Они вдруг видят самих себя. Вот мы какие! Нас много!.. А поезд (всего-то два вагона), на котором они прибыли, скромный такой, тотчас куда-то отгрохотал и ушёл. Война!» [4,5].

Следует отметить, что роман в целом организован посредством так называемого «свободного косвенного дискурса». Под свободным косвенным дискурсом мы, вслед за Е.В. Падучевой, понимаем особую повествовательную форму, в которой «повествователь (внеположенный миру текста) частично уступает персонажу своё место на речевой акт... Свободный косвенный дискурс (СКД) — это повествование, в существенной степени заполненное несобственной прямой речью героев (чаще — одного героя)» [5].

Свободно-косвенный дискурс представлен в романе «Асан» посредством двух разновидностей. Перед нами первая разновидность свободно-косвенного дискурса, с помощью которой осуществляется постоянная конкуренция внешней и внутренней точек зрения. Этот тип повествования используется в тексте романа, главным образом, с целью контаминации авторской речи и персонажной речи. Он функционально направлен на отражения самоидентификации героя (героев) и передаёт определённые реакции персонажей. Экспрессивные конструкции не только идентифицируют внутреннюю речь солдат, но и напрямую передают их эмоционально-психологическое состояние.

Первые два предложения в структуре абзаца: *На опустевших рельсах... На открывшемся*

пространстве только и толпились они, новоиспечённые солдаты представляют собой структурно расчленённую парцеллу концепта «бытие объекта», который имеет следующую схему: «кто/что есть где» [6, 32].

Данная модификация универсального синтаксического концепта оформляется посредством отчленённой конструкции присоединительного характера. На наш взгляд, подобное усечение парцеллы концепта, от которого остаётся только «где», сопряжено с такой тенденцией современного синтаксиса, как его аналитизм (Г.Н. Акимова), или расчленённость. В романе отмечается высокая частотность употребления парцеллированных и сегментированных конструкций, вставных элементов, которые функционально направлены на создание синтаксически расчленённого текста.

Высокая частотность употребления в тексте романа конструкций разговорного и экспрессивного синтаксиса также косвенно свидетельствует о соединении голоса автора с голосом персонажа. Подобная речевая контаминация усиливает экспрессивность повествования, а также устанавливает своеобразный эмоциональный контакт с читателем.

Данная разновидность свободного косвенного дискурса с точки зрения «регистров текста» (термин Г.А. Золотовой) [7] организована с помощью так называемой «комбинированной доминанты», которая «характеризуется последовательным соединением и чередованием в тексте двух и более рематических доминант» [8, 211]. В тексте романа Владимира Маканина «Асан» достаточно часто наблюдается использование комбинированной предметно-импрессивной и статально-импрессивной доминанты.

Субъектным центром романа является «герой-нарратор», который объективирует себя посредством отображения своей внутренней точки зрения. С этой целью, например, используются такие формы внутренней речи, как внутренний монолог и (или) внутренний диалог героя:

«Эта высокая трава меня достала! Я даже спросил себя — почему ты, майоришка, такой заводной? <...> ты что, крутой? <...> Я спросил себя: куда ты лезешь, дерьмо в камуфляже, когда у тебя дома жена и дочка? <...> каждый день ждут... Война отдельно — ты отдельно. Запомни... Ты просто служишь. Ты просто служишь на Кавказе...» [9, 26].

Перед нами вторая разновидность свободного косвенного дискурса, целью создания которой является отображение внутренней точки зрения героя-нарратора. Эта разновидность свободного косвенного дискурса полностью организована посредством импрессивной доминанты, так как контекстуально передаёт эмоциональное и эмоционально-оценочное состояние субъекта речи.

Таким образом, в тексте романа существенно возрастает количественное употребление такой композиционно-речевой структуры, как несобственно-прямая речь, которая организуется в структуре нарратива посредством двух разновидностей свободного косвенного дискурса. Первая разновидность представляет собой контаминацию речевых форм, передающих внешнюю и внутреннюю точку зрения персонажей. В тексте романа эта разновидность представляет собой полиструктурное образование и организуется, как правило, посредством комбинированной доминанты (предметно-импрессивной или стально-импрессивной).

Вторая разновидность характеризуется тем, что полностью направлена на воспроизведение внутренней точки зрения героя-нарратора (героя-повествователя). В тексте романа данная разновидность представляет собой моноструктурное образование, организованное посредством импрессивной доминанты.

В результате контаминации этих двух разновидностей свободного косвенного дискурса в структуре нарратива оформляется так называемое несобственно-авторское повествование, «в основе которого лежит словоупотребление персонажа, связанное с последовательным выражением его точки зрения» [10, 100], что свидетельствует о динамическом развитии композиционно-речевых структур новейшей отечественной прозы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Николина Н.А. Активные процессы в языке современной русской художественной литерату-

ры: Монография / Н.А. Николина. — М. : ИТДГК «Гнозис», 2009. — 336 с.

2. Ревзина О.Г. Методы анализа художественного текста / О.Г. Ревзина [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://danefae.org/lib/ogrevzina/metody.htm>.

3. Марьина О.В. Интеграционные процессы в синтаксисе современной прозы 1980-х — 2000-х гг.: Монография / О.В. Марьина. — Барнаул : БГПУ, 2008. — 169 с.

4. Маканин В.С. Асан / Владимир Маканин. — М. : Эксмо, 2008. — 480 с.

5. Падучева Е.В. Игра со временем в первой главе В. Набокова «Пнин» / Е.В. Падучева [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://lexicograf.ru/files/nabokov_2.pdf.

6. Попова З.Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов / З.Д. Попова. — Воронеж : Истоки, 2009. — 209 с.

7. Золотова Г.А. К вопросу о структуре текстов разного коммуникативного назначения / Г.А. Золотова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/fest/pprs/gorkwkova/zoloto.htm>.

8. Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. Учебник. Практикум / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. — М. : Флинта : Наука, 2003. — 496 с.

9. Маканин В.С. Асан / Владимир Маканин. — М. : Эксмо, 2008. — 480 с.

10. Николина Н.А. Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Н.А. Николина. — М. : Академия, 2003. — 256 с.

Арзамова О.В.
Воронежский государственный педагогический университет.
Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка.
e-mail: arzyamovuyv@yandex.ru

Arzyamova O.V.
Voronezh State Pedagogical University
Candidate of Philology (PhD), Associate professor,
Department of Russian Language.

УДК 81'1

ДИСКУРСИВНЫЙ АКТ В ЭВОЛЮЦИОННОМ АСПЕКТЕ

© 2011 Л.В. Бронник

Кубанский государственный университет

Поступила в редакцию 21 января 2010 года

Аннотация: Статья посвящена эволюции дискурсивного акта как элементарной единицы речевого общения. В качестве инструмента научного описания предлагается модель динамической системы. Показано, что целью дискурсивного развития является адаптация к нуждам коммуникации.

Ключевые слова: дискурсивный акт, динамическая система, эволюция, дискурсивное равновесие, диссипативная структура, бифуркация, саморегуляция, самоорганизация.

Abstract: The evolution of a discursive act as a basic communicative unit is under consideration. The dynamic system model is suggested as an instrument of scientific description. It is argued that discourse evolves towards adaptation to the needs of communication.

Key words: discursive act, dynamic system, evolution, discursive equilibrium, dissipative structure, bifurcation, self-regulation, self-organization.

Эпиграфом к данной работе могли бы послужить слова известного дискурсолога Р. де Бо-гранда: «Язык как функция, контролирующая форму, эволюционирует, чтобы соответствовать человеческим потребностям, и достигает этого путем варьирования своих средств» [1, 122] (перевод наш. — Л.В.). Стоящая перед нами проблема вписывается в задаваемый контекст, но сфера ее решения уже и конкретнее — системно-динамическое описание дискурсивного акта (далее ДА) как элементарной единицы речевого общения.

Что предлагает современная методология науки для познания изменяющегося мира? Одним из наиболее перспективных инструментов является модель *динамической системы*, активно используемая для воссоздания эволюции какого-либо объекта в системно-синергетических исследованиях. Мир динамических систем весьма разнообразен, но для всех них справедливо следующее утверждение: динамической является та система, которая изменяется во времени [2, 194]. Интуитивно ясно, что модель

динамической системы в ее нематематизированном виде, вероятно, полезна и для описания динамики дискурса. Дискурсивный процесс можно вообразить тогда как последовательную смену функциональных состояний (фаз) в некотором абстрактном пространстве состояний. В основу динамической структуры ДА положим идею нобелевского лауреата И. Пригожина об относительности покоя, который может быть равновесным, слабо равновесным и неравновесным [3, 191, 194-195].

Рассмотрим эволюцию некоторого абстрактного ДА как изменение его системы относительно шкалы индивидуального времени. При этом будем исходить из того, что точкой отсчета выступает уже сформировавшаяся языковая личность, вполне овладевшая дискурсивной компетенцией — умением выстраивать речевое произведение, оптимальное с точки зрения определенных коммуникативных нужд.

Фаза дискурсивного равновесия наступает тогда, когда общественно выработанный образец решения прагматической задачи в рамках некоторого ДА усвоен в процессе речевого онтогенеза. Фактически под устойчивым функ-

ционированием ДА понимается следование в индивидуальной речевой деятельности принятой в языковом сообществе норме. Е.Е. Анисимова называет такие правила выбора языковых средств и построения речевых высказываний (текстов) в разных типовых ситуациях общения с разной коммуникативной интенцией коммуникативно-прагматическими нормами [4, 5].

В период сохранения равновесия, или гомеостаза на кибернетическом языке, система ДА самовоспроизводится в разделяемой языковым коллективом форме. Структурными инвариантами, способными самостоятельно решать коммуникативные задачи, могут быть единицы любого ранга языка (слова, словосочетания, предикативные конструкции). Приведем примеры с указанием их типичной речевой функции: *Папа* (обращение), *Добрый день* (приветствие), *Всего хорошего* (прощание), *Все образуется* (утешение), *Вы все молодеете* (комплимент), *С праздником* (поздравление), *Извините за нескромный вопрос* (извинение), *Мир не без добрых людей* (благодарность) [5].

Фаза слабого дискурсивного равновесия. Пребывание ДА в гомеостатическом состоянии не может длиться бесконечно. Неизбежное изменение коммуникативных условий провоцирует хаотизацию (энтропизацию) ДА, достигающую той или иной степени. Рост энтропии, ассоциируемый здесь с изменением канонической языковой формы ДА, имеет прямое отношение к проблеме вариативности, разрабатываемой фразеологией. Установлено, что устойчивые структуры русского языка допускают разные типы варьирования: лексико-семантический, синтаксический, морфологический, словообразовательный, фонетический, количественный [6, 382].

Появление модификаций вызвано семантико-прагматической потребностью «подогнать» обезличенное использование устойчивой структуры под контекст жизненных, индивидуально ценных ситуаций. В качестве иллюстрации рассмотрим чрезвычайно популярную сегодня фразу российского политика В.С. Черномырдина *Мы хотели как лучше, а получилось как всегда* [7, 518]. Сегодня уже проявлена тенденция к трансформированию, вызванная недостаточной прагматической эффективностью исходной структуры в новых конфигурациях контекста. Как видно из примеров, система информирующего ДА, функционирующая на основе афоризма, гибко реагирует на такие колебания, прибегая к разнообразным перестройкам (изменения выделены подчеркиванием): *Хотели как лучше, а вышло как всегда: коррупция была на высоком историческом уровне, и колоссальные суммы были*

умело разворованы чиновниками (Веллер М. Dejavu. — Режим доступа: http://lib.ru/WELLER/r_deja.txt); *Хотели как лучше, а получили ЕГЭ* (Милкус А., Токарева Д. Кошмар ЕГЭ — 2009 // Комсомольская правда. — 04.08.2009. — Режим доступа: <http://www.openclass.ru/forums/50898>). Тем самым в ДА сдерживается энтропийный процесс, повышается прагматическая экспрессия, выразительность фразы, и на какое-то время продляется существование ДА.

В большинстве случаев варианты, генерируемые в актах индивидуальной лингвокогнитивной деятельности, не приводят к распаду нормативного образца, хранящегося в памяти говорящего. Это объясняется тем, что в случае малых отклонений от привычного состояния реализуется механизм *саморегуляции*. С синергетической (термодинамической) точки зрения, «бесследное» забывание окказиональных ДА обусловлено тем, что изменения коммуникативного контекста, хотя и несильно, но уже действуют. Установлено, что если внешние условия не позволяют системе вернуться в состояние равновесия, то она попытается перейти в состояние с наименьшим уровнем рассеивания энергии (энтропии) [8, 162]. Для системы ДА это подразумевает совершение минимальной работы по переработке входящего потока энергии, а также переносимых с ней языковой материи и информации).

Фаза сильного дискурсивного неравновесия. Запас адаптивной «прочности» ДА, однако, исчерпаем. Будучи открытой, система ДА может оказаться в крайне нетипичных условиях контекста. Синтаксические, а порой и фонетические, морфологические, семантические связи ослабляются столь сильно, что система ДА не способна больше исполнять свою полезную роль в среде социальной коммуникации. Другими словами, наступает функционально-прагматический кризис — рассогласование прагматической функции и языковой формы. В этот очень краткий переломный момент (посинергетически в момент *жесткой бифуркации*) решается дальнейшая судьба ДА — распасться ли на свободное сочетание слов либо продолжить свое существование, но уже в новом функциональном качестве.

Сложное многословное выражение может редуцироваться до минимально опознаваемого элемента исходной структуры (пример (1) — цитатная аллюзия) либо вплоть до полного исчезновения формальных признаков (эффект аллюзии в примере (2) создается имплицитно). В последнем случае система ДА, информирующая о характерной черте национального самосознания, разрушается полностью. Выполнение

функции часто берет на себя другой способ языкового выражения (примеры (2), (3)). (1) *Квартирное дело против генерала Госнарконтрoля. С ЕГАИС получилось по-черномырдинскому: «как всегда»* (Как начальник свой торец отремонтировал: обзор калининградских СМИ. — Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/773465.html>). (2) *Характерно, что не нравится она (реформа ЖКХ — Л.Б.) не только беднейшим слоям... но и респондентам со средним достатком. Очевидно, что здесь мотивация примерно следующая: и так-то все неладно в королевстве жилкомхоза — как бы не сделать еще хуже. Вообще говоря, конечно, все боятся плохой реализации реформ и их скверного администрирования.* (Колесников А. Зал ожидания // Российская газета. — №3505. — 18.06.2004. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2004/06/18/kolesnikov.html>). (3) *Итак, учить программированию надо тех, кто этого действительно хочет. Учить надо в небольших группах. Учить должны профессионалы. Вот тогда и будет результат, а иначе — по-черномырдински, как сейчас* (Чермных В. Как стать хорошим программистом? Режим доступа: <http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-21401/>).

Выживание ДА может быть обеспечено за счет возникающих в его недрах зон диссипации. Свое название *диссипативные структуры* получили именно из-за конструктивной роли диссипативных (рассеивающих) процессов в их образовании [10, 54]. Строго говоря, диссипация наблюдается уже на этапе варьирования, но тогда она минимальна и служит поддержанию баланса между устойчивостью (нормой) и разнообразием (хаосом). В хаотическом режиме диссипация нарастает, отчего система ДА становится неустойчивой не только локально, но и на прагматическом макроуровне, т. е. фактически перестает быть системой. В диссипативном состоянии относительно устойчивое функционирование ДА становится вполне возможным. Пример ниже показывает, как развитие темы афоризма потребовало более сложной формы его языковой репрезентации — последовательности нескольких предикаций (клауз), куда включены и «старые» элементы (выделены подчеркиванием). Исходная система ДА разворачивается в более крупное функциональное образование — комплексный ДА, вмещающий цепочку актов сообщения, дифференцирующих общую прагматическую задачу: «*Дети Арбата*» дали имя целому поколению. Именно эти люди сделали перестройку. Они хотели как лучше для всех. И не вина их, а беда, что получилось так, как всегда получается в России. Одному из «детей Арбата», Анатолию Рыбакову, 14 января исполнилось бы 90 лет. (Ковалева А. Анатолий Рыбаков:

русский человек не хочет жить в роскоши // «Известия». — №4(25842). — 13.01.2001. — Режим доступа: <http://ribakow.narod.ru/body/2.htm>).

Итогами могут послужить следующие обобщения и выводы. Модель динамической системы следует признать перспективным инструментом описания ДА. Главное ее методологическое достоинство в том, что она позволяет увидеть ДА эволюционирующей единицей дискурса, способной к адаптационным действиям. В цикле развития ДА «зрелой» языковой личности различимы три последовательных состояния: равновесное, слабо равновесное, неравновесное. Каждому из этапов соответствует определенный режим поведения ДА: устойчивое функционирование без изменения языковой структуры, саморегуляция в пределах варьированности языковой структуры и самоорганизация с образованием новых более сложных форм (как возможная альтернатива — распад, переход в свободное сочетание слов или других единиц языка). Таким образом, *ДА демонстрирует основное природное свойство эволюционирующих систем — стремление к наиболее экономному и эффективному способу своего существования. Дискурсивное творчество — не самоцель, а лишь вынужденный шаг, направленный на речемыслительную адаптацию говорящего к изменяющимся условиям коммуникации.*

ЛИТЕРАТУРА

1. De Beaugrande R. New Foundations for a Science of Text and Discourse: Cognition, Communication, and the Freedom of Access to Knowledge and Society / R. de Beaugrande. — Norwood, NJ : Ablex Publishing, 1997. — 670 p.
2. Culicover P.W., Novak A. Dynamical Grammar: Minimalism, Acquisition, and Change (Foundations of Syntax 2) / P.W. Culicover, A. Novak. — Oxford; New York: Oxford University Press, 2003. — 324 p.
3. Пригожин И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: пер. с англ. / И. Пригожин, И. Стенгерс. — М. : Прогресс, 1986. — 432 с.
4. Анисимова Е.Е. О коммуникативно-прагматических нормах текста / Е.Е. Анисимова // Прагматика и структура текста: Сб. науч. тр. — М. : Наука, 1983. — Вып. 209. — С. 3-15.
5. Балакай А.Г. Толковый словарь русского речевого этикета: Свыше 4000 этикетных слов и выражений / А.Г. Балакай. — М. : Астрель : АСТ : Транзиткнига, 2004. — 681 с.
6. Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ф.П. Филин. — М. : Сов. энциклопедия, 1979. — 432 с.

7. Душенко К.В. Словарь современных цитат: 5200 цитат и выражений XX и XXI вв., их источники, авторы, датировка / К.В. Душенко. — 4-е изд., испр. и доп. — М. : ЭКСМО, 2006. — 832 с.

8. Bushev M. Synergetics: chaos, order, self-organization / M. Bushev. — Singapore : World Scientific Publishing, 1994. — 275 p.

9. Freeman W.J. A Thermodynamic model of the action-perception cycle in brain dynamics

/ W.J. Freeman // Advances in Cognitive Neurodynamics: Proceedings of the International Conference on Cognitive Neurodynamics — 2007 / R. Wang, F. Gu, E. Shen (Eds.). — Springer : Heidelberg, 2008. — P. 163-168.

10. Пригожин И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: пер. с англ. / И. Пригожин, И. Стенгерс. — М. : Прогресс, 1986. — 432 с.

Бронник Л.В.

Кубанский государственный университет.

Кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры теоретической и прикладной лингвистики.

e-mail: larisa-bronnik@mail.ru

Bronnik L.V.

Kuban State University

PHD, Associate Professor, Doctorant of the chair of theoretical and applied linguistics

УДК 821.161.1(092) БЕЛЫЙ А.

ВРЕМЯ И ВЕЧНОСТЬ В ПОЭТИЧЕСКОЙ КНИГЕ А. БЕЛОГО «СТИХОТВОРЕНИЯ» (1923 г.)

© 2011 А.В. Гончарук

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 24 сентября 2009 года

Аннотация: В статье рассматриваются лейтмотивы времени и Вечности в поэтической книге А. Белого «Стихотворения» (1923 г.), а также связанные с ними мотивы смерти и воскресения. На основе анализа делаются выводы о концепции времени в художественном мире А. Белого.

Ключевые слова: вечность, время, смерть, воскресение, лейтмотив, поэтическая книга.

Abstract: The article examines the leading ideas of time and Eternity and the associated ideas of death and Resurrection in the poetic book by Andrey Bely "The Poems" (1923). On the base of the analysis conclusions on conception of time in artistic word of A. Bely are given.

Key words: Eternity, time, death, Resurrection, leading idea, poetic book.

Единство поэтической книги как самостоятельного жанрового образования обеспечивается в значительной мере общностью повторяющихся на всем ее протяжении лейтмотивов. Как отмечал сам Андрей Белый в прозаическом предисловии к книге «Стихотворения» (1923 г.), «Приступая к выбору из своих стихотворений тех, которые попали в эту книгу, я руководствовался не голосом самокритики, а воспоминанием о лейт-мотивах, звучавших мне в ряде лет и диктовавших те или иные отрывки» [2, 8]. В свете этого авторского признания анализ поэтической книги Белого в контексте пронизывающих ее лейтмотивов представляется весьма актуальным. Одним из таких наиболее значимых мотивов является выбранное нами для анализа в рамках данной статьи взаимодействие и взаимопроникновение времени и Вечности в «Стихотворениях» А. Белого.

О значимости временной темы в творчестве Белого свидетельствует хотя бы тот факт, что к ней поэт обращался ещё в юношеских симфониях, например в «Симфонии 2-й, драматической». Одним из основополагающих лейтмотивов «Симфонии» становится многократно повторяющееся в ней упоминание о Вечности: «Сумасшедший тихо шептал <...>: «Я знаю тебя, Вечность!» [1,

276], «А время текло без остановки, и в течении времени отражалась туманная Вечность» [1, 281].

В первом разделе книги, «Золото в лазури», этот мотив впервые звучит в стихотворении «Голос», где лирический герой слышит зов Вечности, отзывающийся словами Апокалипсиса и соловьевским представлением о «сне земном»:

Из золотых, излучезарных ниток... Звучало мне:
И времена свиваются, как свиток... И всё во сне... [2, 30]

Те же настроения и предчувствия грядущего конца времени, апокалиптического безвременья присутствуют в стихотворении «Последние дни», в котором мистический жених с фиалковыми глазами говорит невесте в терновом венце:

«Закатится время. Промчатся, как лист золотистый,

Как лист золотистый, безвременьем смытые дни» [2, 34].

Сходная картина умирающей, гаснущей вселенной возникает в стихотворении «Усмирённый», где «тихое время» выступает в качестве силы, успокаивающей «вселенские бури» и переводящей всё существующее в сферу неба, в «лазури» которого тонет, как в океане, и оно само. Знаменательно, однако, что этот переход в сферу Вечности несёт с собой не только блаженство, но

и умирание, угасание. Недаром наиболее ярким символом Вечности оказывается в первом разделе книги закат, своего рода смерть солнца:

«В великое солнце прощальным вечерним приветом

Встает умирая, с улыбкой своей невозвратной [2, 35].

В подразделе берлинской книги «В горах» Вечность вновь в ницшеанском духе («Никогда еще не встречал я женщины, от которой хотел бы я иметь детей, кроме той женщины, что люблю я: ибо я люблю тебя, о Вечность!» [4, 288]) предстает в качестве возлюбленной:

Образ возлюбленной — Вечности —

Встретил меня на горах... [2, 50]

Улыбающаяся, манящая Вечность оказывается противопоставлена времени, в котором вынужден существовать герой, обреченный на «загубленную жизнь». Любопытно, что если Вечность ассоциируется в художественном мире А. Белого с лазурью чистого неба или хотя бы с туманом, то время — с застилающими её облаками:

Время — облак рой [2, 50].

При этом Вечность — опять же в духе Ницше — оказывается «по ту сторону добра и зла», вне этики, принадлежащей обычному измерению:

И зло, и добро

Тают в поцелуях [2, 51].

Лирический герой наделен способностью услышать призыв Вечности «умчаться в эфир голубой» («Аргонавты» [2, 53]), он устремлен к ней, поскольку знает, что именно она ждет его впереди, время же рано или поздно закончится:

Над морем золотого льда

Промчатся быстрые года... [2, 54].

Эта же мысль выражена и в стихотворении «Пока»:

Пусть утро, вечер, день и ночь —

Сойдут — лучи в окно протянут:

Сойдут — глядят: несутся прочь.

Прильнут к окну — и в вечность канут [2, 102].

Знаменательно, однако, что Вечность, представляющаяся альтернативой линейному и конечному времени, как отмечает О. Шалыгина на примере симфонии «Возврат», может выступать в художественном мире Андрея Белого в двух ипостасях: «Образ-категория «вечности» в третьей симфонии разложима на «вечность» и «Вечность» [5]. И если первая из них предстает в качестве замкнутой в себе бесконечности, ницшеанского Вечного Возвращения, то вторая, Вечность с большой буквы, означает выход за пределы движения «кольца превращений», «радость брачного кольца Вечности».

В одноименном третьей симфонии стихотворении «Возврат» лирический герой, наделенный магическим знанием о том, что «полёт столетий быстрый» является всего лишь сном, принимает участие в пиршественном жертвоприношении

солнца и дважды — в первой и последней частях стихотворения — призывает своего спутника, мифологического гнома (чем-то напоминающего ницшеанского «духа тяжести», впоследствии же превращающегося в демона-искусителя), затрубить в «трубу возврата». При этом характерно, что одиночество лирического героя, поднявшегося в горы от уподобленных зверям обывателям, одновременно заставляет его усомниться в своих прозрениях и побуждает гнать их прочь, приводя в итоге к закономерному финалу — выпадению из Вечности и возвращению в обычное измерение, в котором вновь ощутимо течение времени:

Я вновь один в своей пещере горной,

Над головой — полет столетий быстрый [2, 63].

Образ пещеры и связанного с ней гнома возникает и в стихотворении «Старинный друг», в котором дружба лирического героя оказывается основана на общности восприятия одних и тех же откровений, связанных с Вечностью: они оба способны услышать её «тихий зов», недаром сам друг получает здесь определение «старинный», традиционно сопровождающее у Белого упоминание Вечности. Смерть друга, определяющая появление в стихотворении образов склепа, гробов, могилы и катафалка, преодолевается в нём христианским предчувствием воскресения, несущего с собой возвращение ушедшего старинного друга.

«Грустно-задумчивым» оказывается зов Вечности в подразделе книги «Не тот», услышавший же его лирический герой воспринимается окружающими как безумец. Характерно, что разочарование в мистических предчувствиях отзывается теперь утратой веры, в том числе атеистическими выпадами, и трубный рог, в который лирический герой призывает трубить своего спутника, извещает уже не о воскресении мёртвых и не о соловьевском пришествии «царства любви», а, напротив, о провозглашённой всё тем же немецким философом смерти Бога:

«О, где ты, Бог, —

«О, где ты? —

— Где ты!! —

— «Где Ты?!».

Только в тухнувшие

Муки —

Где то ухнувшие

Звуки —

— «Бога —

«Нет!

«Бога —

«Нет!» [2, 92]

Тот же рог, омонимически превратившийся из трубного рога в угрожающе «кровавый» рог месяца, возникнет и в стихотворении «Успокоение».

Наибольшей силы эти мотивы издевательства над Вечным, «кошунства от боли», достигнут в по-

эме «Мертвец». Однако стоит отметить, что и в этом разделе книги идея духовной смерти реализуется в полной мере. Так, в стихотворении «Успокоение» поэт показывает, что лирический герой не единственный, кто подвержен ей. Так появляются сразу несколько двойников лирического героя, и возникает образ узников «одинокых, буйных камер»:

Безумства мертвые рабы
Там мертвые свершали пляски.
В своих дурацких колпаках,
В своих ободранных халатах,
Они кричали в желтый прах,
Они рыдали на закатах [2, 94].

Стоит отметить, что по тому же принципу двойники лирического героя, его точные копии, зеркально отражающие движения его души и призванные тем самым подчеркнуть масштабность испытываемых им переживаний, появятся впоследствии в цикле «Королевна и рыцари», где стремительно пронесётся

Мертвецов,
Мертвецов,
Мертвецов —

Воскресающий, радостный рой! [2, 392]

Мотив воскресения также обозначен и в разделе «Не тот» (стихотворение «Утро»), однако здесь воскресение оказывается призрачным и отвергается людьми, живущими обычной жизнью (именно их поэт обозначает в стихотворении местоимением «они», и именно с ними спорит лирический герой). Их реакция на возглас лирического героя «Воскрес я — глядите: воскрес» груба и предсказуема:

Поймали, свалили:
На лоб положили компресс [2, 97].

Иная, уже устрашающая картина воскресения лирического героя и его последующего торжества над обидчиками, посчитавшими его «шутком» и попытавшимся похоронить, возникает во второй части стихотворения «Арлекинада», где восставший мертвец грозно трубит в рог, «предвещающий» им смерть и отмщение:

Предвещающая рогом смерть,
О мщении молил он Бога:
Гремело и рыдало в твердь
Отверстие глухого рога.

«Вы думали, что умер я —
Вы думали? Я снова с вами.
Иду на вас, кляня, грозя
Моими мертвыми руками [2, 110].

И все же мысль о подобном преодолении законов времени в обыденной реальности вполне закономерно оказывается скорее неосуществимой мечтой. Смена мессианских предчувствий более реальным подходом, обозначившаяся в «Пепле», приводит к трагическому признанию торжества времени над человеком. Как отмечает

О. Шалыгина, художественная задача «Пепла» — «показать Время и Пространство врагами человека и Человечности, власть которых несет только смерть» [5]. В этом разделе книги практически отсутствуют даже упоминания Вечности: ключевым временным образом оказывается Смерть.

«Умирай», — слышится лирическому герою в финальной части поэмы «Железная дорога», теряющему перед лицом неизбежной кончины свою избранность: «Как и все умирают...» [2, 128], там же возникают «стаи насытых смертей». Дотоле напоминавшие герою о Вечности поцелуи ветра, например, в стихотворении «В поле» «золотолазурного» раздела книги:

А ветер — ласкает, целует,
Целует меня без конца [2, 17], —
оказываются теперь по меньшей мере неприятными:

Уж ветер в расстегнутый ворот
Прохладой целует меня («Шоссе» [2, 119]), —
а то и вовсе сменяются для «скитальцев» (значение множественного числа мы уже объясняли выше) мертвящими поцелуями бурьяна:

«Вонзаю им в сердце иглу я...
«На мертвых верхах искони —
«Целю я — целую, милую —
«Их раны и ночи, и дни» («Бродяга» [2, 134]).

В наименее трагичном варианте смерть предстает в подразделе «Глухая Россия» в виде «вечного сна» или разлитого в пространстве мёртвого «вечного покоя»:

Ямщик в пространствах тонет —
Утонет вечным сном... («Железная дорога» [2, 122])

Бежал. Распростился с конвоем.
В лесу обагрилась земля.

Я крался над вечным покоем... («Бродяга» [2, 130])

В иной форме власть времени, превращающая человеческую жизнь в ничто, представлена в подразделе «Прежде и теперь». Перед нами мир сладких воспоминаний об изысканной дворянской жизни, однако, наряду с гармоничностью, поэт подчеркивает их призрачность. Конец мечтаниям кладет появление на маскарадном балу кроваво-красного домино — уже знакомой читателям по «Глухой России» главной гостьи с косой:

Лязгает железной злостью
В пол — косы сухая жердь:
Входит гостья,
Щелкнет костью,
Взвев саван: гостья — смерть («Маскарад» [2, 206]).

Таким образом, используя определение из предвосхищающего трагическую любовную лирику «Урны» финала «Воспоминание», восприятие времени в подразделе «Прежде и теперь» можно охарактеризовать как

Воспоминание о том,
Что пролетело так бесследно [2, 187].
В подразделе «Урны» «Снежная дева» смерть вполне естественно и традиционно соотносится с тьмой и бушующей снеговой стихией:

А в окнах
Снежная волна
Атласом вьется над деревней:
И гробовая глубина
Навек раззята скорбью древней... [2, 225]

Тот же образ «слепого, безгрезного» небытия возникает в стихотворении «Ночь» [2, 229].

Знаменательно, однако, что возлюбленная лирического героя вновь ассоциируется в его сознании с Вечностью и ночью:

Вновь подошла
И обожгла
Лобзаньем пламенно текущим:
«Очнись: ты — спал; и я — спала!» («Страсть» [2, 225])

(Ср. у Фридриха Ницше слова полночи: «Я спала, я спала... И от глубокого сна пробудилась» [3]). Ночной характер вечности Белый показывает и в стихотворении «Вольный ток» из подраздела «Лета забвения»:

Алмазом полуночным вечность
Свой темный бархат изоткет [2, 257].

Вечность оказывается подобна ночному небу, в котором утопает время:

Всклубились прошлые години
Там куполами облаков.
А дальше — мертвые стремнины
В ночь утопающих веков [2, 261].

Характерно, что трагическая глубина мироздания по-ницшеански (и по-тютчевски) открывается лирическому герою ночью, когда с его глаз сорван «дневной покров», причем «безвременье» бессонницы, ее «гробовая глубина» отнюдь не приносит в его жизнь гармонии:

Сорвав дневной
Покров,
Она
Бессонницей ночной
Повисла —
Без слов,
Без времени, без дна,
Без примиряющего смысла [2, 226].

Образ происходящего где-то в небе движения веков возникает в стихотворении «Как пережить»:

Текут века в воздушной вышине [2, 231].

При этом переживания лирического героя столь сильны, что он готов измерить их «в веках». В стихотворении «Просветление» «души пустыня» наделена эпитетом «извечная» и уподоблена матери лирического героя, в чьи пустые глаза он обречен смотреть вечно. Характерно, что и здесь вечность вновь связывается у Белого с ночью:

Ты взору матери ответь:
Взгляни в ее пустые очи.
И вечно будешь ты глядеть
В тьму разливающейся ночи [2, 235].

В одноименном второму разделу книги стихотворении «Пепел» движение времени также оказывается не способно превозмочь тоску лирического героя, которую, таким образом, роднит с вечностью невозможность ее прекращения.

Одновременно для поэта очевиден трагизм существования человека во времени, которое также непреодолимо, необратимо и несет ему смерть:

Ни слова я... Иду в пустые дни.
Мы в дни погребены... («Раздумье» [2, 241])

Поскольку воскресение отвергается другими людьми, которым чужд одинокий лирический герой, оно оказывается невозможным:

Твой бледный, хладный лик, твое возликованье
Мертвы для них, как мертв для них воскресший ты [2, 244].

Вынесенная в название подраздела книги «Лета забвения» мифологическая река, через которую умершие переправлялись в царство теней, становится для Белого ключевым образом движения времени. В стихотворении «Волна» она предстает как зовущий «уснуть» млечный путь или как символ движения и мимолетности жизни — дым. Время не только стирает из памяти лирического героя его душевные переживания, но и превращает его самого в «перегной», возвращает в «мрачный чернозем» хаоса («Время» [2, 274]).

Альтернативой христианскому посмертному «иному бытию» оказывается у Белого его антипод — «небытие», причем именно ему чаще отдает предпочтение лирический герой, что лишь усиливает его страдания. Столкновение этих противоположных позиций показано, в частности, в подразделе «Искуситель», где в роли Люцифера и защитника научного мировоззрения выступает для поэта «марбургский философ», по логике поэта, выраженной в расположении частей книги, приводящий его к духовной смерти (за названным подразделом следует поэма «Мертвец»). Апофеозом «иного бытия» и идеи воскресения становится у Белого поэма «Христос воскрес», знаменующая собой торжество над смертью и прорыв к вечности, обозначенной в поэме трехчастной формулой:

Есть,
Было,
Будет [2, 351],

которая в слегка измененном виде повторится затем и в следующем разделе книги «Королевна и рыцари». Среди включенных в него стихов преобладает тот же пафос воскресения. Тем не менее, следует отметить, что, как и в поэме «Мертвец», само воскресение далеко не всегда оказывается в стихах этого раздела гармоничным: в первом

же стихотворении «Перед старой картиной» лирической герой, как и герой уже цитированного нами раннего стихотворения «Возврат», по той же схеме, сначала соприкоснувшись с вечностью, затем выпадает из нее, оказывается в обычном измерении, пусть и кажущемся ему странным:

Я вернулся: —
— Кресла, Пьянино —
Всё незнакомо мне! [2, 379]

Построение этих двух стихотворений по принципу кольцевой композиции, на наш взгляд, наиболее наглядно демонстрирует невозможность лирического героя удержаться в измерении вечности. Характерно также признание отказывающегося лирическому герою в приюте рыцаря в клювовидном шлеме, указывающее на иллюзорность самого воскресения рыцарей, запечатленного в стихотворении:

«Мы — умерли,
«Мы —
«Поверья:
«Нас кроют столетий рвы» [2, 379].

Раздел «Звезда» отличает сочетание противоположных тенденций. Так, новые прозрения вечного, мессианские чаяния поэта, связанные на сей раз с Россией (например, апокалиптические предчувствия явления Христа после всех выпавших на долю страны испытаний в стихотворении «А.М. Поццо» [2, 421] или «грядущего Рая», в стихотворении «Слово» [2, 436], где лирический герой реализует свою давнюю мечту о бессмертии), появляются в нем наряду со стихами, отражающими ощущение бессмысленности человеческого существования во времени. Характерным в этом плане является стихотворение «Тела», где люди обозначены как «мертвенные твари», чей разбитый дух простерт в «бессмысленные дни». В некоторых стихах раздела предстает уничижительный образ лирического героя (так, в стихотворении «Шутка» он называет себя «старым дураком» [2, 426]). В стихотворении «Христиану Моргенштерну» смерть друга вновь заставляет поэта обратиться к идее воскресения, в данном случае «воскресения в памяти».

Особое место в мироощущении Белого отводится ницшеанской идее вечного возвращения, закольцованности жизненного сна:

Проснулся — и те же: и горы,
И море...
Все то же... («Самосознание» [2, 413])

Движение времени оказывается в художественном мире поэта круговым, подобным движению воды в водовороте:

И — возникают беги дней,
Существований перемены,
Как брызги бешеных огней
В водоворотах белой пены [2, 417].

Знаменательно, что в самом построении подраздела также присутствует кольцевая композиция: его первое и последнее стихотворения оказываются озаглавлены посвящением одному и тому же человеку, брату в антропософии, немецкому поэту Христиану Моргенштерну.

Завершающий поэтическую книгу раздел «После звезды» составляют исключительно скорбные стихотворения, пронизанные ощущением бессмысленности человеческой жизни, стремлением лирического героя возвратиться в небытие, обрести исцеляющее забвение Леты. Подводя итоги, следует отметить, что в художественном мире Андрея Белого нашло яркое воплощение переживание трагизма бытия человека, оказавшегося во власти времени и потому подвластного смерти. Белого увлекают христианские идеи преодоления смерти через воскресение, однако его осуществимость вызывает у поэта серьезные сомнения. Иногда оно возникает в его стихах как символическое выражение духовного возрождения, однако чаще развенчивается как неосуществимая, болезненная мечта. Лирический герой отделен от вечности, и, вопреки всем его усилиям, этот разрыв практически непреодолим. Именно поэтому зов вечности оказывается для лирического героя чаще всего томительным и навеивает тоску, а завершающее поэтическую книгу трагическое стихотворение не оставляет читателю никакой надежды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белый А. Соч.: в 2-х т. — Т. 1. — Поэзия ; Проза / А. Белый. — М. : Худож. лит., 1990. — 703 с.
2. Белый А. Стихотворения / А. Белый. — [Репр. изд.] — М. : Книга, 1988. — 576 с.
3. Ницше Ф. Песнь опьянения / Ф. Ницше. — (<http://www.bards.ru/archives/part.php?id=22385>).
4. Ницше Ф. Так говорил Заратустра : Книга для всех и ни для кого / Ф. Ницше. — М. : Мартин, 2005. — 416 с.
5. Шалыгина О.В. Эмбриология «поэтической прозы» серебряного века / О.В. Шалыгина // Телеология поэтической прозы : (А. Белый — Б. Пастернак). — Электронная монография. — 10.04.2007. — (http://shalygina.chekhoviana.ru/favorite.htm#_Toc154473385).

Гончарук А.В.
Воронежский государственный университет.
Аспирант филологического факультета.
e-mail: gonch-andrej@yandex.ru

Goncharuk A.V.
Voronezh State University.
Post-graduate of philological faculty.

УДК 821.161.1

«ТЕХНИЧЕСКИЙ РОМАН» И «РОДИНА ЭЛЕКТРИЧЕСТВА» А. ПЛАТОНОВА: ТЕМА ПРЕОБРАЗОВАНИЯ МИРА

© 2011 А.Ю. Грязнова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 24 сентября 2009 года

Аннотация: В статье рассматриваются лейтмотивы времени и Вечности в поэтической книге А. Белого «Стихотворения» (1923 г.), а также связанные с ними мотивы смерти и воскресения. На основе анализа делаются выводы о концепции времени в художественном мире А. Белого.

Ключевые слова: вечность, время, смерть, воскресение, лейтмотив, поэтическая книга.

Abstract: The article examines the leading ideas of time and Eternity and the associated ideas of death and Resurrection in the poetic book by Andrey Bely "The Poems" (1923). On the base of the analysis conclusions on conception of time in artistic word of A. Bely are given.

Key words: Eternity, time, death, Resurrection, leading idea, poetic book.

Рассказ А. Платонова «Родина электричества» был впервые опубликован в 1939 году в журнале «Индустрия социализма». Долгое время авторской датой написания рассказа считался 1926 год. Однако, по свидетельству Н.В. Корниенко, «Родина электричества» является результатом переработки писателем «Технического романа» в 1939 году [6]. При сравнении систем образов этих произведений становится очевидным, что главный герой рассказа соединяет в себе черты Душина и Щеглова — героев романа, которые осуществляют свои поиски общей «родины» в разных направлениях.

Душин представляет собой вариант ранних героев-преобразователей А. Платонова, с их стремлением разумного обустройства мира научно-техническим путем. Целью жизни Душина является электрификация, воплощающая, в его понимании, победу сознания над материей. В этом смысле герой аккумулирует юношеские идеи самого А. Платонова, который в 1920-е годы принимает активное участие в проекте ГО-ЭЛРО и позиционирует электричество как силу, которая сделает возможным действительное

осуществление перехода к «царству сознания». «Электрификация есть осуществление коммунизма в материи» [4, 142], — такими словами А. Платонов завершает одну из своих статей, и они вполне соответствуют ленинской формуле: «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны».

Однако такой безоговорочный примат сознания над материей имеет для Душина и обратную сторону. Физическая, телесная сторона мира представляется ему враждебной, отбирающей у человека силы, которые должны быть направлены на создание такого будущего, где будет преодолена конечность человеческого существования. Отсюда его постоянное желание сэкономить собственные силы или восполнить их утрату в большом и малом. Так, он «закусывает любовь хлебом», чтобы «возместить ущерб, причиненный своим силам любовью» [6, 924].

Электрификация требует огромных средств, и фанатичное стремление Душина покорить природу скорее всего закончилось бы так же, как и в случае с героем «Потомков солнца», «разметавшим» Вселенную в стремлении сделать ее совершенной. Поэтому А. Платонов вводит в «Технический роман» другого героя, Щеглова,

наличие которого как бы уравнивает рвение Душина. Щеглов не тратит силы на мечты о том, каким должен быть мир, он действует исходя из того, что уже есть: «Ты не мучайся из пустого воображения, ты гляди на бедные предметы, собирай их по-новому, что тебе нужно! Вот река, по мосту мужик проехал, там торфяное болото, вон тюрьма — сумей сделать из этого электро-технику», — советует он Душину [6, 925].

Образ Щеглова тяготеет к типу платоновского героя-странника, склонного скорее к созерцанию мира, чем к его преобразованию. Щеглов — сирота, а сиротство в произведениях А. Платонова, по словам Е.А. Яблокова, является одновременно знаком разрыва метафизических связей человека с миром и «важнейшим стимулом к душевному творчеству» [5, 65]. Отсутствие семьи побуждает героя искать родство во всем, что его окружает, его отношения с миром — это процесс «вбирания» мира в себя. В отличие от Душина, который мыслит такими понятиями, как «бесконечность», «пространство», «человечество», для Щеглова более важным оказывается мир, который находится в непосредственной близости от него: «По дворам в мелких провинциальных садах вскрикивали птицы, вертась на ветках, женщины гремели хозяйственной утварью, плакали дети от пробуждающегося зла... Щеглов... слушал этот ежедневный шум жизни, казавшийся ему жалобным и милым голосом свободы, поющим в окружении сверкающей, но непроходимой бесконечности» [6, 905].

Бренность материального мира беспокоит Щеглова так же, как и Душина. Но Душин верит в «восстановление всего ветхого и утраченного» научным способом, с помощью «электрической медицины», идею, близкую философии Н.Ф. Федорова. Щеглов же воспринимает все предметы и явления мира, в том числе и человека и самого себя, как часть «обыкновенных событий природы», и потому умершие родители, братья и сестры для него «мертвые навсегда», а вера в возможность научного воскрешения — еще одна претензия на господство человека над миром.

Абсолютное доверие разуму и научному знанию, с точки зрения А. Платонова, не только не может восстановить родство, но еще больше усугубляет сиротство, отдаляя человека от того мира, который он хочет преобразовать: Душин, устремленный в «далекую неясность» будущего, прогоняет жену, из-за чего сиротами становятся и она, и ее будущий ребенок, так же, как Воголов, желающий сделать из Земли «дом человечеству», заканчивает разрушением вселенной. Это не значит, что приобретенные человеком знания должны быть направлены строго на утилитарные цели. Но для того, чтобы работа разума была направлена в нужное русло, она должна сопрягаться

с работой сердца, которая уравнивает сознательное стремление человека к «исправлению» мироустройства бесконтрольным, интуитивным «природнением» уже существующего мира. При этом без руководящей силы разума человек все равно остается неполным и точно так же оказывается не способным преодолеть сиротство.

Воплощением осиротевшего без разума сердца можно назвать образ Лиды Вежличевой в «Техническом романе», чувства которой «бесцельно блуждали в груди, не имея ясной страсти и направления» [6, 897]. Во внешнем облике героини можно отметить контраст между «бессознательностью» ее «большого дикого тела» и выражением лица, которое светится «духом печали и смысла» [6, 905]. Её почти детское стремление к постоянному наслаждению жизнью и беспричинная тоска, которую она испытывает, потому что не знает, как «правильно существовать в этом общем мире» [6, 897], являются показателем того, что работа сердца «заменяет» ей работу разума. Это становится еще более очевидным при сопоставлении Лиды с Душиным, который, напротив, даже любовь воспринимает с прагматической точки зрения.

Таким образом, в «Техническом романе» А. Платоновым создана схема, которая будет воспроизведена в других произведениях писателя: когда герои идут к достижению одной и той же цели разными путями, а авторский голос оказывается разделен между голосами нескольких героев, вбирая все из них.

В рассказ «Родина электричества» А. Платонов вводит безымянного героя-рассказчика, объединяющего черты и Щеглова, и Душина. В нем отсутствует присущая последнему нацеленность на глобальное преобразование мира. Подтверждением этому является изменение А. Платоновым записи, сделанной героем в записной книжке: вместо характерной для речи Душина абстрактной фразы «скорее надо организовать мир на покой» [6, 904], записанной им скорее для того, чтобы успокоить старушку, требующую «какой-нибудь льготы», появляется вполне конкретная заметка: «Пришли из города старушке пшена» [3, 74]. Однако и этому герою писатель создает антипода — делопроизводителя Жаренова, с его гипертрофированным «сердечным» началом.

Такое разделение героев на тех, кто пытается восстановить утраченное родство с помощью разума, и тех, кто ищет его сердцем, отражает главную причину неудач героев в попытках преобразовать вселенную — нарушение целостности человека. Ранние герои-преобразователи А. Платонова видят причину своего сиротства прежде всего в мире, а не в себе. Поэтому пытаются «переделать» мир в общую родину, не преодолев

в себе сиротство как нецелостность, они или входят в противостояние с миром, грозящее разрешиться уничтожением одной из сторон («Потомки солнца», «Лунная бомба»), или созданный ими мир оказывается по-прежнему сиротским («Чевенгур»). Созданию общей родины, по мысли писателя, должно предшествовать появление «цельного», не-сиротского человека, в котором пропорционально развиты разум и чувство.

Рождение такого человека показано в повести «Сокровенный человек», герой которого достигает родства с миром. Однако это родство оказывается глубоко личным, не имеющим ничего общего с той универсальной формулой счастья, которую пытались отыскать герои фантастических рассказов А. Платонова. В этом плане электрификация, о которой мечтает Душин в «Техническом романе», так же как и «перестройка земного шара», которую желает осуществить Вогулов, не способна привести человечество к состоянию счастья, поскольку является лишь инструментом, с помощью которого герой стремится выполнить свою собственную задачу.

Это не значит, что А. Платонов полностью отрекается от идеи преобразования. Однако в проблеме взаимоотношений человека и природы, человека и мира внимание писателя переключается именно на человека. Применительно к рассказу «Родина электричества» об этом свидетельствует сужение масштаба изображения, по сравнению с ранними фантастическими произведениями, форма повествования от первого лица, а также тот факт, что герой рассказа не одержим фанатичным желанием электрификации страны любой ценой, каким наделен его прототип Душин в «Техническом романе». Изменяется и цель путешествия героя в Верховку. Душин отправляется туда посмотреть на устройство самодельной электростанции, чтобы потом «поставить добычу электричества во всенародном масштабе» [6, 890]. Он, как и Чуняев, уверен в том, что электричества достаточно для того, чтобы построить коммунизм, понимаемый им как торжество сознания над материей. Для героя «Родины электричества» главной целью является избавление жителей деревни от голода. Прибыв в Верховку, он убеждается, что одно только электричество неспособно дать людям счастье, когда перед ними стоит проблема физического выживания.

Положение крестьян, у которых есть свет, но нет хлеба, — результат все той же нецелостности человека, что и у ранних героев А. Платонова, уверенных в том, что научное знание позволит избавить человечество от всех бед. Поэтому жители Верховки превращают последний оставшийся у них хлеб в топливо для электростанции, полагая, что чтение как приобщение к знанию важнее физического насыщения. Такое буквальное по-

нимание крестьянами пословицы «ученье свет, а неученье — тьма» нельзя назвать плодом художественной фантазии писателя в чистом виде. Она несет приметы современной А. Платонову эпохи. Тема, найденная А. Платоновым в «Техническом романе», в «Родине электричества обрастает социальными подробностями.

В 1920-х годах активно воплощалась в жизнь государственная программа по ликвидации безграмотности, и хотя обучение чтению уже с 1920 года носило принудительный характер, нужно было обосновать для необразованной части населения необходимость приобщения к знаниям. Для этого проводившаяся в это время агитация учитывала особенности психологии крестьянина, заинтересованного прежде всего в практическом применении знания, и абсолютизировала роль науки как главного орудия борьбы с враждебными силами природы: «Природа побеждается мощью знания, силой человеческой науки, поэтому власть имущие не давали возможности угнетенному народу приобщиться к знаниям, к науке. Теперь же... всеми силами нужно стремиться к тому, чтобы использовать возможность вооружить народ силой знания» [1, 15]. Поэтому вера верховских жителей в равенство света и чтения абсолютно искренна, и они признают правильность действий председателя сельсовета, который не позволяет брать из собранного крестьянами фонда зерно, идущее на топливо для самодельной электростанции.

Принцип работы собранной жителями Верховки машины в «Родине электричества» воплощает собой ту модель переустройства мира, которой руководствуется Душин в «Техническом романе». Физические силы и энергия человеческого тела, в его понимании, должны быть целиком направлены на «учреждение повсеместного счастья», поэтому он считает необходимым все время «экономить» себя. Точно так же и машина, собранная жителями Верховки, превращает хлеб, необходимый для физического существования тела, в электричество, понимаемое как «вещество науки», необходимое для создания социализма — того «родственного» мира, где будут побеждены смерть, голод и сиротство. Веря в то, что только наука даст им мгновенное избавление от всех бед, крестьяне отдают хлеб на топливо для электростанции, которая, в их глазах, является воплощением научного прогресса.

Характерно, что в то время как хлеб, предназначенный для человека, «скармливается» машине, топливо, полученное из хлеба, дегустируется человеком — стариком, тело которого фактически выполняет функцию механизма: «Собственный желудок и кишки старика-дегустатора были прибором для испытания горючего» [3, 67]. Этот

эпизод, носящий явно иронический характер, с одной стороны, показывает, как далеко ушел А. Платонов от своего раннего произведения «Потомки солнца», главный герой которого, желая построить рай для человечества, превращает людей в своего рода инструменты для достижения своей цели; с другой стороны, отсылает к рассказу «Мусорный ветер», где замещение человека механизмом характеризует деспотию, выстроенную «машинным полутелом», способным только мыслить, но не чувствовать.

Переделывая механизм машины так, чтобы она служила для орошения земли, герой «Родины электричества» дает жителям Верчовки возможность соединить хлеб и чтение, восстанавливая тем самым родство в доступном ему социальном пространстве. Однако для автора более важным оказывается не то, что, с практической точки зрения, его непосредственная цель пребывания в деревне оказывается достигнутой. Объединив научно-технический расчет с сочувствием чужому горю, герой тем самым делает шаг к преодолению сиротства, в результате чего его «жизненная задача» оказывается ценнее попыток полного преобразования мира, предпринимаемых ранними героями А. Платонова.

Подвергая сомнению свои же собственные «заветные» идеи и отказываясь от абсолютизации каждой из них, А. Платонов в своем творчестве вскрывает основную сложность на пути человечества к достижению «общей родины»: человек

является сиротой не только по отношению к миру, но и по отношению к самому себе. Преобразование мира, осуществляемое человеком-сиротой, заведомо обречено на неудачу, в каком бы направлении оно ни шло и какие бы светлые цели перед собой ни ставило. В одной из ранних статей А. Платонов пишет: «Когда поймет человек себя, он поймет все и будет навсегда свободен. Все стены падут перед ним, и он наконец воскреснет, ибо настоящей жизни еще нет. Что поймет человек вперед — себя или природу — это не важно, это все равно» [2, 540]. В этих словах заключена едва ли не основная мысль платоновского творчества: человек изначально тождествен миру, «родственен» ему, поэтому все несовершенства мира есть на самом деле несовершенство самого человека, в преодолении которого и состоит его основная жизненная задача.

ЛИТЕРАТУРА

1. Железный путь. — Воронеж. — 1919. — № 7.
2. Платонов А. Государственный житель / А. Платонов. — М., 1988.
3. Платонов А. Собр. соч. : в 3 т. — М., 1984. — Т. 1
4. Платонов А. Сочинения : — Т. 1. — кн. 2. — М., 2004.
5. Советская литература в прошлом и настоящем : Сборник статей. — М., 1990.
6. «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Выпуск 4. — М., 2000.

*Грязнова А.Ю.
Воронежский государственный университет.
Аспирантка филологического факультета, кафедра
русской литературы XX века.*

*Gryaznova A. U.
Voronezh State University.
Postgraduate student, Department of philology, the chaire
of Russian Literature of XX century.*

УДК 821.161.1

ЭПИТАФИЯ И.Ф. АННЕНСКОГО: ОТГОЛОСКИ ТРАДИЦИИ

© 2011 А.С. Дубинская

Омский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 11 октября 2010 года

Аннотация: Производится жанровый анализ отдельных стихотворений Анненского, входящих в состав книги «Тихие песни». В ходе анализа выявляются эксплицитные и имплицитные признаки традиционной литературной эпитафии, обозначаются и рассматриваются ее варианты. Определяется степень новаторства Анненского в контексте данного жанра. Формулируется вывод о создании книжной «метаэпитафии».

Ключевые слова: Поэзия Анненского, литературная традиция, лирический жанр, эпитафия.

Abstract: The genre analysis of separate Annensky's poems, which are a part of the book "Quiet Songs", is produced. During the analysis explicit and implicit signs of the traditional literary epitaph are revealed, and its variants are designated and considered. The degree of Annensky's innovation is defined in a context of this genre. The conclusion about the creation of the book «metaepitaph» is formulated.

Key words: The Annensky's poetry, a literary tradition, a lyrical genre, an epitaph.

Традиционные литературные жанры, возникшие в довольно давние времена, как правило, не исчезают бесследно при переходе от одной исторической эпохи к другой. Подобно многим другим реалиям, они, взаимодействуя с «духом времени» и эволюционируя, периодически появляются в творчестве представителей разных литературных направлений. Но даже сильно видоизмененный жанр остается узнаваемым в сознании более или менее подготовленного читателя, т. к. ассоциативная память реципиента оказывается своеобразным связующим звеном между «культурами» разных времен. Так, стихотворения, написанные по законам античной эпитафии (пусть даже не в полной мере соответствующие канону), относительно часто встречаются на современных надгробиях. По справедливому замечанию Т.С. Царьковой, «правоммерно говорить об эпитафии классицизма, сентиментализма, романтизма, периода критического реализма и социалистического реализма, даже — эпитафии имажинизма» [6, 118]. Творчество поэтов серебряного века тоже не стало исключением. Их «культурная память» сыграла роль действенного

фактора развития поэтики различных течений и школ. И.Ф. Анненский проявил себя как один из наиболее активных поэтов — хранителей литературной традиции в широком смысле. Важно также отметить его знание и удивительную способность применения жанровых «кодексов» индивидуального творчества и общей поэтики разных веков: путь каждого представителя определенной эпохи — путь конкистадора, завоевывающего пространства культуры и населяющего эти пространства своими смыслами.

В данной статье анализируется ряд стихотворений, входящих в состав книги Анненского «Тихие песни», жанровая природа которых близка эпитафии. Отбор текстов осуществляется в основном по семантико-ситуационному и функциональному принципу соответствия/несоответствия особенностям жанра эпитафии: состояния и переживания лирического героя так или иначе связанные с чьей-либо смертью (возможна даже собственная смерть).

Возьмем, например, стихотворение «У гроба», название которого говорит само за себя. С одной стороны, перед нами текст, написанный в повествовательном ключе, что несколько отдаляет нас от лирического настроения:

В квартире прибрано. Белеют зеркала.
Как конь попоною, одет рояль забытый...
[1, 56]

Сдругой — есть традиционный для эпитафии диалог, т. к. лирический герой задает вопрос:

Иль Тайна бытия уж населить успела
Приют покинутый всем чуждого лица? [1, 56]

Конечно, вопрос этот риторический, да и не совсем понятно, кому он адресован, но, несомненно, он связан с покойным, а может быть, в воображении субъекта речи, даже от него исходит. Каковы жанровые особенности данного стихотворения? Как и любой другой жанр, эпитафия с течением времени претерпела ряд изменений. Так, «эпитафия XX века по сравнению с веком XIX гораздо больше говорит о восприятии смерти другого, чем о другом» [6, 73]. В рассматриваемом стихотворении переживания очевидны: *забвение, недоумение, ужас*. Остается понять, кто этот *другой*. Парадокс заключается в следующем: субъект здесь совпадает с объектом, автор и «персонаж» оказываются одним и тем же лицом:

В недоумении открыл я мертвеца...

Сказать, что это я... весь этот ужас тела...
[1, 56]

Поэтому вместо ожидаемой грусти-скорби возникает чувство недоумения-ужаса: переживания другого рода, парадоксальные, абсурдные, но не менее сильные. Следовательно, стоит говорить уже не просто об эпитафии, а об автоэпитафии. Конечно, в русской литературе это не ново. Известен, например, иронический вариант самоэпитафии Вл. Соловьева, современника Анненского, «Владимир Соловьев лежит на месте этом...», но стихотворение Анненского звучит вполне серьезно и даже пугающе. Еще один традиционный элемент анализируемого жанра — напоминание читателю о том, что рано или поздно его тоже ожидает смерть. В стихотворении «У гроба» это тоже есть, но в иносказательном варианте, в виде своеобразного намека: *Смерть*, образ которой эксплицирован, «дверь после себя оставила открытой». Наряду с открытой дверью, обращаем внимание на образ часов: и то, и другое свидетельствует о неизбежности движения времени и постоянном чередовании жизни и смерти в реальности. Субъектная организация стихотворения как будто выносит лирического героя за пределы реального времени, позволяя ему извне наблюдать за круговоротом человеческого бытия.

Если в стихотворении «У гроба» наблюдается довольно странное соединение живой и неживой субстанций, то стихотворение «На пороге» с мистическим подзаголовком «Тринадцать строк» демонстрирует разграничение реального

и нереального мира, притом обозначен даже сам «разделитель» — смерть. Ее присутствие здесь очевидно, хотя в тексте нет ни одного слова с мортальной семантикой. Говоря о смерти, Анненский обходится иносказательными выражениями, используя местоимение «Она» и субстантиват «Незримая». Возможно, именно так герой справляется со страхом перед смертью или таким образом проявляется борьба со смертью. Не называя ее имени, он хочет остаться не замеченным ей. Казалось бы, здесь проступает фактор табуирования имени нечистой силы, характерный для фольклора и перешедший в литературу. Но вспоминается еще одно обстоятельство: то же, только с точностью до наоборот, мы видим в выборе псевдонима Анненского: «Тихие песни» вышли под псевдонимом Ник. Т-о, и реальное лицо автора какое-то время оставалось неузнанным. Но перевернутым оказывается не только прием «неназывания» объекта. Стихотворение о переходе человека, лирического героя в частности, из одного существования в другое оказывается жизнеутверждающим:

С тех пор Незримая, года

Мои сжигая без следа,

Желанье жить все жарче будит... [1, 57]

Возникает эффект смысловой оксюморонности: в стихотворении с общим смыслом неизбежности смерти употреблена в основном «жизненная» лексика: *дыханье,дохнула, древо-жизненным, желанье жить*. Но еще любопытнее финал стихотворения:

Но нас никто и никогда

Не примирит и не рассудит,

И верю: вновь за мной когда

Она придет — меня не будет [1, 57].

Характерный для жанра эпитафии образ прохожего в данном тексте появляется, но в необычном, даже призрачном виде. Проходящей мимо оказывается сама смерть, тогда как случайного человека нет, а предполагаемый покойник (лирический герой) исчезает вовсе. Можно было снова вести речь об автоэпитафии, но на лексико-семантическом уровне в стихотворении доминирует жизнь, а не смерть, которая в свою очередь совпадает с образом прохожего, традиционный диалог с которым тоже не может состояться ввиду отсутствия последнего. Закономерным становится следующий вывод: ассоциативная отсылка к эпитафии — не иллюзия, а очередной пример новаторства Анненского, само же стихотворение скорее следует определить как антиэпитафию.

Такое явление вполне закономерно, потому что, не будучи исключением, «эпитафия восприимчива к смене художественных стилей, она обновлялась, отражая идеи своего времени»

[6, 118], а время было переходное: рубеж веков, смена литературных направлений. Отсюда и вытекают мотивы границ, порогов, неопределенных состояний. Да и сам жанр эпитафии показателен с этой точки зрения. Т.С. Царькова противопоставляет реальную эпитафию литературной эпитафии, тогда как М. Гаспаров считает, что «надписи — одна из таких пограничных областей между литературой и не-литературой, между поэзией и прозой» [3, 182]. Естественно, творчество Анненского — литература, и это определено поэзия, но образ границы является здесь смысловой доминантой. Стихотворение «Под новой крышей» создает ощущение неизбежного перехода из прошлого в будущее, которое, по всей видимости, не предвещает ничего хорошего:

Не доделан новый кокон,
Точно трудные стихи:
Ни дверей, ни даже окон
Нет у пасынка стихий... [1, 65]

Образ нового дома позиционируется странным и несколько пугающим: метафора «кокон» говорит о безысходной замкнутости, которая усиливается отсутствием *дверей* и *окон*. Пространство дома ограничено лишь «мшистыми стенами», что вызывает следующие ассоциации: недостроенный дом — гроб, лирический герой — покойник (возможно, в будущем). Значит, мы имеем дело со своеобразной эпитафией будущему, которое имплицитно в образе дома и оказывается заведомо мертвым. Но читатель находится за пределами лирического пространства стихотворения, поэтому мы ясно слышим голос, обращающийся из уже прошедшего к еще не наступившему:

Схоронили пепелище
Лунной ночью в забвенье...
Здравствуй, правнуков жилище, —
И мое, и не мое! [1, 65]

Ощущение неопределенности воспринимается как ключевое в данном тексте и выражено сквозным для лирики Анненского мотивом «забвения» и непринадлежности конкретному времени, которое «и мое, и не мое» одновременно. Будущее еще не настало, а тоска по нему уже есть, но и это не случайно, ведь «эпитафия изначально была близка элегии (грусть по усопшему)» [4, 23]. Стоит отметить, что не все так трагично: есть еще тихий «ветер сонный» и «тихие думы», которые «льются в капельки чернил», а значит, может появиться тот прохожий, который будет способен воспринять и понять строки, созданные Анненским. Следовательно, жизнь продолжается и «Тихие песни» еще не спеты автором и не закрыты читателем.

Еще одно стихотворение, которое по некоторым показателям можно прямо или косвенно

отнести к эпитафии, — «С четырех сторон чаши». Субъектная организация здесь такова: лирический герой снова как бы вынесен за пределы текста и становится сторонним наблюдателем. Объект наблюдения — собственная жизнь, символизирующая существование не отдельного человека, а целого человечества. Стихотворение графически и семантически четко разделено на четыре части, в которых обозначены четыре жизненных этапа. Первый этап — детство, в период которого смысл жизни еще не может быть понят:

И рассеянно из чаши
Пену пить, а влагу лить... [1, 68]
Второй — молодость со своей быстротечностью и ветреностью:

Сил и дней гордясь избытком,
Мимоходом, на лету
Хмельно-розовым напитком
Усыплять свою мечту [1, 68].

Существование каждого человека должно предполагать достижение какой-либо важной цели, будь то цель личная или глобального масштаба. Из текста мы видим, что в данном случае мечте об этой цели не дано осуществиться. Молодость неизбежно сменяется зрелостью — третьим этапом человеческой жизни. Но он тоже представляется бессмысленным, и лирический герой видит,

... что невозможно
Ни вернуться, ни забыть... [1, 68]

Последний, четвертый этап — старость, когда подводится итог всего прожитого, но в анализируемом стихотворении этого итога нет, т.к. все периоды были «пустыми» и подводить черту не под чем. Чаша, в которой не было ничего изначально, становится к финалу стихотворения «выпитой до дна». Возникает вопрос: если содержание эпитафии предполагает подведение итога чьей-либо жизни, то можно ли рассматривать данный текст с точки зрения принадлежности этому жанру? Ответ предполагается следующий: можно, потому что перед нами стихотворение нового времени, написанное на рубеже веков (точной даты написания мы знать не можем, т.к. Анненский ее не указал, а книга «Тихие песни» вышла в 1904 году). Именно в это время «в эпитафии появляется новая тема — бессмысленности жизни, вернее — ненайденного ее смысла. Эпитафии классицизма и романтизма и церковно-христианские эпитафии утверждали ценности земной и небесной — вечной — жизни. Человек начала века обнаруживает растерянность не только перед лицом смерти, но и перед лицом жизни» [6, 90]. А именно такую растерянность и даже тоску по невозможности жить по-другому показал автор стихотворения «С четырех сторон чаши».

Переживания и тоскливые размышления о прожитых днях и годах, как правило, провоцируют рождение философских мыслей. А где, как не в эпитафии (или похожем на нее стихотворении), их выразить? В связи с этим нельзя оставить без внимания стихотворение «Мухи как мысли» с подзаголовком «Памяти Апухтина». Название его представляет собой видоизмененную цитату из стихотворения А. Апухтина «Мухи», поэтому без обращения к оригиналу текста-предшественника полноценный анализ произведения Анненского невозможен.

А. Апухтин

Мухи

Мухи, как черные мысли, весь день не дают мне покою:

Жалят, жужжат и кружатся над бедной моей головою!

Сгонишь одну со щеки, а на глаз уж уселась другая,

Некуда спрятаться, всюду царит ненавистная стая,

Валится книга из рук, разговор упадет, бледнея...

Эх, кабы вечер придвинулся! Эх, кабы ночь поскорее!

Черные мысли, как мухи, всю ночь не дают мне покою:

Жалят, явят и кружатся над бедной моей головою!

Только прогонишь одну, а уж в сердце впиалась другая, —

Вся вспоминается жизнь, так бесплодно в мечтах прожитая!

Хочешь забыть, разлюбить, а все любишь сильней и больше...

Эх! кабы ночь настоящая, вечная ночь поскорее! [5, 483]

И. Анненский

«Мухи как мысли»

(Памяти Апухтина)

Я устал от бессонниц и снов,

На глаза мои пряди нависли:

Я хотел бы отравой стихов

Одурманить несносные мысли.

Я хотел бы распутать узлы...

Неужели там только ошибки?

Поздней осенью мухи так злы,

Их холодные крылья так липки.

Мухи-мысли ползут, как во сне,

Вот бумагу покрыли, чернея...

О, как, мертвые, гадки оне...

Разорви их, сожги их скорее [1, 79].

Особенность стихотворения Анненского, прежде всего, состоит в том, что, посвящая эти строки Апухтину, поэт ни разу не говорит о нем самом. Место объекта, на первый взгляд, Анненский отдает мыслям-мухам, воцарившимся в стихе Апухтина. Но при более вдумчивом прочтении становится ясным, что написанное Анненским вполне могло быть произнесено умершим и обращено к читателю более позднего времени (читателю начала XX века и далее). Таким образом достигается эффект того, что «перекинут мостик из настоящего в вечность» [4, 23]. Ключевые образы, «слова-звезды», встречающиеся в обоих текстах, почти полностью совпадают: мысли, такие же гадкие и ненавистные, как мухи, окрашены в черный цвет — единственный в данных стихотворениях. В центре внимания — бессмысленность жизни. Но если у Апухтина жизнь характеризуется как «бесплодно в мечтах прожитая», его «мухи» еще «кружатся» и только провоцируют возникновение мыслей о «вечной ночи», то «мухи-мысли», унаследованные Анненским, заведомо мертвы. Им даны крылья, но они холодные и липкие, что препятствует возможности полета. И здесь на первый план выступает пространственный смысл: «живое и действующее представлено вертикально, мертвое и неподвижное — горизонтально» [2, 138]. Чувство страха или просто жуткое ощущение вызывает представление еще ползущих, но уже мертвых мух. Движение есть, но оно неживое, хотя и напугающее, как постоянное напоминание о неизбежности смерти. Если рассматривать стихотворение «Мухи как мысли» в аспекте жанрового анализа эпитафии, то следует определить его как эпитафию в духе символизма. Поздняя осень, несомненно, ассоциируется с уходящей жизнью («прожитой» в тексте Апухтина). Интересно, что Апухтин мотивом бессмысленности жизни соединяет традиционно противоположные образы — день и ночь. День наполнен ненавистными мухами, ночь — черными мыслями, что на семантическом уровне оказывается одним и тем же. Анненский в свою очередь увеличивает масштабность выраженного Апухтиным, идентифицируя антонимы «сон» и «бессонница». Если бессонница (отсутствие сна) символизирует жизнь, а сон (отсылка к апухтинской мечте о «вечном сне») — смерть, то, сливаясь воедино, они создают образ трагического небытия. А именно это можно воспринимать как отражение духа эпохи безвременья.

В заключение остается сказать, что Апухтин как будто заложил своим стихотворением фундамент, предвещая создание Анненским текста-памятника. В итоге получилось двойное увековечивание «бесполезных» мыслей, которые, пользуясь словами Анненского, можно назвать «ненужными

строфами». Не отделяя рассмотренные стихотворения от контекста книги «Тихие песни», отметим, что прямое или косвенное упоминание о смерти есть везде, диалог (например, с читателем) даже если не эксплицирован, то хотя бы предполагается. Необходимую для анализируемого жанра установку на эпиграфичность мы видим в последних строках стихотворения «Мухи как мысли», приведенного выше. Звучат они как просьба о полном уничтожении мыслей, что можно воспринимать как желание самоуничтожения. Следовательно, эпитафия у Анненского заключена не в отдельных стихотворениях, а в целой книге. Может быть, перед нами метаэпитафия «Тихим песням», которые не были оценены современниками, да и не должны быть такими (безликий псевдоним, «тихое» название, «невзрачный» эпиграф), хотя многое из них, возродившись, все-таки нашло свое отражение в «Кипарисовом ларце», более зрелой книге Анненского.

*Дубинская А.С.
Омский государственный педагогический университет.
Аспирант.
e-mail: abaille@mail.ru*

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненский И.Ф. Стихотворения и трагедии. Б-ка поэта. Большая серия / И.Ф. Анненский. — Л., 1990. — 640 с.
2. Веселова В. Эпитафия — формульный жанр / В. Веселова // Вопросы литературы. — М., 2006. — № 2. — С. 133-145.
3. Гаспаров М. Голос культурной традиции / М. Гаспаров // Вопросы литературы. — М., 1991. — № 11/12. — С. 180-182.
4. Пронин В.А. Теория литературных жанров / В.А. Пронин. — М., 1999. — 195 с.
5. Тютчев Ф.И., Толстой А.К., Полонский Я.П., Апухтин А.Н. Избранное / Ф.И. Тютчев, А.К. Толстой, Я.П. Полонский, А.Н. Апухтин. — М., 1984. — 576 с.
6. Царькова Т.С. Русская стихотворная эпитафия XIX-XX веков. Источники. Эволюция. Поэтика / Т.С. Царькова. — СПб., 1999. — 200 с.

*Dubinskaya A.S.
Omsk State Pedagogical University.
Post-graduate student.*

УДК 81-13

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА НАИМЕНОВАНИЙ ЯВЛЕНИЙ ПРИРОДЫ (на материале английского и русского языков)

© 2011 А.В. Книга

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 ноября 2010 года

Аннотация: В статье рассматривается национальная специфика наименований явлений природы в рамках контрастивной методики описания языка. Данные исследования важны как для уточнения переводных словарей, так и для совершенствования практики перевода и преподавания того или иного языка как иностранного.

Ключевые слова: контрастивная лингвистика, национальная специфика, контрастивный анализ, компонентный анализ, сема, дифференциальная семантизация.

Abstract: The article deals with national specific character of the phenomena of nature with the help of contrastive methods. These studies are important both to improve translation dictionaries, and to improve the practice of translation and teaching foreign languages.

Key words: contrastive linguistics, national specific character, contrastive analysis, component analysis, seme, differential semantization.

В настоящее время преподаватели иностранных языков, лингвисты и переводчики ощущают большую потребность в более точной передаче семантического объема той или иной языковой единицы в двуязычном словаре, так как традиционный способ раскрытия содержания значения слова через краткое толкование понятия недостаточен. В связи с этим контрастивная лингвистика, которая изучает отдельные явления и единицы родного языка в сопоставлении со всеми возможными средствами их передачи в изучаемом языке [1, 19], становится достаточно востребованной в современном языкознании. Цель контрастивных исследований — выявление национальной специфики семантики, которая обнаруживается в денотативном, коннотативном и структурно-языковом компонентах значения слова [1, 47].

Национальная специфика семантики — это ее отличие по компонентам значения от сходных

единиц языка сравнения. Выявление несовпадающих компонентов значения в сравниваемых соответствиях двух языков ведет к выявлению национальной специфики семантики слова, которая важна как для уточнения переводных словарей, так и для совершенствования практики перевода и преподавания того или иного языка как иностранного. Национальная специфика выявляется только при сопоставлении с другим конкретным языком и является таковой только по отношению к данному конкретному языку.

Для определения национальной специфики используется метод контрастивного анализа, представляющий собой алгоритм: выделение лексической группировки в исходном языке, определение межъязыковых соответствий отдельных единиц, семное описание значений лексических единиц в сопоставляемых языках, семантическое описание контрастивных пар, выявление национально-специфических компонентов значений слов, дифференциальная семантизация членов

контрастивных пар, дифференциальное толкование значений лексических единиц [3, 48-53]. В зависимости от целей исследования некоторые этапы могут быть пропущены.

Выявление и описание национальной специфики семантики используемых единиц осуществляется посредством аспектного анализа, с помощью которого анализируется семемная специфика (эквивалентность и безэквивалентность русских семем), макрокомпонентная специфика семантики слова (денотативная, коннотативная и функциональная специфика), семная специфика семантики слова (безэквивалентные, лакунарные и несовпадающие семы).

В качестве материала для контрастивного анализа была выбрана лексическая группировка “явления природы”, при этом исходным языком являлся русский. При составлении базового списка данной группы использовался словарь лексического ядра русского языка, который был разработан авторским коллективом в составе: Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. Исходный список стимулов на русском языке состоял из 112 слов, из которого были выбраны 12 слов, относящиеся к лексической группе “явления природы”: *ветер, вечер, вода, гора, день, земля, лес, ночь, огонь, река, свет, утро* [2, 4-5]. После поисковой работы с синонимическими и толковыми словарями, а также тезаурусами обоих языков, взаимного русско-английского и англо-русского перевода базовых единиц список пополнился новыми лексическими единицами и в итоговый список вошло 102 русские лексемы, которые имеют в английском языке 225 лексических соответствий. По данным толковых словарей были составлены унифицированные определения выделенных лексем, которые подвергались компонентному анализу — выделению дифференциальных и интегральных сем в значениях слов путем их попарного сопоставления внутри группы близких по значению слов [3, 10]. В результате семемы русских и английских лексических единиц были представлены в виде набора конкретных сем — компонентов значения, отражающих отличительный признак денотата слова (предмета, процесса, явления). Каждой семе русского языка ставилась в соответствие та или иная сема иноязычного слова. Каждая пара сопоставляемых сем получила характеристику — эквивалентные, несовпадающие, безэквивалентные или лакунарные.

Проведенный анализ выявил следующие особенности семантики лексем данной группы в русском и английском языках:

Не выявлено безэквивалентных лексических единиц и лакун.

Основные семантические различия сосредоточены в функциональной и денотативной сфере. Коннотативные различия у выделенных лексем не выявляются, все лексемы являются неэмоциональными и неэмоциональными.

Лексемы *вода, свет, день* не имеют синонимов в русском языке, хотя в английском языке межъязыковые соответствия данных слов имеют синонимы: *day-daylight, daytime, daybreak; water-aqua, H2O, liquid, fluid, Adam's ale (wine), light-visible light, visible radiation*.

В английском языке синонимический ряд наименований явлений природы представлен шире, чем в русском. Например, в русском *река (номок, ручей, речка)*, в английском — *river (beck, branch, brook, course, creek, estuary, rill, rivulet, run, runnel, stream, tributary, watercourse); morning (morn, forenoon, a.m., prime, dawn, daybreak, dayspring, sunup, peep of day, break of day, aurora, first blush of the morning, twilight, crepuscule, sunrise, cockcrow, cockcrowing, the small hours, the wee hours of the morning)*.

Группы «электромагнитное излучение», «жидкость», «светящиеся газы» имеют низкий уровень национальной специфики.

Одним из самых распространенных структурно-специфических различий в рассмотренных парах являются различия по *функционально-территориальному компоненту*, когда одной и той же русской лексеме соответствуют два и более английских наименования, принадлежащие к разным вариантам английского языка: *ветер (общераспространенное) — twister (американское), willy — willy (австралийское)*.

Выявлено большое количество научных названий явлений природы, которые совпадают в русском и английском языках (*хамсин — Khamsin, чинук — Chinook, меса — Mesa* и т. д.), которые представляют собой линейные соответствия.

Семный анализ лексических единиц показал, что значительное количество сем не представлено в словарных значениях. Наиболее полное описание сем в словарных значениях представлено на уровне денотативного компонента значения, коннотативный и функциональный компоненты значения менее полно представлены в рассмотренных словарях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Контрастивная лексикология и лексикография / Под ред. И.А. Стернина и Т.А. Чубур. — Воронеж : Истоки, 2006.
2. Уфимцева Н.В. Ассоциативные нормы русского и немецкого языков / Н.В. Уфимцева, И.А. Стернин, Х. Эккерт, В.И. Милехина, В.М. Топорова. — Москва-Воронеж : Истоки, 2004.

3. Значение слова и его компоненты / Сост. И.А. Стернин. — Воронеж : Истоки, 2003.
4. Гак В.Г. Сравнительная лексикология / В.Г. Гак. — М. : Международные отношения, 1977.
5. Стернин И.А. Слово и образ / И.А. Стернин М.Я. Розенфельд. — Воронеж : Истоки, 2008.
6. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. — СПб. : НО-РИНТ, 2002.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. — М. : Русский язык, 1987.
8. Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. — М. : Русский язык, 1981.
9. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Н. Абрамов. — М. : Русские словари, 1994.
10. Словарь синонимов английского языка / Dictionary of Synonyms. — Аст; Восток-Запад, 2007.
11. Cambridge Advanced Learner's Dictionary Edition: 3. Cambridge, 2009.
12. Longman Dictionary of Contemporary English. Pearson Education Limited, 2000.
13. Merriam-Webster's Collegiate Dictionary, Eleventh Edition, 2004.
14. The Oxford English Dictionary, Oxford University Press, 2007.

Книга А.В.
Воронежский государственный университет.
Соискатель кафедры общего языкознания и стилистики.
e-mail: annakniga@mail.ru

Kniga A.V.
Voronezh State University.
Applicant of Chair of General Linguistics and Stylistics.

УДК: 811.161.1

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ГОЛОФРАСТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ

© 2011 И.А. Ковынева

Курский государственный медицинский университет

Поступила в редакцию 18 мая 2010 года

Аннотация: Целью данного исследования является анализ голофрастических конструкций с точки зрения их синтаксической функции. Различные члены предложения, представленные голофрастическими конструкциями, описываются в примерах из произведений современной русской литературы и переводных произведений зарубежной литературы.

Ключевые слова: голофрастические структуры, контекст, слова-предложения, члены предложения, прямые дополнения, косвенные дополнения, новообразования.

Abstract: The aim of this study is the analysis of the holofrastic constructions from the point of view of their syntactic function. The HC as different sentence members are described in the examples from modern Russian and translated foreign literature.

Key words: holophrastic constructions, context, words-sentences, parts of sentence, direct objects, indirect objects, new formed words.

Исследования о синтаксической функции новообразований — голофрастических конструкций носят в лингвистической литературе буквально единичный характер — [1,6-7; 2,42; 3,67, 4,60].

Попытаемся дать более подробное описание данного явления.

Подлежащее

Как свидетельствуют данные нашей картотеки голофрастических конструкций (далее — ГК), подлежащее — голофрастическая конструкция выражается нарицательными и собственными существительными. Наричательные существительные: «Опять выглянул... какая-то **Тень-Отца-Гамлета** вроде бы прошла мимо буксира, оглянулась и исчезла» (Б. Штерн); «**Зима-у-которой-нет-конца** пришла в горы, и олени покинут их» (Г. Гаррисон, перевод).

Пример собственного имени существительного в роли подлежащего: «**Шмоль-Лейба-Мойша-или-как-там-его-ещё** распутству гоёв не препятствовал, хотя втайне и жалел за богохульство» (В. Ерашов).

Соответственно, одни из этих подлежащих являются существительными одушевлёнными, другие — неодушевлёнными, например: «Тогда **Кадайр** превратился в мастодонта, и когда **мастодонт-который-был-Кадайром** ставил свою ногу, камни расступались и появлялись долины» (Г. Гаррисон, перевод); «... **шпага-передатчик, плащ-невидимка, ключ-на-все-замки, плоскоход...**» (К. Лоумер, перевод).

Зафиксирован такой случай, когда в пределах одного контекста формы одной и той же голофрастической конструкции являются подлежащим и дополнением: «Павлов мучительно ищет разгадку «**ада-в-себе**», разгадку происхождения зла и страдания в человеке, их взаимосвязанности. <...> Балансирование на грани скуки и ужаса, игры и безнадёжности, «**ад-в-себе**», лабиринт, из которого не видно выхода» (Д. Лекух).

Сказуемое

В русском языке представлено два вида голофрастического сказуемого.

Простое глагольное сказуемое: «Между прочим, актёр играет почти без грима, но в то же время никак нельзя сказать о нём привычное: что он, мол, «**играет-со-своим-лицом**»» (Н. Толчёнова).

Составное именное сказуемое: «В литературном отношении В. Распутин — это **«вещь-в-себе»** (М. Золотоносов); «Он и не художник, он — **человек-с-фотоаппаратом**, чьи работы не объясняются, не описываются, не выставляются, не видятся, не продолжают традиций» (И. Ценципер).

Дополнение

Отмечены прямые дополнения, выраженные голофрастическими структурами: «Он затем вдруг спохватывается, проникается сожалением об упущенном и ответить решает — вопрос на вопрос — самой осмысленной, самой небезопасной серьёзностью, как если бы тот, другой, упивающийся пустым эхом, но глухой к любому полновесному отклику, — эта сумеречная тварь, произвольно играющая счётом смертей и жизней, — как будто мог он хотя бы отблеском озарить **жизнь-и-смерть**» (В. Козовой); «Вам придётся также пройти некоторые Ритуалы, например: Перекрикивание Свистунов, Целование Детей, **Сидение-на-Заборе, Копание-в-Грязи**, ну и так далее» (К. Лоумер, перевод).

Зафиксированы также косвенные дополнения, выраженные голофрастическими конструкциями: «Они стремятся к гудкам электричек, к клавишам компьютера, зазывному подмигиванию «видяшек», двум порциям мороженого по 20 коп., к **как-хорошо-что-тебя-никто-не-узнаёт-на-улице, к огурцам-не-с-грядок...**» (Ю. Шинкаренко); «И тогда он решил поговорить с хулиганами по-хорошему. А хулиганы стали его бить... «Ах вы так», — подумал Лёша и превратился в **САМЫЙТ-ВЁРДЫЙКАМЕНЬ!**» (С. Седов). Отмечен случай, когда ГК-дополнение выражено субстантиви-рованными прилагательными: «Они же властители дум, целители душ, сеятели **Разумного-Доброго-Вечного**, превозмогатели непонимания и невзгод...» (В. Рыбаков).

Интересен следующий пример: «Мать Юры, по-прежнему баловавшая Валю яблоками и шоколадом, и всегда с неизменным **Юра-прислал**», так что и прозвище ей в доме было **Юра-прислал**», рассказывала за чаем, как она была у Соловьёвых и какое у них семейное счастье» (А. Ремизов). В первом случае новообразование является дополнением (отвечает на вопрос *чем?*), во втором — определением (отвечает на вопрос *какое?*).

Определение

В нашей картотеке ГК согласованных определений, созданных при помощи голофразиса, меньше, чем определений несогласованных, созданных таким же образом.

Пример согласованного определения: «Рядом — приподымаются/ в поте/ холмы — шевелящиеся/ из дальних долин -/ и **клочками-тряпья-только-ветру-молившиеся**/ спины... — давно не шелохнутся» (Г. Айги).

Несогласованные определения, выраженные голофрастическими конструкциями: «Аргумент **«каждый-знает-что-это-так»** не имеет никаких оправданий» (В. Бабенко); «Один известный журналист-международник (дело было при Андропове) с репутацией **«человека-который-всё-понимает»**, рассказывал, как он пишет свои обзоры» (Л. Бахнов); «Правда, я был далёк от психологии **«подумаешьэканевидадь»** (А. и Б. Стругацкие). Приложение

Приложения, созданные при помощи голофразиса, представлены именами собственными: «Летите, мои лебеди, в королевство **За-семью-морями**» (Д. Трускиновская); «Мы двинем вперёд 60% нашего состава и овладеем маленьким городом под названием **Вера-Придёт-На-Помощь**» (Г. Диксон, перевод).

Обстоятельство

В картотеке представлены несколько разновидностей обстоятельств — голофрастических структур.

Обстоятельства образа действия: «Один из них отпустил какую-то шутку — громко, **специально-для-того-чтобы-её-услышали**, но, к счастью, всё потонуло во взрывах громкого хохота» (Э. Маккефри, перевод);

Обстоятельство места: «- Я был другом Джемиса, — сказал он, — когда у **Дыры-в-Скале** на нас коршуном пикировал аэроплан, Джемис втянул меня в безопасное место» (Ф. Херберт, перевод).

Обстоятельство сравнения: «Сытые злые нагие гигантские ноздри/ раздув/ **каккоралловы-епаруса**» (Н. Искренко).

Слова-предложения

В.П. Изотов отмечает: «Иногда трудно (невозможно?) определить синтаксическую функцию ГК, особенно в тех случаях, когда голофразируется всё предложение целиком, от точки до точки (т.е., не часть предложения, могущая быть по структуре каким-угодно предложением), например: **«Нил-самая-длинная-река-в-Африке-и-вторая-по-длине-среди-рек-земного-шара»** (О. Хаксли, перевод). В этих случаях надо идти от типа предложения, от его значения, а поскольку в данном случае (и в подобных) наблюдается констатация бытийного факта, то вероятнее всего — это существительное в функции подлежащего в односоставном бытийном предложении (с этим утверждением можно, конечно, и поспорить)» [4, 59-60].

Очевидно, что в таких случаях мы имеем дело с особой структурой — словами-предложениями: «Как видим, во всех приведённых высказываниях речь идёт о группе слов, функционирующих в качестве самостоятельного нерасчлennного высказывания — нечленимого предложения» [5, 91]; «Слова-предложения — особый класс единиц, ко-

торые, не нуждаясь в распространителях, способны выступать как эквиваленты самостоятельных высказываний» [6, 492].

Приведём некоторые примеры: «Руки, песок, голова... **Руки-песок-голова... Рукипесокголова**» (В. Поповичев); «Она только для того так горячо прижалась ко мне, чтобы прощептать: **ах-они-вместе-с-Цили-продали-на-рынке-пятьдесят-килограммов-творога-из-под-крана-чи-стая-прибыль-три-тысячи-четыреста-двадцать-пять-форинтов-на-каждую-народ-на-рынке-просторехнулся-и-из-за-творога-тоже**» (Т. Девеньи, перевод); «**Не-знаю-интересно-ли-вам-это-но-с-Каллептером-всё-ясно**» (В. Волков).

Следует отметить, что, в отличие от «классических» слов-предложений, слова-предложения, представляющие собой голофрастические структуры, имеют номинативное значение. Как правило, голофрастические слова-предложения выражают эмоциональную реакцию или оценку, представляющие собой возгласы, передающие информацию о том или ином душевном состоянии и настроении (см. **ах-они-вместе-с-Цили-продали-на-рынке...**). В других случаях они выполняют функцию текстообразования «**Не-знаю-интересно-ли-вам-это-но-с-Каллептером-всё-ясно**» (В. Волков).

Таким образом, в русском языке среди голофрастических структур обнаруживаются все члены предложения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хахам Л.А. Основные типы новообразований в современном английском языке и способы их перевода на русский язык (по материалам общественно-политической литературы): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — М. — 1967.
2. Иванов В.В. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему / В.В. Иванов. — М., 2004.
3. Миловская Н.Д. Голофрастические конструкции — особая категория лексики современного немецкого языка // Лексические категории на материале немецкого языка / Н.Д. Миловская. — Калинин. — 1984.
4. Изотов В.П. Словообразование на базе предложений // Актуальные проблемы синтаксиса. — Орёл / В.П. Изотов. — 1994.
5. Киприянов В.Ф. Проблемы теории частей речи и слова-коммуникативы в современном русском языке / В.Ф. Киприянов. — М., 1983.
6. Ляпон М.В. Слова-предложения / М.В. Ляпон // Русский язык: Энциклопедия. — М., 1997.

Ковынёва И.А.

*Курский государственный медицинский университет.
Заведующая кафедрой русского языка и культуры
речи, кандидат филологических наук, доцент.
e-mail: ir_kov@yahoo.com*

Kovyneva I.A.

*Kursk State Medical University.
The head of Russian Language and speech culture
department, assistant professor, Doctor of Philology.*

УДК 811.161.1'282.2(470.324)

НАЗВАНИЯ ПЕСКАРЯ В ВОРОНЕЖСКИХ ГОВОРАХ

© 2011 Е.П. Куйдина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 9 октября 2010 года

Аннотация: Целью данного исследования является рассмотрение названий пескаря (всего 15 единиц) в воронежских говорах с точки зрения их мотивации, этимологии и словообразования.

Ключевые слова: говор, рыболовецкая лексика, мотивировочный признак, номинация, этимология, способ словообразования.

Abstract: The purpose of this study is to review the names of minnow (total 15 units) in Voronezh dialects from the perspective of their motivation, etymology and word formation.

Key words: dialect, fishing vocabulary, motivational sign, nominations, etymology, word formation method.

Пескарь (*Gobio gobio* (L.)) – «мелкая речная рыба семейства карповых» [1, т. III, 113]. «Наружность этой небольшой рыбки более или менее известна каждому; её можно узнать по крупной чешуе, цилиндрическому телу и двум небольшим усикам» [2, 315].

В воронежских говорах пескарь получил следующие названия: *бёрнушка, бобёр, жирок, пискáрь, пискáрь, пискáнь, пискóзоб, пискáрь, пичкáрь, поп, премудрый, сáльник, сказóб, сказуб, усáч*. Наряду с собственно диалектными наименованиями, мы рассматриваем и названия общенародного характера.

Безусловно, самым распространённым и известным является номен *пискáрь*: *Тута вьюн и пискарь. КЧГ. Нж. -Дев. Пискарн тутá толькá. ХЛБР. Аннин. Повсеместно. Нет единого мнения по поводу происхождения данной единицы. У М. Фасмера находим: «Вероятно, связано с *писк, пищать*, потому что пискарь, если его схватить рукой, издаёт своеобразный звук» [3, т. III, 267]. В этом уверены и рыбаки села Запрудское Каширского района: *Пискарь* *обычна пищит, када иво в руки вазмёш, патаму и завут иво пискарь. ЗПР. Кашир. С.Т. Аксаков также подчёркивает это свойство рыбы: «Хотя обыкновенно говорят пискарь, а не пескарь, но это единственно**

потому, что первое легче для произношения. Впрочем, многие уверены, что эта рыбка должна называться пискарем, потому что, будучи сжата в руках человека, издает звук, похожий на писк» [4, 353], но происхождение номена *пескарь* связывает со словом *песок*: «Имя его происходит явно от того, что он всегда лежит на песчаном дне» [Там же]. Л. П. Сабанеев с ним единодушен: «Обыкновенно всю весну и лето пескарн держатся на перекатах или поблизости их, на местах мелких, с хрящеватым или песчаным дном, откуда и произошло его главное название со своим многочисленными вариантами» [2, 317]. В. И. Даль помещает существительное *пескарь* в словарную статью с заглавным словом *песок*, а вариант *пискарь* приводит с пометой *ошибочн.* [5, т. IV, 103]. П.Я. Черных рассматривает слово как общеславянское с и.-е. корнем **pisk* – «рыба» [6, т. II, 26]. Интересна точка зрения А.А. Кретьова, который выделяет в номене *пескарь* «италийскую производную основу *piscāri-* с первоначальным значением «рыбный». Из сочетания прилагательного «рыбный» с каким-либо характеризующим существительным... в результате стяжения могло образоваться субстантивированное прилагательное *пискарь* с тем же значением «рыбный кто-то» [7, 223–224]. Автор считает, что «затемнённость внутренней формы заимствования компенсируется народноэтимологическими сближениями

с основами *писк-* и *песък-*» [Там же, 225]. Сопоставив точки зрения специалистов по ихтиологии и этимологов, на наш взгляд, наиболее приемлемыми являются мнения П.Я. Черных и А.А. Кретьева.

В воронежских говорах отмечаем фонетический вариант *пескар*: *Пискара у нас многа, дет абычна принасил штук двацать. СЛД. Остр. Пискара тута только. ХЛБР. Аннин.*

Лексема *пичкар* является украинизмом: *Пичкар стайкай ходит. ВЗН. Семил. Территория, на которой зафиксировано данное слово, изначально была заселена выходцами из Украины.*

Место обитания рыбы — песчаное дно — отражено в названии *пескань*: *Пискань — любимая рыбка рибятишук, а пискань, патаму шта он абычна на дне сидит, иде пискот. ЗПР. Кашир.* Слово образовано в результате аффиксации. В русских говорах *пескан* ‘рыбка *Syrprinus gobicus*’ (вглд.) [5, т. III, 104]; ‘рыба пескар’ (волог., яросл., перм., оренб., урал., свердл., том., кемер., новосиб., барнаул., алт., сиб.) [8, т. XXVI, 32].

Каждая рыба в народе обязательно получает названия по внешнему виду, по особенностям, которые сразу же привлекают внимание. Пескар — не исключение. Эту рыбку «легко узнать по... двум небольшим усикам, которые лежат в углах рта» [2, 315], отсюда номен *усач*: *Усача многа пападайтца. ПАВЛ. Усач ретка на паверхнасть выходит. ВЗН. Семил. Я усача как жыфца использую. ВОРОН.* Слово образовано суффиксальным способом.

Мотивировочный признак — цвет — реализуется в названии *ноп*: *Пискарь сверху чорный, вот и завём иво папом, у папа адёжа чорная. ГРМ. КЛД. Семил.* Дело в том, что тело рыбы «сверху зеленовато-бурого цвета и покрыто синеватыми или черноватыми пятнами, которые иногда на боках сливаются и образуют темную полосу... спинной и хвостовой плавники испещрены темно-бурыми пятнами» [Там же], таким образом, пескар в общем производит впечатление черной рыбки. А, как известно, ряса попо черного цвета. Таким образом, слово образовано лексико-семантическим способом в результате метафорического переноса на основе внешнего сходства сопоставляемых реалий. Но, возможно, в основе данного номена лежит другой мотивировочный признак — образ жизни (см. ниже); ср.: *ноп* ‘прямо стоящий предмет’ (сиб., арх., костром., твер., сев.-двин.) [8, т. XXIX, 291]. СРНГ фиксирует слово *ноп* в значении ‘рыба подкаменщик’ (волог., орл., калин., твер.) [Там же, 292].

По данным СРНГ, воронежским локализмом является название *бобыр* [8, т. III, 40]: *Ды налавил адних бабырей. Б.ПРВ. В.-Хав.* — которое можно связать со словом *боб* ‘толстый, облова-

тый стручок какого-либо растения’ [5, т. I, 101]. Мотивируется это тем, что пескар имеет цилиндрическое тело, схожее с толстым стручком. Отсюда, слово образовано в результате аффиксации. В воронежских говорах лексема бытует также в значении ‘рыба *Acerina rossica*; вид ерша, калман, ногтик, кострик’ [8, т. III, 40].

Мотивация номена *бёрнушка*: *Он адних бёрнушук налавил. БОРИС.* — объясняется следующим. В русских говорах *бёрнушко* ‘бревно’ (уменьш.-ласк.) (калуж., курск., орл.) [8, т. II, 260]. А особенностью пескаря является то, что он «никогда не плавает ночью, а лежит... неподвижно на дне, упираясь грудным, брюшным и заднепроходным плавниками, как на подпорках. В полдневный жар он иногда, тоже по целым часам, стоит на одном месте, приткнувшись к камню или коряге», напоминая бревно. Таким образом, в номинации отражены образ жизни и внешний вид рыбы. Слово образовано в результате метафории.

С образом жизни, предположительно, связано и наименование *жирок*: *Адин рас мяне павязло: паймал я жирка, да крупнава! НЖ.КТХ. Н.-Усм.; ср.: жировать ‘отдыхать, покоиться, сидеть на покое, лежать на боку’. Слово образовано суффиксальным способом. В русских говорах жирик [удар. ?] ‘пескар’ (смол.) [8, т. IX, 182].*

Определить точно происхождение номена *сальник* затруднительно: *У ставу многа сальникоф. УСТ-МРВ. Реп.* Пескар не отличается жирным мясом. Возможно связано с *сальник* ‘кушанье из внутренностей рыбы’ (казаки-некрасовцы) [8, т. XXXVI, 69].

Особенности питания пескаря актуализируются в номинациях: *пескозоб*: *Пискароп пападайтца грам на сорок. ЗПР. Кашир.; сказоб, сказуб*: *Сказоба на пирикатах лучшэ лавить. НОВОХОП. Сказуп стаями ходит. НОВОХОП.* Название *пескозоб* образовано из основ имени существительного *песок* и глагола *зобать* ‘есть’ [5, т. I, 690], в русских говорах *зобать* ‘искать’ (твер.) [8, т. XI, 322]; ср.: «Как рыба донная, пескар всегда отыскивает пищу на дне. Обыкновенно он кормится мелкими червячками, насекомыми, рачками... также частицами сгнивших органических веществ, которые добывает себе из песка или ила» [2, 319]. В словах *сказоб* и *сказуб* мы предполагаем усечение начала слова, как результат действия закона экономии речевых усилий. «Варианты с основой *зуб* являются результатом деэтимологизации основы *зобать*» [9, 39] В русских говорах *пескозоб* ‘рыба пескар’ (олон., сиб., енис., перм., уральск., влад., новг., волог., арх., север., свердл., смол., казан.) [8, т. XXVI, 303]; *сказобчик* ‘рыбка пескар’ [5, т. IV, 189].

Сказка М.Е. Салтыкова-Щедрина «Премудрый пескарь» послужила появлению названия *премудрый*: *Примудрый грамм двести весит. ВЗН. Семил.*

В воронежских говорах зафиксировано 15 наименований пескаря, в основе которых лежат следующие мотивировочные признаки: форма тела (*бобьёр*), часть тела (*усáч*), цвет тела (*поп*), особенности питания (*пескозоб*, *сказоб*, *сказуб*), образ жизни (*жирок*), образ жизни + внешний вид (*бёрнушка*), место обитания (*пескáнь*).

Изучение конкретного языкового материала даже одной лексической группы слов выявляет богатство языковых знаков, которые отражают специфические пути освоения окружающего мира коллективом носителей данного диалекта.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ СЁЛ, ГОРОДОВ И РАЙОНОВ

Б.ПРВ. — Большая Приваловка, БОРИС. — Борисоглебск, ВЗН. — Вознесенка, ВОРОН. — Воронеж, ЗПР. — Запрудское, КЧГ. — Кучугуры, НЖ.КТХ. — Нижняя Катуховка, НОВОХОП. — Новохопёрск, ПАВЛ. — Павловск, СЛД. — Солдатское, УСТ.-МРВ. — Усть-Муравлянка, ХЛБР. — Хлебородное; Аннин. — Аннинский, В.-Хав. — Верхнехавский, Кашир. — Каширский, Н.-Усм. — Новоусманский, Нж.-Дев. — Нижнедевицкий, Остр. — Острогжский, Реп. — Репьёвский, Семил. — Семилукский.

Куйдина Е.П.

Воронежский государственный университет.

Аспирантка кафедры славянской филологии филологического факультета.

e-mail: rosa.00@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред. А.П. Евгеньева. — М. : Русский язык, 1981-1984.
2. Сабанеев Л.П. Жизнь и ловля пресноводных рыб : С приложением «Рыболовного календаря» / Л.П. Сабанеев. — Киев : ГОССЕЛЬХОЗИЗДАТ УССР, 1960. — 667 с.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. — М. : Прогресс, 1964-1973.
4. Аксаков С.Т. Записки об ужении рыбы / С.Т. Аксаков // Собр. соч. : в 5 т. — М. : Правда, 1966. — Т. 4. — С. 287-417.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В.И. Даль. — М. : Прогресс, 1994.
6. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П.Я. Черных. — М. : Русский язык, 1994.
7. Кретов А.А. Славянские этимологии : монография / А.А. Кретов. — Воронеж : Издательство ВГУ, 2009. — 364 с.
8. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. — М. ; Л. : СПб. : Наука, 1965-2007. — Вып. 1-41-. (СРНГ).
9. Коломиец В.Т. Происхождение общеславянских названий рыб : К IX Международному съезду славистов / В.Т. Коломиец. — Киев : Наукова думка, 1983. — 160 с.

Kujdina E.P.

Voronezh State University.

Post-graduate student of faculty of philology, the chair of slavonic philology.

УДК 811.161.1'37

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ ДОСТОВЕРНОСТИ В ГАЗЕТЕ «ВЕДОМОСТИ»

© 2011 И.Ю. Кукса

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 23 ноября 2010 года

Аннотация: На материале первого отечественного периодического издания — газеты «Ведомости» — анализируются модальные конститuentы, выражающие значения субъективной модальности; выявляется специфика субъективно-модальных значений газетного текста в диахронии русского языка.

Ключевые слова: категория модальности, субъективная модальность, история отечественной периодики, диахрония.

Abstract: Modal constituents, expressing subjective modality, are analyzed, and the specifics of subjective-modal meanings of the newspaper text in diachrony of the Russian language is revealed.

Key words: category of modality, subjective modality, history of domestic periodical press, diachrony.

Выход в свет первого номера первой отечественной газеты «Ведомости» после известного Указа Петра I от 16 декабря 1702 года о печатании газет «для извещения оными о заграничных и внутренних происшествиях» [1, 60] ознаменовал начало истории повременных изданий России. Благодаря этому исторически обусловленному событию XVIII век стал веком формирования российской периодической печати.

Ярко выраженный информационный и официальный характер «Ведомостей» при деятельном участии первого лица России не исключал, а во многом определял возможность воздействия на общество и организации общественного мнения в пользу реформ, государственности, действий государя и пр. (в том числе — путем отбора фактов и их размещения на страницах): «Для большего успеха своих преобразований Петр Великий считал необходимым ввести руководившие им идеи в народное сознание и вместе с тем познакомить русское общество с западно-европейской жизнью и тем его приблизить, втянуть в нее» [2].

С позиции современной квалификации дискурса массовой коммуникации как специфического, воздействующего типа дискурса [5, 61], ср. [6, 53] интересно рассмотреть способы выявления отношения авторов «Ведомостей» к содержанию того, что сообщается читателям. Подобное рассмотрение предполагает обращение к функционально, структурно и содержательно значимому фрагменту категории языковой модальности, который традиционно обозначается как модальность субъективная. Если учесть, что субъект, выражая свое отношение к какому-либо явлению, осознанно или неосознанно пытается вызвать реакцию адресата, то обращение к субъективной модальности становится не только понятным, очевидным, но и необходимым.

Напомним, что субъективная модальность, выражая отношение говорящего (автора) к высказыванию, в числе прочего отражает степень его уверенности в преподносимой читателю информации и определяет степень достоверности сообщаемого. Функционально-семантическим компонентом в структуре субъективной модальности является модальность, которую обозначают как эпистемическую (или персуазивную, или модальность достоверности), план содержания которой пред-

ставляет собой оценку говорящим сообщаемого с точки зрения достоверности, истинности, точности. План выражения данной категории в русском языке составляют модальные слова и частицы, модальные глаголы и предикативы, предикаты знания и мнения, а также модальные фразы [7, 159].

Материалом для наблюдений послужил годовой комплект газеты «Ведомости» за первый год издания — 1703 год, представляющий собой 39 выпусков разного объема. Из газет методом сплошной выборки извлечены примеры средств выражения модального значения уверенности / неуверенности автора и оценки сообщаемого как достоверного / вероятного.

Авторы газетных материалов преимущественно оставались анонимными. Хрестоматийно известная формула в виде неопределенно-личного «Из ... пишут» была основной. При этом анонимность не мешает авторам подчеркнуть достоверность / недостоверность сообщаемой информации. Убежденность (или, напротив, неубежденность, сомнения) адресанта прозрачно иллюстрирует особо выделяемая в рамках средств выражения субъективной модальности группа конститuentов, выражающих «оценку говорящим степени достоверности сообщаемого (уверенность, предположение, сомнение, неуверенность и т.п.)» (см., например, [8, 392; 6, 215]). В их числе — наречия, дискурсивы, вводные слова, сложноподчиненные конструкции с модальным значением уверенности / неуверенности автора и оценки сообщаемого как достоверного / вероятного, а также модальные частицы, предикаты знания и мнения и др.

Военные новости доставлялись непосредственно из армии, с арены сражений. Источниками информации (как это следует не только из приведенных выше примеров, но и из обширного материала первого комплекта «Ведомостей») чаще всего являлись военачальники (воеводы, маршалы, генералы, майоры и т. д.), политические персоны (дипломаты, послы), реальные участники батальи (пленные, перебежчики и др.) и свидетели событий (переводчики, гонцы и др.), что само по себе служит основой для восприятия информации как достоверной.

Одновременно создатели первых выпусков первой газеты нередко специально акцентируют собственную убежденность в достоверности передаваемой информации с помощью целого арсенала средств. Наиболее частотны наречия **подлинно, истинно, верно, несомненно, надежно**, имеющие общий семантический компонент «соответствие истине»¹ и подчеркивающие достоверность действия:

Из Курасова подлинно пишут, что караван французский /.../ разорен (№6), От Дуная надежно пишут, что курфюрст Баварский не дожидется

вершения войны (№7), Из Гаги уже несомненно держится, ближняя альяница, или союз между цесарем, аличаны и галанцы укреплен (№9), Подлинно сказывают, что голищенские и онденбургские полки цесарю служити будут (№10), Из русской земли подлинно ведомо чинят, что тамошния воеводства в Вишнице присягли за веру, за царя и за вольность стоять (№15), Генерал Стиром подлинно чрез чесскую землю прошел (№18), Здешний двор подлинно извещен, что царское величество великую денежную казну прислал на заплату войска коронного, дабы охотнее против неприятеля воевали (№21), Подлинно ведомо чинят, что король пруский к королю свейскому писал, чтобы он Торунь, Малборг и все прусы оставил (№24), Из Берлина пишут, что подлинно союз учинен между шведами и прусами (№33).

Прилагательное **подлинный** в силу собственной смысловой эпистемической «нагруженности» также активно используется как маркер авторской уверенности и средство акцентирования достоверности изображаемого, в чем создатели газеты стремятся убедить и читателя:

И имеем из Шлезии подлинную ведомость, что передовые из тех войск /.../ к тем границам будут (№2), Подлинная из коронного войска есть ведомость, что коронной полководец /.../ в Любомин отсюда пришел (№17), Подлинная весть пришла о кровном схождении под Полтавским, где шведы над сазонцы победу получили (№20).

Вводные слова с соответствующим модальным значением являются типичными репрезентантами авторской уверенности и категорической достоверности. В первых номерах «Ведомостей» зафиксировано единственное вводное слов **конечно**, причем чаще всего оно используется в конструкциях, в которых прогнозируется будущее развитие событий с целью уверить массовую аудиторию в реализации именно предлагаемого варианта:

Однако ж иные статьи положены, которыми литовские, конечно, недовольны будут (№17), А от мира не ино что, токмо сие единое помешание, что король польский, конечно, хочет Москву в мире совокупити (№18), Принудили их на неделю давать половину деньгами, половину запасом, и пивом, и чтоб на нынешней неделе в обоз забесть, конечно (№22), А под Торунем, конечно, все тихо будет (№25).

В функции обозначения достоверности приводимых фактов используются и глаголы подтверждения:

Что Немиров взят, и граждане и крестьяне замок взяти помогли, то подтверждается (№3), Подтверждают, что король гишпанский 24 числа от Дюсельдорфа суды поднятися хочет (№34), Подтверждается, что из Ландау выласка была, и

много французов побили (№37), Подтверждается, что баварские крепость Куфштейн взяли (№39).

И хотя обоснование того, на чем базируется подтверждение в том или ином случае, отсутствует, налицо авторское стремление исключить или предотвратить возможность возникновения сомнений у читателя.

Следует учесть, что достоверность информации, как и ее оперативность, еще не имела принципиального значения. В выпусках «Ведомостей» 1703 года часто встречаются сообщения, основанные на слухах, чьих-то словах. Понятно, что ссылка на слухи как на источник информации снижает восприятие информации как достоверной, доказанной, произошедшей на самом деле.

Самые употребляемые конструкции – сложноподчиненные изъяснительные конструкции с глаголом **сказывать** в форме 3 л. мн. ч. настоящего времени:

*Силы казацкие подполковником Самусем ежедневно умножаются /.../, и чают, что и тем городом овладеют, как Палей с ним соединится с своими войсками, а уже **сказывают**, что соединился (№1), **И сказывают**, что и адмирал со иными кораблями в Тесел пришел (№2), **Сказывают**, что король наш на весну сам на войну в поле пойдет (№4) и т.д. Далее по частотности следуют синонимичные предыдущим предложения с глаголом **говорить** в той же форме:*

*Здесь **говорят**, что сверх прежних готовых полков еще новых собрать хотят (№5), **Говорят**, что 7 тысяч или 8 тысяч человек в Польшу из Сазонской земли идут (№29), **Говорят**, что Сапега свейскую землю покинул (№29), **Говорят**, что генерал Гейстер пойдет баварские соляные варницы разорять (№39).*

Следующая группа способов реализации значения достоверности и порой сопутствующего ему значения авторской неуверенности, сомнения, убежденности представлена сложноподчиненными определительными конструкциями, в которых основным носителем модального значения является лексема **молва** в главном предложении:

***Молва** несетя, что соединенные войска из зимовых мест поднялися (№9), **А молва** есть, что будто баварские около Инголтада збираются (№12), **Молва** носится, что князь Вишневецкий с сазонскими людьми недоволен (№32), **Молва** есть, 20 тысяч человек еще збирать (№39).*

Единичны конструкции, построенные по модели «**Слышно, что...**», возможно, потому, что предикатив слишком явно обнаруживает этимологическое родство с лексемой **слух**: ***Слышно**, что король свейский еще при старом намерении остается (№18).*

Но иногда новость, публикуемая как слух, получает фактическое подтверждение и перестает восприниматься как нечто недостоверное: ***Молва** обносится, что король римский будущая весны на верхней Рене реке, а король пруский на средней Рене же реке, всякой особо войско держать станет, **сего ради здесь великое приготовление есть** (№38).*

К чести авторов / редакторов, непроверенная информация часто маркируется ими с помощью использования глаголов и предикативов с общим значением незнания, предположения. Среди них самыми распространенными оказываются предикативы **неведомо, неизвестно, не слышно, не подлинно**:

*О мире или перемирье ничего еще подлинного **не слышно** (№4), **И те люди ко Италии или около Рены употреблены будут, о том еще не известно** (№9), **Куда свейского короля поход клонится, подлинно неведомо** (№11), **И носится весть, будто часть той казны у него отнято, но не подлинно** (№12), **Но еще неведомо, что там учинилось** (№15), **А буде ли король им еще срок продолжать, неведомо** (№29), **И не слышно о том, что они тот город пощадят** (№34), **Аглинский посланник в свейские таборы приехал, а того еще неведомо, аудиенцию у короля он имел ли** (№37).*

Сообщая заведомо недостоверный факт, автор способен предостеречь читателя от поспешности в восприятии информации и предлагает подождать других, достоверных новостей: ***Молва** носится, что по взятию Бона соединенные в Лотарингскую землю пойдут или под крепость Намур, **но то время объявит** (№20), **Ландау по милости и не по милости здася, и помощь под Архипринцом побита, о том подтверждения ждем** (№38).*

Собственную неуверенность создатель газетного текста может явно обозначить с помощью вводных слов со значением проблематичной достоверности: ***И такожде, видимо, что** обещанию шведскую помощь для снесения казаков не приняла, но паче от московского посла обещанию помочь принять склонится (№6), **Литовская речь** посполитая, **может быть, что** с московским государем станет держатся (№10), ... **Амочно быть, чтобы еще способ к помирению обретался** (№29).*

Вместе с тем уже в первых номерах «Ведомостей» обнаруживаются попытки преподнести читателям факт, событие, явление с разных точек зрения, описать происходящее как можно более полно, со ссылкой на все доступные автору слухи, мнения, версии. И снова иногда автор предлагает адресату подождать подтверждения сообщаемому:

*О шведском короле **различные речи** доносятся, **иные пишут**, что жив, а **иные утверждают**, что умер, однако он по се время людям не кажется, а*

подлинно о нем будущая ведомость укажет (№2), *От литовских войск разные вести есть, иные сказывают, что они с бунтовщиками, на сейме к среде были. Иные говорят, что генерал Рейншильд им же в помощь пришел* (№33), *Единомышленники в великой Польше неколико крат с королем швейским договаривались, иные говорят, что с шведами соединиться хотят, иные сказывают, что токмо к миротворению помогать хотят* (№35). Подчас публикации в газете становятся и способом опровержения слухов путем сообщения читателям достоверной информации:

Из Стеколны пишут, являлось, будто король швейский в литовскую землю, или в Подолье пойдет, но то король передумал, и с войсками своими прямо на Варшаву идет (№9), *Носилася молва, будто швейский генерал Штейнбок побит, и генерал Млеор пленен, но солгано. Подлинные вести есть, что именованной генерал Штейнбок как приблизился ко крепости Замостью для прохождения коронного войска, от того места отступил* (№13).

В этих случаях достоверность опровержения основывается на конкретных фактах (например, приводятся результаты разведки, развеивающие слухи, или преподносятся другие факты, исключающие возможность достоверности предыдущих и пр.), подчеркивается лексемами, содержащими сему достоверности.

Таким образом, уже первые выпуски газеты «Ведомости», опубликованные в 1703 году, несмотря на выявленную рядом исследователей тенденциозность в отборе материалов, демонстрируют довольно бережное отношение к фактам, специальными средствами маркируя слухи, отмечая недостоверную или сомнительную информацию, предлагая читателю подождать дополнительных, проверенных новостей. Вместе с тем, играя роль «пропагандиста и организатора» петровских реформ, газета с первых номеров наполнена средствами акцентирования достоверности описываемых событий и авторской уверенности в сообщаемом, убеждая читателя в силе и мощи государства, внушая доверие к «сильным мира сего».

Кукса И.Ю.

Российский государственный университет имени Иммануила Канта.

К.ф.н., доцент. Первый проректор — проректор по учебной работе, зав. кафедрой речевой коммуникации и журналистики.

e-mail: ikuksa@kantiana.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Ведомости Петра Великого. Выпуск второй. — Издание Московской Синодальной типографии. — М. : Синодальная типография, 1903. — С. 60.

2. Подгорелов В. // Ведомости Петра Великого. Выпуск первый. 1703 — 1707 гг. — Издание Московской Синодальной типографии / В. Подгорелов. — М. : Синодальная типография, 1903. — С. II. *Орфография здесь и далее упрощена нами.*

3. Есин Б.И. Русская дореволюционная газета / Б.И. Есин. — М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1971. — С. 10-11.

4. Тарасова Н.А. История отечественной периодики 18 века / Н.А. Тарасова. — Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 2009 и др.

5. Клушина Н.И. Стилистика публицистического текста / Н.И. Клушина. — М. : МедиаМир, 2008. — 184 с.

6. Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры / С.И. Сметанина. — СПб. : Изд-во Михайлова В.А., 2002. — 382 с.

7. Беляева Е.И.. Достоверность / Е.И. Беляева // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. — Л. : Наука, 1990. — С. 126-142.

8. Валгина Н.С. Теория текста / Н.С. Валгина. — М. : Логос, 2004. — 278 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Сл. Ож. — Словарь русского языка под ред. Н.Ю. Шведовой и С.И. Ожегова. М., 1981;

Сл. Д. — Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т., М., 1981;

Сл. Лоп. — В.Н. Лопатин, Л.Е. Лопатина. Русский толковый словарь. М., 2001;

Сл. соч. — В.И. Красных. Словарь сочетаемости. Глаголы, предикативы и прилагательные в русском языке. М., 2001.

ИЭС — Черных П.Я. . Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. М., 2002.

Kuksa I.Y.

Immanuel Kant State University of Russia.

Associated Professor.

УДК 81'25

КУЛЬТУРА ЕДЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РУССКОЙ И ВЬЕТНАМСКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ

© 2011 Нгуен Хуи Кыонг

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 11 января 2011 года

Аннотация: *Статья посвящена русским и вьетнамским пословицам, национально-культурное своеобразие которых выявляется при сравнении культуры еды обоих народов.*

Ключевые слова: *Пословицы и поговорки, языковая картина мира, культура еды, пища.*

Abstract: *The article is devoted to the problem of Russian and Vietnamese proverbs. Cultural peculiarities of the proverbs were revealed when we compares food culture of both nations.*

Key words: *proverb, linguistic perception of the world, food culture, food.*

Фольклор — важнейшая составная часть народной культуры, в которой в своеобразной художественной форме отражены жизнь и духовный облик народа. Малые жанры фольклора — пословицы и поговорки — не являются исключением. Более того, они представляют в этом отношении особый интерес. Пословицы — зеркало народной жизни. В них отражаются важнейшие её стороны, они тесно связаны с бытом народа. Пословицы дают богатейший материал для изучения обычаев, нравов, всевозможных народных традиций. В пословицах отражаются идеалы и суждения народа о самых разнообразных сторонах бытовой и общественной жизни. Пословицы отражают особенности народной речи, поэтому не удивительно, что они вызывают глубокий интерес у фольклористов, историков, этнографов и лингвистов.

Языковая картина мира — факт национально-культурного наследия. Н.М. Лебедева пишет: «Наша собственная культура задаёт нам когнитивную матрицу для понимания мира, так называемую «картину мира» [1, 21]. По мнению З.Д. Поповой, языковая картина мира — это совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определённом этапе развития народа [2, 5].

Отражение языковой картины мира в русских и вьетнамских пословицах и поговорках можно проследить на примерах, связанных с разными блюдами в русской и вьетнамской культуре.

Основу всей пищи русского народа составляют хлеб и различные мучные изделия: *Хлеб всему голова*. Говорится даже о разных видах хлеба: *Хлеб легкий (мягкий) — на зубок легкий, Сухари, хоть не вари, так можно есть, Хлеб наш насущный — белый да вкусный* [3, 183].

За обедом русские всегда употребляют хлеб: *Не будет хлеба, не будет и обеда, Худ обед, коли хлеба нет, Плевать на обед, коли хлеба нет* [4, 341]. У вьетнамцев хлеб не обладает столь высоким рейтингом.

На столе у русских всегда присутствует картофель (картошка), который используется как гарнир. Из картофеля русские готовят сотни традиционных блюд, которые присутствуют в каждодневном меню: *варёная картошка с укропом, жареная картошка с грибами, с кислой капустой, тушёная картошка* и др. Недаром русские уважительно называют картофель вторым хлебом. О картошке, так полюбившейся русским, народ сложил немало пословиц и поговорок, из которых понятно, что она стоит рядом с хлебом, например: *«Картошка хлебу пригожска»; «Картофель хлебу подпорка»*.

Во Вьетнаме же картофель считается лишь дополнительным блюдом среди многих других, чаще употребляется *батат* (сладкий картофель).

Хлеб вьетнамцы едят меньше. Вьетнамцы едят хлеб обычно только утром и вечером, как дополнительную еду.

В отличие от русских, вьетнамцы считают главным блюдом не хлеб, а рис. Рис в жизни вьетнамцев — основа ежедневного стола, чаще всего это варёный рис (*сот*), который едят вьетнамцы как основное блюдо, но обязательно с супом (*сань*), с мясом, рыбой или другими продуктами. Из риса делают рисовые пироги, которые обязательно пекутся в праздник Нового года (Тэт): *banh chung*, *banh day*, *banh tet*, а в праздник Полнолуния — *banh nuong*, *banh deo*, *banh troi*, *banh chay* ... Из риса делают также водку (*руоу* «*Lúa mới*» — «Новый рис» считается хорошим и популярным алкогольным напитком во Вьетнаме).

Во вьетнамском обиходе и в языке со словом «рис» образуются многочисленные фразеологизмы и пословицы, напр.: *sot deo canh ngot* — букв.: *вкусный рис, приятный суп*; *sot nha ta vo* — букв.: *домашний рис, щёки жены (дома рис вкуснее всего, а щёки жены приятнее всех)* и др. Ниже приводятся некоторые вьетнамские идиоматические единицы, в которых содержатся названия рисовых изделий и их русские соответствия: «*Ăn sot nắm thắt về sau* — Горька работа, да рис сладок»; «*Có gạo mới nạo ra sot* — букв. Есть рис, значит, есть еда (Из песка верёвки не вяжут)»; «*Đói sot còn hơn no rau* — букв. Голодный рисом лучше, чем сытный овощами (Лучше быть бедняком, чем работать с грехом)»; «*Liệu sot gấp mắt* — букв. Во время еды надо обращать внимание на рис (По одежке протягивай ножки)»; «*Chết cha ăn sot với cá, chết mẹ liếm lá đầu chợ* — букв. Без отца кушать рис с рыбой, а без матери — лизать листья на рынке (Без отца — полсироты, а без матери — в сироты)» [5, 156].

Как у русских, у вьетнамцев каша также представляет собой распространённое блюдо. Ее наименование появляется в следующих идиоматических выражениях: «*Có cháo đòi chè* (*che* — каша с сахаром) — букв. Есть каша, просит ещё кашу с сахаром. (Дай чёрту палец, а он и всю руку откусит)»; «*Ăn cháo đá bát* — букв. Кушать кашу, потом бросать чашку (Отзвонил и с колокольни долой)»; «*Ăn một bát cháo chạy ba quãng đồng* — букв. Кушать одну чашку каши — может бегать 3 километра (Овчинка выделки не стоит (Игра не стоит свеч))»; «*Ăn cháo để gạo cho vay* — букв. Кушать кашу, чтобы отдать рис другим взаймы (Шуба лежит, а шкура дрожит)»; «*Ăn miếng trả miếng nem* — На добрый привет — добрый ответ»; «*Ong dua chan gio, bat ho chai ruou* — Услуга за услугу»; «*Một miếng thịt làng hơn cả hàng thịt chó* — Доброе

лыко лучше купленного ремня»; «*Đừng tang mỡ đến trước miệng mèo* — букв. Положить сало кошке в рот; пустить козла в огород» [6, 420].

Вьетнамский обед невозможен без овощей: «*Ăn không rau như đau không thuốc* — букв. Кушать без овощей, как болеть без лекарства»; «*Ăn sot không rau như đánh nhau không người đỡ* — букв. Обед без овощей, как драка без человека, который может разнимать». Существует очень много вьетнамских пословиц об овощах: «*Rau cần ăn sống, rau tiống ăn lá* — букв. Если кушаешь вьетнамский сельдерей, то надо кушать стебель (черешок), а если водяной вьюнок (съедобный), — то листья»; «*Rau cần ăn tái, rau cải ăn nhừ* — букв. Если кушаешь вьетнамский сельдерей, то надо кушать недоваренным (недожаренным, полусырым), а если вьетнамскую репу — то доваренной» и др.

Вьетнамские пословицы о кухне указывают на определённые привычки в еде, например, любовь вьетнамцев к мясным блюдам: «*Thịt thăn sot rẻ* — букв. Блюдо из мякоти с хорошим рисом вкуснее»; «*Thịt đầy xanh không hành không ngon* — букв. Много мяса без лука не вкусно».

Колбасные изделия пользуются у вьетнамцев большой популярностью лишь на праздниках или на банкетах. С ними связано мало пословиц.

Несмотря на существенные различия русского и вьетнамского языков, а также различия в среде обитания русского и вьетнамского народов, при сопоставлении русских бытовых пословиц с вьетнамскими отмечается определенная общность. Как и во вьетнамских пословицах, в русских бытовых пословицах затрагиваются такие темы, как природа, растения, бытовая жизнь народа (пища, предметы домашнего обихода, предметы одежды, медицинские воззрения народа). В бытовых русских пословицах особенно ярко проявляется национальное своеобразие. Это не удивительно, потому что общий взгляд на мир, на окружающую действительность у русского и вьетнамского народов очень схожи, а отражение конкретного образа жизни и быта в пословицах очень различается.

Изучение русских пословиц в сопоставлении с пословицами других народов способствует углублению страноведческих знаний о русском народе, расширяет представление о его быте, культуре, мировоззрении, истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. / Н.М. Лебедева. — М., 1999.
2. Попова З.Д. Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — Воронеж, 2003. — 59 с.

3. Зимин В.И. Пословицы и поговорки русского народа. Большой толковый словарь. / В.И. Зимин, А.С. Спирин. — Изд. 2-е, стереотипное — Ростов н/Д: Феникс, Москва: Цитатель-трейд, 2005. — 554 с.

4. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля: В 3 т. — М.: Рус. кн., 1993.

5. Vũ Dung, Vũ Thúy Anh, Vũ Quang Hào. Từ Điển Thành Ngữ và Tục Ngữ Việt Nam — Nhà Xuất Bản Văn Hóa Thông Tin, 2006. — 784 с.

6. Вьетнамско-русский словарь: Ок. 60 тыс. слов / под ред. И.И. Глебовой и Ву Локка — М.: Рус. яз., 1992. — 792 с.

*Нгуен Хуи Кыонг.
Воронежский государственный университет.
Аспирант филологического факультета.*

*Nguyen Hui Kiong.
Voronezh State University.
Post-graduate student of philological faculty.*

УДК 821.111.06

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЦИКЛА «ХРОНИКИ НАРНИИ» К.С. ЛЬЮИСА (ФЭНТЕЗИ ИЛИ ЛИТЕРАТУРНАЯ СКАЗКА?)

© 2011 А.А. Мостепанов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 17 августа 2010 года

Аннотация: В статье сопоставляются характерные черты жанров фэнтези и литературной сказки, рассматриваются специфические отличия между ними. На основе анализа текстов «Хроник Нарнии» К.С. Льюиса, а также приводимых в качестве примеров других английских литературных сказок, автор делает вывод о принадлежности нарнийского цикла к жанру литературной сказки.

Ключевые слова: Клайв Стейплз Льюис, «Хроники Нарнии», английская литературная сказка, фэнтези, жанр.

Abstract: The article deals with the problems of the typical traits of fantasy and literary fairy tale and specific differences between them. The author of the article analyses "The Chronicles of Narnia" by C.S. Lewis and some other English literary fairy tales, and concludes that Narnia's cycle is the typical English literary fairy tale.

Key words: Clive Staples Lewis, "The Chronicles of Narnia", English literary fairy tale, fantasy, genre.

Клайв Стейплз Льюис (1898–1963) – доктор литературы, богослов и писатель. Мировую известность ему принесли повесть «Письма Баламута» (1941) и цикл «Хроники Нарнии» (1950–1956). Семь книг «Хроник...» описывают волшебный мир и королевство Нарнию от их сотворения до гибели, а также повествуют о приключениях там детей из нашего мира. Попадая в Нарнию в ключевые моменты её истории, дети оказывают решающее влияние на развитие событий и, в конечном счёте, определяют судьбу этого мира.

До настоящего времени одной из главных проблем остаётся жанровая принадлежность «Хроник Нарнии». Ряд исследователей (В.К. Олейник, А. Остальцев и др.) относят цикл к фэнтези. Отчасти подобные утверждения базируются на факте участия К.С. Льюиса и Дж.Р.Р. Толкина в литературном объединении «Инклинги» (1933–1954). Логика критиков проста: Толкин – «отец фэнтези», Льюис – его друг, оба создали свои самые знаменитые произведения во времена «Инклингов», налицо взаимное

влияние и единый жанр. Парадокс, однако, заключается в том, что Толкин никогда не писал фэнтези. Его «Хоббит» – литературная сказка, а «Властелин Колец» очень точно охарактеризован С.Л. Кошелевым как «фантастический роман с элементами волшебной сказки и героической эпопеи» [1, 12]. Аналогичное заблуждение мы встречаем и в отношении «Хроник...», жанр которых однозначно определён самим К.С. Льюисом именно как сказка в эссе «Три способа писать для детей».

Подобные недоразумения – результат отсутствия чёткой формулировки самого понятия фэнтези. Так, М.К. Попова справедливо указывает на то, что «жанр фэнтези <...> возникает на пересечении многих традиций и тенденций. На его формирование повлияли и англоязычная сказка о волшебных мирах, и научная фантастика, и интерес к Средневековью, и увлечение парансихологией» [2, 162]. А. Сапковский считает, что «прообразом ВСЕХ произведений в жанре фэнтези является легенда о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола» [3, 205]. Различные исследователи в качестве базиса фэнтези также называют миф, эпос, саги, легенды и т. д. Зародившуюся намного раньше ли-

тературную сказку также можно отнести к числу предшественников фэнтези.

Интертекстуальность фэнтезийного жанра приводит к переработке уже освоенного материала (сюжеты, герои, география и т. д.). Отсюда — наличие у фэнтези и литературной сказки схожих черт: обращение к фольклору, мифологии, присутствие магии, волшебных существ, артефактов и пр. Однако подходы к данным характеристикам у указанных жанров кардинально различаются, что позволяет при внимательном анализе чётко разграничить произведения одного от произведений другого.

Цель нашего исследования — выявить характерные черты (условно обозначенные нами как «параметры») жанров фэнтези и литературной сказки; на основе сопоставления подходов к ним показать принципиальные отличия жанров; исходя из выявленных отличий доказать, что «Хроники...» Льюиса должны быть окончательно отнесены к образцам английской литературной сказки. В своей работе мы опирались как на опыт предшественников — Н.М. Демуровой, М.К. Поповой, Н.В. Будур и др. — так и на собственные разработки.

Параметр № 1. Магия и волшебство. Н.В. Будур считает, что «*основным отличием жанра фэнтези <...> является то, что центральным компонентом сюжета выступает магия и волшебство*» [4, 451]. Добавим к этому, что магия здесь зачастую оказывается базовой силой, заменяющей привычные законы физики, и при этом носит практический характер. По сути, в фэнтези волшебство представляет собой некий сплав науки, искусства и одарённости, который можно изучать и развивать; чародей — своего рода профессия, с той лишь разницей, что в большинстве случаев маги обладают ещё и особым социальным статусом (относятся к привилегированному классу, либо, наоборот, являются изгоями). При этом волшебство утрачивает мотив «сказочности», чуда, чего-то сакрального, каким оно предстаёт в фольклоре, сагах или мифах.

Для сказки, напротив, посыл чуда является одним из ключевых. Чары и магия в здешнем мире явление не менее редкое, чем в мире реальном. Они вторгаются в размеренную жизнь, нарушают привычный уклад, становятся одной из движущих сил сюжета. При этом сказка не допускает множественной трактовки образа волшебника: добрая крёстная-фея или злая ведьма, третьего не дано. Так, в «Хрониках Нарнии» «злые волшебники» — это маг-недоучка дядя Эндрю, Белая и Зелёная Колдуньи. «Добрые волшебники» — Аслан, Великий Лев (хотя здесь важно отметить, что он бог-демиург Нарнии, и волшебство — неотъемлемая часть его сущности), Рождественский Дед, Кориакин. Как и в фольклорной сказке, у Льюиса

«добрые чародеи» покровительствуют героям, но стоят на иной, более высокой ступени бытия. «Злые колдуны», напротив, напоминают людей: ради достижения цели и удовлетворения страстей они нарушают некие табу, в результате чего утрачивают положительные качества своей натуры, а в конечном итоге — терпят поражение. Тот же мотив наказания скверного характера встречается, например, в сказке «Король Золотой реки» Д. Рёскина (а сам автор заимствовал сюжеты из собраний братьев Гримм) [4, 407].

В нарнийском мире артефакт является непременным условием для совершения чародейства: волшебные яблоки, жезл, сигнальный рог и т.д. Более того, даже путь из нашего мира в Нарнию связан с конкретными предметами, наделёнными некими особыми свойствами. В «Племяннике чародея» это волшебные кольца; в «Льве...» гардероб из древесины нарнийской яблони. Можно вспомнить привычные атрибуты фольклорных сказок: шапку-невидимку, сапоги-скороходы; или истории П. Трэверс о Мэри Поппинс, где волшебными оказываются самые обыкновенные вещи: воздушные шарики, статуя в парке, дорожная сумка. Таким образом, подобно предшественникам, Льюис соединяет фольклорные артефакты и бытовые детали; волшебство у него оказывается скрытым в обычных вещах, но и включённое в повседневную реальность, оно сохраняет мотив чуда, «сказочности» всего происходящего.

Параметр № 2. Хронотоп. Мир книг в жанре фэнтези зачастую вовсе не связан с реальным миром; он живёт по собственным законам, претендующим на реалистичность, но невозможным на Земле: волшебство вместо физики, иные география, биология и т. п. Во временном плане часто наблюдается привязка к эпохе нашего Средневековья, хотя время тоже может быть условной характеристикой: в фэнтези есть анахронизмы, временные парадоксы и т. д.

Сказка, как правило, вовсе не нуждается в наличии временных и географических координат, однако при этом имеет осязаемую привязку к нашему миру. В результате она, пусть с определённой условностью, но достаточно чётко атрибутируется во времени и пространстве благодаря множеству присутствующих в повествовании деталей. Например, в «Пэке с холма Пука» Р. Киплинга визиты к Дану и Юне людей из минувших эпох носят, безусловно, сказочный характер. Однако каждый их гость имеет свою очень точную «прописку» во времени и географии «старой доброй Англии».

В сказочном мире действуют свои логика и законы, но все они, так или иначе, отталкиваются от реалий обычного мира. В «Племяннике чародея» Дигори и Полли живут в Лондоне рубежа XIX–XX вв. — и в то же время это сказочный, ус-

ловный Лондон: «*В те дни мистер Шерлок Холмс всё ещё жил на Бейкер-стрит и Бастейблы искали сокровище на Льюишем-роуд*» (*In those days Mr. Sherlock Holmes was still living in Baker Street and the Bastables were looking for treasure in the Lewisham Road*) [5, 491] (здесь и далее перевод мой. — А.М.). Сказка существует рядом и параллельно с нами, волшебный мир прочно связан с нашим, но пересесть эту невидимую границу, попасть из одного в другой дано не всем. Так, у Дж.М. Барри обычные дети учатся летать и попадают на остров Нетинебудет благодаря знакомству с Питером Пенном; у А.А. Милна оживают игрушки Кристофера Робина. Аналогичным образом Льюис в «Хрониках...» продолжает традиции фольклорной сказки и своих предшественников, создавая произведение, где сказка и реальность существуют неотделимо друг от друга.

Параметр № 3. Фольклорные и мифологические мотивы. В фэнтези волшебные существа — это самостоятельные, стоящие на разных уровнях развития расы, нередко превосходящие людей в какой-то сфере. Они полноправные участники событий, принимают одну из сторон в конфликте добра и зла, но главное — являются неотъемлемой частью фэнтезийного мира, его обывателями, утрачивая при этом «чудесную» составляющую своей сущности, что в некотором роде даже «упрощает» их. В качестве примера можно вспомнить эльфов: в фэнтезийных произведениях они повсеместно представлены как долгожители, обитатели лесов, прекрасные лучники. Для сравнения, у Киплинга в «Пэке с холма Пука» мы встречаем иной образ фэйри, пришедший из фольклора: мудрый, слегка озорной, дух, хранитель данной конкретной местности, живущий сотни лет, магия которого — часть его самого.

В целом можно сказать, что литературная сказка намного бережнее, чем фэнтези, обходится с мифологией и фольклором. Все волшебные существа здесь живут параллельно миру людей, по своим законам на некоей собственной территории, путь куда, как правило, для людей ограничен или вовсе закрыт. В определённой степени такой подход символизирует восстановление связей человека и природы, причём природы не как части географии, но как некоей одухотворённой сущности, важного компонента всего мира. В «Племяннике чародея» данный тезис ярко иллюстрируется эпизодом сотворения Нарнии. При написании цикла Льюис использовал обращения к античной, скандинавской, кельтской, христианской мифологии, поэтому Нарнию, кроме людей (и даже до людей), населяют фавны, дриады, наяды, гномы и многие другие. Здесь живые леса и воды, здесь есть говорящие животные. Более того, даже в рамках собственного мира Нарния является не

совсем обычной страной — следовательно, Льюис сохраняет характерный для английской литературной сказки мотив волшебного, заповедного, идиллического уголка.

Параметр № 4. Герой, его поступки и место в мире. Для фэнтези характерной чертой является внимание к личности героя и его решениям в космическом масштабе. Он должен принять одну из сторон в противостоянии добра и зла, причём зачастую от этого выбора зависят судьбы всего мира. Как правило, герой преобразуется, меняется по ходу своих приключений (Гед в «Волшебнике Земноморья» У. Ле Гуин, Геральт в «Ведьмаке» А. Сапковского). При этом фэнтези в целом чужд подробный психологический анализ: любые изменения в характере героя, мотивы его поступков и т.п. либо напрямую связаны с «квестом», движущим весь сюжет, либо отодвигаются на второй план и даются поверхностно, намёками. Например, у Сапковского развитие действия, по сути, начинается лишь тогда, когда Геральт вынужден нарушить свой принцип нейтралитета и принять одну из сторон в конфликте. При этом вопрос правильности выбора в дальнейшем практически не рассматривается.

В сказке подвиг носит гораздо более локальный характер. Поступки героя и достижение им цели имеют значение для него, его близких, части мира, но не мира в целом. Кроме того, сказочный герой не обязательно перерождается духовно во время своих странствий — скорее они выступают как некий урок, либо проверка качеств характера. В «Племяннике чародея» для Дигори таковой становится задача принести волшебное яблоко. Выполняя поручение, мальчик одновременно решает собственный «квест» по искуплению вины; ведь Дигори сам, хоть и ненамеренно, привёл зло в Нарнию. Апогей проверки — выбор, который предлагает Белая Колдунья: съесть яблоко или отнести его Льву; герой преодолевает соблазн и успешно выполняет поручение благодаря доброте и честности — качествам, изначально заложенным в его характере.

Параметр № 5. Конфликт добра и зла. В фэнтези зло часто изначально сильнее добра, что позволяет ему на первых порах успешно выступать агрессором. Необходимы герой, артефакт, подвиг для восстановления равновесия и последующей победы добра. В фольклорной сказке добро сильнее, можно сказать, что зло обречено на поражение. При этом для победы часто достаточно собственных хитрости, ловкости, ума героя.

Совершенно особая ситуация складывается в сказке литературной. Здесь зло, несмотря на свою силу в начале повествования, чаще всего проигрывает, но для этого необходимо совершение поступков. Вспомним сказку О. Уайлда «Счаст-

ливый Принц»: герои погибают в борьбе со злом, но в итоге всё равно это оказывается победой, ибо они сумели принести в мир толику добра. То же самое встречаем и у Льюиса: его герои вынуждены действовать, чтобы изменить существующее положение вещей. Иначе зло сумеет удержать выгодную для себя патовую ситуацию: Вечная Зима в Нарнии («Лев, Колдунья и Платяной шкаф»); престол без наследника («Серебряное кресло»).

Параметр № 6. Свобода авторского замысла.

Мир фэнтези предполагает, что в нём нет ничего невозможного. Разумеется, события и поступки героев должны укладываться в логику произведения, но сама она не имеет ограничений и зависит только от воли автора. Практически любое событие может быть объяснено, например, посредством магии, или вовсе остаться без объяснения; писатель одновременно демиург и *deus ex machina*.

Сказочный мир, напротив, существует в намного более строгих рамках и жёстко придерживается своих законов, подчиняя им даже автора. Все чудеса здесь имеют начало и предел могущества. Так, у Р. Киплинга в его «Пэке с холма Пука» к детям приходят не просто люди других эпох, но те, кто как-то связан с местностью, в которой происходят эти встречи. У Льюиса в «Племяннике чародея» из посаженной конфеты вырастает Ирисное дерево, но, как объясняет детям Аслан, такое возможно лишь в первые дни, когда жизненная сила нового мира ещё велика: *«Прямо рядом с ними было маленькое дерево с очень тёмной корой, размером с яблоню. Листья у него были белёсыми и напоминали бумагу, как у растения, которое называют лунником, и всё оно было покрыто маленькими коричневыми фруктами, похожими на финики»* (*Just beside them was a little, very darkwooded tree, about the size of an apple tree. The leaves were whitish and rather papery, like the herb called honesty, and it was loaded with little brown fruits that looked rather like dates*) [5, 562]. Мы

вновь сталкиваемся с сохранением мотива чуда, но чуда очень логичного: из посаженной ириски не могло вырасти дерево с конфетами на ветвях, зато дерево с необычными плодами в новом мире выглядит вполне гармонично.

Таким образом, К.С. Льюис наследует традиции английской литературной сказки. В нарнийском цикле мы встречаем характерные для этого жанра психологизм, юмор, игру слов, бытовые детали и т. д. Как и предшественники, Льюис на равных общается с ребёнком-читателем, и адресует свои книги в первую очередь детям — чего нельзя сказать о фэнтези, литературы скорее для взрослых или, по крайней мере, юношества. Авторский подход к созданию мира, выбор героев, специфика использования фольклорных и мифологических мотивов также однозначно указывают на то, что «Хроники Нарнии» продолжают и развивают традиции Р. Киплинга, К. Грэхема, А. Милна и других авторов начала XX в. — «золотого века» английской детской литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кошелев С.Л. Философская фантастика в современной английской литературе (романы Дж.Р.Р. Толкина, У. Голдинга, К. Уилсона 50-60-х гг.) — автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.Л. Кошелев. — М., 1983. — 16 с.
2. Попова М.К. Загадки «фэнтези» / М.К. Попова // Приключения, фантастика, детектив: феномен беллетристики. — Воронеж: Изд-во ВГПУ, 1996. — С. 159-192.
3. Сапковский А. Нет золота в Серых Горах / А. Сапковский. — М.: АСТ, 2002. — 374 с.
4. Сказочная энциклопедия. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. — 608 с.
5. Lewis C.S. The Chronicles of Narnia (1-7) / C.S. Lewis. — N.Y.: Harper Collins, 2005. — 768 p.

Мостепанов А.А.
Воронежский государственный университет.
Аспирант кафедры зарубежной литературы.
e-mail: alexius04@rambler.ru

Mostepanov A.A.
Voronezh State University.
Aspirant of foreign literature department.

УДК 821.161.1.09

ЭКСПРЕССИОНИСТИЧЕСКИЙ ЖЕСТ В РАССКАЗЕ Л.Н. АНДРЕЕВА «СМЕХ»

© 2011 С.С. Нашатырева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 9 октября 2010 года

Аннотация: Статья посвящена изучению и стандартизации этической деятельности журналистов на региональном уровне, в том числе на примере конкретных случаев нарушения этических стандартов региональными СМИ, вопросам определения сущности понятия «этическая политика» СМИ, механизмам регулирования региональных СМИ.

Ключевые слова: жест, жестовый стиль, экспрессионистический жест.

Abstract: In this article we put under consideration the problem of correlation of the gesture and the word in L.N. Andreev's short stories of 1900-years (for example the short story «Laughter»). Also the research is concerned with the gesture style as the integral part of the expressionistic poetics of the writer's early prose.

Key words: gesture, gesture style, expressionism.

Проблема соотношения слова и жеста в художественной литературе — одна из таких, которая на протяжении десятилетий не теряет своей актуальности. И это далеко не случайно. Писатели всегда обращаются к движениям, жестам, которые часто могут сказать о том или ином герое больше, чем слово.

Вопросы поэтики жеста разрабатывались многими учёными, и каждый исследователь, признавая важность жеста, стремился дать ему исчерпывающее определение. По мысли Ю.М. Лотмана, «жест — это действие, поступок, имеющий не только и не столько практическую направленность, сколько отнесённость к некоторому значению. Жест всегда знак и символ. Поэтому всякое движение есть жест, значение его — замысел автора» [1, 34]. М.Н. Жорникова, перечисляя признаки жеста, указывает: «Жест как проявление в достаточной мере импульсивное не связан с целью, он обладает нецеленаправленностью и некоторой произвольностью выражения» [2, 16]. Оба высказывания подчёркивают важную особенность жеста — произвольность

и отсутствие явной практической направленности. Важным качеством жеста является и его знаковость, символичность. Каждый жест, совершаемый героем, может не иметь практической направленности, но он всегда служит раскрытию внутреннего мира персонажа, а далее — выражению авторской концепции действительности. В этом ключе уместно привести еще несколько определений жеста. О.Г. Мельниченко рассматривает жест как «раскрытие духовного склада героя» [3, 90]. Л.К. Чурсина отмечает, что жест — это «физическое движение и одновременно психическое состояние или динамика переживания во взаимосвязи внешнего и внутреннего» [4, 39]. По мнению М.Н. Жорниковой, «в литературе жест понимается как изначально литературно-аутентичный способ презентации внешнего и раскрытия внутреннего человека» [2, 15]. Из всех этих высказываний следует важный вывод: жест в художественном произведении (как часть портрета героя) всегда служит раскрытию внутреннего мира героя.

Являясь элементом портретных характеристик, жест в прозе Л. Н. Андреева приобретает расширительное значение.

М.Н. Жорникова вводит термин «жестовый стиль», понимая под этим «момент индивидуальности героя или определённого типа героев. Жестовый стиль складывается из типовых жестов, встречающихся у данного типа персонажей, и индивидуальных жестов, свойственных только этому персонажу, выделяющих из ряда других героев данного типа» [2, 13]. Возможность говорить о «жестовом стиле» даёт и подход к данной проблеме О.Г. Мельниченко. Говоря о роли жеста в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя, исследователь указывает: «Богатство жестовой образности как существенный признак стиля украинских повестей органично для художественного почерка писателя» [3, 105].

Применительно к творчеству Л.Н. Андреева начала 1900-х годов можно утверждать, что этот «жестовый стиль» имеет ярко выраженную экспрессионистическую окраску, в связи с этим есть основания говорить об экспрессионистическом жесте. Важно для нас исследовать особенности жеста в рассказах Андреева 1900-х годов ещё и потому, что поэтику произведений писателя считают экспрессионистической, а именно для экспрессионизма весьма характерна визуализация внутреннего состояния с помощью жеста.

Рассмотрим роль экспрессионистического жеста в рассказе «Смех» (1901 г.) Задача данной работы — проследить эту роль в развитии лейтмотива «смеха» в рассказе, определить, что вносит жест в характеристику героя.

О.Г. Мельниченко в работе «Жест и слово в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя» отмечает: «...нередко жест героя заменяет в тексте слово и является непосредственным проявлением его состояния, реакции на происходящее» [3, 106]. Эти слова можно применить к рассказу Л.Н. Андреева «Смех». Так, в начале произведения прямо не указано, что чувствует герой, но жесты и портретная характеристика указывают на внутреннее состояние персонажа. «Пальто моё было застёгнуто на один верхний крючок и раздувалось от холодного ветра, но холода я не чувствовал; голова моя была гордо откинута назад, и студенческая фуражка сидела совсем на затылке; глаза мои... выражали покровительство и удаль... вызов и ласку. И шаги мои были быстрые, смелые, порхающие» [5, 264]. Герой уверен в себе и своей возлюбленной, доволен жизнью, ощущает себя победителем. Об этом свидетельствуют и его взгляд, и поза, и гордо откинута голова. Через некоторое время, после несостоявшегося свидания, портрет меняется: «В без четверти семь пальто моё было застёгнуто на две пуговицы,

и я смотрел только на женщин, но без вызова и ласки, а скорее с отвращением» [5, 264]. Уверенность героя пропадает, он чувствует себя обманутым, униженным. К концу первой части рассказа внешнее описание персонажа диаметрально противоположно тому, что мы видели вначале. «Пальто моё было застёгнуто на один верхний крючок и раздувалось от холодного ветра, но холода я не чувствовал» [5, 264] меняется на «Пальто было застёгнуто на все пуговицы, воротник поднят» [5, 264], «голова моя была гордо откинута назад, и студенческая фуражка сидела совсем на затылке» [5, 264] — «фуражка нахлобучена на посиневший нос» [5, 264], «шаги мои были быстрые, смелые, порхающие» [5, 264] — «по шаркающей походке и согнутой спине меня можно было принять за довольно ещё бодрого старика» [5, 264]. Таким образом, все чувства героя обрисовываются жестом, без прямого именованного их словами, и можно говорить о том, что жест в рассказе «Смех» иногда даже заменяет слово, выдвигаясь на первый план.

Первостепенное значение в рассказе приобретают смех, улыбка, осмысленные как жесты. Это заявлено уже в заглавии. Смех становится основным лейтмотивом в рассказе. Смеются все герои:

«Товарищи мои катались от смеху по диванам...» [5, 266]

«Она смотрела на вас прямо и спокойно — и неудержимый хохот овладевал вами» [5, 266]

«Смех овладел и мной» [5, 266]

«Неудержимый хохот овладевал ими» [5, 266]

«Меня окружала и давила толпа хохота...» [5, 266]

«Смех ответил мне...» [5, 267]

Несмотря на то, что все герои без исключения смеются, смех их различный. Друзья главного героя искренне веселятся: «Товарищи мои катались от смеху по диванам, бессильно падали на стулья и махали руками».

С любовью главный герой говорит о смехе возлюбленной: «...смех, звонкий, весёлый, яркий, как весеннее солнце...» [5, 267] Но по ходу повествования мотив смеха приобретает всё большую экспрессионистическую окраску. Он перерастает в «неудержимый хохот» [5, 266], становится «жгучим, беспощадным солнцем» [5, 267]. Герой ощущает враждебность «хохочущего» мира, который угнетает его: «Весь путь меня окружала и давила грохочущая туча хохота и двигалась вместе со мной, а я не мог вырваться из этого кольца безумного веселья» [5, 266]. Смех приобретает исключительно отрицательную оценку, он оказывается частью враждебного мира, уничтожающего героя.

Метафора, подобранная писателем, тоже подчеркнута экспрессионистична. Все слова отражают чрезвычайность, неестественность происходящего: «давила», «грохочущая туча», «не мог вырваться», «безумное веселье».

Порой кажется, что веселье захватывает героя: «...я кричал, пел, плясал» [5, 266]. Жесты подчеркнута порывисты, эмоциональны. Это наводит на мысли о поддельном веселье. Герой ни на минуту не перестаёт чувствовать себя неуютно, одиноко: «И как он далёк был от меня, этот мир! И как одинок я был под этой маской!» [5, 267] Даже звонкий и весёлый смех любимой теперь воспринимается героем по-другому: «Чёрный блеск её глаз потух, всё ярче разгоралась улыбка. Это было солнце жгучее, беспощадное, жёсткое» [5, 267]. Эпитеты, характеризующие смех, расположены по возрастающей: жгучее, беспощадное, жёсткое. Они указывают, как постепенно ухудшается внутреннее состояние героя, который оказывается в ситуации полного непонимания и отчуждения, чувствует себя абсолютно одиноким. Это снова подчёркивается при помощи жеста: «Плечи мои опустились, и голова поникла, и так много отчаяния было в моей позе» [5, 267]. Внешний вид персонажа, его поза характеризуют внутреннее состояние: надежда обрести гармонию с миром потеряна.

Но что отделяет главного героя от окружающих? Формально это маска китаецца: «У неё были нос, глаза и рот, и всё это правильное, стоящее на своём месте, но в ней не было ничего человеческого. Человек даже в гробу не может быть так спокоен. Она не выражала ни грусти, ни веселья, ни изумления — она решительно ничего не выражала» [5, 266]. И здесь намечено уже главное противоречие. Богатый переживаниями внутренний мир героя, вся палитра его многообразных чувств оказывается скрытой под ничего не выражающей маской, которая вызывает лишь приступы «неудержимого хохота» у окружающих как раз своей удивительной способностью абсолютно ничего не выражать. Но маска — это всего лишь нечто внешнее, а потому дело не только в ней. Это своего рода символ, однако не «окрашенный», как у символистов, мотивом двойничества образа героя. На самом же деле герой Андреева остро ощущает невозможность объяснить окружающим то, что происходит у него в душе.

Для изображения состояния героя выбраны в высшей степени экспрессивные жесты: «Сдвигая брови, стискивая от боли зубы, с похолодевшим лицом, от которого отлила кровь, я взглянул в зеркало... <...> с дрожью подымающегося гнева, с безумием отчаяния, я заговорил, почти

закричал» [5, 266]. Сдвинутые брови, стиснутые зубы, бескровное лицо — всё выражает внутреннюю напряжённость, чрезмерность переживаемого. Чувства необычайно накладываются друг на друга, захлёстывая героя. Здесь и безумие, и отчаяние, и гнев, и боль, и тоска.

Душевные переживания героя вырываются наружу: «Я говорил — и слёзы накопились у меня на глазах. <...> Я кусал губы, слёзы текли по моему разгорячённому лицу» [5, 268]. Каждый жест героя — горячая мольба о помощи. Все они очень эмоциональные, яркие, даже отчаянные. Можно сказать, это по-настоящему экспрессионистические жесты.

Но маска по-прежнему скрывает истинное состояние героя, не позволяя тем самым установить контакт с окружающими. Маска становится символом отъединённости, отчуждённости от мира, символом полного одиночества и непонимания. «О, если бы мне хоть на минуту дали человеческое лицо!» [5, 268] — восклицает герой. А за этим мы слышим: «О, если бы хоть кто-то мог меня понять!» Человек, остро нуждающийся в поддержке, не встречает её, окружающие слепы и глухи к его чувствам.

Особенно показателен финал рассказа: «Ты имел колоссальный успех. Я никогда не видал, чтобы так смеялись... Постой, что ты делаешь? Зачем ты рвёшь маску? Братцы, он с ума сошёл! Смотрите, он разрывает свой костюм! Он плачет!» [5, 268] Все струны души героя натянуты, о чём свидетельствуют порывистые, резкие, ярко экспрессивные жесты: разрывает, рвёт. Но друзья и сейчас не способны увидеть ищущую сочувствия человеческую душу, скрытую за «отвлечённой физиономией» маски.

Смех, будучи изначально психологическим состоянием героев, их реакцией на внешние обстоятельства, становится образом враждебного мира, смеющегося над человеком.

Жест служит характеристике героя, часто играя даже большую роль, чем слово, при раскрытии внутреннего мира персонажа. Он становится необходимой деталью, без которой не обходится ни одна сцена. Через жесты выражается авторское отношение к создаваемым характерам и к действительности в целом.

Жесты в рассказе «Смех» — важная составляющая экспрессионистической поэтики. Они подчеркнута эмоциональны, отличаются чрезмерностью, чрезвычайностью и зачастую становятся символами определенных чувств и переживаний героев. Все это можно назвать, используя определение М.Н. Жорниковой, особенностями «жестового стиля» ранних произведений Л. Андреева.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни: (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) / Ю.М. Лотман // Литературное наследие декабристов / под ред. В.Г. Базанова, В.Э. Вацура. — Л. : Наука, 1975. — С. 25-74.

2. Жорникова М.Н. Поэтика портрета в русской романтической повести 1830-х гг. : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / М.Н. Жорникова. — Улан-Удэ, 2004. — 163 с.

3. Мельниченко О.Г. Жест и слово в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя / О.Г. Мельниченко // Слово и жест: Сб. научных трудов. — Воронеж, 1983. — С. 89-106.

4. Чурсина Л.К. Концепция «жеста» в работах А. Белого / Л.К. Чурсина // Слово и жест: Сб. научных трудов. — Воронеж, 1983. — С. 24-40.

5. Андреев Л.Н. Собрание сочинений в шести томах / Л.Н. Андреев. — Т. 1. — М. : Художественная литература, 1990. — С. 264-268.

*Нашатырева С.С.
Воронежский государственный университет.
Аспирант филологического факультета.*

*Nashatyreva S.S.
Voronezh State University.
Post-graduate of philological faculty.*

УДК 82:801

МИФОПОЭТИКА СНОВИДЕНИЙ В СКАЗКЕ Г.Д. ГРЕБЕНЩИКОВА «ЦАРЕВИЧ»

© 2011 Т.А. Полякова

Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина

Поступила в редакцию 30 декабря 2010 года

Аннотация: Г.Д. Гребенщиков — крупный русский писатель-эмигрант XX столетия. В «Царевиче» художник обращен к судьбе русского императора — Николая II, его семьи. В мифопоэтическом пространстве гребенщиковской сказки представлено не столько историческое, сколько сказочно-мифологическое описание «русской трагедии». Цель нашего исследования — анализ мифопоэтического кода писателя, в котором особая роль принадлежит сновидческому пространству. Актуализируя символы сновидений, писатель устремлен к заветному преображению мира, в котором России принадлежит великое будущее.

Ключевые слова: эпическая сказка, мифопоэтика, сновидения, хронотон, философия, символ.

Abstract: G.D. Grebenshchikov is an outstanding writer-emigrant of the XXth century. In "Tsarevich" the artist treats the destiny of the Russian emperor Nikolai II and his family. In mythopoetic space of Grebenshchikov's fairy tale not so much historical but fairytale and mythological description of the "Russian tragedy" is given. The aim of our research is the analysis of mythopoetical code of the writer, where a special role is given to dream space. Using the symbols of dreams, the writer is concentrated on the cherished transformation of the world in which great future belongs to Russia.

Key words: epic fairy tale, mythopoetics, dreams, chronotop, philosophy, symbol.

Среди произведений русского писателя-эмигранта Георгия Дмитриевича Гребенщикова особое место принадлежит эпической сказке «Царевич»¹ (жанр определен самим автором). Это произведение до сих пор не известно нашим читателям. Анализ опубликованных работ Гребенщикова, в том числе архивных материалов, подтверждает, что текст сказки отсутствует даже в электронном каталоге произведений Г.Д. Гребенщикова (См.: <http://grebenshchikov.ru>).

Автор посвятил свою сказку-поэму светлой памяти царевича Алексея Николаевича. Обращение Георгия Дмитриевича к страшным событиям 1918 года не случайно. Писатель считал себя человеком далёким от политики, но судьба расстрелянной царской семьи для него была кульминацией преступлений революционного периода, «окаянных дней» России.

Как и во всяком классическом произведении, в «Царевиче» воплощена глубочайшая философия

жизни и философия истории — в этом смысле гребенщиковская сказка представляет особый интерес. Архив писателя подтверждает сложную и кропотливую работу Георгия Дмитриевича с историческими документами того времени.

В частном архиве Г.Д. Гребенщикова имеется немало документов, которые свидетельствуют об особом интересе писателя к судьбе убитого царя и его семьи. В некоторых из них имеются данные, в которых опровергаются слухи о расстреле. Так, например, в копии документа, подписанного «И. д. Вице-Директором I Департамента Министерства Юстиции Петуховым» [1, 12], утверждается, что «...версия (об отъезде царской семьи из Екатеринбурга в Пермь или Верхотурье. — Т.П.) не нашла себе подтверждения в объективных данных следствия, и никто из свидетелей не удостоверял, чтобы лично видеть отъезжавшую царскую семью» [1, 12].

В архиве обнаружено весьма интересное свидетельство И.И. Сикорского², известного

©Полякова Т.А., 2011

авиаконструктора, о книге «Исповедь бывшего Царя»³ — книге анонимной, вызвавшей полеми-ческий «шквал» в среде русской эмиграции. Сам Сикорский в письме к Гребенщикову от 26 ноября 1953 года утверждал: государь «знал, что он был в опасности, но как верный воин и часовой остался до конца. Несомненно, что он мог спасти жизнь свою и семьи, поставивши условием отречения свободный и обеспеченный выезд за границу. И после отречения в течение первых 2 3 месяцев революции это можно было сделать легко и без-опасно. Можно было перевезти Государя с семьей в Швецию на „Илье Муромце“. Государю был сделан ряд других предложений выехать тайно за границу. Государь отказался от этих предложе-ний, считая, что это будет несогласно с его до-стоинством... Он остался верен и союзникам, и России. Его предали и те, и другие» [2, 13 15].

Все эти сомнения, мифы и легенды вокруг судьбы русского императора, его жены и детей, легли в основу сказочного дискурса Гребенщикова, где в мифопоэтическом пространстве представлено не столько историческое, сколько сказочно-мифологическое сказание о судьбе царевича Алексея.

Мир реальных событий соотносится с миром сновидений, пограничных состояний, особого прихотливого синтеза дневного и ночного со-знания. Сновидческий хронотоп в этом произ-ведении актуализирует особые архетипические символы, обращённые к судьбе героя, к траги-ческим жизненным поворотам и переходам из одного пространства в другое. Сны в сказке, об-ладая текстопорождающей функцией, являются весьма важным элементом сюжетостроения, подсказывают, где найти решение, как развязать тот или иной трагический узел судьбы.

В «Царевиче» обнаруживается особая ти-пология сновидений: сны-предчувствия, сны-проспекции, сны-наваждения. К первым двум ти-пам относятся два сновидения Царевны, живущей в волшебном замке, в срединном пространстве между небом и землёй. Этот сказочный образ был, очевидно, необходим писателю для реализации идеи чудесного спасения своего героя. Царевна принимает активное участие в судьбе несчастного Царевича Алексея.

Сюжетные повороты находят воплощение в сновидческих картинах Царевны, которые можно определить как «вэщіе сны» или сны-предчувствия, в которых косвенно, но не менее ярко разъясняются последствия «мирского пре-ступления». Так, в конце первой главы — «Вол-шебный замо́к» — автор объясняет читателю взволнованность и тревогу Царевны увиденным ею ночным кошмаром. Примечательно, что саму сновидческую картину писатель не воспроизво-

дит. Почему «поникъ лучистый взгляды Царевны» [3, 9] и о чём был «вэщій сонъ» героини — мы уз-наём из её диалога с седым Волшебником во вто-рой главе «Тронный зал». Мирный сон Царевны старик осмелился побеспокоить внушенным ей полуночным кошмаром, когда «увидэшь зло, со-дэянное» имъ и понял, что «возродить добро ужъ не имэеть силъ» [3, 11]. В тяжелом сне открывает он Царевне всю правду «последняго мірскаго преступления»:

Убиты всэ: царица, всэ царевны...

И, кажется, царевичъ-государь... [3, 14]

Волшебник признаётся, что не оправдал доверие Царевны: «Ты вэрила, что я мудрець и гений, / Что я апостоль правды и добра...» [3, 11]. Раскаиваясь в том, что стал губителем «всэхъ свэтныхъ чловэческихъ мечтаній» [3, 11], он казнит себя, вырывая собственной рукою сердце за то, что стал «творцомъ и разрушителемъ бытія» (курсив наш. — Т.П.) [3, 11]. Диалектика образа Волшебника глубоко философична. Именно он, по мнению Гребенщикова, являет собой знаковый образ-носитель стихийной слитности, таин-ственного синтеза добра и зла. Амбивалентность этого персонажа подчёркивается его сравнением с пауком. Паук в симвонологии обозначает «чере-дование сил созидания и разрушения в космосе с преобладанием то одной, то другой, подобно концентрическим кругам в паутине» [4, 508].

Вместе с тем паук — древний символ, вы-ступающий в мифологии «защитником людей, чудесным спасителем, охранителем очага» [5, 64]. По преданию, паук спас младенца Иисуса Христа от жестокости Ирода. Очень часто семантика этого архетипа ассоциируется с жестокостью, алчностью, коварством:

Нэтъ! Я паукъ, я паразитъ подземный,

Я вэчный лиходэй, тиранъ планеты,

Безсмэнный и всемірный гробовщикъ [3, 11].

Не случайно христиане видят тенету паука как паутину Сатаны (ср.: «Такъ Истинэ я послу-жилъ неправдой, / Такъ зломъ хотэлъ я сотворить благое...» [3, 11]).

Волшебник не отрицает своей вины в том, «что міръ пришель на край своей могилы» [3, 13], ибо он — маг и чародей — уподобился пауку-разрушителю:

Вэдъ это я, кто днемъ ткеть пряжу жизни,

А ночью темной рветъ ее опять... [3, 11]

Магическая сила Волшебника-паука напоми-нает тёмную колдовскую силу Мойр в греческой мифологии (Парки — в римской), которые, не имея «отчётливого антропоморфного облика» [6, II, 169], держали в своих руках человеческие судьбы. В связи с этим символична портретная характеристика Волшебника, который «темной ночью... сливается съ тьмою» [3, 13], а «въ яркій день чернэе призракъ тэни» [3, 13].

Природа тени тоже архетипическая. Древние отождествляют тень человека с его духом. Тень является одной из метафор тёмной стороны психики человека. Согласно словарю Даля, тѣнь — «душа умершаго, человекъ безплотный, въ повѣрѣяхъ, разсказахъ, видѣніяхъ или явленіяхъ, привидѣнье» [7, IV, 449].

Находясь между жизнью и смертью, Волшебник встревожен содеянным и терзается угрызениями совести, что «...угашал свѣтъ, не возжигая, / И воздавалъ не тѣмъ, кто заслужилъ» [3, 11].

Теперь, когда земная твердь «вся въ ткани паутинъ», «все въ крѣпкой власти тьмы и злобы вѣчной...» [3, 10], всю скорбь мира Волшебник вручает Царевне. Только она, возможно, «своимъ полетомъ ввысь небесной тайны» [3, 13] спасёт Царевича «отъ участи земной», очистит его судьбу от фатальной тени.

Нередко граница между сном и явью размывается, события сна продолжаются в жизни героя. В гребенщиковском художественном дискурсе возникает сон-проспекция. К такому типу принадлежит второй сон Царевны, который писатель воспроизводит во всех сновидческих деталях-подробностях. Это сон странствий Царевны в пространстве грѣз и мечтаний. Чудесные метаморфозы, происходящие с ней, — логический переход к земному миру, который необходим автору для дальнейшего развёртывания трагического сюжета. Она спускается вниз, в земную юдоль, превращаясь то в простую русскую крестьянку, то в одинокую поморку, бредущую по русским далям.

Земное греховное пространство здесь не только активно входит в повествование, но и определяет во многом внутренний динамизм текстопорождающих мотивов. Гребенщиковский хронотоп, как правило, имеет мощную архетипическую основу. В силовое поле пространства сна-проспекции втягиваются вещи, люди, события, оно подчиняет себе символическую структуру, и всё это вместе рождает образ Руси, объятай пламенным кольцом смерти.

В пространственной модели отчётливо проявляются черты русской православной земли — «сѣдая бѣдная часовня», стоящая где-то в лесу и светящаяся огоньками, «сѣденькій монашекъ», свершающий литию⁴.

Въ часовнѣ пусто... Только одиноко
Печальная боярыня стоитъ,
Высокая и стройная, вся въ черномъ,
Въ рукахъ просвирка, кружевной платочекъ,
Скомканный и влажный отъ обильныхъ
слезъ... [3, 16]

В этой боярыне Царевна-крестьянка узнаёт царицу — Государыню российскую, которая молится в одиночестве, перенося все страдания одна. Царица отдаёт крестьянке часть просвирки со словами:

Теперь я такъ вамъ благодарна, рада...

Теперь исполнится желаніе мое... [3, 17]

Не трудно догадаться, что принятая крестьянкой просвирка — хлебец из пшеничной муки особой выпечки, употребляемый в христианских обрядах, в том числе на Проскомидии для поминовения, — становится не только символом скорби, но и залогом исполнения желания: найти и окружить заботой юного Царевича в том мире, в мире инобытия.

После этого сна просыпается Царевна «со слезами на глазахъ». В странном состоянии полусна-полуяви, она покидает свой замок и продолжает земное странствие, идя туда, не зная куда. Гребенщиков подчеркивает зыбкость между сновидением и реальностью.

Удивительную инициацию в сказке Георгия Дмитриевича проходит Царевич. Его судьба связывает небо и землю, прошлое, настоящее и будущее, время и вечность. В гребенщиковском дискурсе Царевич принадлежит вечности, как и сама идея русской монархии, которая возродится через кровь и муки. Смысл гибели и возрождения царской власти, в представлении писателя, обнаруживается в христианстве: царь-отец отправляет Царевича к народу с приказом:

... собрать подъ знамя свѣта
Всѣхъ воиновъ, когда либо лобзавшихъ
Крестъ и евангеліе Господа Христа... [3, 29]

...
Христовыхъ воиновъ на битву призывать,
Отъ змѣя лютаго святую Русь спасти... [3, 31]

Так модифицирован мотив трудной задачи — один из самых распространённых в сказках. Его пребывание в лесу продлится до тех пор, пока он не исполнит этого поручения.

И уже не важно «Царевна-ли начаровала / Или крестьянка вымолила у Христа, / Но чудо свѣтлое надъ ней свершилось — / Мечту свою — Царевича она нашла» [3, 27].

Актуализируя символы сновидений, автор предсказывает будущее России, которая для него — страна воплощённых чаяний и надежд, страна Божественного Света.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гребенщиков Г.Д. К убийству бывшего Императора Николая II и его семьи [Машинопись] // Г.Д. Гребенщиков. Архив Г.Д. Гребенщикова. Материал из фондов частного архива. Машинопись (12 л.).

2. Гребенщиков Г.Д. Письмо И. Сикорского Г.Д. Гребенщикову от 26 ноября 1953 года [Рукопись] // Г.Д. Гребенщиков. Архив Г.Д. Гребенщикова. Материал из фондов частного архива. Рукопись (25 л.).

3. Гребенщиков Г.Д. Царевич [Машинопись] // Г.Д. Гребенщиков. Архив Г.Д. Гребенщикова. Материал из фондов частного архива. Машинопись (84 л.). Цитаты приводятся по этому изданию согласно орфографии и пунктуации рукописи.

4. Иллюстрированная энциклопедия символов / сост. А. Егазаров. — М. : Астрель : АСТ, 2007. — 723, [5] с.

5. Баяшкo Л.С. Большая энциклопедия символов / Л.С. Баяшкo, А.Н. Гордиенко; под ред. О.В. Перзашкевича. — М. : ЭКСМО, 2009. — 304 с.

6. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / Гл. ред. С.А. Токарев. — М. : Советская Энциклопедия, 1982. Цитаты в тексте статьи приводятся по этому изданию с указанием тома римскими цифрами, страниц арабскими.

7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — М. : Рус. яз., 1998. Цитаты в тексте статьи приводятся по этому изданию с указанием тома римскими цифрами, страниц арабскими.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Свою сказку Г.Д. Гребенщиков предваряет ввoднoй чaстью «Вместо предисловия», указывающую дату — март-май 1933 г. Южная Калифорния.

В электронном каталоге трудов писателя (<http://grebensh.ru>) есть только упоминание об этом произведении, но сам текст сказки отсутствует. Однако нам повезло разыскать рукопись «Царевича» в частном архиве. В электронном каталоге работ Г.Д. Гребенщикова есть указание на то, что это произведение представляет собой вариант эпической сказки «Златоглав», которая была опубликована в 1939 году.

2. Сикорский Игорь Иванович (1889–1972), авиаконструктор и промышленник. Родился в России, где с 1908 года строил самолёты. В 1919 году эмигрировал в США (в 1923 году основал фирму), где под его руководством создавались пассажирские и военные самолёты и вертолёты. (См.: Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. — 3-е изд. — М. : Сов. энциклопедия, 1985. — С. 1200.)

3. Орфография соответствует рукописи.

4. Согласно словарю В.И. Даля, «литія — молитвенное священнодѣйствіе, совершаемое внѣ храма или въ притворѣ его. || Краткое молитвословіе объ покоеніи душъ усопшихъ». (См.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. [Текст]. — М. : Рус. яз., 1998. — Т. 2: И — О. — 1998. — 699 с., 1 портр. — С. 255).

Полякова Т.А.
Елецкий государственный университет имени
И.А. Бунина
Доцент кафедры русской классической литературы
и теоретического литературоведения.
e-mail: tpolyakova1@yandex.ru

Polyakova T.A.
Elets State Bunin University.
Assistant professor of the department of Russian classic
literature and the theory of literary criticism.

УДК 808. 2: 801. 56

ОМОНИМИЯ КОНСТРУКЦИЙ-ИДИОМ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

© 2011 Н.А. Пузов

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко

Поступила в редакцию 8 декабря 2010 года

Аннотация: В статье рассматривается один из видов системных отношений конструкций-идиом — омонимия. Выявлены основные структурные, семантические и функциональные особенности омонимичных конструкций-идиом и особая роль контекста, формирующего во многом данный вид системных отношений фразеологизированных конструкций.

Ключевые слова: омонимия, конструкции-идиомы, контекст, синтаксические омонимы, дискурс.

Abstract: The article considers one of types of systematic relations of constructions-idioms — homonymy. There were found the main structural, semantic and functional peculiarities of homonymous constructions-idioms and special role of the context, creating in many aspects the given type of systematic relations of phraseological constructions.

Key words: homonymy, constructions -idioms, context, syntactical homonyms, discours.

Синтаксические омонимы понимаются в лингвистической литературе как «синтаксические модели, формально совпадающие при несовместимости их синтаксического содержания (значения)» [1, 287].

Цель нашей статьи — исследовать омонимию **конструкций-идиом**, выявить структурное, семантическое и функциональное своеобразие омонимичных конструкций-идиом в художественных текстах и определить роль контекста в формировании отношений омонимии между данными синтаксическими конструкциями.

Объектом исследования в статье являются омонимичные конструкции-идиомы в текстах русской художественной литературы. В качестве предмета исследования выступают отношения омонимии между конструкциями-идиомами, возникающие в определенном контексте.

Конструкции-идиомы мы понимаем как синтаксические конструкции (предложения и словосочетания), которые характеризуются идиоматичностью, клишированностью, модально-эмоциональной нагрузкой и разговорной стилистической

окрашенностью. Связи и отношения компонентов в конструкциях-идиомах с точки зрения современных грамматических правил оказываются необъяснимыми, немотивированными, так как их компоненты связаны друг с другом идиоматически. В Русской грамматике-80 данные конструкции определяются как предложения с индивидуальными отношениями и с индивидуальной семантикой.

Как известно, омонимия представляет собой звуковое совпадение двух или более разных языковых единиц. Омонимичные конструкции-идиомы характеризуются одинаковой структурой (они построены по одинаковой синтаксической модели) и совершенно различной семантикой, что выявляется в процессе их функционирования в тексте. Именно контекст позволяет квалифицировать одинаковые по форме, но разные по содержанию конструкции-идиомы как синтаксические омонимы.

Рассмотрим несколько примеров омонимичных конструкций-идиом из произведений русской художественной литературы с целью выявить их структурные, семантические и функциональные особенности и определить, за счет чего формируются между ними отношения омонимии.

Что за характер у него! Кремень!

(Повести о войне)

Что у тебя за характер! Лезешь где надо и где не надо. (В. Розов. Собр. соч. Т. 1)

В первом предложении характер персонажа оценивается положительно, а во втором — отрицательно, о чем свидетельствуют постпозитивные предложения контекста, в рамках которых употреблены эти конструкции. Именно благодаря языковому окружению формируется различная семантика двух одинаковых по структуре конструкций-идиом. В первом примере характер — кремень означает «непреклонный, твердый» с положительной семантической окраской; во втором примере сочетание «лезешь где надо и где не надо» обозначает негативные качества человека, что усиливается сниженной, разговорно-просторечной стилистической окраской глагола «лезешь».

Подобное семантическое соотношение наблюдается и в примерах с препозитивным и постпозитивным контекстом, формирующим смысловое различие омонимичных конструкций-идиом.

Вот за что люблю Достоевского: Ставрогин! Свидригайлов! Кириллов! Что за люди! (А. Солженицын. В круге первом)

О, что за люди! Любую идею опошлят. (М. Рошин. Пьесы)

В первом предложении позитивная оценка субъекта в конструкции *Что за люди!* формируется в основном глаголом *люблю* с положительным значением из предшествующего контекста, а во втором — негативная оценка субъекта в омонимичной конструкции-идиоме создается в результате употребления глагола *опошлят* с отрицательным значением в постпозитивном контексте.

Как синтаксические омонимы можно, на наш взгляд, квалифицировать и следующие конструкции-идиомы.

Стоит взяться за перо, и весь мой страх сменяется радостью. (М. Пришвин. Кашеева цепь)

Об архитектуре этого дома не стоит и упоминать. (К. Паустовский. Сказки. Очерки. Литературные портреты)

В первой конструкции выражено значение времени (ср.: *Когда возьмусь за перо, весь мой страх сменяется радостью*), во второй — значение невозможности (ср.: *Об архитектуре этого дома не надо /не следует/ и упоминать*). Это различие в содержании двух одинаковых по модели конструкций с элементом *стоит* и создается более узким контекстом — лексическим составом данных предложений.

Интересны омонимичные конструкции-идиомы с местоимениями типа *что вам* // *что ему* // *что тебе*.

А что вам — она, фамилия-то, не родная, она вам что платок на голову — сегодня одна, завтра другую одевают (В. Распутин. Прощание с Матерой).

Марья качнула головой: Не хочу. Что вам еще? (В. Шукшин. Рассказы. Повести)

А что вам этого Семенова дня ждать? Как созрела, так и начали (В. Иванов. Вечный зов).

В первом из этих трех предложений одна и та же конструкция *что вам* выражает значение «все равно, безразлично», во втором — значение «что надо, чего хотите», в третьем — значение «зачем, для чего».

Различие в семантике данных конструкций-идиом создается в этом случае микроконтекстом — лексическим составом самих предложений, в которых употребляются одинаковые фразеологизированные модели «местоимение + местоимение»: в первом предложении важную роль в формировании значения «все равно, безразлично» играет сочетание прилагательного с отрицательной частицей *не родная*; во втором — наречие *еще* способствует появлению у вопросительной конструкции-идиомы значения «чего вы хотите?»; в третьем — значение «зачем, для чего» возникает благодаря семантическому взаимодействию конструкции-идиомы с соседним постпозитивным предложением контекста, поскольку это последующее предложение в данном дискурсе опосредованно выражает значение «незачем ждать».

Отметим основные структурные, семантические и функциональные особенности омонимичных конструкций-идиом, которые достаточно отчетливо проявляются в результате проведенного нами исследования языкового материала.

Главная структурная особенность омонимичных конструкций-идиом — в том, что это внешне одинаковые по строению конструкции, построенные по одинаковым структурным моделям с одинаковыми базовыми фразеологизированными элементами и, как правило, с одинаковым порядком слов.

Основная семантическая особенность омонимичных конструкций-идиом — совершенно различное значение предложений, возникающее за счет влияния микроконтекста (лексического состава самих омонимичных предложений-идиом) и макроконтекста (языкового окружения — предшествующих и последующих предложений в дискурсе).

К числу функциональных особенностей омонимичных конструкций-идиом следует отнести то, что они употребляются в текстах художественных произведений (чаще — в речи персонажей) с целью придать речи большую смысловую насыщенность, сделать ее более емкой, богатой и разнообразной в содержательном плане за счет экспрессивности и эмоциональности, а также стилистической окрашенности, иногда — комического эффек-

та, возникающего при сопоставлении внешне одинаковых, но совершенно разных по значению омонимичных конструкций-идиом. Особо следует подчеркнуть определяющую, чрезвычайно важную роль контекста, в котором употребляются данные конструкции: именно благодаря дискурсу формируется различное значение внешне одинаковых предложений и между ними возникают особые синтаксические отношения, позволяющие квалифицировать такие конструкции-идиомы как синтаксические омонимы. При этом существенную роль играют не только препозитивные и постпозитивные предложения из языкового окружения омонимичных конструкций-идиом, но иногда и особенности лексического состава самих синтаксических омонимов.

Таким образом, думается, есть достаточные основания говорить о своеобразии структуры (одинаковая), семантики (разная) и функционирования омонимичных конструкций-идиом в художественных текстах, подчеркивая при этом особо значимую роль контекста — предшествующего и последующего языкового окружения, — лексического состава самих омонимичных конструкций-идиом в формировании омонимии в системе фразеологизированных предложений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О.С. Ахманова — М. : КомКнига, 2005. — 576 с. — С. 287.

*Пузов Н.А.
Приднестровский государственный университет
им. Т.Г.Шевченко
Кандидат филологических наук, доцент
e-mail: diagonals@mail.ru*

*Puzov N.A.
Pridnestrovsky State University.
PHD.*

УДК 821.161.1

МЕХАНИЗМ ПОРОЖДЕНИЯ СЮЖЕТНЫХ МОДИФИКАЦИЙ (на примере сюжета о блудном сыне)

© 2011 Э.А. Радь

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 9 октября 2010 года

Аннотация: В статье представлен механизм создания индивидуально-авторским сознанием различных вариаций (модификаций) сюжета-архетипа о блудном сыне. Смысловая неисчерпанность инварианта в художественном воплощении вечной проблемы «отцов» и «детей» подтверждается множеством сюжетных моделей в русской литературе, в которых нашли отражение трансформация и диссоциация первоначальной сюжетной структуры. Вариативность объясняется интерпретациями координат смыслового пространства.

Ключевые слова: сюжет-архетип, мотив, моделирование, инвариант, вариант, память, конфликт, актуализация, модификации, модель, миф, механизм, диссоциация, трансформация, сюжетная структура, смыслопорождение.

Abstract: The article is devoted to the procedure of creation of various modifications of the prodigal son archetype-plot by an individual author's consciousness. Content infinity of the invariant of the literary embodiment of the eternal "fathers and sons" problem is supported by many plot models in the Russian literature where transformation and dissociation of the original plot structure are reflected. The variability is explained by the interpretations of the coordinates of the content space.

Key words: plot-archetype, motive, modeling, invariant, variant, memory, the conflict, actualization, modifications, model, myth, procedure, transformation, dissociation, plot structure, content production.

Историко-типологическое исследование линии сюжета о блудном сыне, основанного на конфликте поколений в ситуации выбора жизненного пути, утверждает нас в мысли о существовании в русской литературе системы модификаций древнего сюжета — литературных произведений, варьирующих древний инвариант с учетом представлений времени. Библейская притча о блудном сыне — универсальная мифологическая модель взаимоотношений поколений с волеизъявлением, странствованием и страданиями в чужом мире Сына, смирением и всепрощением Отца. Универсальность модели, заключающей в себе код, всевременная (проблема «отцов» и «детей»), всежанровая и связана с библейской идеей Бога-Отца и Его детей. Данная

модель — первичный объект, подлежащий моделирующей деятельности. Созданные модели возвращают нам «мир уже не в том виде, в каком он был ей изначально дан» [1, 259].

Сюжет о блудном сыне — своеобразный образец, имеющий божественный прецедент. Встреча с Богом для блудного сына происходит прежде всего в глубине собственной души. Поэтому мифологический сюжет по своему главному семантическому значению можно обозначить как сюжет-макрособытие. Этот миф, как, впрочем, и миф вообще, оказывает оплодотворяющее влияние на всю последующую культуру и русскую литературу, в частности. Тема «отцы и дети» и художественные качества переходят границы конкретных культурных и исторических обстоятельств. Библейская притча указывает на «высшую тему», объясняющую скрытый смысл

любого земного события, — встречи с Богом в самом себе и его мудрости. Распознавание духовных смыслов человеческой жизни — задача, решаемая через библейские философские истории. Человечество всегда, во все времена проецирует свои судьбы на один и тот же вечный сюжет, постоянно соизмеряя свое настоящее с евангельским прошлым, каждый раз по-новому осмысляя то и другое.

Заключенный в библейском сюжете *код* для дешифровки индивидуальным художественным и нехудожественным сознаниями, адресованный настоящему и будущему, дает мощный культурный импульс художественной вариативности, сохраняя всегда *главный «ген»* этого сюжета — *мотив «отцы — дети»*, передающий актуальным сюжетам конфликтность взаимоотношений поколений, выраженную в тексте явно, либо подразумеваемую в подтексте, информацию которого предстоит распознать читательскому сознанию.

Текст притчи о блудном сыне — смысловой инвариант, который может быть актуализирован и возрожден в контексте новой эпохи. Смысловой инвариант в памяти культуры не просто хранится, он живет своей собственной жизнью, «развивается», «генерирует» [2, 21] новые смыслы в новых структурных вариантах, рождая тем самым разнообразные модификации формы и производя индивидуально-авторские трансформации первоначального содержания. При этом автор стремится «не к исчерпанию смыслового содержания» первообраза, а к «осуществлению того акта, посредством которого производятся все эти исторически возможные, изменчивые смыслы» [1, 259].

В разных вариациях одной и той же основы *трансформация* (изменение последовательности ключевых мотивов в сюжете, их последовательности) и *диссоциация* сюжетной структуры (распад, «пропуск» отдельных мотивов) — продукты моделирующего сознания, превращающего случайное или типическое в закономерное. В механизме моделирования, с одной стороны, участвует память, которая позволяет ретроспективно вернуться к архетипу; с другой стороны, проявляется способность сознания рождать новые смыслы, облекая их в новые сюжетные структуры. В сюжетной структуре первообраза (притчи о блудном сыне) сопряжены *мотивы «отцы — дети», ухода, странствия, грехопадения, возвращения, покаяния, прощения*. Смысловую неисчерпанность инварианта в художественном воплощении вечной проблемы «отцов» и «детей» демонстрируют сюжетные модели. Концентрированность, концептуальная лаконичность и наличие большой «подводной», подтекстовой

информации (образ отчего дома, многозначность образов отца и сына, образцовость решения конфликта поколений, поведенческая образцовость Отца и т. д.) позволяют писателям «разворачивать» содержание библейского произведения, расставляя акценты на разных биографических эпизодах своих героев, а литературоведам — видеть общность произведений русской литературы, в которых представлены отношения поколений, с архетипом, и его все-ленский, общечеловеческий характер.

Древнейшая реализация сюжета-архетипа как конкретный текст (художественное произведение внутри Евангелия) подобно зерну включает в себе программу будущего развития, не застывшую неподвижно, не равную неизменно самой себе данность, хранимую как содержание-память исторически живущего архетипа. Проходя через века, данный текст не стирается, не теряет содержащуюся в нем информацию, а сохраняет культурную активность и одновременно обнаруживает способность накапливать и порождать информацию, почему и может быть назван *творческой памятью*: с каждой новой интерпретацией сюжета, содержащего мотив «отцы-дети», мы вспоминаем евангельскую притчу о блудном сыне.

Принципиальная важность притчи, к сюжету-архетипу которой восходят актуальные сюжеты литературы Древней Руси и новой литературы, в следующем: отзывчивость мировой литературы на этот сюжет связана в немалой, если не в главной, степени с тем, что она (притча) соединяет ситуации выбора пути, сотворения биографии с возникающей в каждом новом поколении коллизией несогласия воли «детей» с авторитетом «отцов». Отсюда многообразие житейских конфликтов и их напряженный драматизм. Отсюда и благодатная почва для творчества писателей. В.И. Тютча об этом явлении отзывчивости пишет: «...Во множестве произведений мировой литературы мы встречаемся как с сюжетом блудного сына, явно или (чаще) не явно воспроизводящим событийную канву притчи из Евангелия от Луки, так и с мотивом блудного сына, актуализирующим ту же притчу в читательском сознании без воспроизведения ее сюжета в тексте» [4, 5].

Прямые воспроизведения сюжетной канвы притчи в произведениях русской литературы и случаи актуализации этой же притчи «в читательском сознании без воспроизведения ее сюжета в тексте» есть доказательство «вечности» библейского сюжета о блудном сыне.

В использовании художниками мотива «отцы-дети» как «микросюжета» [5, 46] осуществляется связь веков. Общность произведений

с архетипом ясно и отчетливо прослеживается, а осмысливается и преподносится читателю по-разному. Мотив «отцы—дети» с каждой новой эпохой остается неизменным, лишь приобретает новые воплощения, в чем-то трансформируясь и усложняясь. Сюжет-архетип блудного сына — идеальный набор потенций человеческого существования и выстраивания взаимоотношений поколений, поведенческий выбор в котором обусловлен индивидуальным сознанием. Предложенный человечеству идеал определяет способ мышления в извечном конфликте поколений и регулирует жизнь. Литература и жизнь человека «выдают» трансформацию первоначального структурного кода, новый комплекс идей, разные пути распоряжения или не распоряжения предложенным потенциалом действий.

Вариативность определяется *координатами смыслового пространства*. Это так называемые «отправные точки смыслообразования» (курсив — Барт Р.):

Конфликт поколений: а) явный; б) скрытый (внутренний); в) мнимый (отражающий разное восприятие сознаниями);

«Отец — сын» (главный ген сюжета, сохраняющийся во времени, свидетельствующий о бесконечности продолжения человеческой жизни): а) родственная, кровная связь; б) иерархическая связь; в) духовная связь;

«Блудный»: а) блуждающий (странствующий); б) блудливый (совершающий грех); в) соединение первых двух значений;

«Сын — сыновья»: а) сын, единственный сын; б) не сын; в) младший сын; г) грешный; д) праведный; е) дочь;

Ситуация выбора;

Диалог: а) состоявшийся; б) несостоявшийся;

Возвращение в отчий дом: а) возвращение; б) не-возвращение, гибель;

Дом Отца: а) дом; б) монастырь; в) другая обитель;

Вопрос веры: а) есть Бог, обретение бога внутри себя (символическое возрождение/воскрешение); б) нет Бога, невозможность обретения Бога внутри себя;

Покаяние: а) покаяние; б) не-покаяние;

Прощение: а) прощение; б) не-прощение;

Земля: а) родная земля; б) чуждая земля.

Особую значимость обретает проблема *выбора путей*, что можно объяснить и менталитетом русского человека: в силу многих исторических условий и перипетий и Россия в своей истории, и русский человек в своей биографии часто оказываются на распутье, перед выбором, на развилке трех дорог (как в фольклоре). Выбором пути определяется или снимается острота конфликта поколений. В ситуации выбора человек, при-

нимая решение, реализует себя как самобытная личность, индивидуальность.

Несогласие воли детей с авторитетом отцов *мотив воли/своеволия* — наиважнейший момент в процессе порождения новых сюжетов, заключающих в себе библейский сюжет о блудном сыне. Постоянство памяти о библейской притче связывается с наличием конфликта поколений и мотива своеволия как проявления индивидуальности, что и позволяет нам говорить о «бесконечной» жизни исследуемого сюжета, его модификациях как результате художественного моделирования.

Мотив воли/своеволия в библейском сюжете сопряжен с мотивом *доли*. Конструктивность и сюжетообразующая функция диады «воля — доля» для притчи очевидна, а для последующих (актуальных) сюжетов художественно продуктивна. Диада «воля — доля», ситуация выбора, степень конфликтности дают возможность углубления в сознание героев, постижения человековедения на примерах произведений художественной литературы.

А.Н. Веселовский разграничивал понятия мотива и «сюжета как комплекса мотивов» [5, с.304] и одновременно рассматривал их в одной плоскости как семантические единицы — односоставные и многосоставные — одного и того же художественного языка. А.В.И. Тюпа и Е.К. Ромодановская считают, что «в литературной практике многие традиционные мотивы могут быть развернуты в целые сюжеты, а традиционные сюжеты, напротив, «свернуты» в один мотив» [4, 4-5]. В связи с этим мы можем проследить развитие мотива «отцы—дети», определяющего суть конфликта поколений, проблемы «отцов» и «детей», от эпохи к эпохе, начиная с библейской истории о блудном сыне, и убедиться в бесконечной актуальности данного вопроса и невозможности однозначного его решения, ибо в разные исторические времена он наполняется новым содержанием и смыслом.

Традиция, заложенная еще А.Н. Веселовским, — традиция углубленного изучения сюжетов-архетипов на широком историческом фоне. Переходя от поколения к поколению, от народа к народу, сюжет-архетип становится некой моделью системы человеческого полагания и поведения, заключающей в себе оценивающий авторский взгляд, без которого теряет жизненную значимость, ибо представляет собой не просто схему событий, а реализацию определенного типа поведения. Сюжет-архетип, или первообраз, восходящий к источнику-мифу, впитывает в себя различные мифологемы и современные идеи, благодаря чему и переходит в сюжет актуальный, реализованный в конкретном произведении, и сохраняется в нем наподобие ядра.

Понятие сюжета-архетипа весьма хорошо раскрыто в статье группы авторов (Б.Ф. Егорова, В.А. Зарецкого и др.) «Сюжет и фабула», рассматривающих взаимодействия основных категорий сюжетологии. Так, авторы отмечают, что в типологическом аспекте литературного процесса сюжет как последовательность действий в произведении, художественно организованная через пространственно-временные и причинно-следственные отношения и организующая систему образов, существует как архетип, переходя из одного произведения в другое. «Сюжет-архетип предшествует конкретной фабуле произведения: жизненные явления отбираются и организуются художником под действием и с учетом сюжета-архетипа. Последний — необходимое звено замысла: он первичен в отношении к конкретной фабуле, подчиняя жизненный материал, оформляя, так сказать, его основные массивы, тогда как актуальный сюжет, вторичный по отношению к ней, окончательно преобразует жизненную основу в явление искусства. <...> В актуальном сюжете сюжет-архетип сохраняется как внутренняя форма...» [6, 20].

Важный момент связан с разделением так называемого «бродячего» сюжета и сюжета-архетипа. В нашем случае мы не говорим о сюжете-архетипе, существующем как протосюжет (к последнему относятся «бродячие» сюжеты), который подчиняет себе фабулу, главенствует над ней. Нас интересует архетип, получивший воплощение в конкретном сюжете, архетип, который, будучи конкретизирован и наполнен жизненным материалом (фабулой) и в значительной мере — заслонен им, не исчезает и всегда остается распознаваем.

Художественные произведения, создаваемые в каждом новом временном отрезке, имеющие в своей основе единый достаточно устойчивый архетип, современная литературоведческая наука рассматривает как *парадигму* типологически разнообразных «модификаций» одной и той же основы. Системно-структурный анализ художественных текстов, включающий в себя изучение типологических схождения и расхождения, утверждает нас в понимании «текста как смыслопорождающего устройства».

Существующие исследования отдельных произведений русской литературы, отображающих и изыскивающих конфликт поколений, не позволяют проследить весь путь одного сюжета и причастных к этому сюжету мотивов в движении эпох, а без всеобъемлющего осмысления, без концептуального анализа текстов разных жанров, без целостного взгляда на развитие мотива «отцы-дети» невозможно увидеть и понять всю суть системы с устойчивым канонизированным типом кодировки.

Целостность и широта охвата литературных произведений с их образцами решения извечной проблемы «отцов» и «детей» дают возможность проникнуть в процессы художественного исследования тайн человеческой индивидуальности, понять степень свободы и зависимости человека от социальной среды и, главное, определить вечные ценности человеческого бытия и понять истинное предназначение человека в нравственно-философском аспекте.

Содержание и характер конфликтности поколений на разных этапах развития сюжета были разными. Степень остроты проблемы «отцов» и «детей» в русской литературе XI–XVIII веков с позиции конфликтности можно охарактеризовать в целом как изменчивую: от отсутствия конфликта («Повесть временных лет») до остроты в меньшей степени (например, «Моление Даниила Заточника» [7]) и остроты в большей степени (например, «Житие Феодосия Печерского», трагедия А.П. Сумарокова «Синав и Трувор» [8]). Подобная изменчивость является, на наш взгляд, как бы прелюдией к «взрыву», «апогею» конфликтности в литературе XIX–XX веков (например, в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума», рассказе Л.Н. Андреева «Молчание» [9]).

Академик Д.С. Лихачев [10, 3–5] отмечает, что наука, ища закономерности, останавливает свое внимание прежде всего на том, что повторяется, на похожем, общем и редко обращается к единичному. Однако иногда представляется гораздо более важным изучать неповторимое, индивидуальное. Ведь легко опознать лист клена, но нет одинаковых листьев; легко обнаружить в литературных произведениях повторяющийся сюжет, но мы не найдем одинаково художественно воплощенных сюжетов.

Попытка увидеть и соединить закономерность и индивидуальное внутри этой закономерности позволяет нам углубиться в соотносительность общей нормы, воспринимаемой художником и адресатом произведения как внешняя по отношению к данному тексту закономерность, и конкретных творческих решений, воспринимаемых как индивидуально-совершенные открытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. — М. : Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994.
2. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история /
3. Тюпа В.И., Ромодановская Е.К. Словарь мотивов как научная проблема. / В.И. Тюпа, Е.К. Ромодановская. // Материалы к «Словарю сюжетов и мотивов русской литературы»: от

сюжета к мотиву / Под ред. В.И. Тюпы. — Новосибирск, 1996. — С. 3-15.

4. Мелетинский Е.М. «Историческая поэтика» А.Н. Веселовского и проблема происхождения повествовательной литературы / Е.М. Мелетинский // Историческая поэтика: Итоги и перспективы изучения. — М., 1986. — С. 46.

5. Веселовский А.Н. Историческая поэтика / А.Н.Веселовский. — М., 1989.

6. Егоров Б.Ф., Зарецкий В.А. и др. Сюжет и фабула / Б.Ф.Егоров, В.А.Зарецкий и др. // Вопросы сюжетосложения: Сб. статей. — Рига: Даугавпилсский педагогический институт, 1978, Вып.5.— С. 11-21.

7. См: Радь Э.А. «Моление Даниила Заточника» сквозь призму проблемы «отцов» и «детей» / Э.А. Радь // Учен. записки Стерлитамакского госпединститута и СФ АН РБ (Лингвистика.

Литературоведение.). — Стерлитамак : СГПИ, 2002. — С. 175-179.

8. См: Радь Э.А. Идеология и психологизм в трагедии А.П. Сумарокова «Синав и Трувор» / Э.А. Радь // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 12. — Самара : Изд-во «НТЦ», 2006. — 336с. — С. 98-105.

9. См: Радь Э.А. Многоликое одиночество героев как отражение проблемы «отцов» и «детей» в рассказе Л.Андреева «Молчание» / Э.А. Радь // Кормановские чтения: Материалы Межвуз. конф. (Ижевск, апрель, 2006) /Сост. Н.С. Измestьева, Д.И. Черашняя. — Ижевск, 2006. Вып. 6. — 484 с. — С.168-172.

10. Лихачев Д.С. Закономерности и антизакономерности в литературе / Д.С. Лихачев // Русская литература. — 1990. — № 1.— С. 3-5.

Радь Э.А.

Стерлитамакской государственной педагогической академии им. Зайнаб Бишшевой.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы.

e-mail: elza_rad@mail.ru

Radd E.A.

Sterlitamak State Pedagogical Academy named after Zainab Biisheva.

Candidate of Philological Science, Docent.

УДК 821.161.1.09

ЧТЕНИЕ В СИСТЕМЕ ВОСПИТАНИЯ ИНСТИТУТОК

© 2011 А.С. Сафонова

Тверская государственная медицинская академия

Поступила в редакцию 20 октября 2010 года

Аннотация: Мемуары и беллетристика XIX века представляют множество обращений к теме институтского образования, однако специальные исследования, посвященные этому вопросу, практически отсутствуют. В данной статье мы пытаемся определить, какое место занимало чтение в системе воспитания институток. Предпринятый нами анализ мемуарной и художественной литературы показывает, что чтению всегда отводилась второстепенная роль, несмотря на проведенную в конце 1850-х гг. реорганизацию учебного процесса.

Ключевые слова: институт благородных девиц, система воспитания, чтение, реформа образования, второстепенная роль.

Abstract: Though 19th century memoirs and fiction offer a lot on the education at Noble Maidens Institutes, special studies on the topic are almost absent. In this paper we try to define the role of reading in that education system; our analysis of memoirs and fiction has convinced us this role, in spite of the 1850's education reform, had always been marginal.

Key words: Noble Maidens Institute, education system, reading, education reform, marginal role.

Понятием «институтки» обозначались воспитанницы средних учебных заведений, так называемых институтов благородных девиц. Официальное начало женским институтам в России было положено Екатериной II, учредившей в Санкт-Петербурге в 1764 г. Воспитательное общество благородных девиц. Оно размещалось в стенах Воскресенского девичьего монастыря, построенного на месте Смольного дворца. Именно поэтому Воскресенский монастырь обычно называли Смольным монастырем, а питомиц Воспитательного общества — «смолянками» или «монастырками». В институте учились дворянские дочери в возрасте от 6 до 18 лет. По замыслу основательницы, институты должны были готовить «новое поколение людей, которые усовершенствовали бы жизнь и наслаждались бы счастьем» [1, 193]. Впоследствии по образцу Смольного института подобные учебные заведения возникли в Санкт-Петербурге, Москве, Харькове и некоторых других городах России.

Тема постановки обучения в женских институтах достаточно распространена в мемуарной и художественной литературе, однако исследователи к ней практически не обращались, существуют лишь отдельные замечания в работах, посвященных институтскому воспитанию [2]. Главный интересующий нас вопрос связан с тем, какое место занимало чтение в системе воспитания институток.

В целом, в жизни институтов можно наметить два периода. Первый связан с деятельностью Екатерины II и Марии Федоровны. Новая эпоха начинается с конца 1850-х гг., о чем я буду говорить далее.

На первом этапе существования институтов первостепенное значение придавалось не образованию, а нравственному воспитанию и приобретению навыков, необходимых для светской жизни. В связи с этим основными предметами в институте были закон божий, иностранные языки, музыка, танцы. Согласно уставу, главное было «не столько учить детей, сколько давать им охоту, желание и любовь к знанию, дабы

сами желали умножить его» [3, 102]. Место чтения в системе воспитания было изначально маргинальным. Устав институтов рекомендовал «возбуждать в воспитываемых охоту к чтению книг, как для собственного увеселения, так и для происходящей от него пользы» [4, 218].

Постановка обучения в институтах была изменена с 1798 г. новой руководительницей воспитательных учреждений императрицей Марией Федоровной. Сама система воспитания стала, по словам историка Е.Н. Щепкиной, «гораздо практичней». Прежние воспитательные задачи гуманно-общественного характера были заменены более узкими — подготовкой добрых супругов и матерей. Таким образом, как отмечает известный педагог П.Ф. Каптерев, «была открыта чисто женская профессия, она-то и была выдвинута на первый план в институтском курсе» [1, 195].

Первые выпускницы с благодарностью вспоминали институтские годы. Г.И. Ржевская в своих мемуарах воздает должное Екатерине II, создавшей этот «приют невинности и мира», в котором прошли «счастливые времена» ее жизни [6, 36]. Более поздние воспоминания свидетельствуют о том, что впоследствии воспитание стало сводиться к поддержанию внешнего благообразия, дисциплины и порядка [4, 245]. Несмотря на то, что программы обучения в институтах были разными, учебный курс соответствовал единой цели. С точки зрения писательницы С.Д. Хвошинской, институт не давал ни удовлетворительного образования, ни нравственного воспитания [6, 119].

Что касается чтения, то, по воспоминаниям выпускниц, вплоть до 1860-х гг. в институтах не было даже библиотек. Художественные произведения институтки читали в кратких изложениях по хрестоматиям или знакомились с ними со слов учителя. «В старшем классе, — вспоминает выпускница Московского Ермоловского училища, — прибавлялся курс французской литературы, который мы проходили по запискам, составленным неизвестно кем и никогда не изменявшимся и не дополнявшимся» [7, 59]. Е.Н. Водовозова с горечью пишет, что, будучи институткой, гордилась тем, что Лермонтова читала в изложении на восемнадцать страниц, а Пушкина — на тридцати. Она же вспоминает, что «подходящего чтения, которое могло бы хотя несколько заинтересовать учениц, не существовало» [4, 254].

Об отсутствии достойного чтения свидетельствуют выпускницы разных лет. «Во всем институте даже Крылова не было! — писала Н.С. Соханская, — Читали мы какие-то изорванные побасенки во время класса чтения» [8, 18]. Т.Г. Морозова, заставшая последние годы существования институтов, вспоминала, что в инсти-

тутских книжных шкафах были «бесконечные жития святых и книги на французском языке» [9, 453]. Строгая цензура на книги приводила к тому, что курсы литературы были оторваны от интересов современной жизни. Поэтому как яркое воспоминание Морозова описывает два урока рукоделия, на которых классная дама читала вслух повесть В.П. Желиховской [9, 453]. Произведения Тургенева, Толстого, Достоевского она прочитала уже после института.

Отзывы воспитанниц совпадают с оценкой, которую дает А.Д. Галахов, служивший в 1840—1843 гг. инспектором классов в московских институтах — Екатерининском и Александровском. Анализируя постановку обучения, он отмечал существенные изъяны, в частности в преподавании русской словесности. По его словам, преподавание «было схоластическое, страдало отсутствием всякой живой связи между теорией и образцами. Да и самая теория ограничивалась так называемыми правилами риторики, рецептами для разных родов сочинений» [10, 263].

Как в мемуарах институток, так и в художественной литературе, описывающей институтскую жизнь, почти не встречаются упоминания о любимых писателях или произведениях. Чаще всего говорится о преподавателях словесности, причем в оценке их деятельности основным критерием является степень эмоциональности в подаче материала. Например, А.В. Стерлигова вспоминает своего преподавателя словесности П.Г. Ободовского: «Его лекции были интересны, особенно когда он читал сочинения поэтов и писателей, читал блестяще-увлекательно; он это делал в награду, если хорошо отвечали» [11, 107]. О своем преподавателе словесности пишет и Е.Н. Водовозова: «Читал он несколько гробовым голосом, сопровождая чтение классическими жестами, но нам это чрезвычайно нравилось. В стихотворениях нас увлекала музыка и мелодичность стиха, в прозе — возвышенные выражения, и хотя до смысла мы не додумывались и наш учитель не объяснял нам его, но все же это нас увлекало более, чем сухое заучивание грамматики» [4, 327]. В целом же бывшие воспитанницы институтов сходятся во мнении, что «дело преподавания было обставлено крайне неудовлетворительно» [7, 55], большая часть педагогов была людьми невежественными, которые не хотели и не могли возбуждать стремление к чтению, но тем ярче вспоминаются педагоги, способные «пробудить жажду знаний и любознательность», которые «вносили жизнь и вызвали работу ума среди сонного обучения» [12, 55].

Курсы русской и иностранной литературы включали в себя «очень подробно древних, духовных писателей и очень кратко новейших»

[13, 484], и это не восполнялось внеклассным чтением, которое всячески ограничивалось и контролировалось, чтобы оградить институт от вредных идей и сохранить в них невинность ума и сердца. Однако институтки умели обходить запреты. По словам Е.И. Лихачевой, «некоторые воспитанницы читали тайком приносимые им братьями и сестрами романы Сю, Дюма, а иногда и просто-напросто сочинения порнографической литературы» [14, 445]. Н.С. Соханская вспоминала, как «отдавала свой завтрак, полдник, обед за позволение прочитать книгу» [8, 19], причем читать ей приходилось лежа под кроватью. С подобными трудностями сталкивались девушки во многих институтах. «Но так как между нами было немало ярых любительниц чтения, — рассказывает бывшая воспитанница Московского Ермоловского училища, — то мы ухитрились как-то доставать себе разные жестокие романы, вроде “Парижских тайн”, “Таинственного монаха”, “Мартина найденыша” и прочей дребедени, которою мы зачитывались до одурения» [7, 61]. Воспоминания бывших институток свидетельствуют, что многое в их восприятии литературы зависело от возраста и культурного развития.

В середине XIX в. стало очевидным, что состояние женского образования в стране требует реформ. Общественное движение за эмансипацию женщин и развитие женского образования получило поддержку императрицы Марии Александровны. В 1859 г. инспектором классов в Смольный институт был назначен К.Д. Ушинский, который провел ряд прогрессивных мероприятий, пытаясь реорганизовать весь учебно-воспитательный процесс. В результате Смольный институт преобразился до неузнаваемости. «Этот величайший русский педагог, вместе с введенными им новыми учителями, начал подрывать гнилые устои института и водворять в нем новые порядки, всколыхнувшие весь строй стоячего институтского болота, перевернувшие вверх дном все установившиеся в нем понятия о воспитании и образовании» [4, 314]. Учебные планы и программы были переделаны в соответствии с требованиями научной педагогики: впоследствии эти планы послужили основой для учебных планов женских гимназий. В основу преподавания был положен родной язык. Чтение иностранных литератур на иностранных языках было заменено курсом общей европейской литературы на русском языке. Была введена практика разбора художественных произведений, как русских, так и иностранных, и уже на основании таких разборов делались теоретические выводы [15, 294–295].

Одну из важнейших задач женского воспитания К.Д. Ушинский видел в том, чтобы

«еще в заведении приучить девиц к полезному, плодотворному чтению: внушить им любовь к нему; образовать в них вкус к изяществу в литературе и таким образом положить прочное основание к дальнейшему их самообразованию» [15, 295]. Воспитанницы получили возможность прочитать Шиллера, Шекспира, Гете, Гердера, Пушкина. Воспоминания бывших учениц Константина Дмитриевича Ушинского свидетельствуют, что девушки были явно увлечены занятиями и обнаруживали большую любовь к чтению. «Я скоро поняла, — пишет Е.Н. Водовозова, — что прежде меня не прельщало чтение классиков только потому, что оно было отрывочно, а объяснения Старова лишь сбивали с толку. В несколько дней я так пристрастилась к чтению, что институтский колокол, отрывавший меня от него, сделался моим злейшим врагом» [4, 349].

Преобразования, начатые Ушинским в Смольном, были введены и во многих других институтах. Выпускница Московского Ермоловского училища начала 1860-х гг. с благодарностью вспоминает об известном педагоге, последователе К.Д. Ушинского Ф.И. Буслаеве. С тех пор как учебная часть училища перешла в его руки, девушки «получили возможность удовлетворять свою страсть к чтению уже не тайком, а совершенно открыто, и притом совсем не такими произведениями, которыми приходилось довольствоваться в дореформенные времена» [7, 69]. Новый инспектор не только развивал литературные вкусы учениц с помощью произведений английских романистов — Вальтера Скотта, Теккерея, Диккенса, но и вызывал девушек на обсуждение прочитанного.

Преобразовательская деятельность «реформаторов» вызвала недовольство со стороны приверженцев старой системы образования. Ушинский вынужден был оставить институт. Однако несмотря на то, что основные нововведения после ухода Ушинского были уничтожены, реформа его не умерла и получила распространение во многих женских институтах. Поколения русских женщин, прошедших через институты с начала 1860-х гг., обязаны Ушинскому улучшением условий образования и воспитания.

В то же время художественные произведения, принадлежащие перу бывших выпускниц второй половины XIX в., свидетельствуют, что не все преобразования, направленные на улучшение внутреннего строя институтов, смогли сразу повлиять на характер воспитания и образования. Во многих институтах в течение многих лет строй жизни оставался неизменным [14, 438].

Изоляция от внешнего мира, недостаток информации, отсутствие чтения приводили, по словам А.Ф. Белоусова, к потребности у девочек

к новым впечатлениям. Это порождало рассказы о привидениях, пересказы прочитанных или выдуманных историй. Так появлялись в институтах собственные поэтессы и прозаики. По мере взросления изменялся и тематический диапазон рассказов. «Если младшие воспитанницы довольствовались пересказом “суеверных сказок”, услышанных от сиделок и прислуги, то старшие рассказывали “волшебные сказки” собственного сочинения, пересказывали прочитанные или выдуманные ими самими романсы» [16, 139]. Н.С. Соханская вспоминала, как ночами пересказывала подругам повесть А. Тимофеева «Тейфельсберг», дополняя ее красочными подробностями собственного сочинения. «Откуда в мою голову набралось столько разных разностей – Бог весть! Происшествия являлись, цеплялись, располагались сами собою, я едва успевала рассказывать их и совершенно не помнила, как только высказала. Если рассказ тянулся на другую ночь, я принуждена была прибегать к хитрости: говорила, что не помню, на чем мы остановились, и заставляла повторять себе главные обстоятельства дела, после чего я уже пускалась далее легко и свободно» [8, 22]. Впоследствии, после окончания учебы, некоторые бывшие воспитанницы продолжали пробовать писать, сохраняя особенности институтского письма.

Ярким примером являются произведения Л.А. Чарской, которую критики неоднократно обвиняли в пошлости и экзальтированности. Язык ее произведений называли средним между «институтским лепетом и малограмотным переводом» [17, 331]. Действительно, книги Чарской имели ряд существенных недостатков: однообразие сюжетов, языковые штампы, сентиментальность. Раздражала критиков и чрезмерная экзальтированность героинь. Однако они забывали о специфической среде, в которой воспитывались девушки. Многолетнее пребывание в стенах института налагало неизгладимый отпечаток на культурный облик институток, формировало вкусы, привычки, манеру поведения и даже черты характера, делая их узнаваемыми в обществе. Чарская относится к числу тех выпускниц института, которые с любовью, хотя и без прикрас изображают казарменную, монотонную жизнь учебного заведения. «Подробно рисуя все ужасы этого мрачного места, она ни на миг не усомнилась, что рисует умирительно-трогательное» [18, 159], — замечал один из главных оппонентов писательницы К.И. Чуковский.

С теплым чувством описывает Павловский институт и Н.А. Лухманова в повести «Девочки». Основной интерес обеих писательниц сосредоточен на разных ситуациях, возникавших

в детском коллективе. Читатель узнает о жизни девочек, оторванных от дома и вынужденных принять новые для них условия существования: изолированность от внешнего мира, строгий распорядок дня, грубую одежду, скудную пищу. Как и мемуары, эти произведения дают представление о том, как скучен был круг впечатлений девушек. Становится понятно, почему любая мелочь, нарушавшая монотонное течение времени, перерастала в событие и вызывала неадекватные реакции. Показательно, что в произведениях Чарской и Лухмановой, как и в мемуарах, нет упоминаний о чтении, что лишний раз подтверждает тот факт, что чтению отводилась второстепенная роль в системе воспитания институток.

Таким образом, мы видим, что, несмотря на реорганизацию учебного процесса в 1859 г., которая призвана была в корне изменить содержание институтского образования, место чтения во многих институтах до последних дней их существования в целом оставалось маргинальным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каптерев П.Ф. История русской педагогики / Предисл. Н.В. Бордовской; послесл. В.П. Борисенкова. — СПб. : Алетей, 2004.
2. См.: Лихачева Е.И. Материалы для истории женского образования в России (1856 — 1880): В 3 т. — СПб. : Тип. Стасюлевич, 1901.; Шепкина Е.Н. Из истории женской личности в России. — Тверь: Феминист-Пресс, 2004.; Каптерев П.Ф. Указ. соч.;
3. Белоусов А.Ф. Институтка // Школьный быт и фольклор. Ч. 2. Девичья культура. — Учебный материал по русскому фольклору / Сост. А.Ф. Белоусов. — Таллинн : Таллинск. пед. ин-т им. Э. Вильде, 1992.
4. Шепкина Е.Н. Из истории женской личности в России / Е.Н. Шепкина. — Тверь : Феминист-Пресс, 2004.
5. Цит. по: Водовозова Е.Н. На заре жизни // Институтки. Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / Сост., подг. и коммент. В.М. Боковой и Л.Г. Сахаровой, вступ. статья А.Ф. Белоусова. Изд. 4 е. — М. : Новое литературное обозрение, 2008.
6. Ржевская Г.И. Памятные записки / Г.И. Ржевская // Институтки. Воспоминания воспитанниц... С. 36.
7. Хвошинская С.Д. Воспоминания институтской жизни / С.Д. Хвошинская // Две столицы: Проза русских писателей второй половины XIX в. о жизни Москвы и Петербурга. — М. : Современник, 1990.
8. С.Ф. Воспоминания о женском Ермоловском училище // Русская школа. № 5 6.

8. Соханская Н.С. Автобиография / Н.С. Соханская // Русское обозрение. — 1896. — № 7.
9. Морозова Т.Г. В институте благородных девиц / Т.Г. Морозова // Институтки. Воспоминания воспитанниц.
10. Галахов А.Д. Записки человека / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. В.М.Боковой. — М. : Новое литературное обозрение, 1999.
11. Стерлигова А.В. Воспоминания / А.В. Стерлигова // Институтки. Воспоминания воспитанниц.
12. Воропанова М. Институтские воспоминания / М. Воропанова // Русская школа. — 1902. — № 10 11.
13. Цит. по: Р.Ф. Воспоминания институтки шестидесятих годов // Русская старина. 1909. — № 9.
14. Лихачева Е.И. Материалы для истории женского образования в России (1856—1880): Т. 3. — СПб. : Тип. Стасюлевич, 1901.
15. См.: Ушинский К.Д. Собрание сочинений: В 2 т. — М.; Л. : Изд-во АПН, 1948. — Т. 2.
16. Белоусов А.Ф. Институтка / А.Ф. Белоусов // Школьный быт и фольклор. Ч. 2. Девичья культура. — Учебный материал по русскому фольклору / Сост. А.Ф. Белоусов. — Таллинн : Таллинск. пед. ин-т им. Э. Вильде, 1992.
17. Маршак С.Я. Воспитание словом / С.Я. Маршак. — М. : Советский писатель, 1964.
18. Чуковский К.И. Лидия Чарская / К.И. Чуковский // Собрание сочинений: В 6 т. — М., 1969. — Т. 6.

Сафонова А.С.

*Тверская государственная медицинская академия, ассистент, аспирант кафедры истории русской литературы Тверского государственного университета.
e-mail: safonova-t69r@mail.ru*

Safonova A.S.

Tver state medical academy, assistant, post-graduate student of the chair of Russian literature history Tver state university

УДК 81: 001. 4

СИНЕСТЕЗИЯ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ РАЗВИТИЯ ПОЛИСЕМИИ СЛОВА

© 2011 А.К. Свистова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 9 октября 2010 года

Аннотация: В статье сделана попытка уточнить содержание термина синестезия в ряду терминов, обозначающих различные способы образования так называемых переносных значений слова — метафора, метонимия, синекдоха. Синестезия выделяется как особый способ развития значения слова путем приписывания одним чувствам признаков, присущих другим чувствам.

Ключевые слова: полисемия, синестезия, типы синестезии.

Abstract: An attempt is made to specify a content of the term synesthesia between a number of terms designating various ways of formation of so-called transferred meanings of a word — metaphor, metonymy, synecdoche. Synesthesia is treated as a special way of progress of a word meaning by attributing to one kind of senses of the signs inherent in other senses.

Key words: polysemy, synesthesia, types of synesthesia

Принято выделять два основных способа развития полисемии слова: метафору и метонимию [1, 156], [2, 57-58]. Некоторые авторы выделяют **синекдоху** — замену словосочетания одним из его компонентов — как особый способ развития значения, отличный от метафоры и метонимии [2, 14-18].

Среди способов развития значения слова выделяется также явление **синестезии** — использование слов, входящих в ЛСГ названий действия какого-нибудь органа чувств, для обозначения действий, относящихся к сфере другого органа чувств [3, 191].

Термин «синестезия» давно находится в научном обиходе, но содержание этого термина не устоялось до сих пор: среди ученых нет единства мнений по поводу объема понятия «синестезия». Как термин, так и само понятие синестезии пришли в лингвистику из психологии, где под синестезией обычно понимается «такое слияние качеств различных сфер чувствительности, при котором качества одной модальности переносятся

на другую, разнородную, например, при цветном слухе качества зрительной сферы на слуховую» [4, 192]. Синестезия, буквально определяемая как «со-ощущение», «со-чувствование», возникает как интермодальное смещение в головном мозге и ведет к тому, что язык реагирует на него специфическими словосочетаниями» [5, 104].

Синестезию определяют также как сложную специфическую форму взаимодействия в целостной системе человеческой чувственности, как концентрированную и симультанную актуализацию чувственности в широком спектре ее проявлений. Синестезия протекает в невербальном мышлении, но находит свое воплощение в метафорическом образном строе, где сопоставления, сравнения возникают между разномодальными впечатлениями.

По мнению Б.М. Галеева, словом «синестезия» обозначается и сам процесс межчувственных соотношений (ассоциаций), и его результаты. Б.М. Галеев выделяет поэтическую синестезию и считает, что ей присущи все общие признаки тропичности — возбуждение «беспокойства мысли», радость соучастия в творче-

стве, повышенная многозначность восприятия, «приращение», а то и изменение смысла, возникновение нового (главного) значения из невысказанного [6, 35].

В лингвистике синестезией называют специфические тропы и стилистические фигуры, связанные с межчувственными переносами и сопоставлениями [7, 37].

С. Ульман считает синестезию особым типом метафоризации. Он выдвинул предположение о том, что это широко распространенная форма метафоры. В таких метафорах реализуется перенос названия одного ощущения на другое, в чем-либо сходное с первым. Слово, связанное с одним ощущением, переходит в сферу обозначения другого ощущения, при этом меняя свою семантику [8, 188].

Мы исходим из того, что **синестезией** называется употребление слова, значение которого связано с одним органом чувств, в значении, относящемся к другому органу чувств [8, 24]. Виды синестезии принято различать по характеру возникающих ощущений: зрительных, слуховых, вкусовых, осязательных или обонятельных. Проиллюстрируем наше понимание синестезии несколькими примерами сочетаний прилагательных с номинациями эмоций на материале произведений русских и немецких поэтов.

В случаях обонятельной и вкусовой разновидностей синестезии в эмоционально-психологическую область переносятся ощущения от запахов и вкуса. Прилагательные **душистый** и **duftend** (благоуханный), теряя сему 'запах' (душистый — имеющий приятный сильный запах; благоуханный — распространяющий аромат, приятный запах), получают связанное значение 'стойкий, незабываемый':

Das duftende Sehnen

Der Kelche voll Tränen,
Das hoffende Ranken
Der kranken Gedanken...

Brentano Clemens „Es ist ein Schnitter, der heißt Tod..."

Как теперь далеко это **счастье душевное!**
Одиноким, в чужой стране,
вспоминаю я часто минувшее чистое...

В. Набоков. Башмачок

Прилагательные вкусового восприятия включают в свою семантическую структуру сему оценки:

Damals auch trieb **bittre** (sic.) **Kummer**
Mich aus meinem Heimatland...

Franz Grillparzer Reiselust
Vertraute Schritte auf der dämmernden Steige, der
Anblick gebräunter Balken,
Ein offenes Fenster, an dem ein **süßes Hoffen**
zurückblieb...

Georg Trakl. Unterwegs

О, в срывах воль найти, познать себя
И, **горький стыд** смиренно возлюбя,
Припасть к земле, искать в пустыне воду...

М. Волошин.

Изгнанники, скитальцы и поэты...

Данные синестезийные словосочетания утратили бы часть своих смыслов при отсутствии указанных определений. Само переживание (счастье, Sehnen («тоска»), Kummer (огорчение), Hoffen («надежда»), стыд) было бы не так экспрессивно без определений, выражающих впечатление вкуса (жгучий, bitter — горький, süß — сладкий) и обоняния (душистый, duftend — благоуханный).

В случае осязательной разновидности синестезии в эмоционально-психологическую область переносятся тактильные ощущения:

An dem Gedanken bin ich oft erwacht,
daß jetzt ein Schiff geht durch die kühle Nacht
und Meere sucht und nach Gestaden fährt,
nach denen **heiße Sehnsucht** mich verzehrt.

H. Hesse. In der Nacht

Am Boden auf dem Rohrgeflecht,
Vom **harten Glück** verstoßen,
Da ruht der arme Schifferknecht
Mit seinen müden Rossen.

N. Lenau. Der Schifferknecht

Ты с кем на заре целовалась,
Клялась, что погибнешь в разлуке,
И **жгучую радость** таила,
Рыдая у черных ворот?

А. Ахматова.

Три раза пытаться приходила...

За счет сем прилагательного происходит усиление значения существительного: **жгучая радость** — сильная, остро переживаемая, **heiße Sehnsucht** («горячая тоска») — сильная, непроходящая. **Hartes Glück** (твердое/жесткое счастье) у лирического героя в результате того, что он смог прилечь на циновку из тростника и отдохнуть от непосильной физической работы.

Аналогично могут быть проиллюстрированы и другие разновидности синестезии.

Синестезия используется как средство варьирования обозначений. Синестезийное развитие значения слова позволяет более тонко и точно передавать нюансы эмоциональных переживаний в поэтических текстах. Представляется, что соединение одних слов с другими в пределах синестезийных сочетаний должно быть обусловлено законами языка, а именно закономерностями лексической и семантической сочетаемости слов. В синестезийных словосочетаниях, встречающихся в русской и немецкой поэзии, выбор компонентов зачастую определяется индивидуальной манерой автора: *душистое счастье, hartes Glück* (твердое/жесткое

счастье). Синестезия представляет собой динамический процесс, благодаря которому происходит обогащение лексико-фразеологической системы языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Квятковский А.П. Поэтический словарь / А.П. Квятковский. — М. : Советская энциклопедия, 1966. — 275 с.
2. Москвин В.П. Русская метафора. Очерк семиотической теории / В.П. Москвин. — Изд. 3-е. — М. : ЛКИ, 2007. — 182 с.
3. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология : На материале французского и русского языков / В.Г. Гак. — М. : Международные отношения, 1977. — 262 с.

4. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. — СПб. : Питер Ком, 1998. — 705 с.

5. Лурия А.Р. Курс общей психологии : Психология ощущения и восприятия / А.Р. Лурия. — М., 1971.

6. Галеев Б.М. Литература как «полигон» для изучения синестезии / Б.М. Галеев // Междисциплинарные связи при изучении литературы: (Сб. науч. тр.). — Саратов : Изд-во СГУ, 2003. — С. 33-38.

7. Берестовская Д.С. Слово, цвет и звук как воплощение «закона всеобщей аналогии» (из наблюдений над образом крымского пейзажа) // Культура народов Причерноморья. — 1997. — № 1. — С. 35-39.

8. Григорьева О.Н. Цвет и запах власти: учеб. пособие / О.Н. Григорьева. — М., 2004. — 248 с.

Свистова А.К.
 Воронежский государственный университет
 Аспирант кафедры общего языкознания и стилистики
 e-mail: knignay-krysa@yandex.ru

Svistova A.K.
 Voronezh State University.
 Post-graduate student of the department of general
 linguistics and stylistics.

УДК 81'1.001

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КОНЦЕПТА УБЕЖДАТЬ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

(по данным психолингвистического эксперимента с носителями русского языка)

© 2011 О.А. Сычева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 3 апреля 2009 года

Аннотация: Целью данного исследования является моделирование концепта убеждать в русском обычном сознании. В статье представлена интерпретация когнитивных признаков концепта с указанием индекса яркости и полевая структура концепта.

Ключевые слова: концепт, экспериментальное исследование, когнитивная интерпретация, воздействовать, приводить доводы, когнитивное сознание.

Abstract: The aim of this study is to present the model of the concept convince in Russian ordinary consciousness. The concept cognitive features and the field structure of the concept are represented in this article.

Key words: concept, experiment, cognitive interpretation, to affect, to bring arguments, cognitive consciousness.

Нами было проведено исследование концепта *убеждать* при помощи методики направленного ассоциативного эксперимента.

В эксперименте участвовало 200 человек — из них 110 женщин и 90 мужчин в возрасте от 16 до 75 лет. Эксперимент проводился в письменной форме, время не ограничивалось.

Эксперимент состоял из двух этапов. На первом этапе эксперимента испытуемым предлагалась инструкция: «Вы участвуете в психолингвистическом эксперименте. Подберите, пожалуйста, любые синонимы к слову *убеждать*. Просим назвать не менее 5 слов».

В результате от испытуемых было получено 615 реакций. 12 человек не смогли подобрать ни одного синонима.

На втором этапе направленного ассоциативного эксперимента испытуемым предлагалось завершить фразу «Убеждение — это...». Было получено 230 реакций. Отказов — 14.

Близкие по значению ассоциативные реакции двух экспериментов были объединены, а их

частотность суммировалась. Результаты эксперимента были обработаны методом когнитивной интерпретации [1, 139-147]. В результате был получен представленный ниже список когнитивных признаков *концепта* убеждать с указанием индекса яркости соответствующего признака, который вычислялся как отношение количества реакций, объективировавших данный признак, к общему количеству полученных реакций:

воздействовать 0,45 (380 объективаций) (угovarивать 78, навязывать 61, заставлять 33, уверять 25, настаивать 23, внушать 22, воздействие 20, изменять точку зрения 17, давить 13, влиять 12, склонять, уламывать, упрашивать 11, просить 6, доводить, привлекать 4, увещевать 3, заверять, соглашать, принуждать, убалтывать 2, агитировать, вербовать, внедрение своих мыслей, вынуждать, использовать силу, насилие, переориентировать, пересмотр ценностей, побуждать, подавление, подчинять, приведение к определенному мнению, призывать, соблазнять, сподвигнуть, стимулировать, умасливать, умолять 1.

приводить доводы 0,30 (261 объективация) (доказывать 131, приводить доводы 37, аргумен-

тировать 27, объяснять 26, разъяснять 9, обосновывать 8, доносить, оправдывать 4, называть причины 3, вразумлять, втолковывать, показывать плюсы и минусы, удостоверить 2, апеллировать к рассудку, подтверждение, разжевывать, растолковывать 1).

выражать мнение 0,04 (38 объективаций) (точка зрения 14, мнение 9, позиция 7, взгляд, идеология, моральная основа, отношение, принцип, следование системе взглядов, стандарт поведения, выражение точки зрения, часть жизни 1).

вести диалог 0,03 (26 объективаций) (говорить 5, высказывать, излагать 4, рассказывать, способ общения 3, вести разговор, дискутировать, передача мнения, разговор, рассказ, форма разговора 1).

отстаивать 0,03 (24 объективации) (отстаивать точку зрения 17, спорить 4, сопротивление, стоять на своем, твердость 1).

уверенно высказывать 0,02 (21 объективация) (утверждать 21).

вводить в заблуждение 0,02 (16 объективаций) (обманывать 8, вешать лапшу на уши 3, втирать, причисывать 2, хитрить 1).

иметь уверенность 0,02 (14 объективаций) (быть уверенным 13, убежденность 1).

советовать 0,01 (10 объективаций) (советовать 5, учить 2, давать установку, помогать развиваться, учение 1).

редкое умение - 0,01 (9 объективаций) (способность 4, искусство 2, дар, талант, феномен 1).

находить решение — менее 0,01 (7 объективаций) (принимать решение 4, вывод, нахождение правильного решения, способ разрешения спорной ситуации 1).

сообщать информацию — менее 0,01 (6 объективаций) (донесение информации 3, доведение сведений, поток информации, сделать понятным 1).

приходить к общему согласию - менее 0,01 (6 объективаций) (приходить к согласию 3, приходить к взаимопониманию, прихождение к общему мнению, приходить к общему выводу 1).

привлекать сторонников - менее 0,01 (4 объективации) (поиск союзников, привлечение, способ привлечения сторонников 1).

использовать знания - менее 0,01 (4 объективации) (быть компетентным, знать, знать психологию, использовать опыт 1).

использовать наглядность - менее 0,01 (3 объективации) (демонстрировать, показывать 1).

анализировать - менее 0,01 (2 объективации) (анализировать 2).

воспринимать - менее 0,01 (2 объективации) (понимать, чувствовать 1).

говорить правду - менее 0,01 (2 объективации) (говорить правду, открыть глаза 1).

выявлять точки зрения - менее 0,01 (2 объективации) (выявление точки зрения, выявлять 1).

обещать перспективу - менее 0,01 (2 объективации) (обещать будущее, определение перспектив 1).

принимать чужое мнение - менее 0,01 (2 объективации) (присваивать мнение, принятие чужого мнения 1).

требует времени - менее 0,01 (2 объективации) (тратить время, утруждать себя 1).

необходимо думать - менее 0,01 (1 объективация) (думать 1).

все имеют право убеждать - менее 0,01 (1 объективация) (право 1).

разрушать стереотипы - менее 0,01 (1 объективация) (рушить стереотипы 1).

самоутверждаться - менее 0,01 (1 объективация) (процесс самоутверждения 1).

мотивировано желанием помочь - менее 0,01 (1 объективация) (желание помочь 1).

надо уметь это хорошо делать - менее 0,01 (1 объективация) (хорошо 1).

укреплять точку зрения - менее 0,01 (1 объективация) (укрепление точки зрения 1).

Когнитивная интерпретация результатов эксперимента позволяет следующим образом представить полевую структуру исследуемого концепта.

Ядро: *воздействовать 0,45, подтверждать доводами 0,30.*

Ближняя периферия: *отсутствует*

Дальняя периферия: *наличие мнения 0,04, вести диалог 0,03, сопротивляться 0,03, уверенно высказывать 0,02, вводить в заблуждение 0,02, иметь уверенность 0,02.*

Крайняя периферия: (0,01 и менее 0,01) *передавать знания, редкое умение 0,01, принимать обдуманное решение, информировать, приходить к согласию, привлекать сторонников, использовать знания, использовать наглядность, анализировать, воспринимать, говорить правду, выявлять точки зрения, обещать перспективу, принимать чужое мнение, требует времени, необходимо думать, все имеют право убеждать, разрушать стереотипы, самоутверждаться, убеждение может быть мотивировано желанием помочь, надо уметь это хорошо делать, укреплять точку зрения (менее 0,01).*

В целом концепт *убеждать* обладает небольшим объемом — всего 30 когнитивных признаков. Ядро концепта состоит из двух признаков *воздействовать* и *подтверждать доводами*, но характеризуется большой яркостью и составляет 76% от общего числа реакций. Таким образом, в обыденном когнитивном сознании концепт *убеждать* связан с воздействием на собеседника через приведение доводов. Для носителей русского языкового сознания неважно, какого характера ар-

гументы использовать, возможно воздействие любым способом: логическим или эмоциональным.

Ближняя периферия отсутствует, что говорит о сложности выделения общепринятых правил убеждения и незначимости каких-либо конкретных приемов убеждения в сознании испытуемых.

Сравнительно невелики дальняя и крайняя периферии концепта. Это указывает на то, что испытуемые субъективно мало размышляют над убеждением, выявляется мало субъективных признаков, отражающих их собственные размышления над этим явлением.

Небольшое количество когнитивных признаков, низкая яркость большинства из них, отсутствие категоризации определенных приемов и способов убеждения говорит о бедности и стереотипизированности концепта *убеждать* в русском обыденном сознании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попова З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — Воронеж, 2007.

Сычева О.А.

Воронежский экономико-правовой институт

Преподаватель кафедры общей филологии и перевода социально-правового факультета

e-mail: osycheva@mail.ru

Sycheva O.A.

Voronezh institute of economics and law

Teacher of chair of general philology and translation, social-law department

УДК 81'271.14

СПОНТАННАЯ РЕЧЬ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИКИ

© 2011 Г.А. Тезекбаева

Экибастузский инженерно-технический институт им. К. Сатпаева

Поступила в редакцию 19 октября 2010 года

Аннотация: В статье рассматривается статус спонтанной речи в сопоставлении с подготовленной речью говорящего, выделяются некоторые формальные явления в ней, в частности, оговорки и недомолвки.

Ключевые слова: спонтанная, неподготовленная речь — *spontaneous speech*, устная речь, языковая норма, отклонения, речевые ошибки, недомолвка, оговорка.

Abstract: In the article the status of spontaneous speech in comparison with speaker's planning speech is considered, some formal occurrence in speech in particular verbal slips and innuendoes are also marked out.

Key words: *spontaneous speech, spoken language, linguistic standard, digression, speech errors, innuendo, a verbal slip.*

Спонтанная речь в последнее время стала объектом пристального внимания лингвистов и психолингвистов [см. раб.: 1; 2; 3; 4; 5 и др.]. Причем статус спонтанной речи как некоторого отклонения от эталонных речевых реализаций подвергается серьезной критике. В качестве аргумента выступает тот факт, что в ситуации речевого общения спонтанная речь перманентно является первичной.

Спонтанная речь есть речь неподготовленная, осуществляемая говорящим в постоянно (иногда ежеминутно) меняющихся коммуникативных условиях. Именно поэтому спонтанная речь предстает реальным показателем уровня языковой компетенции говорящего. Спонтанная речь — это речь устная, поэтому она противопоставляется письменной речи; неподготовленная, поэтому противопоставляется речи подготовленной, продуманной. В реальной речевой коммуникации преобладает спонтанная речь, иными словами, она является основной, доминирующей, по сравнению с подготовленной устной речью. Осознание этого факта и привело к возникновению прочного исследовательского интереса к спонтанной речи как особому лингвистическому феномену.

Один из исследователей спонтанной речи Д.В. Жабин писал о трудностях ее научного изучения: «...Сложность анализа неподготовленной речи состоит в том, что при спонтанном порождении речи ее организация на уровне единиц звучащей речи, синтаксиса и лексики отличается от других видов устной и письменной речи, описанной методами лингвистического анализа, что требует разработки иных методов. Еще одна сложность заключается в записи и точности передачи всех особенностей этого вида речи (фальш-старты, самоисправления говорящего, сбои в употреблении грамматических форм и порядка слов, множество «оборванных» отдельных слов/ фраз, повторы и т. д.) с целью выявления механизма, при помощи которого можно описать систему, заключающую в себе объем и специфику спонтанного высказывания говорящего» [3; 4]. Как мы видим, исследователь говорит об отличиях спонтанной речи на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях от других видов устной речи и от письменной речи, о том, что для глубокого исследования этих отличий традиционных лингвистических методов явно недостаточно.

Спонтанная речь практически на всех языковых уровнях — от синтаксиса до фонетики — в значительной степени обусловлена

социальными характеристиками говорящих, поэтому спонтанная речь нередко выступала в качестве материала для социолингвистических исследований. Сегодня новые компьютерные технологии и методы позволяют хранить и тщательно изучать устную спонтанную речь, что вызывало раньше большие затруднения для ученых. «Поэтому в данный момент на кафедре фонетики СПбГУ осуществляется проект изучения русской спонтанной речи с использованием пакета программ для редактирования и обработки речевых сигналов EDS, а также акустических баз данных, предназначенных для хранения и описания больших объемов звукового материала» [2]. Исследователи из СПбГУ изучают сегментные и суперсегментные фонетические особенности спонтанной речи. Д.В. Жабина интересуется психолингвистическая специфика спонтанной речи в условиях стресса, т.е. в таких ситуациях, когда говорящий испытывает сильные эмоции — страх, волнение, удивление и проч. [3]. Н.А. Лаврова изучает типы и мотивацию оговорок-инноваций в детской спонтанной речи [5].

Выше уже говорилось о том, что спонтанную речь иногда трактуют как отклонение от эталонных речевых реализаций, к которым относятся, прежде всего, подготовленную, заранее продуманную речь, чаще всего письменную.

Действительно, спонтанная речь в силу своей неподготовленности, повышенной ситуативной обусловленности характеризуется рядом отличительных черт, которые в определенной степени можно причислить к отклонениям от норм подготовленной, гладкой речи. От Л.В. Щербы берет начало традиция считать, что различные отклонения от языковой нормы способствуют более глубокому пониманию того, как функционирует языковая система и языковой механизм. Они рассматриваются как отрицательный языковой материал, представляющий значительный интерес для исследователей языка. С.Н. Цейтлин также полагает, что при анализе сущности отклонений от нормы можно многое узнать о языковой системе, поскольку обнаруживается разная природа языковых единиц и категорий, а также неполноценность некоторых парадигм [4].

Общеизвестно, что речевые отклонения от языковой нормы квалифицируются как ошибки. Рассмотрим в этом плане отклонения от нормы в спонтанной речи. С точки зрения методики преподавания языков и психолингвистики ошибки дифференцируются на основании причин, по которым они возникают. Одну группу представляют ошибки (англ. errors), обусловленные незнанием не-

которого аспекта языковой системы. Вторая группа — это ошибки, связанные с временным ослаблением внимания и контроля над речью в процессе речевой деятельности. Первый тип ошибок имеет устойчивый характер в речи говорящего, ошибки второго типа не имеют устойчивого систематического характера. А также первый тип ошибок характеризует как устную, так и письменную речь говорящего, как подготовленную, так и неподготовленную его речь. Второй тип ошибок характерен для неподготовленной спонтанной речи. Исследователь оговорок в детской речи Н.А. Лаврова пишет: «Дифференциация языковых ошибок и случайных оговорок оказывается возможной в том случае, если объем речевой продукции каждого индивида достаточно обширен, при заданных условиях коммуникации» [5].

Все отклонения от нормы в спонтанной речи, обусловленные ее ситуативностью и зависимостью от эмоционально-психологического состояния говорящего, мы предлагаем отграничить от ошибок первого типа и терминологически, назвав их отклонениями.

Таким образом, **ошибка** представляет собой регулярно повторяющееся в аналогичных ситуациях нарушение языковой нормы, не зависящее от физического или психического состояния человека [5], а **отклонение** — это нарушение нормы в спонтанной речи, обусловленное ее ситуативностью и зависимостью от эмоционально-психологического состояния говорящего, не имеющее системного характера и выступающее, соответственно, обязательным признаком спонтанной речи, отражающим ее природу и сущность.

Майкл Эрард в своей книге под названием «Гм...» объясняет природу отклонений в устной спонтанной речи [6]. Он полагает, что они неизбежны ввиду такого фундаментального свойства языка, как его линейность. Человеческая речь — это акт, протекающий линейно во времени, слова могут только следовать одно за другим и не могут налагаться одно на другое. Предлагаем образно представить, что речь — это дорога в одну сторону с полосой для одного автомобиля, поэтому говорящие на этой дороге не только движутся прямо, беспрепятственно, но они застревают, запинаются, возвращаются и начинают сначала. Так мысль приобретает звуковую форму. Запинки и оговорки показывают, как мы извлекаем нужное слово из запасов памяти, как мы планируем высказывание, как объединяем смысл с интонацией и даже, может быть, как вообще учимся говорить.

Итак, можно констатировать, что спонтанная речь есть особый лингвистический

феномен, характеризующийся разнообразными отклонениями от норм подготовленной, «гладкой» речи, к которым можно отнести:

- фальш-старты,
- самоисправления говорящего,
- сбои в употреблении грамматических форм и порядка слов,
- множество «оборванных» отдельных слов и фраз,
- повторы,
- оговорки,
- недомолвки,
- запинания.

Объектом нашего непосредственного интереса в спонтанной устной речи выступают в первую очередь оговорки и недомолвки.

Оговорки, наряду с описками, в английском языке именуются mistakes, в отличие от ошибок — errors. Оговорка в русском языке — многозначное слово. Словарь Д.Н. Ушакова определяет ее так: «**1.** Разъяснительное замечание, поправка, дополнение к сказанному. *Автор сделал оговорку к данному месту статьи. Согласиться на что-нибудь с оговоркой, без оговорок.* **2.** Ошибка в словах; слово, фраза, ошибочно сказанные вместо других, нужных».

Предметом нашего интереса, конечно же, выступает оговорка в значении «ошибки в словах; слова, фразы, ошибочно сказанных вместо других, нужных». Авторы русских толковых словарей (Т.Ф. Ефремова, С.И. Ожегов и др.) подчеркивают ненамеренный характер, т. е. произвольность, «нечаянность» оговорки, возникающей в спонтанной устной речи. Синонимами оговорки в этом значении являются слова «обмолвка» и «ляпсус». Приведем в качестве оговорок следующие примеры: «*шампан стаканского*» (вместо «стакан шампанского») или «*дыша земляла*» (вместо «земля дышала»). Оговорка не всегда носит такой явный, на уровне фонетического восприятия, характер. Иногда в основе ее лежат глубинные причины психоэмоционального плана. В этом случае говорят об оговорках по Фрейду, который первым проявил интерес к оговоркам в речи как предмету психоанализа.

Недомолвка — это недоговоренность, намеренное умолчание о чем-либо. В качестве синонима к нему в русском языке может выступать устаревшее слово *обиняк*, активно функционирующее в идиомах *говорить обиняками* (говорить намеками, туманно); *без обиняков* (*говорить, выражаться*) (говорить прямо, открыто). Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова дает следующее определение слова обиняк — «Намек, недоговоренность, двусмысленный или иносказательный

оборот речи (теперь преимущ. в выражениях: *говорить обиняками* или *без обиняков*, *сказать обиняком*). *Чопорные обиняки провинциальной вежливости.* Пушкин. *Я буду говорить прямо, без обиняков.* Чехов».

В силу своей природы недомолвки и недоговоренности активно используются в художественной прозе и поэзии, создавая разнообразные смысловые эффекты и полифоничность художественного текста. Стилистическое использование недомолвок литературоведы называют фигурой умолчания.

Мы считаем необходимым отграничить стилистическое употребление недомолвки как фигуры умолчания в художественных текстах от недомолвки как явления спонтанной речи, возникающей в определенных коммуникативных условиях. Одним из этих коммуникативных условий может быть, например, нежелание говорящего договорить фразу, что, в свою очередь, может быть обусловлено взаимоотношениями коммуникантов, либо присутствием третьих лиц, либо эмоциональным состоянием говорящего и прочими причинами. См., например: — *Вы знаете, — продолжал Сергей Павлыч после долгого молчания, — что нет такой вещи....* . *Но к чему я это говорю! ведь вы все знаете* (И.С. Тургенев. Рудин). Волынцев в разговоре с Натальей, в которую он влюблен, начинает говорить о том, что нет такой вещи, которой он для нее не сделал бы, но недоговаривает фразу, и в последующей своей реплике объясняет, почему он ее недоговорил: *Но к чему я это говорю! ведь вы все знаете.*

Иногда в речи недомолвка выступает как элемент языковой игры, например, обыгрывание поговорок, пословицы или известного афоризма посредством недомолвки. См.: «*О здешнем наводнении вы уже столько слышали, что не хочу говорить об нём. Погибло 500 человек и много миллионов рублей. Пока ещё не думаем бежать от Невы, очень прекрасной и столь ужасной. Столицы наши прошли сквозь огонь и воду: чего еще ожидать?*» (Н.М. Карамзин — П.А. Вяземскому, 2 декабря 1824 г.); «*Сегодня весь день мело, с унынием подумала, что и до полярной ночи недолго, это самое неприятное испытание Севера, в темноте — все кошки... и вся жизнь*» (Из частного письма). В письменной речи недомолвка чаще всего обозначается многоточием.

Итак, в своей статье мы рассмотрели спонтанную речь как объект лингвистического анализа, определили ее специфику, а также попытались исследовать некоторые явления спонтанной речи, такие как оговорка и недомолвка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко Л.В. Спонтанная речь и организация системы языка // Бюллетень Фонетического Фонда № 8 «Фонетические свойства русской спонтанной речи» / Под ред. Л.В. Бондарко, М. Краузе. — СПб, 2001. — С. 17-23.

2. Васильева Л.А., Тананайко С.О., Шерстинова Т.Ю. Определения уровня речевой культуры в разных типах речи / Л.А. Васильева, С.О. Тананайко, Т.Ю. Шерстинова. — СПбГУ, кафедра фонетики, СПб, Университетская наб., 11.

3. Жабин Д.В. Формальные признаки спонтанной речи говорящего в ситуации стресса :

дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Д.В. Жабин. — Воронеж, 2006. — 330 с.

4. Цейтлин С.Н. Речевые ошибки при освоении русского языка как родного и иностранного: опыт сопоставительного анализа / С.Н. Цейтлин // X Конгресс МАПРЯЛ «Русское слово в мировой культуре». Методика преподавания русского языка: традиции и перспективы. — Т. 2. — СПб, 2003. — С. 426-432.

5. Лаврова Н.А. О некоторых причинах контаминированных оговорок в речи детей.

6. Erard M. *Um...* / M. Erard / — New York : Pantheon Books? Pp. 287.

Тезекбаева Г.А.

Магистр филологии, ст.преподаватель кафедры «Социально-гуманитарных дисциплин» Экибастузского инженерно-технического института им. К. Сатпаева,

Соискатель научной степени кандидата филологических наук кафедры Романо-германских языков Тобольской государственной социально-педагогической академии им.Д.Менделеева

e-mail: gulzhanchik69@mail.ru

Tezekbaeva G.A.

Master of Philology, Senior lecturer of the Chair of Social Sciences and Arts of Ekibastuz Technical Engineering Institute named after academician K. Satpayev.

Competitor for scientific degree of Candidate of philological sciences at the Chair of Romanic — Germanic languages of Tobolsk State Social Pedagogical Academy named after D.Mendelev.

УДК 821 (091)

ЭКСПРЕССИОНИЗМ С ИМАЖИНИСТСКОЙ ДОМИНАНТОЙ И. СОКОЛОВА

© 2011 Т.А. Тернова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 3 февраля 2011 года

Аннотация: Феномен русского экспрессионизма в русском литературном варианте исследуется на примере теоретической и литературной деятельности лидера группы московских экспрессионистов И. Соколова. Выявляется логика отношения И. Соколова к имажинизму и разница в мировоззренческом обосновании использования единых приемов имажинистами и Соколовым.

Ключевые слова: экспрессионизм; имажинизм; И. Соколов; образ; прием.

Abstract: The phenomenon of Expressionism in the Russian literary form is investigated by the example of the theoretical and literary activities of the group leader of the Sokolov's Moscow expressionists. Reveals the logic of Sokolov's relations to Imagism and a difference in worldview justifying the use of common methods of Imagist and I. Sokolov.

Key words: Expressionism; Imagism; I. Sokolov; image; reception.

Первая треть XX в. была временем напряженных эстетических поисков, спровоцированных существенными мировоззренческими трансформациями. Экспрессионизм явился одной из наиболее адекватных эстетических реакций на кризисы начала XX века.

Существование русского варианта экспрессионизма требует уточнений на том основании, что он не был единым организационным явлением и его особенности «проявлялись через мирозерцание творца, через определенный стиль и поэтику, возникавшие внутри разных течений, делая их границы проницаемыми, условными» [1, 4].

Русский экспрессионизм (литературная деятельность группы экспрессионистов во главе с Ипполитом Соколовым, фуистов, группы «Московский Парнас», петроградских эмоционалистов) до настоящего времени остается малоизученным. Среди немногих работ, посвященных ему, можно особо отметить диссертацию В.Н. Терехиной [2], подготовленную ею антологию «Русский экспрессионизм» [3], ряд работ на ту же тему, вышедших в реферируемых научных из-

даниях ([4]), а также диссертацию А.А. Нененко [5], работы В.Ф. Маркова [6], И.Е. Васильева [7], Т.Л. Никольской [8], И.А. Вакар [9], Д.В. Сарабьянова [10], И.М. Сахно [11].

Исследования, посвященные изучению индивидуальной литературной работы того или иного автора в русле экспрессионистской поэтики, единичны. Практически все они них сосредоточены на обнаружении экспрессионистских тенденций в прозе Л. Андреева (см. [12]). Изучение русского экспрессионизма на Западе началось значительно раньше, но, аналогично российской исследовательской ситуации, так и не стало «персональным» (см. [13]).

Вопрос о русском литературном экспрессионизме был актуален в 1920-е гг., в период развития этого литературного явления (см. [14]). Показательна точка зрения Ю. Тынянова на судьбу русского экспрессионизма, который к 1920 г. кажется ему уже исчерпанным эстетическим явлением [15, 126].

Изначально деятельность группы во главе с И. Соколовым воспринималась на фоне имажинизма. «Собирается конкретно заявить о своем существовании еще одна народившаяся в Москве группа поэтов, отказавшаяся от имажинизма и

ушедшая еще более влево, — группа поэтов-экспрессионистов, — сообщалось в «Вестнике литературы» за 1920 г.» [15, 446].

Таким образом, *актуальность* данной работы мотивирована малоизученностью специфики русского варианта экспрессионизма. *Предметом* исследования станут теоретические и художественные тексты лидера группы московских экспрессионистов И. Соколова. *Цель* исследования — выявить нюансы соотношения литературной работы московских экспрессионистов с имажинистской поэтикой.

Рассмотрение творчества московских экспрессионистов в избранном ракурсе отчасти предпринималось В.Н. Терехиной, которая указала на «имажинистскую доминанту» московского экспрессионизма, и А.А. Нененко. В своем диссертационном исследовании он обнаруживает два этапа в развитии московского экспрессионизма: имажинистский (1919 год) и собственно экспрессионистский (1920–1921 гг.) [5, 5]. Различительным критерием становятся используемые приемы поэтики («повышенная экспрессивность на фоне абстрактных манифестов, формализм, антиэстетизм» и «гротескность, контрастность, схематизм изображения действительности, радикализация цвета, симультанность стиля» соответственно). Тем не менее, поскольку А.А. Нененко сосредотачивается на двух аспектах мироотношения московских экспрессионистов (деструкции и эсхатологии), мы считаем возможным продолжение исследования в этом направлении. Предварительные наблюдения в избранном ракурсе делались нами ранее (см. [16]). *Новизна* нашего подхода будет состоять в выявлении целого ряда схождений в позициях имажинистов и экспрессиониста И. Соколова, помимо обозначенных в предшествующих исследованиях, на примере его теоретических работ и художественных текстов; выявлении внутренней логики взглядов И. Соколова на имажинизм; детальном рассмотрении «Полного собрания сочинений» И. Соколова.

Позиция Соколова по отношению к имажинизму была продиктована не только авангардной практикой эпатажа и желанием самовыражения. О ее внутренней логике свидетельствуют теоретические работы И. Соколова, в которых имажинизм становится предметом рассмотрения.

Любопытно, что И. Соколов толкует имажинизм как прием («имажизм не отдельная литературная школа, а лишь технический прием» [17, 50]). Такое восприятие имажинизма проистекает из базовых характеристик постреалистического искусства с его акцентом на форму в противовес содержанию. Очевидно, что формализм и футуризм являются для И. Соколова синонимами и, в зависимости от того, какой из формальных приемов занимает главенствующее положение в теории той

или иной литературной группы, он и подразделяет футуристические течения на имажинизм, кубизм, евфонизм и т. п.: «В аморфном русском футуризме существовало четыре определенных течения: имажизм, ритмизм, кубизм и евфонизм» [18, 56], «Каждая фракция футуристов культивировала что-нибудь одно: имажисты — образ, кубисты — новый синтаксис и новую этимологию, центрифугисты — ритм и евфонисты — рифму и ассо-диссонанс» [17, 50]. Важным в имажинистской практике И. Соколова считает также принцип эстетической новизны: «Политропизм <...> — максимально неожиданная комбинация образов» [20, 249].

В основе суждений И. Соколова об имажинизме лежат не факты групповой принадлежности, а увиденная извне логика литературного процесса. Взяв за основание критерий образности, он в работе «Экспрессионизм» причисляет к имажинизму Маяковского, Шершеневича, Большакова и Третьякова [18], а в «Воззвании экспрессионистов...» указывает имена Шершеневича, Третьякова, Есенина, Мариенгофа, Эрдмана и др. [19, 54]. Стоит заметить, что в этом перечне для И. Соколова существуют имена первого и второго ряда: «Имажисты Маяковский, Шершеневич, Большаков и Третьяков с 1913г. были имажистами, а с 1916г. стали классиками имажизма» [18, 57].

Терминологически И. Соколов предпочитает английский вариант названия явления — имажизм — хотя в заглавии своей работы «Имажинистика» использует принятое группой именование, замечая при этом: «правильнее производить от французского слова *image* не имажинизм, а имажизм и не имажинисты, а имажисты. <...> По моему мнению, нужно было бы употреблять «имажизм» не только потому, что иностранные имажисты называют себя имажистами, а не имажинистами» [20, 245]. Таким образом, для И. Соколова важно не столько размыкание имажинизма в общеевропейский контекст, сколько акцент на образе как таковом, увиденном в качестве технического средства создания текста, а не на учении, выстраиваемом вокруг него (-изме).

Имажинизм оказывается для И. Соколова не только явным носителем экспрессионистских установок («Сущность тропы в том, чтобы наиболее интенсивно репродуцировать ощущения» [20, 248]), но и одним из зачинателей экспрессионистской тенденции в русской поэзии. Тем не менее, Соколов полагает, что достижения и находки имажинизма уже состоялись, отводя литературную перспективу возглавляемой им группой экспрессионистов: «Имажизм в 1919 году — анахронизм» [17, 50].

Однако желание И. Соколова создать движение, место которого — «значительно левее футуристов и имажинистов» [17, 50], на поверку оказывается не более чем декларацией. Значительное влияние на позиции группы и на поэзию И. Соколова

оказал имажинизм в варианте В. Шершеневича и А. Мариенгофа. Эта зависимость осознавалась самими представителями имажинизма. «В нарочитой метафорике Соколова — «На перекладине бровей, на канатах нервов болтаются синие трупы мертвых зрачков...» — Вадим Шершеневич видел пародию на свои стихи» [21].

Влияние имажинизма на поэтику стихотворений московских экспрессионистов отмечалось современной им критикой. Так, Ф.М. в рецензии на сборник Б. Земенкова, А. Краевского и В. Шершеневича «От мамы на пять минут» писал о его авторах: «Из них первые два — запоздалые и, судя по данным стихам, слабые эпигоны пресловутого имажинизма» (цит. по: [3, 478]).

Современные исследователи отмечают «имажинистскую доминанту» в поэзии И. Соколова. В.Н. Терехина, не конкретизируя свои наблюдения, распространяет эту характеристику на всю литературную деятельность автора [22]. А.А. Нененко [5, 6] и В.Ф. Марков [6, 550] считают влияние имажинизма моментом роста русского экспрессионизма как литературной школы.

Мы признаем правомерность обеих исследовательских позиций. С нашей точки зрения, на всем протяжении недолгой истории группы московских экспрессионистов наблюдалось как следование отдельным приемам имажинистской поэтики, так и расхождение с нею.

Выделим несколько моментов, объединяющих «экспрессионистские» (в узком смысле) и имажинистские эстетические предпочтения И. Соколова, как обозначенных исследователями (п. 1), так и впервые отмечаемых нами (п. 2–5). Принципиален для нас выбор текстового материала для иллюстрации этого сходства. Мы, в отличие от А.А. Нененко, не считаем необходимым ограничивать его 1919-м г., поскольку обнаруживаем приметы имажинистской поэтики и в более поздних текстах И. Соколова. Итак:

1) сходство образной системы, способов работы со словом, «изобразительная ассоциативность» (В. Терехина) словесных построений Соколова. Отсюда, к примеру, метафоры «шар головы», «борт губ» в стихотворении «Индусское» (1921) [3, 123], «балласт слов» (стих. «Скрябин» (1919) [3, 123], созданные по принципу сопряжения нерядоположных смыслов;

2) прием каталогизации образов: «основой своей поэзии имажинисты взяли образ, возможно большую насыщенность образами» (орф. авт. [22, 7]);

3) цитатность, отношение к чужому слову, когда различие своего и чужого становится нерелевантным. Ряд метафор в стихотворении «Скрябин» востребован из текстов А. Мариенгофа. Так, образ «слово — молоко», лежащий в основе поэмы «Развратничаю с вдохновением», переигрывается у

И. Соколова: «губы — отвисшее вымя, их бы доить и доить — и слова потекут» [3, 121];

4) характер автометаописаний, поддержанных стилевым смешением высокого поэтического и канцелярского: см. «...имя мне при рождении дали / И т. д.» у А. Мариенгофа и «...не во френче И. Соколов» у Соколова [3, 121];

5) специфическое решение религиозного боготорческого сюжета: «Она извивается, как язык Самого» [3, 123], «На ослице без Христа я не закричу, не закричу: «Осанна!» [3, 123]. «Отличительная черта — стремление, подобно Мариенгофу и К., сказать о Боге что-либо “занозистое”» [22, 7].

Перечисленное может быть осознано как реализация ключевых моментов имажинистской поэтики неразличений, построенной на совмещении высокого и низкого, своего и чужого. Тем не менее, принципиально по-разному решается И. Соколовым и имажинистами вопрос о соотношении искусства и реальности. Если имажинисты настаивают на их разведении, то И. Соколов, напротив, мыслит свою литературную деятельность как средство для создания нового мира, как начало новой эпохи, которую определяет как эпоху «монументализма»: «Экспрессионизм <...> конструирует нашу эпоху» [18, 64]. Таким образом, сциентистская направленность имажинистской поэзии, реализуемая представителями направления исключительно в пространстве художественных текстов, преобразуется в варианте И. Соколова в основание миромоделирования. В работе «Экспрессионизм» он пишет об этом: «Принципы экономии и утилитарности создадут стиль тейлоризма в современном мышлении (алгебраизация речи), в искусстве (экспрессионистический конструктивизм), в технике, в быте, в мебели, в костюме, в манере говорить, в обстрижке ногтей» [18, 65]. Социально-эстетическая программа реализуется у И. Соколова с использованием приемов имажинистской поэтики.

Более детально рассмотрим «Полное собрание сочинений» И. Соколова. Текст представляет собой результат поэтического эксперимента и может быть воспринят как один из примеров авангардного метаописания, поскольку является практической реализацией доктрины московского экспрессионизма. Метаописательно уже начало текста: «ИТАК: я швыряю новые принципы полиметрики» [3, 69].

Приведенная цитата демонстрирует не только эпатаж как часть житетворческой практики московских экспрессионистов, но и визуализирует базовые мировоззренческие установки авангарда, настаивающего на первичности искусства по отношению к реальности. Модель текстостроения, когда формальная логика определяет содержание текста, детально проработана в поэзии В. Шершеневича, имеющей нарочито сциентистский

характер (см., например, его стихотворения «Ду-атематизм», «Однотемное разветвление»).

Свои тексты, являющиеся реализацией поэтических приемов, И. Соколов эпатажно позиционирует как «не стихи». В слове «сочинения» в заглавии «Полного собрания», таким образом, актуализируется первичный смысл корня, обостряется момент созданности, рационального творения.

Рационализм замысла реализуется в композиции текста, фрагменты которого помечены буквами русского алфавита от А до М. Возникает подобие каталога, в очередной раз напоминающего о имажинистских приемах текстостроения (идея каталога образов, в свою очередь, восходящая к итальянскому футуризму). Незавершенность каталожно-алфавитной модели размыкает текст во временной перспективе, тем более, что он позиционируется как «Издание не посмертное», «Т. 1». Таким образом, в произведении И. Соколова прослеживается характерная для авангарда установка на неготовность текста, которая имеет мировоззренческое обоснование и иллюстрирует отказ от настоящего в пользу будущего.

Введение каждой очередной буквы алфавита иллюстрирует смену предмета изображения или объекта осмысления: А — деревья, Б — снега, В — небесный режиссер и т. п. Текст представляет собой своего рода шифр, одновременно эпатажирующий и вовлекающий в процесс чтения компетентного читателя (вспомним заглавие запланированных И. Соколовым к изданию текста: «Жизнь в ребусах»). Один из фрагментов «Полного собрания» соответственно обозначен как «Отрывок из шифрованной «Библии города» Ветхий Завет, 21-й».

К предполагаемому читателю апеллирует ряд общих мест авангардной поэзии, востребованных И. Соколовым. В их числе вовлечение в текст характерной для неклассической образности метафоры «Бог — кукловод» («Небесный режиссер ежегодно ставит / зиму с бурями, заносами и другими / театральными эффектами» [3, 70]). Не нова для эпохи и мысль о первичности искусства по отношению к реальности: «Зима правдива и естественна, как на / сцене Художественного театра» [3, 70]. В этой логике вводится и частотный для имажинизма образ цирка, также метафоризирующий реальность: «Под цирковым куполом неба солнечные лучи акробаты», а также соответствующая цветовая палитра: «Солнце полощет в воде свои рыжие волосы» [3, 70].

В тексте Соколова фиксируется характерный для имажинизма интертекстуальный пласт. Так, например, фрагмент о звездах отсылает к стихотворению В. Маяковского «Послушайте!»: «Вдруг кто-то ладонью затушил на / потолке сальные свечки звезд». Обращение к претексту завуалировано, что типично для имажинистского использования чужого слова. Звезды во фрагменте текста метафоризируются дважды: звезды — свечи, звезды — зерна.

Второй образ создает отсылку к фольклорному материалу: «Тучи, как куры, поклевали пшеничные зерна» [3, 71]. Таким образом, в одном ряду оказываются неиерархизированные источники, что, в свою очередь, напоминает об имажинистской поэтике неразличений, тем более что в тексте присутствуют и нерядоположные в стилистическом отношении лексемы: «паникадило», «звезды», «Мадонна» — «прыщавый», «таз», «наглый».

Текст Соколова не прочитывается как абсолютный перепев имажинистских литературных находок, поскольку включает в себя навеянный экспрессионизмом образ крика. Метафора крика в тексте реализуется, он наделяется антропоморфными признаками: «Какой-то крик спрыгнул с трампли- / на губ» [3, 72]. Мы уже отмечали частотность образа губ у имажинистов, но имажинистской поэтикой использование этого образа не ограничивается. К образу губ обращается литература неклассической парадигмы в целом, поскольку она, будучи лингвоцентрической, актуализирует акт говорения, подавая его в разных ракурсах: от мифопоэтического (модернизм) — до телесно-вещественного (авангард). Вспомним о позиционировании И. Соколовым экспрессионизма как поля схождения достижений литературных предшественников (отсюда замысел создания «Истории символизма и футуризма», издание книги «Имажинистика»).

Одной из своих задач на пути преодоления имажинизма И. Соколов считает «отрицание обычного метра и ритма». Действительно, «Полное собрание» представляет собой вариант тонического стихосложения. Оно лишено размера (на строку приходится редко 3, чаще 4-5 ударений). Некоторые слова, оказываясь в конце строк, разбиваются на части по принципам традиционного слогаделения: «парики ду- / бов обсыпаны пудрой».

По-новому воспринимаются границы не только отдельной строки, но и текста в целом. Так, с традиционной точки зрения все «Полное собрание» представляет собой 6 стихотворений, но в рамках целого каждое из них теряет свою завершенность. Текст не выстраивается в стихотворный цикл, поскольку не содержит сквозных мотивов и образов. Единственным связующим началом оказывается прием каталогизации образов. Принципиальная нецелостность текста подтверждается тем, что стихотворный каталог произвольно, без логического и метрического обоснования, завершается буквой М.

Таким образом, «Полное собрание» может быть рассмотрено как поэтический эксперимент, в котором И. Соколов решает задачу преодоления имажинистской эстетики. Тем не менее, этот замысел оказывается, скорее, намеченным, чем реализованным. Поэзия И. Соколова вписывается в целом в широкий контекст неклассической литературы первой трети XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Терехина В.Н. Экспрессионизм в русской литературе первой трети XX века. Генезис. Историко-культурный контекст. Поэтика / В.Н. Терехина. — М.: ИМЛИ РАН, 2009. — 320 с.
2. Терехина В.Н. Экспрессионизм в русской литературе первой трети XX века. Генезис. Историко-культурный контекст. Поэтика: Дисс. ... докт. филол. наук / В.Н. Терехина. — М., 2006. — 398 с.
3. Русский экспрессионизм. — М.: ИМЛИ РАН, 2005. — 512 с.
4. Терехина В.Н. Путиями русского экспрессионизма / В.Н. Терехина // Вестник Рос. гум. науч. фонда. — 2004. — Вып. 4. — С. 82-95; Терехина В.Н. «Москва погрузилась в экспрессионизм...» / В.Н. Терехина // Вестник истории, литературы, искусствознания. — 2006. — Т. 2. — С. 173-183.
5. Нененко А.А. Лирика московских поэтов-«экспрессионистов» 1919–1921 годов: стилевые тенденции, деструктивность, эсхатология: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / А.А. Нененко. — Ишим: Ишимский ГПИ, 2007. — 18 с.
6. Марков В.Ф. Экспрессионизм в России / В.Ф. Марков // Поэзия и живопись. — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 541-555.
7. Васильев И.Е. Русский поэтический авангард XX века / И.Е. Васильев. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. — 320 с.
8. Никольская Т.Л. К вопросу о русском экспрессионизме / Т.Л. Никольская // Тыняновский сборник. — Рига: Зинатне, 1990. — С. 173-180.
9. Вакар И.А. Кубизм и экспрессионизм: два полюса авангардного сознания / И.А. Вакар // Русский авангард 1910–1920-х годов и проблема экспрессионизма. — М.: Наука, 2003. — С. 26-43.
10. Сарабьянов Д.В. В ожидании экспрессионизма и рядом с ним / Д.В. Сарабьянов // Там же. — С. 3-13.
11. Сахно И.М. О формах экспрессии и экспрессионизме в поэзии русского авангарда / И.М. Сахно // Там же. — С. 137-147.
12. Филоненко Н.Ю. Становление и развитие поэтики экспрессионизма в творчестве Л.Н. Андреева 1898–1908 годов: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Н.Ю. Филоненко. — Елец: ЕГУ, 2003. — 18 с.; Бондарева Н.А. Творчество Леонида Андреева и немецкий экспрессионизм: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Н.А. Бондарева. — Орел: ОГУ, 2005. — 24 с.; Вилявина И.Ю. Художественное своеобразие прозы Л. Андреева. — Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / И.Ю. Вилявина. — М.: МПГУ, 1999. — 17 с.; Румянцев М.Г. Стиль прозы Леонида Андреева и проблема экспрессионизма в русской литературе начала XX века: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / М.Г. Румянцев. — М.: Лит. ин-т им. А.М. Горького, 1998. — 16 с.; Югова И.В. Экспрессионистские тенденции в русской прозе 1920-х годов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.В. Югова. — М.: МГУ, 2000. — 18 с.
13. Markov V. Expressionism in Russia / V. Markov // California Slavic Studies. — Berkeley, 1971. — Vol. 6. — S. 55-67; Schaumann G. Majakovskij und der deutsche Expressionismus / G. Schaumann // Zeitschrift für Slavistik. — 1970. — B. XV. — S. 517–520; Ришар Л. Энциклопедия экспрессионизма / Л. Ришар. — М.: Республика, 2003. — С. 3-240.
14. Нейштадт В.И. Тенденции экспрессионизма / В. Нейштадт // Нейштадт В. Чужая лира. — М. — Пг.: Круг, 1923. — С. 121-133; Фабрикант М.И. К стилистике экспрессионизма / М.И. Фабрикант // Искусство. — 1928. — Кн. 1-2. — С. 17-26.
15. Тынянов Ю.Н. Записки о западной литературе / Ю.Н. Тынянов // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. — М., 1977. — С. 124-131.
16. Тернова Т.А. Экспрессионизм по-имажинистски И. Соколова / Т.А. Тернова // XIX Пуришевские чтения. — М.: МПГУ, 2007. — С. 235-236.
17. Соколов И. Хартия экспрессиониста / И. Соколов // Русский экспрессионизм. — М.: ИМЛИ РАН, 2005. — С. 50-52.
18. Соколов И. Экспрессионизм / И. Соколов // Там же. — С. 55-57.
19. Земенков Б. Воззвание экспрессионистов о созыве Первого Всероссийского Конгресса поэтов / Б. Земенков, Г. Сидоров, И. Соколов // Там же. — С. 52-54.
20. Соколов И. Имажинистика / И. Соколов // Литературные манифесты: «От символизма до «Октябрь»». — М.: Аграф, 2001. — С. 245-252.
21. Терехина В.Н. Бедкер по экспрессионизму / В.Н. Терехина // Анналы. — 1998. — № 1. — URL: <http://magazines.russ.ru/arion/1998/1/tereh051-p.html>
22. Крич[евская] Е. Рец. на «Полное собрание сочинений» И. Соколова / Е. Крич[евская] // Новый мир. — Берлин. — 1921. — 2 окт. — С. 7.

Тернова Т.А.
Воронежский государственный университет.
Кандидат филологических наук, доцент, старший
научный сотрудник кафедры русской литературы
XX века.
e-mail: ternova@phil.vsu.ru

Ternova T.A.
Voronezh State University
Candidate of Philology, Assistant Professor, senior
staff scientist of the chair of Russian literature of XX
century.

УДК 821.111 (417).09

ТЕМА ПРОШЛОГО И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СРЕДСТВА ЕЁ ВОПЛОЩЕНИЯ В СТИХОТВОРЕНИИ ДЖ. МОНТЕГЬЮ «ДРЕВНИЕ МИФЫ»

© 2011 Е.Г. Тер-Оганова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 22 декабря 2010 года

Аннотация: Статья посвящена исследованию темы прошлого в стихотворении Дж. Монтегью (род. 1929) «Древние мифы». Оно представляет два разных взгляда ирландских писателей на историю Ирландии и Ирландское возрождение. П. Каванах, П. Колум, П. Фэллон, О. Кларк следовали традиции идеализации прошлого. Ш.Дин, М.Лонгли, Ш. Хини, Дж. Монтегью, Ш. О'Фаолейн настаивали на том, чтобы ирландская литература обращала больше внимания на современные проблемы.

Монтегью примкнул ко второй точке зрения и выразил её с помощью художественного образа древних героев.

Ключевые слова: Дж. Монтегью, ирландская литература, тема прошлого, Ирландское возрождение.

Abstract: This article analyzes the theme of past in the poem "Old Mythologies" by J. Montague (b. 1929). It represents two different views of Irish writers on the history of Ireland and Irish revival. P. Kavanagh, P. Colum, P. Fallon, A. Clarke followed the tradition of idealizing the past. S. Deane, M. Longley, S. Heaney, J. Montague, S. O'Faolain insisted on Irish literature paying more attention to contemporary problems.

Montague sided with the second opinion and expressed it with the help of artistic imagery of ancient heroes.

Key words: J. Montague, Irish literature, The Theme of Past, Irish revival.

Тема прошлого всегда занимала важное место в ирландской литературе. Это связано с тем, что ранний расцвет национальной культуры был надолго прерван английской колонизацией. Уже во второй половине VI — начале VII вв. в Ирландии существовала письменность на народном языке. Однако англо-норманнское вторжение в 1171 году и растянувшееся на несколько веков завоевание острова существенно задержало культурное развитие страны. В 1367 году Килкеннийские статуты запретили использование ирландского языка. К началу XIX века ирландская литература почти полностью перешла на английский язык, ставший для большинства ирландцев родным. В результате, с одной стороны, была прервана преемственность развития литературы, с другой стороны, вместе с английским языком была воспринята

богатая английская литературная традиция. При этом ирландцы продолжали помнить о великом прошлом своей культуры. Как отмечает А.П. Саруханян, «смысл литературного процесса в Ирландии состоял в сохранении и развитии национальных традиций» [6, 331]. Особенно оживлённый интерес древняя культура Ирландии вызывала в годы Ирландского возрождения. Под Ирландским возрождением понимается движение, имевшее место в Ирландии в конце XIX — начале XX века и ставившее своей целью «восстановление национальной культуры, находившейся под угрозой исчезновения в результате политики ассимиляции ирландской нации, проводившейся на протяжении многих веков английскими колонизаторами» [7, 395]. Писатели этого периода обращались к историческому и легендарному прошлому своей Родины. Если «ирландская поэзия в предшествующие века была выражением земного, непосредственного

чувства» [7, 397], то «в интерпретации... литераторов Возрождения о ней создавалось впечатление как о литературе загадочной, таинственной, неопределенной» [7, 397].

В период Ирландского возрождения преобладала героико-эпическая интерпретация прошлого, которая затем сменилась эпохой критики поэтического истолкования истории. В 1940–1960 гг. вокруг темы прошлого развернулась активная полемика. В среде ирландских деятелей культуры сформировались два противоположных взгляда на историю. Первый провозглашался в журнале «Даблин мэгэзин» («The Dublin magazine») и состоял в романтической идеализации прошлого в духе Ирландского возрождения. Эту позицию отчасти разделял Патрик Каванах, а также Падраик Колум, Падраик Фэллон, Остин Кларк. Согласно второму, необходимо отказаться от восприятия прошлого как поэтического идеала. Сторонниками этой идеи стали Шеймус Дин, Майкл Лонгли, Шеймус Хини, Джон Монтегью, объединившиеся вокруг журнала «Белл» («The Bell»), полемизирующего с «Даблин мэгэзин». В 1940 году сотрудничающий с «Белл» Шон О'Фаолейн (1900–1991, писатель, автор рассказов) декларировал необходимость отказаться от «старых символических слов»: «Они так же мертвы, как Брайан Бору, Шан Ван Вохт, Бонба, Розалин или Фодла, Кэтлин, дочь Улиэна, Мечи света и Восходы луны» [цит. по: 8, 188].

Каждый из упомянутых О'Фаолейном образов связан с легендарной историей Ирландии или мифологическим представлением об этой стране. Так, Бонба и Фодла наравне с Эрин — эпонимные богини Ирландии. Воплощениями Ирландии являются также образы Шан Ван Вохт, или «бедной старой женщины», и Кэтлин, дочери Улиэна. Это две ипостаси Ирландии, олицетворение её в виде старухи, которую любовь юношей превращает в прекрасную королеву. Розалин — персонаж стихотворения «Темнокудрая Розалин», приписываемого поэту XVI в. Оуэну Мак Уорду, который под именем возлюбленной воспевал Родину. Это стихотворение стало любимой патриотической песней для многих поколений ирландцев. Брайан Бору — историческое лицо: последний верховный король Ирландии, одержавший победу над викингами в Страстную пятницу, 23 апреля 1014 года. О'Фаолейн называет эти имена с целью показать, что прошлое миновало и не имеет права притягивать к себе больше внимания, чем настоящее и будущее; старая Ирландия, воплощённая в образах названных им героев, умерла.

Эта идея была принята и поддержана Джоном Монтегью (род. 1929), который в 1951 году

стал сотрудником журнала «Белл» и писал, что причина кризиса литературы состоит в «сознательной попытке создать особую ирландскую литературу, хотя традиция возрождения иссякла; в результате мы отрезали себя от современной европейской литературы и почти потеряли английскую аудиторию, так как, поглощённые своими национальными интересами, сильно отстали в развитии» [цит. по: 8, 188]. Таким образом, не отрицая значительную роль Ирландского возрождения, открывшего миру литературу Ирландии, Монтегью считает, что эта традиция исчерпана и нужно, опираясь на достигнутое, двигаться дальше, переориентировать литературу с поэтизации прошлого на общечеловеческие проблемы. Размышления поэта о месте прошлого в современной культуре отражены во многих стихах: «Старики, дольмены моего детства», «Шан Ван Вохт», «Визит королевской особы», «Дикие развлечения Запада», «Древние мифы» и др. Прошлое в большинстве из них предстаёт не активной частью настоящего, а воспоминанием.

Стихотворение «Древние мифы» («Old Mythologies», более точный перевод — «Древние мифологии») появляется в сборнике «Отравленные земли» («Poisoned Lands») в 1961 году. Сборник получил своё название по одному из входящих в него стихотворений.

«Древние мифы», как представляется, включают три картины. Условно их можно обозначить следующим образом: 1) герои прошлого как их видит Монтегью, 2) сельский пейзаж и 3) те же герои как их изображали писатели Ирландского возрождения. В соответствии с этим можно выделить три главных образа: погребённые герои древности, чьи «гордые рты закупорены землёю» («Mouths dust-stopped»); пасущийся скот, который автор называет «эпикурейцами шэмпрока и четырёхлистного клевера» («Epicures of shamrock and four-leaved clover») и утро древней битвы.

В стихотворении противопоставлены взгляды на прошлое самого поэта и писателей Ирландского возрождения. Отражая свойственное им восприятие прошлого, Монтегью даёт яркую картину того, как древние герои идут на бой: «Равнина баюкает их первобытную ярость, / Как встарь, невообразимо эпическим утром, / Она поддерживала их свирепую поступь; / Волынки боевые играли, / И псы-волкодавы, тощие, как манекены, / За пятками их стремительными поспевали» [1, 111] «This valley cradles their archaic madness / As once, on an impossibly epic morning, / It upheld their savage stride: / To bagpiped battle marching, / Wolfhounds, lean as models, / At their urgent heels» [9, 28]. Слова «эпическое утро» («epic morning») определяют время действия — легендарные времена. Слово «archaic» («ар-

хаичный») имеет отрицательную коннотацию, а в сочетании со словом «madness» («безумие») обнаруживает связь с безумием архаических времён, отголоски которого в основном в виде его имитации заметны в культурах древности. Особенно ценным такое безумие считалось в битве, и тогда оно связывалось с понятием гнева. Представление о гнев объединяет почти все европейские культуры, хотя сам термин возник в отношении скандинавских берсерков. В.А. Косарев подчёркивает «такое непереносимое свойство эпического героя, как гнев, соотносимый с понятиями не только «отрицательного», но и «положительного» ряда — идеала доблести эпического героя и боевого неистовства древнего германца» [2, 92]. Он указывает, что «на раннем этапе существования мифа гнев входит в понятие идеала эпического героя» [2, 92-93]. Всем эпическим героям свойствен «божественный гнев», который, в свою очередь, связан с неуязвимостью, оборотничеством и поэтическим вдохновением.

Упоминание волкодавов в «Древних мифах» не является случайностью. Оно обусловлено не только историческими реалиями, но и особым отношением кельтов к этим собакам. Именно волкодав, по мнению Т. Роллестона, подразумевается под словом «си» («пёс»), часто встречающимся в древнеирландском фольклоре: «Имеется в виду, очевидно, ирландский волкодав как образец бесстрашия и красоты» [5, 42]. Это слово стало «составной частью имён многих персонажей уладского цикла (например, Курой)» [5, 42]. Сам Джон Монтегью, обращаясь к теме прошлого и истории, пользуется именно образами героев уладского цикла, о чём свидетельствует, например, его стихотворение «Красная ветвь».

Включённый в «Древние мифы» образ волынки, вероятно, содержит аллюзию на Ирландское возрождение. Тот инструмент, о котором, видимо, идёт речь в стихотворении, — ирландская военная волынка (Irish war pipe). Этот древний инструмент был утрачен и восстановлен по картинам и сохранившимся описаниям в начале XX века. Тогда же возродилась и традиция военных маршей под волынку. Таким образом, своей историей ирландская военная волынка неразрывно связана с Ирландским возрождением.

Но если для авторов эпохи Ирландского возрождения эти образы служат отсылкой к исторической реальности, которая с их помощью поэтизируется, то для Монтегью они — отсылка к тем же образам, но в культуре возрождения, отсылка к отсылке, своеобразный симулякр.

Его собственный взгляд на богатырей прошлого раскрывают следующие строки: «Вот, наконец, свершены деяния славы / И гордые рты закупорены землёю: / Во прахе они лежат,

темноту обнимая» [1, 111] «And now, at last, all proud deeds done, / Mouths dust-stopped, dark they embrace / Suitably disposed, as urns, underground» [9, 28]. Слово «dark» («темнота», «мрак») в анализируемом тексте означает прежде всего небытие, подчёркивая тот факт, что в действительности героев древности уже нет.

Центральное место в этом стихотворении занимает образ коров, пасущихся над могилой героев. Автор говорит о них: «эпикурейцы» («Epicures»), в более точном переводе — «Эпикуры». Имя античного мыслителя приобретает у Дж. Монтегью знаковый смысл. Напомним, что эпикурейцам принадлежит формула: «Пока мы существуем, нет смерти; когда есть смерть, нас более нет» [3, X, 27]. Упомянув Эпикура, поэт доносит до читателя главную мысль стихотворения: прошлое ушло безвозвратно, древних богатырей поглотила смерть, их «более нет».

Нарисованная в «Древних мифах» мирная сельская картина имеет и иронический подтекст. Стадо жуёт не просто траву, а «шэврок и четырёхлистный клевер». Шэврок, как известно, один из национальных символов Ирландии, хотя, в отличие от арфы, и неофициальный. Так называют трёхлистный белый клевер. Уменьшительная форма ирландского слова «клевер» («seamair») — «seamróg». В 1726 году в дневнике странствующего протестантского священника Калеба Трелкелда (Caleb Threlkeld) была впервые зафиксирована легенда о том, что св. Патрик использовал это растение, чтобы объяснить идею Троицы [4]. Гротескно сочетая в едином образе высокое (шэврок) и низкое (жующие коровы), Дж. Монтегью, с одной стороны, возвращает символу его исконный первоначальный смысл, а с другой — показывает, что «живой жизни» нет дела до древнего мифологического прошлого.

Стихотворение «Древние мифы», таким образом, отражает полемику вокруг взглядов на историю Ирландии и Ирландское возрождение, развернувшуюся в среде ирландских писателей в середине XX столетия. Дж. Монтегью разделяет точку зрения тех авторов, которые выступали против возведения славного прошлого страны в некий поэтический культ и ратовали за обращение к реальной жизни современной Ирландии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Из современной ирландской поэзии: Сборник / Сост. и предисловие А.П. Саруханян. — М.: Радуга, 1983. — 216 с.
2. Косарев В.А. Гнев Геракла / В.А. Косарев // Классическая филология на современном этапе. Сб. научных трудов. — М., 1996. — С. 92-100.

3. Лаэртский Диоген О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Диоген Лаэртский / Общ. ред. и вступ. ст. А. Ф. Лосева. — М. : Мысль, 1979. — 624 с.

4. Мильмо К. День святого Патрика. Легенда о клевере / Кахал Мильмо // Independent. — 17.03.06.

5. Роллестон Т. Мифы, легенды и предания кельтов / Т. Роллестон. — М. : Центрполиграф, 2004. — 349 с.

6. Саруханян А.П. Ирландская литература [до конца XVI в.] // История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой

лит. им. А.М. Горького / А.П. Саруханян. — М.: Наука, 1983—1994. — Т. 3. — 1985. — С. 331-334.

7. Саруханян А.П. Ирландское Возрождение // История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького / А.П. Саруханян. — М. : Наука, 1983—1994. — Т.8. — С. 395-398.

8. Саруханян А.П. Современная ирландская литература / А.П. Саруханян. — М. : Наука, 1973. — 317 с.

9. Montague J. Selected Poems / John Montague. — Toronto, Ontario: Exile Editions Limited, 1991. — 191 p.

Тер-Оганова Е.Г.

Воронежский государственный университет.

Аспирант кафедры зарубежной литературы.

e-mail: Keith_Terra@mail.ru

E.G. Ter-Oganova.

Voronezh State University.

Aspirant of foreign literature departmen.

УДК 81'1

ЗНАЧЕНИЯ С ВЕРОЯТНОСТНЫМИ СЕМАМИ В ЯЗЫКЕ (на материале существительных русского и английского языков)

© 2011 А.Ю. Тимашова

Муниципальное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная школа №2 г. Грязи Липецкой области

Поступила в редакцию 4 декабря 2010 года

Аннотация: Целью данного исследования является выявление имен существительных, имеющих вероятностные семы в семантике в русском и английском языках, их классификация и тематическая типология. Источниками для исследования послужили толковые словари русского и английского языков.

Ключевые слова: вероятностная сема, дефиниция, маркер, семантика, лексическое окружение, типология.

Abstract: The aim of this study is to expose the nouns having probabilistic semantic components in their meaning in Russian and English, to classify them and to form thematic types of these nouns. Russian and English explanatory dictionaries constitute the subject for study.

Key words: probabilistic semantic components, definition, marker, meaning, lexical environment, typology.

В результате исследования методом сплошной выборки в словарях русского языка нами было выявлено около 700 имен существительных, имеющих вероятностный компонент в семантике, в словарях английского языка — около 4000 таких слов. Такая существенная разница объясняется тем, что вероятностный признак не всегда фиксируется в русской лексикографии. Например, диван — вид (*обычно мягкой*) мебели с длинной спинкой и ручками (или подушками и валиками), предназначенный для сидения и лежания. Однако диван может быть с низкой спинкой и без ручек (подушек, валиков), поэтому логичнее было бы расширить дефиницию слова «диван» следующим образом: «с обычно длинной спинкой и, как правило, с ручками». Мы видим, что в значении слова появляется вероятностный признак (в денотативном макрокомпоненте), но в дефиниции он не отражен. И подобных примеров в словарях русского языка довольно большое количество.

Полученный материал двух языков позволил провести тематическую типологию значений существительных, имеющих вероятностные

семы в семантике. Всего получилось 22 группы в русском языке и 23 — в английском. Ниже приведены совпадающие тематические группы в двух сопоставляемых языках.

видовая разновидность предмета

АНТОЛОГИЯ - сборник избранных произведений (*преимущественно стихотворных*) разных авторов, представляющих одну эпоху или одно литературное направление;

ИЗЛУЧИНА - крутой поворот, изгиб (*преимущественно реки*);

ЛЕКСИКОН - словарь (*обычно иностранных слов*);

AIR - the invisible gaseous substance surrounding the earth, a mixture *mainly of oxygen and nitrogen*;

DREAMBOAT - a very attractive person, *especially a man*;

DELIVERY - the action of delivering something, *especially letters or goods*;

- an act or manner of throwing or bowling a ball, *especially a cricket ball*.

место расположения людей, животных, предметов

ДАНСИНГ - помещение, зал для танцев (*обычно при кафе, ресторане*);

ВИЛЛА - богатый, комфортабельный дом (*обычно загородный*) с садом, парком;

CHALET - a wooden house with overhanging eaves, *typically in the Swiss Alps*;

EL - an elevated railway, *especially that in Chicago*.

временная характеристика

АРХАИСТ - о писателе или художнике, подражающем формам, приёмам и стилям мастеров прошедших эпох (*обычно глубокой старины*);

ОБЕД - основной приём пищи, еда (*обычно в середине дня*); время такого приёма пищи (*обычно в середине дня*);

CAMP - a prehistoric enclosed or fortified site, *especially an Iron Age hill fort*;

DRY - a Conservative politician (*especially in the 1980s*) in favor of strict monetarist policies.

форма предмета/ конструкция

СНЕЖИНКА - кристаллик льда (*обычно в виде звездочки*);

ЧАШЕЧКА - о венчике цветка (*обычно чашеобразной формы*);

ECLOGUE - a short pastoral poem, *especially one in the form of a dialogue*;

SAUCEPAN - *typically round*, made of metal, and with one long handle and a lid.

качество предмета

КУТЮРЬЕ - специалист (*обычно высококвалифицированный и авторитетный*), разрабатывающий авторские модели одежды, определяющий стиль в моде;

ОСОБНЯК - благоустроенный городской дом для одной семьи (*обычно роскошного вида*);

FEAST - *especially a celebratory meal*;

NOISE - *especially one that is loud, unpleasant*.

род занятий

ВИРТУОЗ - артист, в совершенстве владеющий техникой своего искусства (*обычно музыкант*);

ПОЧАСОВИК - работник (*обычно преподаватель*), находящийся на почасовой оплате;

DETECTIVE - a person, *especially a police officer*, whose occupation is to investigate crimes;

GUARD - *especially a soldier*.

область применения

ШАМПАНСКОЕ - высокосортное игристое виноградное вино, насыщенное углекислым газом (*обычно употребляется в торжественных случаях*);

КАМЕНЬ - редкий минерал, используемый преимущественно для ювелирных украшений;

AMERINDIAN - another term for American Indian, used *chiefly in anthropological and linguistic contexts*;

CONTRARIAN - a person who opposes or rejects popular opinion, *especially in stock exchange dealing*.

количественная характеристика

СНЕГОПАД - выпадение снега (*обычно в большом количестве*);

DEGREE - each of a set of grades (usually three) used to classify burns according to their severity;

STAR - *typically with five or more points*.

размер/ рост

МУРАШ - муравей (*обычно мелкий*);

ПРИПИСКА - дополнение к ранее написанному (*обычно небольшое*);

EDIFICE - a building, *especially a large, imposing one*;

EGG TIMER - a device, *traditionally a small hourglass*, for timing the cooking of a boiled egg.

цвет

ЧАУ-ЧАУ - порода комнатно-декоративных собак с длинной густой шерстью (*обычно рыжей*);

ЯШМА - непрозрачный поделочный камень пёстрой окраски (*обычно с вкраплениями красного, зелёного или серого цвета*);

DINNER JACKET - a man's short jacket without tails, *typically a black one*;

SANDSTONE - *typically red, yellow, or brown in colour*.

возраст

ГАВРИКИ - о людях (*обычно о детях, подростках, молодых людях*), объединённых по какому-л. общему признаку;

НЕВЕСТА - о молодой девушке (*обычно достигшей брачного возраста*);

FILLY - *especially one less than four years old*;

JUBILEE - *especially one celebrating twenty-five or fifty years of something*.

действие

ТРЕПКА - побои (*обычно с тасканием за волосы, за уши*);

ЛАДОШИ - ударять одной ладонью о другую (*обычно отбивая такт*);

DUE DILIGENCE - reasonable steps taken by a person in order to avoid committing an offence, *especially in buying or selling something*.

признак

АФФЕКТ - состояние кратковременного сильного нервного возбуждения (*обычно с потерей самоконтроля*);

DESPERATION - a state of despair, *especially as resulting in rash or extreme behavior*;

DESPOT - a ruler who exercises absolute power, *especially in a cruel or oppressive way*.

состояние

ВНУШЕНИЕ - словесное воздействие на психику больного (*обычно в состоянии гипноза*);

DEFENSE MECHANISM - a mental process initiated, *typically unconsciously*, to avoid experiencing conflict or anxiety.

черта характера/ характеристика человека

СИДЕНЬ - о человеке, ведущем мало-

подвижный, сидячий образ жизни (*обычно о домооседе*);

DARK HORSE - a person about whom little is known, *especially one with unexpected abilities*.

причина

МАРАФЕТ - о привлекательном внешнем виде (*обычно достигнутом в результате использования косметики*);

СКОРБЬ - глубокая печаль, горесть (*обычно в связи с чьей-л. смертью*);

DEBILITY - weakness, *especially as a result of illness*;

FIRESTORM - *typically one caused by bombing. характерный элемент*

ДЖЕМПЕР - тонкий вязаный свитер без воротника (*обычно с вырезом на груди*) и без застёжек;

ВАР - a large, round, flattish bread roll, *typically with a floury top*.

место расположения элемента

КОНЁК - второе продольное, выдолбленное в виде желоба бревно (*обычно с резными украшениями на концах*), покрывающее сверху место прикрепления досок к первому бревну;

PORTICO - *typically attached as a porch to a building*.

структурный элемент предмета

БУМАЗЕЯ — хлопчатобумажная ткань с начесом на одной (*обычно изнаночной*) стороне;

CUMMERBUND - a sash worn around the waist, *especially as part of a man's formal evening suit*.

назначение

ФАТА - закрывающее голову и верхнюю часть тела лёгкое женское покрывало из кисеи, шёлка, тюля, кружев (*обычно служащее свадебным головным убором невесты*);

DAMASCUS STEEL - damascened steel, used *chiefly for knife and sword blades*;

DISSERTATION - a long essay, *especially one written for a university degree or diploma*.

тематическая сфера употребления

ГОЛУБЧИК - ласково-фамильярное обращение (*обычно к мужчине*);

RHYME - *especially when used in poetry*.

объект направленности действия

АППЕРКОТ - удар, наносимый боксёром снизу (*обычно в подбородок*);

GLIDE - *especially towards the leg side*.

Однако в английском языке нами была выделена группа имен существительных, обозначающих единицы измерения, которые имеют вероятностные семы в семантике; в русском же языке эти существительные не имеют вероятностного признака, отсутствуют их дефиниции или дефиниции не совпадают:

единицы измерения

KEG - *especially one of less than 10 gallons or (in the US) 30 gallons*;

Кег — 1. Бочонок (ёмкостью до 40 л.); 2. Единица веса гвоздей (45 кг).

Бочонок — небольшая (обязательно с выпуклыми боками) бочка (*преимущественно для хранения съестных припасов, напитков и т. п. в домашних условиях*) — существительное имеет вероятностный признак в семантике, однако дефиниции в русском и английском языках не совпадают.

Дефиниция слова «KEG» больше совпадает с дефиницией слова «бочка».

Бочка — о количестве содержимого (от 100 до 300 литров); старинная русская мера жидкости, равная 40 ведрам или 492 литрам (применялась до введения метрической системы) — нет вероятностного признака в семантике.

HIDE - *typically equal to between 60 and 120 acres*, being the amount that would support a family.

Hide — надел земли; мера земельной площади (равна 100 акрам).

Надел — в России до 1917 г.: участок земли, выделявшийся в пользование крестьянской семье. — Дефиниции не совпадают, и нет вероятностного компонента в семантике.

Мера — старинная русская единица объема для сыпучих тел, равная приблизительно объёму одного пуда зерна (*обычно 26,24 литра*); сосуд такого объема. — Дефиниции не совпадают, в семантике есть вероятностный компонент.

Не все русские существительные, имеющие вероятностный признак в семантике, имеют вероятностный признак в семантике английского соответствия и наоборот. Например:

ПУЛОВЕР — род джемпера (*обычно трикотажного или вязаного*) без воротника и без застёжек (Есть вероятностный признак)

Pull-over — нет вероятностного признака

Dacha - a country house or cottage in Russia, *typically used as a second or holiday home*. (Есть вероятностный признак).

Дача — загородный дом для летнего отдыха. (Нет вероятностного признака).

Следует все же заметить, что большинство имен существительных выявляют вероятностный признак в семантике как в русском, так и в английском языках.

Проведенное межъязыковое сопоставление позволяет сделать следующие выводы.

1. В существительных обоих языков вероятностные семы представлены достаточно широко.

2. Маркерами вероятностных сем в словарных дефинициях являются такие единицы метаязыка, как: *обычно, иногда, преимущественно, часто, often, especially, also, chiefly, usually, typically и др.*

3. Тематические группы имен существительных с вероятностными семами в русском языке совпадают с тематическими группами имен

существительных с вероятностными семами в английском языке, что свидетельствует о внутренней однородности исследуемого явления в двух сопоставляемых языках.

4. В английском языке выделяется группа имен существительных, обозначающих *единицы измерения*, характерные только для этого языка, которые также имеют вероятностный признак в семантике. В русском языке аналогичные существительные не имеют вероятностного признака.

5. Не все существительные, имеющие вероятностный признак в семантике в рус-

ском языке, имеют вероятностный признак в семантике в английском языке и наоборот. Однако большинство проанализированных имен существительных имеют вероятностный признак в семантике как в русском, так и в английском языках.

6. Вероятностный признак не всегда фиксируется в русской лексикографии в отличие от англоязычной. Реальное число языковых единиц с вероятностными семами в значении значительно больше, чем это может быть установлено по толковым словарям.

Тимашова А.Ю.

Муниципальное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная школа №2 г. Грязи Липецкой области.

Директор, учитель английского языка

e-mail: lady@griazy.lipetsk.ru

Timashova A.Y.

Municipal secondary school providing general education №2 Lipetskaya region, Griazy.

Head mistress, a teacher of English.

УДК 821.161.1-3

ТРАДИЦИИ РОМАНА ВОСПИТАНИЯ В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

© 2011 Т.Н. Токарева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 ноября 2010 года

Аннотация: В статье рассмотрены особенности романов воспитания в русской литературе первой половины XX века; дан краткий обзор освоения теории жанра отечественным литературоведением.

Ключевые слова: роман воспитания, Просвещение, И.В. Гете, становление, жанровая форма.

Abstract: The article is devoted to the features of the novels of education in the Russian literature of the first half of the XXth century; a brief overview of the development of the genre of the novel of education in the domestic literary criticism was given.

Key words: novel of education, Enlightenment, J.W. Goethe, formation, genre form.

Роман воспитания — жанр достаточно распространенный. Литературоведением он традиционно рассматривается как разновидность романной формы, обладающей своими конститутивными признаками, собственным типом героя, устойчивыми сюжетными мотивами, определяющими структуру текста и т. д. В целом неплохо изучены вопросы происхождения жанра, его специфические особенности в различные эпохи. Возникший в литературе немецкого Просвещения, роман воспитания исходно был сосредоточен на проблемах психологического, нравственного и социального формирования личности. Родоначальником этой разновидности романа обоснованно считают И.В. Гете (1793–1896), его романы «Театральное призвание Вильгельма Мейстера» (незаконч., 1777–85), «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1795–96), «Годы странствий Вильгельма Мейстера» (1821–29). В западноевропейском литературоведении рассмотрение этой жанровой формы имеет свою историю [1]. В отечественном литературоведении первый теоретический труд, посвященный исследованию жанра романа воспитания, принадлежит М.М. Бахтину, который создал собственную классификацию романов воспитания, положив в ее основу особенности освоения пространства и времени [2].

К первой группе он относит идиллический роман воспитания, который характеризуется единством места, преобладанием родового над индивидуальным (жизнь по завету отцов). Важнейшие события — любовь, брак, рождение детей, труд, смерть находятся в тесной связи с жизнью природы. Действие происходит в ограниченном пространстве родной земли. Автор показывает, как с изменением возраста героя меняется и его характер. Примером творческого использования традиции романа воспитания может служить автобиографическая трилогия Л.Н. Толстого «Детство» (1852), «Отрочество» (1854), «Юность» (1857).

Во второй разновидности романа воспитания, по М. Бахтину, происходит изображение жизни, как опыта, как школы, через которую должен пройти всякий человек. В результате он должен приобрести достоверное знание о жизни, о людях. Происходит столкновение героя с реалиями жизни, из которого и вытекают основные события романа. Примером такого произведения является «Обыкновенная история» (1847) А.И. Гончарова.

Роман-становление, относимый М.М. Бахтиным к третьей разновидности романа воспитания, характеризуется тем, что при изменении мира меняется и сам человек. Примером этой

разновидности служат романы Стендаля «Жизнь Анри Брюлара» (1835), «Красное и черное» (1831), Бальзака «Лилия в долине» (1835–1836), Флобера «Воспитание чувств» (1869).

Во всех разновидностях романа воспитания, по М. Бахтину, автор по отношению к герою выступает как «историк», хроникер его жизни. Автор знает о герое больше, чем он сам [2]. М.М. Бахтин, говоря о разновидностях романа, подчеркивает, что в романе воспитания впервые появляется хронотоп, имеющий огромное значение для всего дальнейшего развития романа.

В других своих работах М.М. Бахтин рассматривает проблематику романа воспитания. Ученый, сравнивая «роман испытания» и «роман воспитания», замечает, что первый исходит уже из готового человека, в то время как в романе воспитания показано становление человека. «Сам герой становится переменной величиной в формуле этого романа. Изменение самого героя приобретает сюжетное значение, а в связи с этим в корне переосмысливается и перестраивается весь сюжет романа. Время вносится вовнутрь человека, входит в самый образ его, существенно изменяя значение всех моментов его судьбы и жизни...» [3, 212], — так определяет М. Бахтин редкий тип романа, который называет романом становления. Разновидностью его ученый считает роман воспитания, заключая, что «в основу его положена определенная педагогическая идея, понятая более или менее широко. Здесь изображается педагогический процесс воспитания в собственном смысле слова» [2, 213].

«Педагогическая идея», отмеченная М. Бахтиным как одна из важных содержательных особенностей романа воспитания, заложена в природе романа и фиксируется едва ли не всеми теоретиками. Так, в обстоятельной монографии В.В. Кожинова «Происхождение романа» (М., 1963) зафиксирована такая важная особенность героя романа воспитания как его незавершенность. Это герой становящийся, изменяющийся, воспитуемый жизнью. Важная романная особенность, по В.В. Кожинову, рождена пристальным вниманием авторов к окружающей героев микросреде, влияние которой они испытывают и в которой происходит их становление и развитие. Результатом этого развития, по Кожинову, является признание этих героев полезными членами общества [4].

Н.Т. Рымарь во «Введении в теорию романа» (Воронеж, 1989) утверждает, что роман воспитания представляет художественную организацию с повторяющимися эволюционирующими структурами воспитания и представления.

«Жанровая концепция фабулы в романе носит двойственно-противоречивый характер. Она сочетает в себе, с одной стороны, привязанность к определенным «романическим» формам понимания и оценки человека и основных ситуаций его жизни, начиная от сказочно-мифологических... и кончая такими традиционными для романа сюжетами, как история любви, история молодого человека, пикарескный сюжет, сюжет романа воспитания, сюжет «романа карьеры» [5, 23]. С другой стороны, Н.Т. Рымарь рассматривает эти сюжеты как схемы коллективного сознания, не воспроизводящиеся, как в эпосе, а каждый раз как заново рождающиеся в ходе свободного развития, развертывания вымышленного героя, созданного фантазией автора.

В конце XX столетия роман воспитания стал предметом специального рассмотрения для целого ряда исследователей. Как правило, это был немецкий вариант романной формы.

Монографическому рассмотрению романа воспитания в литературе Германии середины XVIII века посвящена работа ученицы М.М. Бахтина А. Дialekтовой «Воспитательный роман в немецкой литературе эпохи Просвещения» (Саранск, 1972). Оговорившись, что точно определить роман воспитания невозможно, так как он находится в процессе постоянного развития и изменения, исследовательница тем не менее считает, что под романом воспитания следует понимать произведение, доминантой сюжета которого является процесс воспитания героя, для которого жизнь становится своеобразной школой. Она выделяет систему признаков, характеризующих специфику романа воспитания: развитие героя, раскрывающееся в столкновениях с внешним миром, изображение столкновения главного героя с детством до физической и духовной зрелости; стремление героя к идеалу, гармонически сочетающему физическое и духовное совершенство; движение героя от крайнего индивидуализма к обществу и др. [6, 7].

Работы других исследователей расширяют исследовательское поле, вводя новые имена, обращаясь к разным эпохам в развитии жанровой формы. Л.Д. Березина рассматривает роман воспитания «Агатон» (1766) немецкого просветителя К.М. Виланда (1733–1813) как первый роман воспитания в Германии. Виланд, по мнению Березиной, представляет духовную эволюцию Агатона, который в конце произведения предстает перед нами отнюдь не святым, но вполне зрелым, умудренным жизнью человеком [7, 12].

По мнению литературоведа В.Н. Пашигорева, роман воспитания «по структуре представляет произведение о воспитании личности и одновременно стереотипное художественное

образование» [8]. В.Н. Пашигорев считает, что второстепенные персонажи романа воспитания группируются вокруг главного героя и выступают в роли своеобразных катализаторов его воспитательного процесса. В исследовании подчеркивается роль наставников, учителей жизни, способствующих духовному развитию героя. Проанализировав «Годы учения Вильгельма Мейстера» И.В. Гете, «Зеленый Генрих» Г. Келлера, Н.П. Пашигорев утверждает, что немецкий роман воспитания показывает историю создания личности изнутри, путь ее постепенного оформления и становления на протяжении сравнительно большого отрезка времени и пространства – от юных лет героя до наступления духовной и физической зрелости.

На рубеже XX–XXI веков интерес к теоретическим проблемам романа воспитания возобновился в связи с попытками рассмотрения русского варианта этой жанровой формы. Е.А. Краснощекова в книге «Роман воспитания Bildungsroman на русской почве» [9] рассматривает русскую романистику XIX века в связи с западноевропейской традицией романа воспитания, выходя за рамки литературы немецкого Просвещения. Связь с западноевропейской традицией в исследовании сказывается даже в использовании термина Bildungsroman, ранее оспоренного отечественными учеными. Так, В. Пашигорев в цитированной работе отметил, что перевод на русский язык немецкого термина «Bildungsroman» как «воспитательный роман» является неадекватным и должен быть заменен на «роман воспитания» с учетом семантики прилагательного «воспитательный роман». Литературоведение интересуется в данном случае педагогический аспект термина.

Е.А. Краснощекова обнаруживает четкие признаки вышеупомянутого европейского жанра у главных отечественных романистов – Карамзина, Пушкина, Гончарова, Толстого, Достоевского. Она считает, что «моноцентричность – основной признак этой разновидности романа. В центральном персонаже воплощается вся сумма идей, его энергия движет сюжет; наконец, именно в герое заключена сама тайна обаяния всего создания. Герой романа сосредотачивает в себе, так сказать, дух, смысл и внутреннее содержание всего происходящего вокруг него, он выражает частное и единичное в обобщенной форме, позволяет нам глубже постичь значение всего...» [9, 14].

Система образов подобного романа, по Е. Краснощековой, казалось бы, обречена на ограниченный набор персонажей второго ряда, что и обнаруживает исследователь, к примеру, в «Обыкновенной истории». Е. Краснощекова

считает непревзойденным образцом романа воспитания «Вильгельма Мейстера» Гете, говоря о его способе изображения как о «недоступном даже лучшим представителям европейского реализма, как бы ни превосходили они Гете в других отношениях» [9, 17].

«Роман Гете густо населен, «в этой галерее ни один человек не походит на другого, и без всяких комментариев совершенно непринужденно возникает целая иерархия человеческого достоинства в зависимости от степени приближения личности к гуманистическому идеалу.

При всей самостоятельности действующих лиц все они тяготеют к центру, к герою. Их художественная жизнь существует для полного раскрытия характера героя» [9, 15]. Композиция Bildungsroman'a, по Е.А. Краснощековой, определяется стадийностью в представлении тернистой «дороги жизни» героя.

Несмотря на неразработанность теоретических оснований романа воспитания в России первой половины XX века, «педагогическая идея», отмеченная М. Бахтиным как одна из важных содержательных особенностей романа воспитания, переживала в это время свой расцвет. Как правило, это были повести и циклы произведений. Достаточно напомнить трилогию М. Горького («Детство», «В людях», «Мои университеты»), повести А. Гайдара («Школа», «Судьба барабанщика»), Л. Кассиля («Конduit», «Швамбрания»), тетralогию В. Катаева «Волны Черного моря» и многие другие произведения. Романы о формировании мировоззренческой позиции героя создавали и писатели, эмигрировавшие из России после революции, и советские писатели, оставшиеся на Родине. Одних на это толкала ностальгия, других – задача создания «нового человека», соответствующего революционной эпохе. Последняя явилась основанием для рождения литературы, обращенной к детям, и в детской литературе советского времени роман воспитания, можно сказать, обрел новую жизнь.

Следует иметь в виду, что в литературе социалистического реализма проблемы социальной педагогики имели чрезвычайное распространение, т. к. демонстрировали советскому читателю всю важность воспитания нового типа личности в условиях строительства новой жизни. Поэтому проблематика и цели детской литературы оказываются в русле магистрального развития советской литературы и в зоне пристального внимания ее идеологов. Поэтому не удивительно, что многие постулаты развития детской литературы первой половины XX века совпали с теми, которые характеризуют метод социалистического реализма в целом.

Конечно, время создания произведений корректирует их содержание, прежде всего в идеологическом плане. Однако жанр даже в этих условиях сохраняет собственные доминанты. М.М. Бахтин определяет роман как «многостильное, разноречевое, разноголосое явление» [3, 75], сохраняющее, тем не менее, композиционно-стилистическое единство. Советский роман воспитания первой половины XX века, решающий совершенно конкретные идеологические задачи, может быть рассмотрен в рамках той классификации, которую М.М. Бахтин использует для традиционного романа. Она касается прежде всего способов организации текста:

- 1) прямое авторское литературно-художественное повествование (во всех многообразных разновидностях);
- 2) стилизация различных форм устного бытового повествования (сказ);
- 3) стилизация различных форм полулитературного (письменного) бытового повествования (письма, дневники и т. п.);
- 4) различные формы литературной, но внехудожественной авторской речи (моральные, философские, научные рассуждения, прямые публицистические назидания и т. д.);
- 5) стилистически индивидуализированные речи героев.

При определении конститутивных особенностей произведений детской литературы советского времени следует иметь в виду мысль М. Бахтина, что роман воспитания является детищем и продуктом переходных и переломных эпох, когда меняются устои мира и человеку приходится меняться вместе с ним. Осознанная советской литературой как первоочередная задача создания нового человека отвечает характеру переходной эпохи, но с одной существенной поправкой. В теорию романа воспитания социалистической эпохи органически вошла мысль об универсальном характере тех процессов, которые переживали национальные литературы, захваченные общим революционным процессом. Так, В.В. Пашигорев в уже упоминавшейся работе «Роман воспитания в немецкой литературе XIX–XX веков», принимая во внимание тот факт, что функции романов воспитания различны для каждой страны, тем не менее отмечает, что всякий роман воспитания занимается производством «социокультурной» идентичности. Говоря о немецкой литературе, он отмечает следующие особенности немецкого романа воспитания.

- 1). Это роман о становлении личности и сознания героя в многоплановости и сложности;
- 2). Для него характерен тип сюжета с одним героем. Остальные персонажи выполняют кон-

структивную либо деконструктивную функцию в его воспитании и формировании;

3). Для композиции западного романа воспитания характерны: моноцентризм, ступенчатость, поэтапность.

4). Основной идеей немецкого романа воспитания является рождение и становление динамической личности;

5). Биографизм повествования [5, 29].

Отмеченные исследователем особенности немецкого романа легко обнаруживаются и в советской литературе. Для примера обратимся к знаковому произведению советского романа воспитания – «Педагогической поэме» А.С. Макаренко. Для нее характерно наличие отдельных глав-эпизодов, часто не связанных между собой личностно значимым сюжетом, изображающим проблемы и конфликтные ситуации в жизни коллектива. Эти конфликты и складываются в сюжет, отмечающий решающие вехи в развитии коллектива единомышленников. Таким образом, под развитием и становлением личности следует понимать прежде всего этапы духовной эволюции членов показанного коллектива, который по сути дела и является коллективным главным героем. В

динамике коллективного развития формируется новая растущая личность, новый человек.

Зафиксированный В.В. Пашигоревым биографизм романа воспитания в «Педагогической поэме» А. Макаренко тоже присутствует и играет важную роль, мифологизируя личность воспитателя. Предметом мифологизации в данном случае является не жизненный путь, традиционно понимаемый как биографическое повествование о себе, а мировоззрение и мироощущение писателя в непрерывном процессе творчества. А. Макаренко стремится стереть границы между литературой и бытовой жизнью, поэтому его образ в биографических произведениях следует воспринимать предельно типизированным, в котором соединяется реальность биографическая и вымышленность литературная, базирующаяся прежде всего на отборе тех личностных черт, какие могут стать основанием для создания личности воспитанника. Таким образом, обращение к «педагогической идее», для литературы 1920–1930-х годов ставшей магистральной, позволяет увидеть становление одной из жанровых стратегий советской литературы в русле традиции европейского романа воспитания.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Бахтин М. Роман воспитания и его значение в истории реализма / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М. : 1979. –

С. 188-236; Краснощекова Е. Роман воспитания – Bildungsroman – на русской почве: Карамзин. Пушкин. Гончаров. Толстой. Достоевский / Е. Краснощекова. – СПб. : Пушкинский фонд, 2008. – С. 480.

2. Бахтин М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – С. 188-236.

3. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1975.

4. Кожин В. Происхождение романа / В. В.Кожин. – М.: Советский писатель, 1963. – 325 с.

5. Цит. по: Пашигорев В.Н. Роман воспитания в немецкой литературе XVIII-XX веков. Генезис и эволюция. Диссертация / В.Н.Пашигорев. – Ростов н /Д, 2005.

6. Пашигорев В.Н. Роман воспитания в немецкой литературе XVIII – XX веков / В.Н. Пашигорев. – Саратов: Саратовский университет, 1993.

7. Цит. по : Мельникова Е.И. Роман Э.Т.Гофмана Житейские воззрения кота Мура в контексте немецкого романа воспитания XVIII. Диссертация / Е.И.Мельникова. – Калининград, 2003.

8. Пашигорев В.Н. Роман воспитания в немецкой литературе XVIII – XX веков / В.Н.Пашигорев. – Саратов: Саратовский университет, 1993. – 133 с.

9. Краснощекова Е.А. Роман воспитания – Bildungsroman – на русской почве: Карамзин. Пушкин. Гончаров. Толстой. Достоевский – СПб.: Пушкинский фонд, 2008. – 480 с.

Токарева Т.Н.

Воронежский государственный университет.

Соискатель кафедры русской литературы XX в.

e-mail: ttreply@rambler.ru.

Tokareva T.N.

Voronezh State University

Applicant of Department of the Russian literature of the XXth century.

УДК 81'1

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ АГРЕССИВНЫХ ТЕКСТОВ

© 2011 Е.С. Федюнина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 26 июня 2009 года

Аннотация: Целью данного исследования является попытка выявить особенности агрессивного текста как типа текста.

Ключевые слова: текст, агрессия, семантика.

Abstract: The article deals with the description of such phenomenon as an aggressive text-type.

Key words: aggression, text, semantics.

Агрессивные тексты являются важной приметой современного политического дискурса и интернет-дискурса в частности.

Ярким примером агрессивного интернет-дискурса является националистический дискурс.

В современных социально-политических условиях в России сформирована основа для расширения влияния националистических партий, движений и организаций. Большое количество нелегальных иммигрантов, высокий уровень преступности, демографическая ситуация в стране обуславливают спрос на предложения националистов. Сейчас цель подобных партий и движений не просто погромы и насилие против людей “не той национальности”, привлечение неокрепших умов подростков, создание не думающих роботов для борьбы за власть, а воздействие на массовую аудиторию, укоренение националистической идеологии в массовом сознании.

В.С. Малахов признает существование националистического дискурса как одного из видов политического дискурса [1, 129-132].

На наш взгляд, выделение националистических текстов в отдельную группу политических текстов обусловлено существенной разницей в презентации и позиционировании данных текстов по сравнению с текстами других политических сил.

Мы рассматриваем националистический текст как политический текст, с установкой на националистическую идеологию, основной функцией которого является внушение и воздействие на эмоции адресатов с целью изменения их картины мира и мобилизации к принятию политических решений, необходимых носителям националистической идеологии.

Националистические тексты обладают характерными лексическими, стилистическими, графическими и синтаксическими признаками. Как и любой другой политический текст, националистический текст представляет языковую картину мира, принадлежащую их автору/авторам. Через приемы, используемые в текстах, “мы улавливаем общую картину мира, авторские симпатии, ценности” [2; 27, 51].

Каждый националистический текст находится под влиянием целого ряда экстралингвистических и прагматических факторов, обуславливающих специфику его функционирования. Представляется целесообразным выделить на их основе следующие релевантные параметры националистического текста, которые существенны для анализа русскоязычных текстов националистического типа: адресат националистического текста (социопсихологические и профессиональные характеристики); адресант националистического текста (коллективный автор/автор-политик/автор-журналист); тип контакта “адресант – адресат” (прямой/опосредованный);

способ воздействия; прогнозируемый эффект воздействия; проявление национально-культурной специфики.

К националистическим текстам мы относим тексты Русского Национального Единства, Народно-Демократической Партии России, Славянского Союза и Русского Порядка. По типологии политических текстов, предложенной Е.А. Репиной, их следует отнести к “агрессивным” текстам [3, 15-16].

Известно, что агрессия может выражаться как физически, так и вербально, что доказывают знаки вербальной агрессии в националистических текстах. К знакам вербальной агрессии Н.А. Остроушко относит бранную лексику, ярлыки, иронические номинации, маркеры чуждости, специальные пейоративы, политические термины (отрицательно-оценочные амбивалентные термины, политические пейоративы, дисфемизмы), антропонимы, этнонимы [4, 19-21].

Материалом исследования явились интернет-тексты, размещенные националистическими движениями в сети Интернет. Примеры в статье приводятся в ограниченном объеме, чтобы избежать популяризации националистических идей; излагаются в основном полученные нами выводы.

Уничижительное описание правящей власти, приклеивание ярлыков очень распространено в агрессивных националистических текстах — ср. такие единицы, как *деспотический коллективизм, партийно-концлагерное рабство, юркие партийные выдвигенцы, пресмыкающиеся перед деньгами и толпой, демо-коммунистическая грязь, игрушки демонических сил, пухлые бесы, меньшие братья о, оккупанты о, чужаки, банды чужаков, мракобесы, зло*. Широко используются средства словообразования — *плутократия, биороботы, переустройщики, демороссы, шатания-шарахания*.

Одной из основных стратегий манипулирования, присущих дискурсу радикальных организаций (считается возможным выделение подобного типа дискурса, поскольку их целью является не удержание, а завоевание власти) следует назвать дисфемизацию. Дисфемизм — инвектива, основанная на гиперболизации отрицательного признака или замене положительного оценочного знака на отрицательный. Дисфемизм «работает» на ухудшение денотата. Дисфемизм — это оружие для атаки на «врага». Цель дисфемизмов сформировать восприятие объекта как подозрительного и нежелательного, квалифицировать его так, чтобы вызвать неприязнь, отвращение или ненависть [5, 196-197]. Дисфемизмы также являются проявлением прямой вербальной агрессии. Известно, что “агрессивность, как и многие другие личностные

характеристики человека, может проявляться как в его действиях и поступках, так и в языковых средствах, которые он использует при изложении своих мыслей” [6, 118]. Тенденцию к дисфемизации можно определить как важный признак агрессивных националистических текстов.

Адресант националистического текста создает свой положительный образ в текстах с помощью различных выразительных средств и активно навязывает его адресату. Образ воина-борца импонирует, вызывает у аудитории доверие, что способствует достижению адресантом своих целей.

Из-за нередкого использования националистически маркированными становятся слова *русский, Россия, порядок, земля, наши, честь*, а также некоторые прецедентные тексты: *Победа будет за нами, слава России, процесс пошел, двум господам служить нельзя и под*.

Частое употребление лексики, задаваемой такими семантическими категориями, как “смерть” (умереть, умирают, повышенная смертность, смертельная опасность, “*Россия или смерть!*”, число умерших, похороны и др.), “тоска” (горький, безысходный, крик о помощи, обиды и оскорбления, слезы льются потоком и др.) придают текстам ту эмоциональную насыщенность, которая создает прочную основу для скрытой манипуляции.

В исследуемых текстах ярко выражена идеология национализма. Поскольку “агрессия в тексте всегда направлена против чужих” [4, 21], то оппозиция “мы — они” является, на наш взгляд, основой националистической картины мира. “Мы” — представители определенной национальности, нации, и “они” — все остальные. “Мы” — герои, православные воины, справедливые и праведные богатыри, сражающиеся за свободу России от врагов, борцы с мировым злом. “Они” — чужаки, предатели нации, враги, коммунисты, демократы, оккупанты, темные силы. Данная оппозиция и является основой для националистической пропаганды. Кстати, Н.А. Илюхина определяет пропаганду как “промывание мозгов”, т. е. моделирование тенденциозной картины мира, навязываемой адресату текстами, носителями определенной идеологии [7, 19].

Исзуемые тексты насыщены различными стилистическими приемами. Среди наиболее часто встречающихся приемов следует отметить эпитеты, имеющие преимущественно негативную окраску либо отрицательную контекстуальную коннотацию, резкие сравнения, гиперболы, с помощью которых отправитель информации добивается большей степени наглядности и экспрессивности.

Иногда встречаются метафоры, а также ирония и сарказм. Указанными стилистическими средствами преимущественно создается образ “врага”, против которого и направлена борьба словом.

Как отмечают исследователи, “шрифт — понятие не только типографское, но и лингвистическое” [8, 14]. В агрессивных националистических текстах наблюдается широкое шрифтовое разнообразие. Разность шрифта (кегля) позволяет авторам подчеркнуть нужные слова и предложения в тексте, тем самым обратив внимание адресата на самое важное.

Синтаксис националистических текстов трудно назвать разнообразным. Предложения по преимуществу простые или сложносочиненные, реже сложноподчиненные с одним или несколькими придаточными предложениями. Это облегчает восприятие текста читателем.

Характерной чертой агрессивного текста является выразительная пунктуация: широко встречаются восклицательные и вопросительные (в том числе и риторические) знаки, тире, двоеточия. Графическим средством также является широко используемое многоточие, которое является текстовым маркером намека — адресата побуждают самого сделать напрашивающийся вывод.

Необходимо еще добавить, что в качестве синтактико-стилистических средств реализации оценочного компонента текста часто выступает недосказ, представляющий намеренный обрыв начатой мысли, однако завершение её поддается иллюстрацией. Недосказ реализуется в предложениях, для которых характерна логическая и структурная незавершенность.

Для усиления эмоционального воздействия интернет-текста в Интернет-статью могут также быть введены иллюстрации. Это могут быть фотографии, фотомонтаж или рисунки. Они обычно дополняются пояснительными подписями саркастического содержания, что усиливает агрессивность текста..

Таким образом, агрессивный текст в интернете — особый жанр политической статьи, целостный психосоциолингвистический комплекс, концентрирующий в себе агрессивную идеологию и использующий особые лексические, стилистические и параграфематические средства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малахов В.С. Pro et Contra / В.С. Малахов // Сб. Скромное обаяние расизма. — М., 1999. — Т. 4. — № 1. — С. 129-132.
2. Алтунян А.Г. Анализ политических текстов: Учебное пособие / А.Г. Алтунян. — М.: Университетская книга; Логос, 2006. — 384 с..
3. Репина Е.А. Психолингвистические параметры политического текста: на материале программных и агитационных текстов различных политических партий конца 90-х гг. XX в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Репина. — М., 2001. — 24 с.
4. Остроушко Н.А. Проблема речевого воздействия в рекламных текстах: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.А. Остроушко. — М., 2003. — 24 с.
5. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. — М.; Волгоград: Перемена, 2000. — 368 с.
6. Белянин В.П. Психолингвистические аспекты художественного текста / В.П. Белянин. — М.: Изд-во Московского ун-та, 1988. — 248 с.
7. Илюхина Н.А. Русский язык и советское общество: роль речевого воздействия на формирование массового сознания / Н.А. Илюхина // Северо-Кавказские чтения: Проблемы речевого воздействия (Лиманчик-96) Материалы Всероссийской научной конференции / Ростов-на-Дону. — 1996. Вып.1.— С. 19.
8. Месхишвили Н.В. Экспрессивные средства письменной коммуникации: автореф. дис.

*Федюнина Е.С.
Воронежский государственный университет.
Соискатель кафедры общего языкознания и стилистики филологического факультета.
e-mail: sternin@phil.vsu.ru*

*Fedyunina E.S.
Voronezh State University.
Post-graduate student of the chair of a general linguistics and stylistics of philological faculty.*

УДК 81'1

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА КАК ФРАГМЕНТ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

© 2011 Чан Тхи Тху Хыонг, О.Н. Чарыкова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 27 ноября 2010 года

Аннотация: Статья посвящена изучению метафорических значений лексических единиц денотативной сферы «метеорология». В работе представлены семантические группы исследуемой лексики, определён индекс метафоричности, выявлены направления и признаки метафорических переносов.

Ключевые слова: картина мира, лексико-семантическое поле, парцелла, метафора, индекс метафоричности, признак переноса, направление переноса.

Abstract: This article is focused on the analysis of metaphorical meanings of lexical units of denotative sphere of «meteorology». In this article are presented semantic groups of the analyzed vocabulary, determined metaphorical index-number, specified directions and indicators of the metaphorical transferring.

Key words: world-image, lexical-semantic field, parcel, metaphor, metaphorical index-number, indicators of the metaphorical transferring, directions of the metaphorical transferring.

Под языковой картиной мира понимают «совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определённом этапе его развития» [1].

Поскольку метафора является фундаментальным свойством языка [2], она достаточно интенсивно исследуется как в зарубежной, так и в русской лингвистической науке. Однако в настоящее время описан далеко не весь «метафорический фонд» (термин Г.Н. Складневской) русского языка. В частности, не получил системного описания такой значимый фрагмент русской метафорической картины мира, как метеорологическая сфера, то есть лексика, называющая физические процессы и явления в атмосфере Земли в их взаимодействии с земной поверхностью и космической средой [3].

Поэтому определение особенностей метафорического осмысления данной денотативной сферы в русской языковой картине мира является актуальным. Для достижения данной цели посредством сплошной выборки из Словаря русского

языка в 4-х томах под ред. А.П. Евгеньевой (МАС) [4] были выписаны лексемы, образующие лексико-семантическое поле «метеорология». Общее количество выделенных единиц — 350.

По общности семантики лексемы анализируемого поля распределены на 7 парцелл, представленных по степени убывания количественных параметров: 1. **температура** (102 единицы): горячий, жар, жгучий, зной, теплота, теплеть, холод, сосулька, прохладно, леденеть и др.; 2. **оптические и звуковые явления** (70 единиц): дымка, заря, затмение, пасмурный, радуга, светлеть, темнеть, молния, сумерки, гром и др.; 3. **атмосферная влага, осадки** (63 единицы): дождь, иней, град, ливень, облако, роса, снег, снежный, туманиться, туча и др.; 4. **воздух и воздушное движение** (53 единицы): буря, вихрь, ветреный, воздух, зефир, метель, ураган, сквозить, смерч, шквал и др.; 5. **космос, космические объекты и их элементы** (33 единицы): апогей, галактика, горизонт, звезда, зенит, комета, луна, метеор, небо, созвездие, солнечный и др.; 6. **времена года, часть суток** (16 единиц): весна, вечер, день, зима, май, осень, полдень, рассвет,

утро и др.; 7. **погодно-климатические явления** (13 единиц): *климат, микроклимат, непогода, оттепель, распогодиться, сушь* и др.

На основе анализа семантем выделенных лексем были выявлены метафорические значения анализируемых единиц и определён индекс метафоричности каждой парцеллы и поля в целом, рассмотрены признаки, по которым осуществляются метафорические переносы, и определены направления метафорических переносов. Индекс метафоричности — это процентное отношение количества лексем, которые приобрели метафорическое значение, к общему количеству лексических единиц данной группы.

Анализ показал, что лексика семантического поля «метеорология», выступая в метафорическом значении, формирует вторичное — **метафорическое** — поле изоморфной структуры: 1. **температура** (46 единиц): *горячее сердце, в жару спора, жгучий стыд, сердечное тепло, теплота привязанности, тёплый взгляд, леденеть от ужаса, ледяное равнодушие, охладая душа, прохладно встретить план, дружба стыла, холодное решение* и др.; 2. **оптические и звуковые явления** (51 единица): *блеск таланта, военная гроза, громовой ответ, дымка таинственности, на заре юности, луч истины, лучистые глаза, послать молнию, пасмурное лицо, проблески нетерпения, радужное настроение духа, глаза светились, сумеречное время* и др.; 3. **атмосферная влага, осадки** (29 единиц): *град насмешек, дождь цветов, сознание затуманилось, лавина войск, наводнение рынков товарами, облако задумчивости, роса на глазах, туманный взор, туча осуждений* и др.; 4. **воздух и воздушное движение** (25 единиц): *бурная овалация, буря в душе, ветреный человек, вихрь мыслей, ураган негодования, шквал огня* и др.; 5. **космос, космические объекты и их элементы** (27 единиц): *в апогее славы, в атмосфере дружбы, умственный горизонт, звезда экрана, космические масштабы, медицинское светило, солнце правды* и др.; 6. **времена года, часть суток** (8 единиц): *весна жизни, вечер лет, май жизни, осень любви, рассвет славы* и др.; 7. **погодно-климатические явления** (5 единиц): *международный политический климат, нравственный микроклимат, казённая сушь учебников* и др.

Таким образом, номинативная плотность лексико-семантического поля «метеорология» в русском языке составляет 350 лексем, метафорическая плотность — 192 единицы. Общий индекс метафоричности поля — 0,55%. Эти данные свидетельствуют о высокой степени релевантности для русского национального сознания репрезентируемого участка внеязыковой действительности.

Следует отметить, что степень активности метафорических процессов в разных парцеллах

лексико-семантического поля «метеорология» неоднородна, что проявляется в количественных параметрах индексов их метафоричности. Самый высокий индекс метафоричности в рамках анализируемого поля имеют парцеллы: **оптические и звуковые явления** (0,73%) и **космос, космические объекты и их элементы** (0,79%). Столь высокая активность метафорических процессов в указанных парцеллах, согласно закону Шпербера, свидетельствует о том, что составляющие их лексические единицы называют объектами, значимые для жизни социума.

Набор семантических признаков, по которым осуществляется метафоризация единиц данного лексико-семантического поля, достаточно разнообразен, однако можно выделить признаки, частотность которых особенно велика. Наиболее часто основанием метафорического переноса становятся ассоциации, связанные с чувственным восприятием природного явления, особенно такие параметры, как **«приятный»** (*тёплое слово, радужные планы, солнечная улыбка, звездистые очи*) или **«неприятный»** (*ледяной тон, сумрачное лицо, облако грусти*). Второе место в образовании метафорического значения принадлежит признаку **«интенсивность»** (*жаркая работа, буря аплодисментов, шквал возмущения*) или **«утрата / уменьшение / отсутствие интенсивности»** (*прохладные отношения, увлечения охладели*). Используются также такие семантические компоненты, как **«способ движения»** (*слёзы полились градом, дождь конфетти, лавиной идут люди*), **«расположение в пространстве»** (*плавать в эфире блаженства, небо в значении «верхняя часть, свод, потолок (шахты, печи и т. п.)»*), **«форма»** (*восковые сосульки, росинки слёз на ресницах, генеральские звёзды*), **«функция»** (*девять лун Сатурна*), **«физические свойства»**: **цвет** (*снежная скатерть — белая, рубашка небесного цвета — ярко-голубая*), **структура** (*вкусный зефир, эфирное создание, воздушный бисквит*) и некоторые другие.

Основными направлениями метафоризации являются: **натурфакт интеллектуальная сфера человека** (*блеск остроумия, затмение ума, вихрь мыслей, холодное решение*), **натурфакт эмоциональная сфера человека** (*сердечный холод, туман печали, бурная радость, мираж счастья*), **натурфакт человек и группа людей** (*будущая звезда, созвездие великих имён, солнце поэзии*), **натурфакт физическая сфера человека** (*блистание красоты, воздушная походка*), **натурфакт социальная сфера** (*заря революции, затишье в торговле, годы оттепели*), **натурфакт речевая сфера человека** (*громовой голос, град упрёков*). Менее частотными являются переносы в другие сферы: **натурфакт артефакт** (*рубашка с молнией, ливень пуль*), **натурфакт сфера животного мира** (*горячий конь, конь*

с белой звездой на лбу), **натурфакт натурфакт** (лучистые снежинки, лёд звездится). Выявленное соотношение направлений метафорических переносов позволяет утверждать, что основной особенностью русской национальной картины мира, представленной в метеорологической метафоре, является антропоцентризм, понимаемый вслед за С. Ульманом как «перенос названий объектов действительности (предметов, животных, растений, а также явлений и состояний) на человека» [5].

Таким образом, метеорологическая метафора представляет собой значимый фрагмент русской метафорической картины мира и, отражая национальные особенности мировосприятия носителей русского языка, является важным средством репрезентации национальной картины мира в целом. Полученные результаты вносят вклад в общую теорию метафоры.

Чан Тхи Тху Хыонг.
Воронежский государственный университет
Аспирант 3-го года обучения.
e-mail: ochar@inbox.ru

Чарыкова О.Н.
Воронежский государственный университет.
Доктор филологический наук

ЛИТЕРАТУРА

1. Попова З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — Воронеж : Истоки, 2001. — 191 с.
2. Степанов Ю.С. В трёхмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / Ю.С. Степанов. — М. : «Наука», 1985. — 336 с.
3. Большая Советская Энциклопедия в 30 т. / Гл. ред. А.М. Прохоров. — 3-е изд. — М. : «Советская Энциклопедия», 1974. — Т. 16.
4. МАС — Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. — М. : Русский язык, 1981 — 1984. — Т. 1-4.
5. Ульман С. Семантические универсалии / С. Ульман // Новое в лингвистике. Пер. с английского. — М. : Прогресс, 1970. — Вып. 5 (Языковые универсалии). С. 250-299.

Tran Thi Thu Huong
Voronezh State University.
Post-graduate student, the 3. year of study.

Charykova O.N.
Voronezh State University.
Doctor of philology.

УДК 811.161.1'373.2

ИМЯ В ТВОРЧЕСТВЕ И.С. НИКИТИНА

© 2011 И.П. Шалина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 декабря 2010 года

Аннотация: Статья посвящена одному из актуальных направлений в изучении ономастики — ономастике художественных произведений. Целью данного исследования является выявление и описание антропонимов, функционирующих в поэме И.С. Никитина «Кулак».

Ключевые слова: литературная ономастика, антропонимы, имена собственные, И.С. Никитин.

Abstract: This article is devoted to one of actual directions in studying onomastic — literary onomastic. The purpose of this study is to identify and describe anthroponyms operating in the poem Nikitin.

Key words: literary onomastics, proper names, anthroponyms, Ivan Nikitin.

Нельзя переоценить значимость специальных ономастических исследований художественных произведений для понимания творческой лаборатории отдельного писателя. Изучение наследия И.С. Никитина с позиций литературной ономастики является абсолютной лакуной. Многие исследователи особенно интересными называют случаи, когда в реалистическом произведении актуализируется внутренняя форма (подлинная этимология) того разряда имен собственных, которые обычно не этимологизируются, — личных имен — и эта актуализация превращается в важный фактор текстообразования, выражения идейного смысла произведения [1, 106].

Поэма «Кулак» была задумана И.С. Никитиным в 1854 году как крупное произведение о жизни и быте хорошо известного писателю мещанства и купечества. И.С. Никитин работал над поэмой несколько лет — с 1854 по 1857 год. Существует три редакции поэмы. Первая — известна по рукописи, принадлежавшей М.Ф. Де-Пуле, вторая редакция — это рукопись из архива Н.И. Второва и третья, окончательная редакция была напечатана в 1858 году.

Рассмотрим имена некоторых героев поэмы «Кулак». Антропонимы в художественном тексте

являются важнейшим звеном, способствующим построению композиционной структуры произведения. Наделяя своего героя именем, автор учитывает характер и внешний вид своего персонажа. В поэме «Кулак» богатого жениха дочери главного героя зовут *Тарас Петрович Тараканов*. В первой редакции поэмы *Тараканова* зовут *Глебом*: *Я Тараканов, Глеб Петров* [2, 536]. Замена имени дала интересное фонетическое созвучие: *Тарас Тараканов*.

Фамилия *Тараканов* имеет отрицательный оттенок и вызывает ощущение чего-то низменного, неприятного и грязного. В первой редакции поэмы невесте очень не нравится фамилия жениха: *А! Тараканов!.. Тыфу ты, срам! И, видно, дрянь!* [2, 524]. В то же время фамилия *Тараканов* содержит коннотацию богатства: по народной примете, если в доме много тараканов, значит, в доме достаток, из бедных домов тараканы убегают.

Имя *Тарас* от греческого *tarasso* — приводить в смятение, тревожить [3, 263]. Отчество *Тараканова* происходит от имени *Петр* — из греческого *petra* — скала, утес, каменная глыба [3, 226]. Слово *камень* входит в следующие фразеологизмы: *Каменная душа*, *Камня на камне не оставить*, *Подать камень вместо хлеба*. Последнее выражение восходит к библейскому тексту

(Евангелие от Матфея) — «Вместо подлинного благодеяния отделяваться от ищущего помощи чем-либо ненужным, излишним (о черствых, бездушных людях)» [4, 282]. Именно так и поступает *Тарас Петрович* со своим тестем: вместо того чтобы взять его к себе на работу и тем самым обеспечить Лукичу законный и достойный заработок, он поит его чаем, называет батенькой, уничижительно именуется в разговоре с ним *Тарасом Петровым* и дает пустые обещания. Когда Лукич просит у своего зятя денег на похороны Арины, тот говорит Саше: ...*С камнем в воду! Пускай! Нам всех похоронять — Суму придется надевать* [2, 552].

Нельзя не принять во внимание еще один любопытный факт: с именем *Петра* связана такая коннотация, как отречение: апостол *Петр* трижды отрекается от Христа. Можно сказать, что и *Тараканов* отрекается от родителей своей жены, а по православной традиции после свадьбы это и его родители тоже. *Тарас Петрович* фактически бросает их на произвол судьбы, он позволяет Лукичу надеяться на свою помощь, которую и не собираются на самом деле ему оказывать.

Долбин Клим Кузьмич — помещик, которого уже не в первый раз обманывает Лукич. *Клим* — разговорное от *Климент* из лат. *Clementis* (род. п. *clementis*) — милостивый, снисходительный [3, 166]. Отчество образовано от имени *Кузьма* из греч. *kosmos*: мир, украшение, порядок, мироздание [3, 170].

На первый взгляд помещик *Клим Кузьмич Долбин* соответствует этимологии своего имени: он милостивый, снисходительный и в его личном космосе царит мир и порядок, но это впечатление обманчиво. В разговоре со Скобеевым обнаруживается, что *Долбин* человек не добрый и в его мире порядка нет. Рассказывая о том, как он пытался догнать мальчика, воровавшего рожь, *Клим Кузьмич* возмущается: *Не наедятся, черт возьми! Что хочешь, как их ни корми!* [2, 359]. В тексте существует противоречие между именем и его носителем: Никитин использует прием несоответствия этимологического значения имени моральным качествам его носителя.

Вероятна и близость отчества героя с семантикой глагола *подкузьмить* — обмануть, поддуть [5, 297]. Это как раз то, что делает с помещиком *Долбиным* Скобеев, продавая ему негодного коня. Иными словами, *Клима Кузьмича подкузьмили*.

Фамилия героя восходит к существительному *долбень* — тупой, непонятливый человек. «Хорошо ли понимает дело? *Долбень*, ничего не вобьешь в голову. Курск, 1850» [6, 104]. За предстательной внешностью помещика скрывается его ничтожность и непрактичность.

Скобеев — помещик. Никитин не наделяет этого героя ни именем, ни отчеством. Возможно, фамилия *Скобеев* образована от существительного *скобель* — нож с двумя ручками по концам, которым скорняки скоблят шкуры. *Скоблями* дразнили невоспитанных, невежественных, грубых людей [7, 284]. Помещик Долбин в первой редакции поэмы говорит о *Скобееве*: *А Скобеев скот Он кажется, свиньей живет* [2, 517].

Фамилия *Скобеев* имеет литературный прецедент: в 1853 году в журнале «Москвитянин» была напечатана «Повесть о Фроле *Скобееве*». Главный герой повести — бедный дворянин, мелкий чиновник, «ябедник». Он решает добиться власти и богатства любой ценой: «Буду полковник или покойник». Ю.М. Лотман называет *Фрола Скобеева* хищником, окруженным «простодушными людьми... которые с изумлением наблюдают удачное воровство героя» [8, 180]. *Фрол Скобеев* стремится к жизненному благополучию любыми средствами, вопрос о недозволенности подобного поведения им не рассматривается. Наделяя своего героя этой фамилией, Никитин тем самым ориентировался на читателей, знакомых с повестью о *Фроле Скобееве*. *Скобеев* в поэме тоже хищник. В дальнейшем повествовании эта фамилия приобретает обобщенное значение и используется для обозначения целой социальной группы: *Поди Скобеевы живут, Их в кандалы не закуют, Не отдадут на покаянье* [2, 406].

Еще Э.Б. Магазанник указывал на следующий интересный момент: даже если автор неосознанно наделяет персонаж тем или иным именем, имя способно сказать «больше, чем задумал писатель» [9, 127]. Рассмотренный материал позволяет сделать вывод о том, что стилистически нейтральные имена в контексте поэмы «Кулак» становятся семантически многоплановыми. Они способны не только идентифицировать, но и в большей или меньшей степени характеризовать персонаж, указывать на некоторые свойства и качества, присущие данному герою.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михайлов В.Н. Роль ономастической лексики в структурно-семантической организации художественного текста / В.Н. Михайлов // Русская ономастика. — Одесса : Изд-во Одес. гос. ун-та, 1984. — С. 101-109.
2. Никитин И.С. Полное собрание стихотворений / И.С. Никитин. — М.-Л. : Советский писатель, 1965. — 612 с.
3. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен / Н.А. Петровский. — М. : Русские словари : Астрель, 2000. — 480 с.

4. Бирих А.К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. — 3-е изд., испр. и доп. — М. : Астрель : АСТ: Люкс, 2005. — 926 с.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х тт. / М. Фасмер. — Т. 3. — М. : Астрель : АСТ, 2003.
6. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин. — Л. : Наука, 1978. — Выпуск 14. — 376 с.
7. Веди́на Т.Ф. Словарь фамилий / Т.Ф. Веди́на — М. : АСТ, 1999. — 539 с.
8. Лотман Ю.М. Пути развития русской просветительской прозы XVIII века / Ю.М. Лотман // О русской литературе: Статьи и исследования (1958-1993). История русской прозы. Теория литературы. — СПб. : Искусство-СПБ, 2005. — С. 176-198.
9. Магазанник Э.Б. Ономапозэтика или «говорящие имена» в литературе / Э.Б. Магазанник — Ташкент : Фан, 1978. — 115 с.

Шалина И.П.
Воронежский государственный университет.
Соискатель кафедры славянской филологии.
e-mail: inshalina@yandex.ru

Shalina I.P.
Voronezh State University.
Post-graduate student of the Chair of Slavonic philology.

УДК 811.161.1

АРХАИЗМЫ «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО» Н.М. КАРАМЗИНА И СЕМАНТИЧЕСКОЕ НАПОЛНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ТРУДА ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.

© 2011 О.Н. Шевцова

Южный федеральный университет

Поступила в редакцию 9 октября 2010 года

Аннотация: Статья посвящена анализу языка исторического труда Н.М. Карамзина «История государства Российского». Определенное место в языке этого произведения занимают архаизмы. Подчеркивается, что языковые архаизмы способствовали созданию более глубокого и конкретного представления у читателя о событиях и явлениях прошлого и отражают писательское мастерство выдающегося историографа. Отмечается взвешенное использование им архаизмов, что не нарушало лексический строй произведения, соответствовавший языку современной Н.М. Карамзину русской культуры и понятный российскому читателю.

Ключевые слова: Архаизм, славянизм, лексика, лексема, текст, экспрессивные приемы языка.

Abstract: The article devotes to the analyses of language of historical work of N.M. Karamzin "History of Russia State". Obsolete words take up specified place in the language of this work. It is points, that obsolete words promoted to the making more profound and concrete idea to the reader about events and phenomenon of past and reproduces author's mastery of distinguished historiographer. It should be noted the weighing using of obsolete words by him, which didn't break the lexical system of the work, which corresponded with the language of contemporary to N.M. Karamzin Russian culture and was understanding to the Russian reader.

Key words: Obsolete word, Slavonicism, vocabulary, lexeme, text, expressive way of language.

Особое место Н.М. Карамзина в русской культуре конца XVIII — начала XIX вв. определяется в значительной мере тем, что в его творческой личности сочетались две ярко выраженных стороны. Одна была связана с его талантом языковеда и его исключительным чувством языка, что позволяло ему выступать одним из создателей литературного русского языка нового времени. Другая определялась особым интересом его к российской истории. Она выражалась в создании произведений литературы и фундаментальной «Истории государства Российского». Талант языковеда позволял Н.М. Карамзину выступать в качестве историка, способного донести картину прошлого до читателя. В результате, по замеча-

нию А.С. Пушкина, «даже светские женщины бросились читать историю своего отечества, доселе им неизвестную. Она для них была новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом» [1, 239].

Замечание было не случайным. Оно содержало указание на то, что русская история в репрезентации Н.М. Карамзина оказалась доступной для читателя, не являвшегося историком. Выдающихся ученых XVIII века, «Татищева, Щербатова не читали (за исключением узкого круга историков)», — указывал Н.Я. Эйдельман [2, 45]. Успех «Истории государства Российского» С.П. Залыгин объяснял в контексте разделения М.В. Ломоносовым русского литературного языка на три «штиля», «высокий», «посредственный» и «низкий». Он отмечал, что «до Карамзина никому

и в голову не приходило, что такой возвышенный предмет, как история, можно толковать в стиле «низком», беллетризованном» [3, 12].

Изложение исторического материала великим историографом являлось не только результатом наблюдений за тенденциями в развитии русского языка. Оно складывалось в ходе противостояния в русском обществе традиционалистов и их противников, осознававших невозможность консервации старых форм русского языка и общественных отношений, на базе которых сложились языковые нормы.

Путь к высшему достижению карамзинской исторической прозы, к «Истории государства Российского», лежал через произведения исторической беллетристики. Один из ее образцов, повесть «Марфа Посадница, или Покорение Новгорода», относился к истории присоединения Новгорода к Московскому государству. Анализ языка повести, проделанный филологом и историком русского языка Л.Л. Кутиной, представляет интерес при анализе языка «Истории государства Российского». Тем более что сюжету присоединения Новгорода и связанным с ним образам Карамзин уделял самое существенное внимание.

Как отмечала Л.Л. Кутина, Карамзин назвал повесть «Марфа Посадница» исторической. Проявилось это в нацеленности «на историческое правдоподобие, вплоть до корректировки документов» [4, 63]. Кутина выделила несколько лексических особенностей этой исторической повести. Во-первых, это подбор лексического материала, благодаря которому создавалась «ритмическая организация текста», что придавало впечатление «важной торжественности» исторической прозы» [4, 66] и позволяло создавать у читателя психологический настрой, дававший возможность воспринимать старину и формировать состояние погруженности в прошлое Великого Новгорода. В самом деле, наличие «ритмической организации» было характерно для русских средневековых нарративов.

Во-вторых, погружение читателя в новгородскую старину достигалось в повести благодаря употреблению словесной архаики. Как подчеркивала Кутина, архаика употреблялась широко и выражалась в использовании славянизмов. Говоря о славянизмах, Кутина отмечала, что «в силу всеобщности своего употребления они представляют явление фоновое, сопровождавшее лишь общую тональность «торжественной важности». Славянизмы орнаментируют все стилистические пласты повести» [4, 68].

В-третьих, большое значение в образовании стилистического строя повести имела, как подчеркивала Кутина, «общественно-политическая лексика». С ней были тесно связаны «обозначение

нравственно-этического плана (гражданские добродетели и пороки)» [4, 73]. К общественно-политическим лексемам повести относились: «вольность», «свобода», «благо», «независимость», «гражданин», «рабство» и другие. К нравственно-этическим — «добродетель», «достоинство», «честь», «верность», «великодушие», «корыстолюбие», «вероломство» и другие [4, 74-75]. Кутина отметила такую черту этого набора лексем, как «тяготение слов к разным идеологическим центрам и антонимическая противоположность их». К противоположностям она отнесла яркие лексемы: «вольность, свобода» — «рабство», «гордость народная» — «покорность» [4, 75] и другие. Карамзин сталкивал читателя с ситуацией, когда в Новгороде конца XV в. было якобы столкновение ценностных ориентиров современного автору русского общества — свободы и самодержавной власти.

Использование архаизмов Н.М. Карамзина имело место также в «Истории государства Российского». Сравнительный анализ использования этого экспрессивного приема в тексте литературного произведения и исторического труда позволяет выявить представления Карамзина об особенностях репрезентации исторического материала в художественной прозе и в труде по истории. Он позволяет представить его взгляды на место архаизмов в современной русской литературной речи.

Среди архаизмов «Истории государства Российского» часто встречается указательное местоимение «сей» вместо употребительного в новое время местоимения «этот». Говоря о мире, заключенном в 911 г. князем Олегом с греками, Карамзин отмечал: «Сей мир, выгодный для России, был утвержден священными обрядами Веры» [5, т. 1, стб. 81]. То же самое архаичное местоимение было употреблено при характеристике договора Руси с греками 911 г., заключенном Олегом с императором Львом IV: «Сей договор представляет нам Россиян уже не дикими варварами...». Таким же архаизмом является порядковое числительное в сочетании «осьмая статья» [5, т. 1, стб. 85], относящееся к этому же договору. В «Истории государства Российского» это архаичное местоимение встречается часто. Еще один пример архаизма относится к фразе «Корабли Игоревы» [5, т. 1, стб. 90] из описания похода 941 г. князя Игоря на Царьград. Впечатление языковой архаики создавало краткое прилагательное «Игоревы», а также его сочетание с существительным «Корабли», при котором существительное стояло перед этим прилагательным. Архаизмом является славянизм, основанный на неполногласии, в отличие от русского полногласия. Таким славянизмом является второе существительное

в выражении «крест живородящего древа», которое должно было обозначать дар императора Алексея Комнина Владимиру Мономаху. От императора князю также вручили «златую цепь», а в Оружейной Палате «хранится так называемая Мономахова золотая шапка» [5, т. 2, стб. 90]. В данных словосочетаниях славянизмом является архаичное прилагательное, поскольку в русском языке уже употреблялось прилагательное *золотой* с русским полногласием. Тот же самый архаизм имеется во фразе, относившейся к половецкому хану Севенчу, который «хвалился... зарубить мечом врата Златые» [5, т. 2, стб. 151]. В этом сочетании славянизмом является прилагательное «Златые» и существительное «врата». Интересный архаизм употреблен Карамзиным в описании нашествия Батыя в 1240 г. на Киев, когда в монгольском войске был слышен «рев вельблюдов и волов» [5, т. 4, стб. 9]. Существительное множественного числа в родительном падеже «вельблюдов» взято из летописи. Среди даров, которые принес перед битвой на Калке половецкий хан Котян галицкому князю Мстиславу Удалому, в Новгородской первой летописи младшего извода назывались «вельблуды» [6, 265].

К архаизму, характерному для церковной речи, относилось слово «кумиры», которое Карамзин употребил в рассказе о крещении коми-пермяков Стефаном Пермским. Это было во фразе: «кумиры, разрушенные пламенем, свидетельствовали их ничтожность». То же самое относилось к слову «кудесники». Оно содержалось во фразе: «кудесники вопили», когда «Стефан обратил в пепел одну из их знаменитейших кумирниц» [7, т. 5, стб. 65]. Архаизмом является выражение «ложе Симеоново» [7, т. 5, стб. 106], в котором определяемое существительное следует за определяющим словом, и само слово «ложе» — славянизм. Оно усиливало впечатление от рассказа о злодеянии князя Юрия Святославича, убившего в 1406 г. своего друга, вяземского князя Симеона Мстиславича и его супругу, княгиню Юлианию. Архаизм позволил создать яркий образ последнего представителя рода смоленских князей, занявшего место в ряду образов князей-злодеев. Кархаизмам относится прилагательное в превосходной степени «лютейшие» из фразы «взятые в плен терпели еще лютейшие [муки]» [7, т. 5, стб. 144]. Речь шла о захвате псковичами в 1426 г. литовцев. Это прилагательное, восходившее к прилагательному «лютый», было известно еще со времени «Повести временных лет». Оно употреблялось в Поучении Владимира Мономаха. Рассказывая об одном из эпизодов охоты, князь писал, что «лютыи зверь скочил ко мне на бедра» [8, стб. 251]. Устаревшее прилагательное в превосходной степени создавало образ острейшего псковско-литовского противо-

стояния. Архаизмом во фразе «поддаться Королю иноплемennому» [7, т. 6, стб. 20] было прилагательное. Во времена Карамзина для соответствующей фразы распространены были прилагательные «иноземному» или «иностранному». Но прилагательное-архаизм «иноплемennому» придавало значимость событиям борьбы за независимость Великого Новгорода, когда Марфа Посадница пыталась найти в Литве альтернативу московской власти. В повествовании о присоединении Новгорода к Московскому государству из «Истории государства Российского» Карамзин употреблял современное слово. Он писал, что новгородцы в 1477 г. «дозволили всем купцам иноземным выехать во Псков» [7, т. 6, стб. 75]. В результате фраза звучит обыденно. В ней торжественность была бы не к месту, речь шла об обычной практике торговых отношений Новгорода. В обосновании правомерности присоединения Новгорода обращает на себя внимание архаичное прилагательное «утлая». Содержащийся во фразе «Иоанн был достоин сокрушить утлую вольность Новгородскую, ибо хотел твердого блага всей России» [7, т. 6, стб. 86], этот архаизм подчеркивал правильность политики ликвидации независимости Новгорода. В объяснительной стороне, относящейся к оценке Ивана III, Карамзин употребил деэпричастие «дерзая» и прилагательного «вышних» в отрывке «не дерзая определять вышних намерений Божества» [7, т. 6, стб. 210]. Эти архаизмы несут значительную смысловую нагрузку, способствуя обоснованию глубоко позитивной оценки историком Ивана III.

В рассказе о присоединении Пскова к Московскому государству при Василии III архаизм «в темнице» из фразы «Посадники и все именитые люди в темнице» [7, т. 7, стб. 23] отражал восприятие частью псковского общества этого присоединения как трагедии. Оно присутствует в псковском летописании, а архаизм «в темнице» вместо современного Карамзину выражения «в тюрьме» позволяло углубить впечатление трагедии.

Говоря об осаде русскими войсками в 1513 г. Смоленска, Карамзин указал на «худое искусство в действии огнестрельного снаряда» [7, т. 8, стб. 35], относившееся к русской артиллерии. Прилагательное «худое» являлось архаизмом, относившимся ко времени формирования Московского государства. Оно употреблялось при оценке качества земли при организации податного обложения и отражалось в сошном письме [9, 217].

Архаизм содержится в выражении: «Народ безмолвствовал на стогнах» [7, т. 8, стб. 28], им является существительное в предложном падеже «на стогнах». Оно употреблено вместо распространенных в начале XIX в. выражений «на площадях», или «на широких улицах». Как архаизм это слово использовал А.С. Пушкин, описывая в

поэме «Руслан и Людмила» возвращение в Киев Фарлафа: «Уже Фарлаф по граду мчится, И шум на стогах восстает» [11, 69]. В обоих случаях архаизм придавал повествованию торжественность. Но оттенки торжественности, для которой использовался Карамзиным и Пушкиным общий архаизм, неодинаковы. Так, у Карамзина этот архаизм вошел в контекст, благодаря которому он укрепляет ощущение безысходности для народа в период регентства Елены Васильевны Глинской, когда проявлялось «тиранство» [7, т. 8, стб. 28]. Для Пушкина этот же архаизм позволил выразить иронию по отношению к герою «Руслана и Людмилы» Фарлафу. Он придавал веселый оттенок, поскольку такой герой не заслуживал торжественности, которую нес в себе архаизм. Но в повествовании о регентстве Елены Глинской Карамзин использовал еще один выразительный архаизм, существительное с неполногласием «глас» в выражении: «Ко гласу оскорбляемой добродетели присоединялся и глас зависти» [7, т. 8, стб. 28]. Такой «оскорбляемой добродетелью» являлась, как указывал историк, «явная любовь» вдовы Елены Глинской к своему фавориту, князю Овчине Телепневу-Оболенскому. Со стороны знати «глас зависти» вызывался фаворитизмом князя Овчины. Архаизм «глас» способствовал усилению у читателя впечатления недовольства режимом правления регентши и ее фаворита. Оно хорошо поясняет следующую фразу Карамзина, содержащую еще один архаизм-славянизм — «здравием» во фразе «Великая Княгиня, юная летам, цветущая здравием, вдруг скончалась» [7, т. 8, стб. 28-29]. Архаизм «здравие» слабее архаизма «глас» по степени воздействия на читателя, но и он способен дополнительно привлечь внимание к проблеме неожиданной смерти правительницы в 1538 г.

Одним из наиболее достойных лиц времени Ивана Грозного Н.М. Карамзин считал митрополита Филиппа Колычева, решительного противника бесчинств опричнины. Подведение читателя к создававшемуся им образу святителя историк начал с фразы: «Среди хладных волн Белого моря» [10, т. 11, стб. 54], и далее говорится о Филиппе — игумене Соловецкого монастыря, которым он был до того, как стал митрополитом. В этой фразе архаизмом выступает прилагательное в родительном падеже множественного числа «хладных». Оно помогало создавать положительный образ Филиппа.

Говоря о впечатлении от знакомства с источниками, описывавшими злодеяния царя и опричников, Карамзин заявлял: «Невозможно без трепета читать в записках современных о всех адских вымыслах тиранства, о всех способах терзать человечество» [10, т. 11, стб. 97]. В этом пред-

ложении использован яркий архаизм, которым является существительное в родительном падеже «без трепета». Он создавал впечатление ужаса не только от содержания источников, но и от самой опричнины, более глубокое, чем современный для начала XIX в. оборот «без ужаса». Еще раз этот архаизм был употреблен Карамзиным при описании убийства в 1582 г. Иваном Грозным своего сына, царевича Ивана Ивановича. Когда царь увидел, что царевич «упал, обливаясь кровию», он был «в трепете» и «воскликнул: „я убил сына!“» [10, т. 11, стб. 208]. Архаизм передавал смятение царя. Этот архаизм, обозначенный Ожеговым как книжный [12, 808], позволял историку и художнику наглядно передать сильное чувство.

При описании гибели 15 мая 1591 г. царевича Дмитрия Ивановича Н.М. Карамзин несколько раз использовал архаизмы. Считая, что царевич был убит людьми Бориса Годунова, он отмечал: «Сии изверги, невидимым Судиею ознаменованные для праведной казни, не успели или боялись скрыться» [10, т. 10, стб. 78]. В этом предложении два архаизма. Одно — местоимение «Сии», другое — существительное в творительном падеже «Судиею». Оно является производным от архаизма «судия» вместо современного Карамзину «судья». Еще один архаизм, существительное «Душегубец», имеет однокоренные слова, которые встречаются в русских законодательных источниках. Двинская уставная грамота 1397 г. великого князя Василия Дмитриевича упоминала «душегубца» [13, 163], или убийцу. Белозерская уставная грамота 1488 г. называла среди тяжких уголовных преступлений «душегубство» [13, 172], или убийство. При Иване Грозном это слово сохранялось. В Судебнике 1550 г. говорилось, что если «побыюца на поле в пожге, или в душегубстве, или в розбое, или в татбе, ино на убитом исцово доправити» [14, 235]. В этой фразе традиционный оборот «в душегубстве» сосуществует с упоминанием об «убитом». В ходе развития русского языка слово «убийство», производное от упоминания об «убитом», вытеснило слово «душегубство». Ниже Карамзин приводил архаичную форму от существительного «убийство» — «убиение» [10, т. 11, стб. 56].

Рассматривая закрепощение крестьян, Н.М. Карамзин отмечал, что «крестьяне искони имели в России гражданскую свободу» [10, т. 10, стб. 120]. Архаизмом является наречие «искони». Оно употреблено в старейшей из дошедших до нас русских рукописных книг — в Остромировом евангелии, но во времена Карамзина оно устарело. Это слово должно было создать впечатление, что свобода крестьянства на Руси уходила в далекое прошлое.

В изложенной Карамзиным соборной грамоте об избрании на престол Бориса Годунова упоминалось об обязательстве «для всех чиновников»

«не доводить Государя до кручины» [10, т. 11, с. 7]. В данном случае архаизмом выступало существительное в родительном падеже «кручины». По замечанию С.И. Ожегова, это слово было характерно для «народной словесности». Оно звучало как архаизм со значением «горе, тоска, печаль» [12, 311]. Этот архаизм помогал выразить торжественность избрания царя. Говоря о начальном периоде пребывания на престоле Бориса, историк спрашивал: «наслаждался ли Годунов в полной мере своим величием, коего алкала душа его — величием, купленным столь дорогою ценою?» [10, т. 11, с. 55]. В приведенном отрывке архаизм — глагол прошедшего времени «алкала». Он употреблялся в начале XIX в. для придания значимости тому, о чем говорил автор. В комедии «Горе от ума» А.С. Грибоедов, упоминая стремившегося к знаниям современника, писал: «В науки он вперит ум, алчущий познаний» [15, 64]. Архаичный глагол «алкала» в сочетании с существительным «душа» мог оказать сильное воздействие на читателя.

Таким образом, в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзин прибегал к употреблению речевых архаизмов. Это употребление было достаточно взвешенным и в то же время весьма точным. Оно способствовало формированию таких образов и сюжетов прошлого, которые прочно запечатлевались в сознании читателя и создавали соответствовавшие им настроения читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пушкин А.С. Карамзин / А.С. Пушкин. — Собр. соч. : в 10-ти т. — М., 1976. — Т. 7. — С. 238-240.
2. Эйдельман Н.Я. Последний летописец / Н.Я. Эйдельман. — М., 1983.
3. Залыгин С.П. Универсальность творческой личности / С.П. Залыгин // Венок Карамзину. — М., 1992. — С. 11-21.
4. Кутина Л.Л. Историческая повесть Н.М. Карамзина «Марфа Посадница, или Поколение Новгорода. Стилистические наблюдения» / Л.Л. Кутина // Очерки по стилистике. — СПб., 1994. — С. 58-107.
5. Карамзин Н.М. История государства Российского / Н.М. Карамзин. — В 4-х кн. — М., 1988. — Кн.1.
6. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). — М., 2000. — Т.3. Новгородская первая летопись старшего и младшего извода.
7. Карамзин Н.М. История государства Российского / Н.М. Карамзин. — В 4-х кн. — М., 1989. — Кн. 2.
8. ПСРЛ. — М., 1998. — Т.1. — Лаврентьевская летопись.
9. Ключевский В.О. Курс русской истории / В.О. Ключевский. — Соч. : в 8-ми т. — М., 1957. — Т. 3.
10. Карамзин Н.М. История государства Российского / Н.М. Карамзин. — В 4-х кн. — М., 1989. — Кн. 3.
11. Пушкин А.С. Руслан и Людмила / А.С. Пушкин. — Собр. соч. : в 10-ти т. — М., 1975. — Т. 3. — С.7-78.
12. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. — 70000 слов. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. — Изд. 22. — М., 1990.
13. Памятники русского права. Вып. 3. / Под ред. Л.В. Черепнина. — М., 1955.
14. Памятники русского права. Вып. 4. / Под ред. Л.В. Черепнина. — М., 1956.
15. Грибоедов А.С. Горе от ума // А.С. Грибоедов. Соч. : в 2-х т. — М., 1971. — Т. 1. — С.94.

Шевцова О.Н.
Южный федеральный университет.
Кандидат филологических наук, доцент кафедры
языка СМИ и рекламы факультета филологии и
журналистики.
e-mail: oksana_shevtsova@bk.ru

Shevtsova O.N.
Southern Federal University.
PHD, Associate Professor of chair of media language
and advertising of philology and journalism department.

УДК 070.1

СОЗДАНИЕ ОБРАЗА ВРАГА НА СТРАНИЦАХ РОССИЙСКИХ СМИ

(на примере российско-грузинского конфликта в августе 2008 года)

© 2011 Ю.В. Белоусова

Марийский государственный университет

Поступила в редакцию 2 февраля 2011 года

Аннотация: Статья посвящена изучению роли СМИ в создании образа врага на примере освещения конфликта между Россией и Грузией в августе 2008 года. Автор статьи проанализировала более 300 публикаций центральных российских газет («Российская газета», «Московский комсомолец», «Советская Россия», «Новая газета»). Особое внимание при этом уделялось выявлению лексических средств, которые использовались для формирования негативного образа противоположной стороны конфликта.

Ключевые слова: журналистика, конфликт, образ врага, Грузия, Россия, Южная Осетия.

Abstract: This article is devoted to research of the role of mass media in creation of enemy image. The problem was studied judging by the conflict between Russia and Georgia which took place in August, 2008. The author carried out research of more than 300 publications from the central Russian newspapers («Rossiyskaya Gazeta», «Moskovskiy Komsomolets», «Sovetskaya Rossia», and «Novaya Gazeta»). The special attention was given to revealing of the lexical means which are used for creation of negative image of the opponent in conflict.

Key words: journalism, conflict, enemy image, Georgia, Russia, South Ossetia.

Враг — это военный, политический, идейный, религиозный и иной противник, в отношениях с которым присутствует конфликт. Образ же врага — это качественная, оценочная, характеристика этого противника, сформированная в общественном сознании [1, 34]. Враг и его образ могут значительно отличаться друг от друга. На формирование образа врага оказывают влияние стереотипы и установки, мифы и предрассудки, присущие массовому сознанию. Не стоит также забывать, что восприятие врага опосредовано многообразными источниками информации, в том числе и масс-медиа.

Образ врага является инвариантным компонентом духовной сферы общества во время любого военного конфликта. Он помогает вызывать чувство ненависти к противнику, оправдывает собственные агрессивные действия. Трудно убить того, с кем себя идентифицируешь, поэтому во время военных событий каждое правительство пытается вызвать в своем народе отношение к

врагу как к «недочеловеку». С противником разрываются все активные контакты: дипломатические отношения, почтовое сообщение, блокируется вещание СМИ противника на собственную территорию и т.д. В результате «Другой» перестает быть человеком, а становится «предметом со стороны», и в этих условиях исчезает преграда даже для любой формы деструктивности [2, 169].

Особенно страшное явление — психология гражданской войны, когда поиск врага перемещается внутрь страны и понятия «Свой — Чужой» теряют прежнюю определенность. Тогда врагом может оказаться каждый, причем критерии «чужеродности» постоянно меняются и расширяются [3, 7-8].

Образ врага не исчезает из массового сознания и в мирное время. Это объясняется влиянием стереотипов, социальной идентификацией через противопоставление «Мы» и «Они» и другими естественными психологическими процессами. Но чаще всего образ врага целенаправленно формируется политическими элитами с использованием СМИ и ангажированной интеллигенции.

И это неслучайно, ведь с его помощью можно достичь вполне конкретных политических целей: сплотить общество вокруг политического лидера, объяснить провалы внутренней политики действиями «недоброжелателей», подавить оппозицию и т.д.

Последний вооруженный конфликт, в котором принимала участие Россия, — так называемая «пятидневная война» в Южной Осетии — тоже не обошелся без активного формирования в СМИ образа врага.

В данной статье мы решили рассмотреть освещение российско-грузинского конфликта в российских СМИ с точки зрения формирования образа врага в лице грузинской стороны и ее руководителей, попытались определить, каков механизм создания негативного образа противника, какие вербальные средства при этом используются. Для этого мы использовали стандартную для общественных наук методику — контент-анализ.

Нами было проанализировано 328 статей из таких изданий: «Российская газета» (официальный печатный орган Правительства РФ) [5], «Московский комсомолец» (общественно-политическое издание, отличающееся эмоциональностью изложения и скандальностью) [6], «Новая газета» (оппозиционное издание либеральной и правозащитной ориентации) [7], «Советская Россия» (издание, излагающее взгляды коммунистических и лево-патриотических сил) [8]. Отобраны публикации, в которых освещаются события в Южной Осетии в августе 2008 года.

Мы создали словарь лексем, используемых для создания образа врага в лице Грузии: «агрессивность», «варварство», «преступность», «жестокость», «вероломство», «авантюрист», «лживость», «трусость», «несамостоятельность», «безнравственность», «безумство», «цинизм», «кошунство», «подобие фашистов» и т.д. Помимо этого мы классифицировали лексемы, характеризующие действия российской стороны («поддержание мира и безопасности», «вынужденные ответные действия», «законность и легитимность», «историческая миссия», «защита», «гуманитарная помощь и приют для беженцев» и т.д.) и жертвы конфликта («геноцид», «гуманитарная катастрофа», «дети», «женщины», «старика», «мироотворцы» и т.д.). Единицы счета в нашем случае совпадают со смысловыми единицами, поэтому процедура анализа свелась к кодировке текстов СМИ и подсчету частоты упоминания выделенных смысловых единиц.

В итоге мы получили следующий вербальный портрет грузинской стороны конфликта, созданный российскими СМИ. Грузия — это «агрессор» (196 упоминаний). Ее основные действия — «обстрел» (145), «разрушение» (112), «нападение»

(67), «уничтожение» (66), «убийства» (59), «сожжение» (38), «истребление» (18), «захват» (14) и «избиение» (13).

Также СМИ России описывали грузин следующим образом. Им нельзя доверять, они «безнравственные» (13 упоминаний) «лжецы» (40). В то же время, несмотря на «трусость» (28) и «безумство» (28), все действия грузинской стороны тщательно «спланированы и преднамеренны» (22). Грузины — «жестокые» (23) и «вероломные» (15) «преступники» (86), «варвары» (17), «авантюристы» (16), «фашисты» (52), а их «профессионально несостоятельный» (27) и «зависимый от США» (45) президент — Гитлер XXI века.

Стоит заметить, что российские СМИ одновременно демонизировали и окарикатуривали грузинского президента. Прием иронической дискредитации позволяет показать, что оппонент ничтожен и смешон, поэтому не заслуживает серьезного разговора. Много раз были показаны кадры с Саакашвили, жуящим галстук и убегающим от собственных самолетов. Кадры всякий раз сопровождалась ироничными комментариями, самым ехидным из которых стала трактовка Рамзана Кадырова: «Грузинский президент быстро бежит, ему бы надо быть сейчас в Пекине» [9].

По версии российских СМИ, глава Грузии — человек психически не здоровый и к тому же трусливый. В свое время такой же «славой» во всем мире был награжден Гитлер. Вообще, распространенным явлением стали карикатуры и фотоколлажи, изображающие Михаила Саакашвили в образе Гитлера, высмеивающие его зависимость от США и т.д.

Часто употреблялась сниженная лексика и откровенные ругательства (29 упоминаний): «войки», «солдатня», «нелюди», «отморозки», «ублюдки», «мерзавец», «уродец», «сволочи» и т.д.

Еще больше негативных красок в образ врага добавляет описание жертв конфликта. В российских СМИ говорилось, что в отношении жителей Южной Осетии совершен «геноцид» (84 упоминаний), а выжившие оказались в условиях «гуманитарной катастрофы» (36). Особый упор журналисты сделали на то, что среди жертв грузинских агрессоров — «женщины» (62), «дети» (56), «мирные жители» (47), «российские миротворцы» (42), «старика» (31), «российские граждане» (29). Кроме того, грузины не жалели «больных и раненых» (12).

Интересно рассмотреть изображение в СМИ российской стороны конфликта в сравнении описанной уже характеристикой Грузии. В ходе исследования мы выявили такую закономерность: если все действия грузин преподносятся как преднамеренные и заранее спланированные, то реакция российских властей и армии была

«вынужденной, другого выхода у них просто не было» (24 упоминания). Это классический пример проявления так называемой ошибки атрибуции.

Если судить по анализируемым СМИ, Россия в Южной Осетии, главным образом, занималась «поддержанием мира и безопасности» (70 упоминаний), «защищала мирных граждан» (53), «оказывала гуманитарную помощь пострадавшим и принимала беженцев» (175). Отмечалась также «историческая миссия России на Кавказе» (15) и «законность и легитимность» (10) всего, что совершают ее граждане.

В целом же, операция российской армии в Южной Осетии оценивалась как успешная, вызывающая «чувство гордости за военнослужащих» (22).

Журналисты упоминали и обвинения России в «агрессии» (67), но они обычно сразу опровергались. Признание агрессивности российской стороны встречалось только в публикациях «Новой газеты» (21).

Интересна такая закономерность: если либеральная «Новая газета» критиковала российские власти за чрезмерность действий наших военных в Грузии, то «Советская Россия» — за их недостаточность. В целом же, тональность освещения конфликта в «Советской России» во многом схожа с тональностью материалов «Российской газеты»: только к созданию образа внешнего врага добавляется поиск врагов внутри страны, критикуется и правящая элита, и либерально настроенная оппозиция.

В современных военно-политических конфликтах, как правило, нельзя точно определить — кто прав, а кто виноват. Конфликтующие стороны зачастую скрывают свои истинные цели за общими фразами вроде «наведение конституционного порядка» или «операция по принуждению к миру». В таких условиях перед журналистом встает ряд дилемм: как избежать обвинений, с одной стороны, в необъективности, замалчивании негативной информации (зато во благо своего государства), а с другой — в предательстве

интересов собственного народа (при объективном освещении конфликта, но в условиях масштабной информационной войны против его страны)?

В условиях отечественной войны общество и журналистика всегда объединяется с государством в борьбе с врагом. Однако в локальных конфликтах с неясными целями участвующих в них сторон главная задача журналиста — стремление к объективному освещению ситуации, а не «информационная борьба».

ЛИТЕРАТУРА

1. Козырев Г.И. «Враг» и «образ врага» в общественных и политических отношениях / Г.И. Козырев // Социс. — 2008. — № 1. — С. 31-39.
2. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. — М. : Попурри, 1999. — 624 с.
3. Сенявская Е.С. Человек на войне : опыт историко-психологической характеристики российского комбатанта / Е.С. Сенявская // Отечественная история. — 1995. — № 3. — С. 7-15.
4. Искусство войны : Грузия, Осетия, Россия. — (<http://www.svobodanews.ru/content/Transcript/462162.html>). — (дата обращения : 24.07.2009 г.).
5. Российская газета. Федеральный выпуск. — № 4720-4740 от 8-30 августа 2008 г.; Российская газета. Владикавказ — Цхинвал. — № 7-11 от 22-29 августа 2008 г.
6. Московский комсомолец (август 2008 г.). — (<http://www.mk.ru/archive/2008/>) — (дата обращения : 14.04.2009 г.).
7. Новая газета (август 2008 г.). — (<http://www.novayagazeta.ru/data/2008/>). — (дата обращения : 12.04.2009 г.).
8. Советская Россия. — № 83-94 от 5-30 августа 2008 г.
9. Богомолов Ю. Информационное послевкусие войны / Ю. Богомолов // Российская газета. — 2008. — № 4731.

Белюсова Ю.В.
Марийский государственный университет.
Аспирант кафедры журналистики.
e-mail: milagro777@ya.ru

Belousova J.V.
Mari State University.
Post-graduate student of Journalism Department.

УДК 07:769.2

О НЕКОТОРЫХ СВОЙСТВАХ И ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ ФОРМЫ ПЕРИОДИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ

© 2010 С.Л. Васильев

Кубанский государственный университет

Поступила в редакцию 2 февраля 2011 года

Аннотация: Главная идея статьи заключается в том, что одним из важнейших свойств газетной формы является удобочитаемость. Эффективное функционирование аппарата ориентирования читателя повышает удобочитаемость газеты и журнала. В статье также рассматриваются тенденции развития газетной и журнальной формы, связанные с удобочитаемостью.

Ключевые слова: аппарат ориентирования читателя, тенденции развития, удобочитаемость периодического издания, форма периодического издания.

Abstract: The main idea of article: readability is a important property of periodical's form. The effective functioning of the Reader-orientation apparatus improves the readability of newspaper and magazine. The article considers the tendencies of development connecting with readability.

Key words: periodical's form, reader-orientation, readability, reader-orientation apparatus, tendencies of development.

О сущности, значимости, назначении и эффективности внешней, видимой формы периодического издания исследователями газетно-журнального дизайна написано немало. При этом значительно больше внимания было уделено газетной форме. По мнению одного из самых известных разработчиков теории газетно-журнального дизайна А.П. Киселёва, «газета или журнал рискуют потерять часть своих читателей, если их оформление не способствует быстрому и целенаправленному восприятию публикуемых сообщений. Располагая текстовые и изобразительные материалы по колонкам, страницам номера, оформители создают своего рода конструкцию, «техническое приспособление для чтения». Эта конструкция должна отвечать следующим функциональным требованиям:

- руководить вниманием читателей, акцентировать его на главных материалах номера;
- создавать оптимальные условия для ориентации в номере, чтобы читатели могли с наименьшими затратами времени разобраться в

содержании предлагаемых материалов и отыскать интересующие их публикации;

- обеспечивать удобочитаемость материалов, которая зависит главным образом от оптических свойств используемых шрифтов, форматов набора, приёмов оформления, а также от качества печати и ряда других производственных процессов» [3, 89].

Отмечая первостепенную значимость функциональных свойств формы периодического издания, А.П. Киселёв обращает внимание и на важность её эстетических качеств: «Оформление газетного или журнального номера может быть безупречно рациональным в практическом отношении, но, если оно эстетически не выразительно, то внешний облик издания в лучшем случае оставит читателя равнодушным, а в худшем — вызовет у него ощущение скуки, раздражения. А эстетически привлекательная форма способна ещё до знакомства с содержанием номера заинтересовать читателя, побудить его к чтению» [3, 90].

В.В. Тулупов указывает на одно парадоксальное, но весьма существенное, в плане зрительного восприятия, требование к форме периодического издания: «Чем более незаметна (удобна) форма, чем

менее она отвлекает внимание зрителя, тем больше оснований считать её выразительной, поскольку она выполняет свою главную задачу – раскрывать содержание» [4, 75]. Удобная форма должна быть приятна глазу, но она не должна бросаться в глаза. Это замечание абсолютно справедливо в отношении важнейшей части формы периодического издания, которую мы называем текстовым полем. Однако определенным элементам формы, например, заголовкам, на наш взгляд, необходимо обладать таким свойством, как сигнальность, т.е. быть заметными.

Какую-либо значимость имеет лишь та напечатанная информация, которая становится информированностью конкретного человека. Газетную или журнальную форму можно считать особой конструкцией, служащей для передачи массовой аудитории разнообразной информации. Форма периодического издания – носитель и передатчик информации. От того, насколько продуманно, рационально сконструирован этот передатчик, зависит степень читаемости периодического издания, коэффициент полезного действия публикуемых материалов, а значит и уровень эффективности издания, его жизнеспособность. Сказанное можно выразить простой формулой: *Публикуемая информация — Форма периодического издания — Информированность читателя.*

Итак, форма периодического издания есть конструкция, служащая для перевода информации в информированность читательской аудитории. Эта конструкция представляет собой единение двух информационных составляющих: аппарата ориентирования читателя и текстового поля – совокупности текстовых частей всех публикаций.

Мы не выделяем в качестве отдельной составляющей иллюстрационный ряд издания, так как все изображения, помещаемые в газете и журнале, воспринимаются в первую очередь и, за редкими исключениями, ориентируют читателя в содержании тех или иных текстов, а потому входят в инструментарий аппарата ориентирования читателя. При этом мы принимаем во внимание, что существуют публикации (прежде всего в иллюстрированных журналах), в которых изобразительный материал доминирует над текстом и в пространственном, и в информационном отношении. В таких случаях не столько изображения раскрывают содержание текста, сколько текст раскрывает содержание изображений. Кроме этого в периодике встречаются публикации (те самые редкие исключения), состоящие только из заголовочных элементов и изобразительного материала.

Аппарат ориентирования читателя, в нашем видении, представляет собой систему инструментов, управляющих вниманием читателя,

определяющих избирательность и последовательность восприятия представленной в издании информации. Аппарату ориентирования свойственны такие функции, как опознавательное (идентификационное) ориентирование, ориентирование в содержании публикуемых материалов, ценностное ориентирование (указание на степень значимости), ориентирование в тематической структуре издания и структуре его текстового поля, ориентирование в пространстве издания (навигация).

Обобщая сказанное выше, мы приходим к выводу о том, что функциональная сущность формы печатного периодического издания не сводится лишь к фиксации, передаче и сохранению информации. И форма газеты, и форма журнала представляют собой ориентирующие системы, информирующие читателя о структуре, значимости и конкретном выражении того содержания, которое они в себе заключают. Каждый элемент газетной и журнальной формы, печатный и пробельный, является ориентирующим элементом. И форма газеты, и форма журнала – это ориентирующая система от первого до последнего графически обозначенного элемента. Нет в газетной и журнальной форме ничего, что не участвует в ориентировании читателя. Любая форма, существующая в мироздании, есть знак или сочетание знаков, несущих информацию. Любая искусственно созданная система, также как и любая естественная система, существующая или созданная изначально, есть ориентирующая система.

Нельзя обойти вниманием ещё одно значимое свойство формы периодического издания: она представляет собой ритмическую структуру, структуру, состоящую из взаимодействующих ритмических рядов различной сложности и различного свойства. Аппарат ориентирования читателя также является системой ритмических рядов внутри общей ритмической структуры издания. Такое устройство газетной и журнальной формы играет существенную роль в процессе читательской ориентации.

«Художественно-техническое оформление – это не произвольный, а строго детерминированный процесс, складывающийся под влиянием объективных и субъективных факторов, которые образуют закономерные связи между оформлением изданий и условиями их функционирования, их специфической природой» [2, 10]. Вряд ли существуют единственные и при этом очень конкретные рецепты для тех, кто намерен выйти в оформлении своего издания на оптимальные характеристики. Абсолютный оптимум – не более чем абстракция. Но на пути к нему возможны очень многие и весьма качественные варианты.

Каждое издание, желающее завоевать как можно больше читателей, должно найти именно свой вариант формы, свои конструктивные особенности и свой стиль оформления, которые были бы обусловлены задачами издания, характером его аудитории, особенностями содержательной структуры и возможностями полиграфической техники. Нет оптимума единого, есть оптимум индивидуальный. Поиск последнего – первейшая цель редакционных дизайнеров.

Итак, конкретные рекомендации возможны только в конкретном случае. Это не означает, что газетно-журнальный дизайн лишен солидной теоретической основы. Теория создана, развивается. И в ней можно выделить ряд наиболее существенных положений, знание которых необходимо квалифицированному газетному или журнальному оформителю. Не имея в виду определенное периодическое издание с его идеологией и задачами, позволительно лишь в самом общем плане рассуждать о том, как надо работать с форматами набора, шрифтами, пробелами, линейками, растрами, инициалами и другими элементами формы. Оформительских подходов слишком много, и каждый из них может быть одобрен при условии, что известны концептуальные ключи, основные закономерности, позволяющие при любом подходе в использовании пространства и графики найти и выстроить форму газеты или журнала как гармоничную систему. Систему, находящуюся в наиболее полном соответствии с целями редакции, содержанием издания, запросами аудитории, потенциалом имеющейся у издательства техники и ее программного обеспечения.

Отметим некоторые, наиболее заметные, с нашей точки зрения, тенденции в развитии газетной и журнальной формы, обозначившиеся на исходе XX и в начале XXI веков.

Наблюдается сближение газетной и журнальной формы. Признаки конвергенции проявляются в том, что газеты используют традиционно журнальные приемы оформления, а журналы кое-что заимствуют из газетной вёрстки. Появляются издания, имеющие гибридную форму, сочетающие формные признаки того и другого вида периодики. Например, издание может иметь обложку, но печататься на газетной бумаге и практиковать газетную вёрстку. Происходит сближение форматов газеты и журнала. Уменьшается количество газет, выходящих крупным форматом. В среднем значительно увеличился объём газетных изданий. Признаки различия двух видов периодики остаются очевидными, но уже существенно размытыми.

В газетных и журнальных изданиях разных типов увеличивается количество околотекстовых заголовочных элементов. Усложняются заголо-

вочные комбинации. Растёт роль анонсирования. В газетах формата А3 и близких к нему по размерам первая полоса стала исключительно анонсовой. Появляются новые приёмы анонсирования избранных публикаций. В крупноформатных газетах почти все публикации, начатые на первой полосе, переносятся на внутренние полосы.

Весьма активно проявляет себя такая тенденция, как визуализация печатной периодики. Растёт объём информации, получаемой читателем на первой, ознакомительной стадии восприятия из анонсов, иллюстраций, заголовочных элементов, условных графических ориентиров. Всё более весомой становится роль инфографики. Расширяется иллюстрационное пространство, увеличивается количество изобразительных ориентиров. Растёт количество составных, синтезированных изображений. Крупные фотографии, утвердившись на первых полосах газет, всё чаще появляются и на внутренних полосах.

Поднялось на новую ступень такое качество журнальной и газетной формы как системность. В связи с этим всё более заметной становится роль условного ориентирования читателей. Совершенствуется и обновляется арсенал приёмов и средств пространственного ориентирования – навигации. Многие газеты и журналы моделируются как на уровне издания в целом, так и на уровне разделов и рубрик.

Повышается культура шрифтового оформления периодических изданий по таким параметрам как системность, функциональность, эстетика, удобочитаемость. Постепенно увеличивается среднее значение кегля текстового шрифта.

Обозначилась новая ступень эстетизации формы периодических изданий, в особенности журнальных. Повышается художественный уровень в оформлении журнальных обложек. Уделяется больше внимания ритмической организации формы, изящным графическим и композиционным решениям, тонкой нюансировке, взвешенному использованию контрастов.

В иллюстрированных журналах прочно утвердились ориентирующие комбинации (сочетания заголовочных, изобразительных и графических элементов), занимающие полный разворот, иногда – два или три разворота. Вошла в журнальную практику и развивается форма политекстовой публикации (темы номера) – подборки различных текстов на одну тему, структурно обозначаемой и оформляемой единым целым. В иллюстрированных журналах всё более заметное положение занимают значительные по объёму (количеству занимаемых страниц) многокадровые фотопубликации – фотоочерки, фоторепортажи, фотосериалы. В таких публикациях сопровождающему тексту отведено весьма незначительное место. Заметно

возросло в иллюстрированных журналах количество фотографий, занимающих полный разворот, невзирая на проблему сгиба, снижающего удобочитаемость изображения (в значительной мере это компенсируется повышением удобочитаемости деталей в незатронутых сгибом зонах крупного фото). В журналах, особенно массовых, постепенно усложняется структура указателей содержания, увеличивается их информативность и степень иллюстрированности. Многие журналы стали использовать цветные маркеры разделов и рубрик в целях условного ориентирования читателя в структуре и пространстве издания.

Большинство отмеченных тенденций, определяющих эволюцию газетной и журнальной формы на современном этапе, так или иначе, связаны с повышением удобочитаемости периодического издания и в первую очередь — с усложнением структуры и функциональным совершенствованием аппарата ориентирования читателя.

До сих пор актуален вопрос, поставленный исследователями журналистики на исходе двадцатого века: уходит ли печатная периодика в прошлое? Окажется ли она востребованной в информационном обществе завтрашнего дня? Имеет ли смысл заниматься дальнейшим изучением газетной и журнальной формы, если от этой формы спустя несколько десятков лет не останется и следа? Впрочем, виртуальный след останется в любом случае, поскольку форма электронного издания вышла из формы печатного издания, как когда-то форма газеты вышла из формы книги. Пока мы говорим об электронных версиях бумажных изданий, а не о бумажных версиях электронных газет и журналов. По мнению авторитетных знатоков истории и теории масс-медиа, на сегодняшний день печатную периодику рано списывать со счетов. «Печатные СМИ вступают в пятый век своего существования и, похоже, продолжают своё существование в эру высоких технологий. Пред-

сказания об их конце, которые высказывались многократно в течение последних сорока лет, оказались несостоятельными. Думаю, бумажные издания — и газета, и журнал — будут всегда. Хотя бы в силу чисто практических удобств бытования: лёгкая в физическом смысле «переносимость», простое и независимое хранение, возможность чтения в самых невероятных местах и условиях, независимость от источников энергопитания — делают их незаменимыми. Это если не считать простого интереса большого контингента людей именно к бумажной форме издания» [1, 13].

В настоящее время печатные периодические издания функционируют в жёсткой конкурентной среде. Между печатными и электронными СМИ продолжается борьба за аудиторию. Чтобы сохранить имеющуюся читательскую аудиторию и привлечь новых читателей, печатной прессе необходимо максимально эффективно использовать свои преимущества и ресурсы. Одним из таких ресурсов является удобочитаемость периодического издания, его эргономические характеристики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акопов А.И. Ретроспективный взгляд на развитие СМИ и их современное состояние на фоне технологических инноваций /А.И. Акопов // Современные проблемы журналистской науки. Ежегодный сборник научных статей. Составитель В.В. Тулупов. — Воронеж: Факультет журналистики ВГУ, 2010. — С. 3-17.
2. Волкова В.В. Дизайн газеты и журнала / В.В. Волкова, С.Г. Газанджиев, С.И. Галкин, В.П. Ситников. — М., Аспект Пресс, 2003. — 224 с.
3. Оформление периодических изданий / Под ред. А.П. Киселева. — М., МГУ, 1988. — 160 с.
4. Тулупов В.В. Дизайн и реклама в системе маркетинга российской газеты / В.В. Тулупов. — Воронеж, Воронежский университет, 2000. — 336 с.

Васильев С.Л.
Кубанский государственный университет.
Кандидат филологических наук
e-mail: wasiljewsl@mail.ru

Vasiliew S.L.
Kuban State University.
Assistant Professor of faculty of journalism.

УДК 070.1(091)(470.342)

«ВЯТСКАЯ ГАЗЕТА» – ПЕРВАЯ РОССИЙСКАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ ГАЗЕТА (СИСТЕМНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА)

© 2011 А.А. Вахрушев

Удмуртский государственный университет

Поступила в редакцию 11 февраля 2011 года

Аннотация: В статье рассматривается опыт издания первой в России крестьянской «Вятской газеты» (1894–1907 гг.), органа губернского земства; показаны ее просветительская роль в среде провинциальной аудитории, проблематика издания и формы работы с читателями, секреты популярности.

Ключевые слова: газета, читатель, корреспондент, вятская журналистика.

Abstract: The article considers the experience of publishing the first newspaper for peasants in Russia called «Vyatskaya gazeta» which was the daily paper of provincial zemstvo (1894–1907). The enlightening role of the newspaper among the provincial readers, the problems of its publishing and methods of work with readers as well as secrets of newspaper's popularity are also shown in the article.

Key words: newspaper, reader, correspondent, journalism of the Vyatka region.

Исключительно яркий характер носила просветительская деятельность вятских земцев. Одной из достойных проявлений их активности было книгоиздательство, развернувшееся при председателе губернской управы А.П. Батуеве. Но не только в этом преуспели вятские земцы, в чем тоже заслуга председателя управы.

Именно при А.П. Батуеве выходила первая в России крестьянская «Вятская газета», которая расходилась в тысячах экземпляров, несмотря на цензуру, всякие урезки ее программы. Опыт ее издания заслуживает пристального внимания.

Мысль о крестьянской газете возникла в Вятском губернском земстве в 1893 году. В докладе губернскому собранию тогда, в частности, говорилось: «Вятское земство вступило за последнее время на широкий путь воздействия на крестьянское хозяйство в смысле различных улучшений... Значительное количество различного рода доказательных и опытных полей, образцовых и школьных хозяйств, раскинутых по губернии и свидетельствующих о сильном интересе крестьян к нововведениям сельскохо-

зяйственного характера... и значительное число писем к агрономам от крестьян и сельской интеллигенции... свидетельствуют, что пришло время оказания помощи населению в земледельческом промысле...» [1]. Такую помощь, считала земская управа, можно было оказать через сельскохозяйственный орган, который объединял бы агрономические начинания, знакомил всех интересующихся с тем, что делается в этой области, возбуждал интерес к сельскому хозяйству, заставлял производить различные пробы и испытания, давал возможность каждому хозяину делиться с другими своими знаниями и опытом, отвечал на все сельскохозяйственные требования и запросы.

По мнению управы, земская сельскохозяйственная газета должна быть доступна пониманию крестьян и должна отвечать на их назревшие запросы и нужды; поставлена в условия широкого распространения. Губернское собрание одобрило предложение управы и ассигновало на его осуществление 2000 руб. и, вдобавок, разрешило бесплатную рассылку газеты во все сельские общества, в волостные правления, школы и уездные управы губернии.

В январе 1894 года Вятское губернское земство получило от Министерства внутренних дел разрешение издавать газету [2] и «Вятская газета, сельскохозяйственная и промышленная» вышла 31 марта того же года. Председатель управы А.П. Батуев и губернский агроном А. Новиков были ее первыми редакторами.

Для земледельческого края, каким была Вятская губерния, сельскохозяйственная газета была своевременной и необходимой. С первых же номеров газета следовала предложенной программе, пропагандировала опыт и нововведения в отрасли, старалась максимально удовлетворить запросы крестьян. Читатели познакомились с опытом травосеяния и силосования кормов, сушки зерна и посева овса (1894, 15 апр., 30 апр., 15 мая, 31 июля и др.), узнали о новых земледельческих орудиях и работе одноконного плуга, о свойствах различных удобрений и о лесоразведении... (1894, 30 апр., 15 мая, 15 авг., 30 ноября). С интересом читаются и сегодня «Беседы по огородничеству» М. Давыдова, популярно и подробно рассказывающие о том, как нужно ухаживать за огородом, о культуре возделывания плодов и овощей (1894, 15, 31 июля, 15 авг., 15, 30 сент., 31 окт.). Ряд статей об учебных мастерских Вятского земства, где практиковались разные ремесла: ткацкое, гончарное, ложкарное и другие, в течение года публиковал М. Бородин (1894, 31 марта, 15, 30 апр., 15, 31 мая, 15, 30 июня, 15 июля, 30 ноября).

Уже первые номера «Вятской газеты» подтверждают стремление редакционного актива внедрять в жизнь лучшее, прогрессивное. Успех новой газеты оправдал ожидания издателей; в редакцию поступали одобрительные и благодарственные письма. Это побудило журналистов в конце первого же года издания газеты предложить земскому собранию вопрос о расширении программы и объема издания. Губернское собрание утвердило предложение управы о включении в газету, кроме прежних, еще следующих отделов: сельскохозяйственная жизнь губернии; земское, продовольственное, страховое дело; статьи по медицине и ветеринарии; народное образование.

Новая программа была утверждена министром внутренних дел в феврале 1895 года. Было разрешено выпускать газету еженедельно, под названием «Вятская газета», и давать при газете четыре приложения в год, с увеличением подписной цены с рубля на два. На расходы по изданию ассигновано было уже 4000 руб., а в действительности издержано до 6000 [3].

Заслуживает внимания то, как редакция работала с читательской аудиторией, над совершенствованием формы и содержания издания. Так, в целях выяснения, насколько газета отвечает истинным нуждам населения и как относится к

ней читатель-крестьянин, земская управа в начале второго года существования газеты разослала подписчикам свыше 1000 вопросных бланков, на которые получила более 500 ответов [4]. «Не перечисляя статей газеты, — писалось в одном из них, — я обязательным считаю сказать, что «Вятская газета» есть... источник, из которого можно почерпнуть всякому возрасту и сословию сколько возможным найдется, потому что по всем отраслям сельскохозяйственного быта она есть дальновидная, советодательная и осторожно-учительная...» [5]. В ответах на опросные листки были также просьбы отвечать на все вопросы и письма читателей, иллюстрировать газету; давать различные приложения, вроде календаря на каждый год, карты Вятской губернии. Некоторые читатели просили выслать старые номера «Вятской газеты», что особенно подчеркивает, насколько ценят ее подписчики. Но более всего крестьяне интересовались публикациями, в которых находили практическое разрешение своих хозяйственных нужд.

«Устроил борону по рис. 1, — писал один из респондентов. — Действует хорошо. Смотря на меня, еще устроили трое и многим нравится...». Вот еще некоторые характерные ответы: «Советы «Вятской газеты» применяли всей деревней по травосеянию...»; «Крестьянам понравились разные истории, повести и известия по сельскому хозяйству о косулях и боронах. Прежде мучались пахать и боронить, а нынче свет увидели и травосеяние стали вести успешно и прочие ремесла...» [6]. Подобные ответы — свидетельство широкой популярности и полезности газеты, которая прежде всего содействовала распространению практических знаний по сельскому хозяйству и его отраслям, по ремеслам, промыслам и т. д. Этот своего рода социологический опрос обратил на себя внимание публикацией в столичном журнале «Русское богатство» за 1898 год в 12-ом №, в которой, между прочим, приводились и вопросы, предложенные в бланках: 1) аккуратно ли получается в сельских обществах газета или беспорядочно? 2) раздают ли старосты газету для прочтения и каким порядком? 3) многие ли крестьяне читают газету? 4) какие статьи в газете наиболее интересуют крестьян? 5) насколько понятно для крестьян изложение (язык) статей в газете? 6) удовлетворяются ли крестьяне выбором и содержанием статей? 7) каких статей не достает в газете, по мнению крестьян? 8) сохраняется ли газета после прочтения и где?

Автор В. Арьефьев (бывший сотрудник «Вятской газеты». — А.В.), характеризуя отношение к газете читателя из народа, делает примечательные выводы: «Рост умственных потребностей — рост не только количественный, но и качественный,

замечается не только по отношению к книге, но и по отношению к газете». И далее: «Они (крестьяне) уже переросли ее (газеты) программу, у них создались известные умственные интересы и их мысль начинает останавливаться на вопросах поважнее земледелия, — начинает работать над разными вопросами окружающей действительности. В газете они ищут материал для мысли, ждут ответы на выдвигаемые самой жизнью вопросы... Вот почему народу нужен орган просветительский в самом широком смысле этого слова, не лишенный при этом публицистического характера» [7].

В силу многочисленных пожеланий о дальнейшем улучшении содержания газеты, губернское собрание 1895 года, по предложению А.П. Батуева, ходатайствовало о новом расширении программы, включении в нее литературно-исторического отдела. Практически шла работа по изменению типа газеты. Представляя в Министерство внутренних дел это ходатайство, управа обосновывала необходимость и целесообразность такого расширения тем, что для читателя значение многих текущих явлений может быть выяснено лишь возобновлением в народной памяти забытых страниц прошлого, а ознакомление с прошлым должно вызвать в народе осмысленное чувство любви к родине; включение же в газету произведений беллетристических должно расширить круг читателей газеты и даст редакции возможность распространять знания в более легкой и доступной для читателя форме [8]. Это ходатайство было так же удовлетворено в 1897 году, и с этого времени тематика газеты значительно расширилась.

Годом раньше редакция «Вятской газеты», общественность Вятки пережила глубокую утрату — трагически погиб А.П. Батуев. После смерти А.П. Батуева редакторами газеты были новый председатель губернской управы В. Садовень, с 26 августа 1899 года — В. Шиллегодский, с 15 марта 1901 года — Л. Юмашев, с 8 марта 1907 года — И. Сухов.

Журналисты «Вятской газеты», следуя традициям, заложенным А.П. Батуевым, старались не утратить популярность газеты и с той же батуевской энергией работали над ее улучшением. Усилия их не проходят даром. С начала 1898 года увеличивается размер газеты, многие отделы расширяются, а специальные статьи по технике земледелия и кустарных промыслов выделяются в особые ежемесячные приложения. В приложениях (18 тетрадей в год) печатались практические статьи по земледелию, огородничеству, рецепты на всякие случаи, а также помещались статьи и письма самих крестьян об их нововведениях, опытах и прочее. С 1901 года для большего удобства редакция сочла полезным вместо отдельных раз-

розненных тетрадей давать специальные статьи отдельными иллюстрированными брошюрами по 4 в год, 12 листов каждая. В декабре 1899 года всем подписчикам был бесплатно разослан «Русский календарь» на 1901 год, а в 1906 году — «Русский сельский календарь» И. Горбунова-Посадова.

Широкая тематика газеты, полезность ее советов и их практическая направленность пришлись по душе сельскому читателю. Да и язык газеты был понятен, доступен для неискушенного в премудростях языка, но искушенного в жизни и работе сельчанина. Журналистов крестьянского издания отличало желание выражаться простым литературным языком и избегать иностранных слов; публикация же писем показывает о стремлении редакции сохранить стиль оригинала. По душе пришлось читателю и то, что газета не только содействовала распространению прикладных знаний, но и расширяла его кругозор, знакомила с фактами и событиями других мест и других времен, внушала уважение к знанию и грамоте.

Вопросы образования обсуждались газетой практически во все годы издания. Общеобразовательный характер носили и статьи по медицине, рассказывающие о распространенных видах болезни и их профилактике, пропагандирующие здоровый образ жизни.

Большой интерес представляют исторические и географические очерки о жизни разных стран и народов: «Русские славяне до принятия христианства» (1898, 26 марта, 9, 16, 23 апр.), «Александр Невский» (1902, 7, 14, 21 февр.), «Очерк о Норвегии» (1903, 27 ноября, 4, 11 дек.), «О Германии» (1904, 20 янв.), научно-популярный «Очерк из жизни земли» (1904, 21 апр., 22 мая, 12, 19 июня, 9, 22 июля, 24 сент., 16 дек.) и др. Следует заметить, что подобные очерки не перепечатывались из столичных изданий, а писались самими журналистами «Вятской газеты», что говорит об их широком кругозоре.

Высокий уровень имел отдел художественной литературы. Немногие провинциальные издания позапрошлого века могли соперничать в этом отношении с «Вятской газетой». Еще до утверждения расширенной программы с включением литературного отдела на ее страницах в 1895 году публиковались популярные очерки В. Шевелева о жизни и творчестве поэтов, выходцев из народа: И.В. Никитина (7, 14 сент.), И.З. Сурикова (21, 28 сент.), С.Д. Дрожжина (19, 26 окт.), А.В. Кольцова (24 окт.), Т.Г. Шевченко (2 ноября, 7 дек.).

Пожалуй, самым литературным для читателей был 1898 год, когда художественные произведения заняли более 2/5 общего объема издания. Первый же номер за 1 января открылся стихотворением «Сеятель» А. Жемчужникова и рассказом «Отец и сын» Я. Веселиновича. Пробуют свое перо в

беллетристике и критике и сами сотрудники редакции: Д. Бирюков знакомит с биографией Н.В. Гоголя (8, 22 янв.), Ф. Горностаев пишет рассказы «Два отца» (2 мая), «Демьяныч» (4 июня), «Вор» (18 июня) и др. Более того, газета представляет творчество самих читателей-крестьян. 19 февраля редакция поместила стихотворение крестьянина И. Лебедева «Безродный» и рассказы А. Грудцына «Митькин сон» и «Первопуток». Позднее в газете появятся и рассказы талантливого автора из крестьян С. Егорова: «Чужая беда», «Неродник» (1902, 31 мая), «В лесу», «Свисток» (1905, 13 янв., 21 марта). Факт публикаций на страницах местной печати художественных произведений читателей-крестьян говорит, с одной стороны, об уважительном отношении редакции к начинающим литераторам из народа, о поддержке самобытных талантов, с другой, — об уровне грамотности среди сельского населения.

С 1898 года в «Вятской газете» начинает выступать с литературно-критическими статьями известный критик В.Е. Чешихин-Ветринский, отбывавший в 1897-1899 годы в уездном городе Глазове ссылку. В.Е. Чешихин-Ветринский пишет для вятской газеты статьи «Среди латышей» (23 апр., 7 мая, 4, 11 июня), «О театре в России» (2 июля), «М.С. Щепкин» (23, 30 июля, 6 авг.), очерк о жизни и творчестве В.Г. Белинского (9, 16 июля, 6 авг., 24 сент., 1, 15, 29 окт., 26 ноября, 10 дек.). В 1899 году появились его статьи о Н.А. Некрасове (14, 21 янв., 11, 18, 25 февр.), о А.С. Пушкине (29 апр., 6, 13, 20, 27 мая), о И.З. Сурикове (16 июля) и др.

Многие годы появлялись в газете рассказы на сельскохозяйственные темы вятского литератора И. Селивановского, например, «Кочки» (1900, 16 февр.), «Лукичи» и «Кирпичи» (1901, 18 янв.) и др. Публиковал свои рассказы и И.Г. Шадрин, учитель, выходец из Вологодской губернии, проживший в Вятке около 10 лет. В рассказах «Своим судом» (1903, 19, 20 янв.), «Из истории одной деревни» (1903, 26 янв.), «Павлихин самовар» (1903, 6, 7 февр.) и других он рисует яркие картины жизни вятских крестьян. На страницах «Вятской газеты» перепечатывались также произведения известных русских и зарубежных писателей: М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, Ч. Диккенса, Г. Гейне, статьи об А.Н. Островском, В.А. Жуковском, А.И. Герцене, Л.Н. Толстом и др. Все это говорит о том, что литературный отдел в газете был явлением во всей провинциальной прессе того периода значительным.

Любили читатели и отдел библиографии — отзывы о новых книгах, представлявшие собой обстоятельные пересказы рецензируемых изданий. Рубрика «Новые книги» присутствовала почти в каждом номере газеты, здесь рецензировались

книги по самым разным отраслям. Кстати, все книги, брошюры и другого рода издания, о которых давались отзывы, можно было выписывать из книжного склада Вятского губернского земства. В каждом номере присутствовала и рубрика «Вопросы и ответы», где сотрудники давали интересующую информацию, старались ответить на каждый вопрос. Все это притягивало читателей, которые доверяли своей газете и уважали ее. И, конечно же, писали сами.

Главным достоинством газеты было то, что основным активнейшим корреспондентом ее был сам читатель. Крестьяне писали много и охотно. Не было такого номера (кроме первого), чтобы редакция не предоставила слово своему главному корреспонденту. Более того, письма, как правило, занимали большую часть газетной площади. Обилие разнообразного материала с мест в одно время дало редакции мысль составить целый номер газеты исключительно из корреспонденций крестьян. Такой оригинальный номер вышел 9 марта 1906 года.

Письма крестьян, которые чаще всего публиковались в отделе «По губернии», несли разнообразную информацию о бытовой и хозяйственной жизни деревни, поднимали вопросы и общественного устройства. Эти письма в среде крестьян вызывали сочувственный отклик.

Основную читательскую аудиторию крестьянского издания, разумеется, составляло сельское население. И, надо сказать, аудитория эта была достаточно широкая. Опросы, проведенные газетой летом 1898 года (а всего она получила 1500 ответов), подтверждают ее широкое распространение. Среди подписчиков были читатели и из соседних губерний, например, Пермской. Тираж газеты составлял семь и более тысяч экземпляров [9].

Активное участие в газете крестьян-земледельцев, их внимание за самим делом ее издания говорят о том, что «Вятская газета» была не только газетой для народа, но и действительно народной газетой.

Особый интерес к газете вообще, как к источнику оперативной информации, возник в период русско-японской войны 1904 — 1905 годов. Большой объем газетной площади заняли в этот период телеграммы РТА, в которых давался краткий обзор событий на Дальнем Востоке; печатались мнения читателей о военной кампании, письма земляков с фронта и т.д. Особой социальной заостренностью отличались материалы газеты в период первой российской революции 1905-1907 годов, что немало способствовало пробуждению общественного сознания крестьянского населения губернии. Настроение крестьян, их живой интерес к общественным и политическим вопросам отразился и на самой газете.

Смелые демократические выступления газеты не оставляли ее вне подозрений со стороны цензуры. Начиная с 1899 года, «Вятская газета» обратила на себя внимание Главного управления по делам печати «тенденциозным подбором печатавшихся в ней статей». В этом отношении особенно выделялся историко-литературный отдел, «в котором нередко помещались статьи и стихотворения, рисующие в крайне мрачных красках положение русского крестьянина», так же и библиографический отдел, где редакция, «давая отзывы о книгах, подробно приводила их содержание и рекомендовала те из них, в которых опять-таки наш крестьянин выставился угнетенным...» [10]. В конце концов, в 1907 году, когда пресса стала объектом сильнейшего цензурного гнета, «Вятская газета» была закрыта, последний ее номер вышел 31 мая...

Издание крестьянского народного органа явилось яркой страницей в истории провинциальной печати. Большая заслуга в этом, кроме редакторов, принадлежит многим талантливым журналистам. В редакции в разное время, кроме названных, работали журналисты С. Дремцов, С. Косарев, Д. Горностаев, А. Рубинский, В. Шевелев, Д. Бирюков, А. Александров, И. Селивановский и др. Журналистский талант сотрудников редакции, их постоянное стремление совершенствовать газету сделали ее заметным явлением в ряду всей провинциальной прессы. Издание «Вятской газеты» имело резонанс не только внутри губернии, но и за ее пределами.

Самые одобрительные отклики на нее появились в общерусской печати. А.М. Горький назвал «Вятскую газету» лучшей «из немногих существующих у нас проводников просвещения в деревне» [11]. В 1902 году Нижегородское губернское земство обсуждало вопрос об издании местной газеты по образцу вятской. С просьбой сообщить сведения относительно издания «Вятской газеты», расходов на нее, числа подписчиков и т.д., обращалась в Вятку Курская губернская земская управа [12].

И не случайно Комиссия императорского вольного экономического общества «за просвещенную и энергичную деятельность» по изданию «Вятской газеты» и за «за широкое ее распространение среди народа» в 1899 году присудила Вятскому губернскому земству Большую золотую медаль [13].

В истории российской провинциальной прессы она является первой крестьянской газетой, адресованной массовому читателю и издаваемой при его активном участии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Опыт издания народной газеты («Вятская газета» 1894-1898 гг.) // Труды императорского вольного экономического общества. — СПб., 1899. — № 1. — Т. 1. — Кн. 1. — С. 4.
2. ЦГИА СПб. Ф. 776. Оп. 12. Ед. хр. 67. Л. 63-76.
3. Опыт издания народной газеты («Вятская газета», 1894-1898 гг.) // Труды императорского вольного экономического общества. — СПб., 1899. — № 1. — Т. 1. — Кн. 1. — С. 6.
4. Опыт издания народной газеты («Вятская газета», 1894-1898 гг.) // Труды императорского вольного экономического общества. — СПб., 1899. — № 1. — Т. 1. — Кн. 1. — С. 6.
5. Материалы к вопросу об издании народной газеты // Труды императорского вольного экономического общества. — СПб., 1899. — № 1. — Т. 1. — Кн. 1. — С. 62.
6. Там же. — С. 7.
7. В. Арефьев. Читатель народной газеты / В. Арефьев // Русское богатство, 1898. — № 12. — С. 39-40.
8. Опыт издания народной газеты («Вятская газета», 1894-1898 гг.) // Труды императорского вольного экономического общества. — СПб., 1899. — № 1. — Т. 1. — Кн. 1. — С. 7.
9. Опыт издания народной газеты («Вятская газета», 1894-1898 гг.) // Труды императорского вольного экономического общества. — СПб., 1899. — № 1. — Т. 1. — Кн. 1. — С. 11.
10. ЦГИА СПб. Ф. 776. Оп. 12. Ед. хр. 67. Л. 93.
11. Вятская газета, 1903. — 13 сент.
12. Петряев Е.Д. Люди, рукописи, книги : Литературные находки / Е.Д. Петряев. — Киров, 1970. — С. 198.
13. Материалы к вопросу об издании народной газеты // Труды императорского вольного экономического общества. — СПб., 1899. — № 1. — Т. 1. — Кн. 1. — С. 23.

*Вахрушев А.А.
Удмуртский государственный университет.
К.ф.н., доцент факультета журналистики
e-mail: narezka@mail.ru*

*Vakhrushev A.A.
Udmurt State University.
Candidate of Science (Philology), Academic Status -
Senior Lecturer.*

УДК 77. 041

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОТОГРАФИИ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ И СМИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв.

© 2011 Е.А. Воронцова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 14 января 2011 года

Аннотация: *Начало XX века является переломным периодом в жизни всего европейского сообщества. На это время приходится изменение не только образа жизни людей, но и личностного восприятия и мировоззрения. Сквозь призму становления фотографии в прессе как источника подачи и кодирования информации, можно наглядно представить смену эстетических вкусов общества рубежа XIX-XX вв.*

Ключевые слова: *фотография, образ, эстетическое восприятие, генезис фотографии, средства массовой информации.*

Abstract: *The beginning of the 20th Century is a critical moment of the all European's society life. This is the period of changing not only the mode of people's life but also their world perception and world view mode. Through the scope of turning photography in Mass Media, one observes changes in aesthetic views, have been taking place during two hundred years.*

Key words: *a photography, an image, aesthetic perception, a genesis of Photography's Art, Mass Media.*

Изначально основными хранителями культурной информации выступали рисунки и тексты, но с момента своего появления фотографии сразу же начинают претендовать на роль одного из самых достоверных информационных носителей.

Фотография ведет свою историю с изобретения Ж. Ньепсом и Л. Дагером в январе 1839 года «светописы» (от фр. photographie) [1, 16]. Позднее процесс был закреплен англичанином У. Тальботом, который в августе 1839 года получил первое изображение посредством камеры-обскуры.

Со временем появляются новые технологические приемы, нашедшие свое отражение в фотоискусстве. Изобретение в середине 1850-х гг. объемных стереоскопических изображений подарило новые возможности фотолюбителям. Сеансы стереоскопии стали повсеместным времяпрепровождением состоятельных людей.

В 1840-1850-е гг. еще существовали затруднения, сильно мешавшие внедрению фотоиллюстраций в издательское дело, что остро

переживалось журналистами, которых коробила техническая невозможность переноса фотографии на печатные полосы газет и журналов [2, 118]. Но техника постепенно развивалась, и, начиная с 1870-х гг., появилась возможность печатать снимки с негатива без его обязательного ранее увеличения [3, 39]. В это же время возникают периодические издания с фотоиллюстрациями, одним из которых был выходивший в Йокогаме журнал «Фар Ист». В 1870-1878 гг. в каждом номере этого ежемесячного журнала печаталось 6-8 фотографий [2, 111].

Конец 1870-х гг. характеризуется увеличением числа фотографов, работающих на периодические издания, редакторы которых гордились тем, что в их печатную продукцию включен фотографический материал. Чаше всего под такой иллюстрацией значилось: «фотография» — пометка эта давала знать, что среди прочего, иллюстрация притязает на некую особенную точность» [4, 116].

Специальные издания, в частности, некоторые научные журналы, использовали фотоснимки, ценя в них верность воспроизведения.

Издания, репродуцировавшие произведения искусства и археологические находки, начиная с конца 1850-х гг., обращались к фотографии все чаще и чаще в самых разных европейских странах — России, Бельгии, Нидерландах, Германии, Франции. Можно назвать «Газетт де Без Ар», «Археологише Цайтунг» и др. [2, 86].

В России развитие фотографического искусства началось практически с того же времени, что и на Западе. Пионерами русской фотографии стали Термин и Левицкий. Первый сделал снимок Исакиевского собора в Петербурге, второй создал серию пейзажей на Кавказе. К сожалению, техника 1840-х гг. не позволила этим фотографам выпустить полученные снимки в массовую печать.

Параллельно с развитием фотодела появляется возможность переносить снимок на бумагу. Однако в русскую печать фотография проникает с некоторым опозданием. В 1890 году в Российской Империи выходит первый выпуск журнала «Фотограф-любитель», а в 1895 — начал издаваться журнал «Фотографическое обозрение». Но даже в специализированных изданиях поначалу мы не встречаем фотоснимков, а лишь статьи на такие темы, как фотографирование при дневном и лунном свете, раскрашивание диапозитивов, техника съемки со вспышкой магния и т.д. [1, 16].

Большую роль в популяризации отечественной фотографии сыграло любительское течение — созданное в 1894 году Русское Фотографическое Общество (РФО), за небольшой взнос принимавшее в свои ряды и фотографов-профессионалов, и любителей. По свидетельству практика и историка фотографии Н. Петрова, занятие фотографией было широко распространено во всех слоях российского общества. Однако его огорчал тот факт, что большинство фотолюбителей преследовало и преследует «чисто эстетические цели, снимая красивые уголки природы, портреты, жанровые сцены... Идеалом «художественного» снимка считают они возможно точное воспроизведение, т.е. копию действительности, тогда как искусство имеет своей задачей не копировать, а претворять действительность в художественные образы» [5, 9].

Действительно, с момента своего возникновения фотография рассматривалась с точки зрения сходства с живописью. Общей чертой снимка и живописного полотна выступала подлинность. Для живописного произведения подлинность — неперемное условие его качества и цены, а для фотографии — свойство самого изображенного предмета.

Фотография, как и живопись, представляет собой изображение на плоскости. Однако изначально фотографии мешало ее свойство фиксировать мельчайшие детали, не характерное для

живописи. Произведение живописного искусства достигает глубины своего воздействия не за счет детальности, а благодаря эстетической идее, вложенной в него художником. Того же добивались талантливые фотографы XIX — начала XX вв., работая с художественной фотографией.

Но были и у фотографии преимущества, позволявшие выделить её в особую, не подчинённую изобразительному искусству, область визуального творчества. Процесс создания фотографии отличался от живописи спонтанностью, возможностью «поймать мгновение». Фотография потенциально таила в себе возможности использования ее дилетантами — в живописи такое невозможно.

Историки отечественной фотографии (В.Т. Стигнеев, Б.А. Волков, Е.В. Бархатова) замечают, что особый размах русское фототворчество получило как раз благодаря любительскому фотографическому движению. Взять хотя бы тот факт, что люди, входившие в РФО, в большинстве своем, были именно любителями, а не профессионалами [1, 57].

Результатом роста обывательского интереса к фотоискусству стало изготовление множества снимков-летописей семейной истории, быта русских людей, вида окружающей фотографа действительности. Такие фотографии являются ценными документами, достоверным отражением эпохи.

Первая война, встреченная отечественной фотолетописью — Крымская (1853-1856), ее осветили не только отечественные фотографы, но и зарубежные. Один из них — Роджер Фентон — первопроходец британской фотографии, первый официальный военный фотограф. Однако локальные войны 1850-70-х гг. все еще плохо освещались в прессе из-за слабого развития фототехники и громоздкой аппаратуры для проявления снимков.

К 1914 году положение дел изменилось. На полях сражений Первой мировой мы встречаем большое количество фотокорреспондентов. Журналы «Нива», «Огонек», «Солнце России» и крупнейшие газеты переключились на фотоинформацию военной тематики. Сначала это были патриотические манифестации в поддержку войны, светские рауты по сбору пожертвований, затем появились фото солдат в окопах, захваченных трофеев, разрушенных городов...

«Документальность» фотографии — свойство, которое порицали фотохудожники, теперь стало необходимым для отображения военных событий. В общем потоке хроникальных кадров встречались репортажные по содержанию снимки. Хотя фоторепортажа, снятого в бою, не было — тогдашняя аппаратура не располагала к съемке в боевых условиях. Известный советский

фотограф П. Новицкий, трижды раненый на Первой мировой, позже вспоминал, что о съемке штыковых атак или артиллерийской подготовке нельзя было и подумать: дым от разрывов был такой, что трудно было увидеть соседа, не то, что окопы противника [6, 99].

Зачатки репортажа чаще видны в кадрах ближнего тыла: госпиталь, солдатская кухня, отдых роты на бивуаке. Были популярны и съемки в условиях тыла — хроника благотворительных мероприятий, сцены в госпиталях, посещение лазаретов особами царствующего дома, заседания Государственной Думы. Стилистика съемки прежняя — общие планы, выстроенные группы, фронтальная точка съемки.

Появление репортажной военной фотографии дало человеку, никогда не ступавшему на поле брани, возможность увидеть реальные тяготы войны, изначально ее несправедливость ко всему живому, глобальность человеческих жертв, которых зачастую можно было избежать.

В рекламе начала XX века стали повсеместно использовать фотографию благодаря сформированному ею в сознании людей восприятию снимка как непременно достоверного. Весь рекламируемый товар, включенный в фотокомпозицию, задерживал на себе взгляд, побуждал к спонтанной покупке.

Фотография оказала существенное влияние и на живопись, например, на возникновение таких художественных явлений, как прерафаэлизм и импрессионизм. Прерафаэлиты восхищались быстротой изготовления снимка, правдивостью изображенного на ней. Но родоначальник движения прерафаэлитов Дж. Рескин в своих «Лекциях об искусстве» (1870) все-таки ставил фото ниже искусства: «Фотография — это разоблаченная, лишенная художественного образа природа. Если вы не находите того, что ищите в рисунках, сделанных людьми, то все же красоты в любой дорожной обочине куда больше, чем во всех тех бумажках, напивавшихся солнцем, которые вы можете насобирать за всю вашу жизнь» [2, 147].

Несмотря на осуждение фото, многие художники используют его в работе над своими полотнами, делают сначала снимок человека или природы, если нет возможности долго работать с предметом в обозначенный момент, а затем переносят на полотно.

Однако появление фотографии оказало влияние не только на статичное искусство, но и подтолкнуло ученых к изобретению кинематографа. И уже в 1895 году появляется совершенно новый вид искусства, без которого представить XX век невозможно.

Фотография, подобно кино, выступала в качестве дидактического материала в процессе обучения, а также и источника знаний об окружающем мире.

В журналистике огромное значение придавалось и придается документальному, «регистрирующему» событию фото — когда автору статьи необходимо подкрепить снимками описываемую ситуацию. Тема фотографий в печатных материалах до бесконечности разнообразна — сюда можно включить всю событийность окружающей нас действительности.

В рекламе главенство принадлежит художественной, удачно поставленной фотографии — качество снимка, с изображенным на нем товаром, позволяет потребителю заочно оценить продукцию, сделать соответствующий выбор при покупке. Реклама задерживает на себе взгляд, заставляет покупателя приобрести данную продукцию. Но, кроме того, подобное визуальное воздействие достаточно активно очерчивает эстетические границы мировосприятия человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чибисов К.В. Очерки по истории фотографии / К.В. Чибисов. — М. : Искусство, 1987. — 256 с.
2. Бажак К. История фотографии: возникновение изображения / К. Бажак. — М. : Астрель, 2006. — 160 с.
3. Жолудев Н.К. Фотография от А до Я : иллюстрированная энциклопедия / Н.К. Жолудев. — М. : Эксмо, 2008. — 370 с.
4. Волков Б.А. История и развитие фотографии России / Б.А. Волков. — М. : АСТ, 1995. — 327 с.
5. Стигнеев В.Т. Век фотографии 1894-1994 / В.Т. Стигнеев. — М. : URSS, 2009. — 397 с.
6. Волков-Ланнит Л.Ф. История пишется объективом. — Л.Ф. Волков-Ланнит. — М. : Молодая Гвардия, 1980. — 348 с.

*Воронцова Е.А.
Воронежский государственный университет
Аспирантка кафедры культурологии. Факультет
философии и психологии.
e-mail: katvorontjur@mail.ru*

*Vorontsova E.A.
Voronezh State University.
Post-graduate of the Cultural Studies Department.
The Faculty of Philosophy and Psychology.*

УДК 070.41

ЗАЩИТА АВТОРСКИХ ПРАВ КАК ЗАДАЧА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

© 2011 В.А. Голуб

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 5 апреля 2010 года

Аннотация: В статье рассматриваются различные подходы к защите авторских прав на материалы, используемые в средствах массовой коммуникации. Показано, что наиболее действенными методами защиты прав авторов на материалы, представленные в цифровом виде, следует признать программно-аппаратные методы, базирующиеся на принципах защиты информации от несанкционированного копирования и использования.

Ключевые слова: авторское право, информационная безопасность, средства массовой коммуникации.

Abstract: The different methods of copyright protection, using by communication media is considered. It is shown, that the most effective methods of copyright protection are the hardware-software solutions, based on principles of defence of information from unauthorized coping and using.

Key words: copyright, information security, communication media.

Проблема защиты авторских прав приобрела особую актуальность с развитием цифровых технологий и Интернета. Несмотря на постоянное совершенствование законодательства, в том числе международного, в сфере авторского права, а также, несмотря на непрерывное совершенствование и усложнение технических и программных средств, направленных на предотвращение нарушений в этой области, пиратское использование интеллектуальной собственности стало массовым явлением, ущерб от которого в глобальном масштабе превышает многие миллиарды долларов. Крайне актуальной задачей защиты авторских прав является для тех, чья работа связана со СМИ, как печатными, так и электронными, а также рекламной деятельностью. Как только текст, фотография или видеозапись представлены публично, автор или правообладатель практически теряет контроль над возможным несанкционированным использованием материала. Для всех очевидна острота этой проблемы, когда речь идет о размещении

тех или иных работ в Интернете, однако на практике очень часто грубые нарушения авторского права имеют место и тогда, когда представленный в виде цифрового файла материал предоставляется, например, в издательство или напрямую в типографию. В случае, когда помимо законной публикации, появляются и несанкционированные, естественно, без заключения договора с автором или правообладателем, без выплаты соответствующего вознаграждения за использование работы, а зачастую, даже без указания авторства, у законного владельца прав на пиратски использованный материал остается, практически, только один путь – путь судебного разбирательства. Судебное разрешение такой ситуации, как правило, требует немалых усилий истца и занимает много времени, в связи с чем, нередко законные владельцы авторских прав предпочитают игнорировать имевшие место нарушения, несмотря на материальные, а возможно, и репутационные потери. Кроме того, для того, чтобы подать иск в суд, прежде всего, необходимо выявить сам факт нарушения авторского права, что далеко не всегда возможно, так

как уследить за всеми публикуемыми материалами, включая Интернет-публикации, совершенно не реально. В этой связи наиболее надежным путем защиты авторских прав следует признать использование специальных технических и программных средств.

Целью данной работы является анализ возможностей существующих технических и программных методов и средств, предназначенных для защиты от нарушений прав авторов.

Технические и программные методы защиты авторских прав можно разделить на три группы:

1) методы, предусматривающие наличие явной подписи, указывающей на автора или владельца прав на материал;

2) методы, предусматривающие наличие скрытой авторской «подписи», внедряемой в цифровой файл, как правило, с использованием стеганографических технологий;

3) методы защиты от несанкционированного копирования, распространения и использования авторского материала, например, путем защиты от копирования CD или DVD, содержащих защищаемые цифровые файлы.

Рассмотрим первую группу методов — методов «подписывания» авторских материалов. Явное наличие подписи под текстом, фотографией, рисунком или иным изображением, а также указание авторства в титрах видеозаписи никоим образом не защищает материал от незаконного использования. Некоторым исключением можно считать ситуацию, когда прямо по фотографии наносится надпись, указывающая на автора работы, причем такая надпись, что ее незаметное удаление практически невозможно. Очевидно, что в этом случае мы имеем дело с приемом, который портит фотографию настолько, что ее пиратское воспроизведение становится бессмысленным. Такой метод часто применяется при размещении фотоизображений в Интернете, наряду с другим методом, предполагающим размещение изображения столь малого размера и плохого качества, что его использование иначе, кроме как в качестве «превьюшки» для предварительного просмотра невозможно. Понятно, что методы «подписывания» авторских материалов не способны обеспечить защиту прав авторов.

Вторая группа методов предусматривает скрытное внедрение в графический аудио- или видеофайл специальной информации, включая информацию о правообладателе, его почтовом и электронном адресе, телефоне и других данных (скрытное внедрение данных в текстовые файлы также возможно, но с целью защиты авторских прав не используется, так как присутствие «явной» подписи не портит текст). Наличие информации об авторе материала дает возможность

лицам, заинтересованным в его использовании связаться с автором с целью заключения с ним соглашения о законном использовании его работы. С другой стороны, наличие стеганографически внедренных данных, в принципе, позволяет «отследить» размещение материала в Интернете, а значит, выявить факты возможного его несанкционированного использования. Рассмотрим эту группу методов более подробно.

Стеганография (в переводе с греческого — тайнопись) — техника скрытой передачи или скрытого хранения информации. Основным принцип компьютерной стеганографии предполагает использование двух типов файлов — файл-сообщение, которое должно быть скрыто, и файл-контейнер, в котором должно быть скрыто сообщение. Контейнер — любой файл или поток данных, в который может быть скрыто встроена информация. Если контейнер не содержит встроенное сообщение, то он называется пустым. Контейнер, содержащий встроенную информацию, называется заполненным или стегоконтейнером. В нашем случае в роли файла-контейнера выступает цифровой файл, в который необходимо внедрить информацию о владельце авторских прав. Важнейшим требованием к стегоконтейнеру является внешняя неотличимость пустого и заполненного контейнеров, чтобы наличие скрытой информации для стороннего наблюдателя никак внешне не проявлялось.

Одним из основных и наиболее перспективных направлений использования стеганографии является встраивание цифровых водяных знаков (ЦВЗ) (watermarking), способствующих защите авторских прав на графические и аудио- или видеофайлы от пиратства и обеспечивающих возможность контроля за распространением защищенной информации.

Цифровой водяной знак (ЦВЗ) — специальная метка, незаметно внедряемая в графический, аудио-, видео- или иной файл с целью контроля его использования. Для внедрения и распознавания цифровых водяных знаков разработано специальное программное обеспечение. Программы распознавания ЦВЗ позволяют извлекать информацию о владельце авторских прав и о том, как вступить с ним в контакт. Программы обнаружения ЦВЗ позволяют контролировать распространение защищенной информации. Таким образом, основной областью применения ЦВЗ является защита интеллектуальной собственности от копирования и несанкционированного использования.

Основным недостатком методов, предусматривающих внедрение в цифровых водяных знаков, является их неспособность предотвратить незаконное использование авторских материалов.

Третья группа методов защиты авторских прав направлена на блокирование несанкционированного копирования и использования авторского материала. Следует отметить, что такая задача является типичной задачей защиты информации, решение которой часто является обязательной для обеспечения информационной безопасности. Очевидно, что если тем или иным методом обеспечить защиту от несанкционированного копирования графических, аудио- или видеофайлов, то их пиратское использование становится невозможным и задача защиты авторских прав решается наиболее успешно. Таким образом, можно считать, что наилучшим способом защиты прав авторов на материалы, представленные в цифровом виде, является обеспечение информационной безопасности носителей этих данных или защита соответствующих файлов от копирования.

На сегодняшний день самыми распространенными являются методы, обеспечивающие защиту от копирования информации, записанной на CD или DVD. Несмотря на то, что такие методы широко используются, почти все они обладают существенным недостатком — недоступностью для «простого» пользователя, не являющегося профессионалом-компьютерщиком и не обладающего определенными аппаратными средствами. Кроме того, не все существующие методы достаточно надежны и зачастую легко обходятся с помощью специальных «хакерских» программ. В работе [1; 2] предложена свободная от указанных недостатков система защиты информации, записанной на компакт-диск, от несанкционированного копирования. Алгоритм и реализующая его программа предусматривают несколько степеней защиты данных с использованием криптографии, физических характеристик диска и контроля реестра.

Программа состоит из двух подпрограмм, первая из которых хранится в компьютере, на котором осуществляется запись информации на компакт-диск, и обеспечивает постановку защиты на диск, а вторая подпрограмма записывается на компакт-диск вместе с защищаемой информацией и предназначена для проверки диска на оригинальность. При успешном завершении проверки диска на оригинальность вторая подпрограмма обеспечивает работу с защищенным диском.

Предложенный алгоритм защиты от копирования данных, записанных на CD, включает несколько уровней защиты.

Первый уровень защиты предполагает шифрование данных. Для шифрования используется быстро работающий криптографический алгоритм симметричного шифрования Blowfish. Ключ шифрования составляется путем умножения

фиксированного коэффициента, запрограммированного в программе защиты диска, и случайного числа, автоматически генерируемого и записываемого в специальный файл, записываемый на жесткий диск в папку с проектом записи. Использование в качестве ключа только случайного числа не обеспечивает необходимой защиты, так как файл, в котором это число хранится, может быть легко взломан, а определение хранящегося в программе защиты дополнительного множителя усложняет в этом случае задачу определения ключа только по случайному числу.

Второй уровень защиты — это «плавающий» серийный номер используемой для записи «болванки» компакт-диска. «Плавающим» он является потому, что на чистых компакт-дисках серийный номер не является постоянным и генерируется программами записи при каждой записи или дозаписи диска, т.е. только при окончании записи диска. Использование этого номера программой защиты осуществляется следующим образом. После записи проекта на компакт-диск программа защиты считывает с компакт-диска сгенерированный «плавающий» номер и количество занятого проектом на диске места в байтах. С помощью этих данных, являющихся уникальными для каждого диска, генерируется специальный серийный номер защищенного проекта. Этот номер сообщается пользователю по окончании записи компакт-диска, для чего на экран монитора выводится окно с предложением записать номер защищенного проекта на поверхность компакт-диска или его упаковку. Необходимость записи номера проекта связана с тем, что в дальнейшем этот номер будет использоваться для проверки диска на оригинальность, т.е., для проверки является ли диск копией или оригиналом.

Третий уровень защиты — запись в реестр в специально создаваемую ветвь `HKEY_LOCAL_MACHINE\SOFTWARE\SYSDBA` набора данных, используемых в дальнейшем для проверки диска на оригинальность. Этими данными являются буква, обозначающая диск, соответствующий приводу CD-ROM, в который вставлен защищенный диск, и номер защищенного проекта. Запись этой информации в реестр происходит при первом запуске защищенного диска, а при последующих запусках автоматически осуществляется проверка защищенного диска на оригинальность. Такая запись обеспечивает защиту от эмуляторов диска, так как эмулятору соответствует другая буква диска, а запись в реестр номера защищенного проекта при первом запуске CD делает возможным не вводить этот номер при последующих запусках. Это достигается благодаря тому, что записанная на защищенный компакт-диск подпрограмма проверяет записи в реестре и при

обнаружении указанных выше данных сверяет номер, записанный в реестре защищенного проекта, с аналогичным номером, записанным на CD, также сверяется буква привода CD-ROM, распознанная программой, с буквой, записанной в реестре. Более подробно порядок работы с программой описан в [1; 2].

Методы противодействия несанкционированному копированию компакт-дисков позволяют защитить от пиратского использования любые цифровые файлы: графические, видео-, аудио- и др. Но если авторские материалы представлены на ином носителе, например, USB-флеш накопителе или флеш-карте (USB Flash Drive, Flash-Card), то защита данных должна организовываться иначе. Для того, чтобы не было зависимости от того, на каком носителе записаны авторские материалы, необходима разработка специальных методов. Более простыми и надежными такие методы защиты оказываются тогда, когда разрабатываются под конкретный вид авторского материала.

Рассмотрим, как может быть решена проблема защиты авторских прав на представленные в цифровом виде фотографии и иные изображения. С точки зрения информационной безопасности такая задача может трактоваться как задача защиты файлов графических форматов от несанкционированного копирования.

Как указывалось выше, самый простой путь предотвращения незаконного использования графических материалов заключается в том, что изображения представляются в сильно уменьшенном размере и/или намеренно ухудшенном качестве. Такой подход далеко не всегда допустим. Так, в сфере рекламы весьма распространенной является ситуация, когда заказчик просит фотографа или дизайнера предоставить подборку фотографий или графических работ для возможного отбора с целью использования в рекламных изданиях или наружной рекламе. Важнейшим условием, предъявляемым к отбираемым изображениям, является их высокий технический и художественный уровень. Разумеется, никакие приемы защиты авторских прав, основанные на ухудшении качества изображения в таком случае неприменимы. В то же время, предъявив потенциальному заказчику крупноформатные высококачественные изображения, автор рискует, что его работа может быть пиратски использована, т.е. его права будут нарушены. Выход из этой ситуации возможен, если сделать высококачественные цифровые изображения защищенными от копирования. В работах [3; 4; 5] предложен новый подход к решению такой задачи. Сложность противодействия пиратскому использованию изображений заключается в том, что необходимо не только обеспечить защиту от

несанкционированного копирования файла, но и защиту от сохранения изображения, выведенного на экран, для чего обычно используется функция Print Screen.

На первый взгляд, размер изображения на экране в пикселах, а именно такое изображение может быть скопировано с помощью Print Screen, не столь велик, чтобы автору следовало беспокоиться по поводу его возможного, например, полиграфического воспроизведения. На самом деле это не так. Например, при размере цифрового файла, равного размеру экрана 2560 x 1600 пикселей (такое разрешение имеют многие мониторы, например, Dell 3007WFP-NC, Apple Cinema Display 30 (Alu) и др.) возможна качественная типографская печать изображения формата 21,7 x 13,5 см, что близко к формату А5 (расчеты проведены для печати с линиатурой типографского раstra 150 lpi и коэффициентом качества 2, чему соответствует разрешение цифрового файла 300 dpi). Если принять коэффициент качества равным 1,5 (разрешение цифрового файла 225 dpi), то размер печати составит 28,9 x 18 см. Понятно, что изображение такого размера может использоваться не только для печати открыток, но и календарей, буклетов и другой рекламной продукции, а также в наружной рекламе. В том случае, когда размер цифрового файла составляет 3840 x 2400 пикселей (такое разрешение — более 9 мегапикселей — имеет, например, монитор IBM T221 с размером диагонали 22,2 дюйма) размер качественного полиграфического отпечатка может достигать 43,3 x 27,1 см, что можно отнести к крупноформатной печати. Таким образом, как показывают приведенные расчеты, требование представления размера графического файла всего лишь равного разрешению хорошего монитора, создает предпосылки для самого разнообразного пиратского использования изображения, включая не только размещение в Интернет-галереях, но и качественное полиграфическое воспроизведение.

Программное обеспечение, предназначенное для защиты авторских прав на изображения путем блокирования их несанкционированного копирования, в том числе на стадии просмотра, должно решать следующие задачи.

Во-первых, необходимо осуществить противодействие копированию изображения с использованием функции Print Screen, представляющей самый простой способ копирования информации, выведенной на экран. Для защиты от такого способа копирования необходимо обеспечить перехват нажатий клавиши <Print Screen> и после этого подменить изображение, размещенное в буфере обмена на некоторое изображение, подготовленное заранее.

Во-вторых, необходимо решить задачу защиты цифрового изображения от копирования, осуществляемого при помощи сторонних приложений, делающих скриншоты в автоматическом режиме. Наиболее эффективной защитой от программ, делающих скриншоты при помощи API-функций, является контроль вызовов WinApi функций, т.е. при вызове функций, копирующих изображение, запрещать это действие системными средствами. Для решения такой задачи необходимо обеспечить получение всего списка запущенных в системе процессов или потоков с целью последующего контроля вызовов со стороны этих процессов WinApi функций, копирующих изображение, выведенное на экран.

В предложенном в работах [1; 2; 3] методе решения задачи защиты цифровых изображений от копирования при запуске специально разработанной программы формируется список всех процессов и к каждому из них прикрепляется dll библиотека, которая заменяет перехватываемую WinApi функцию в таблице импорта на некую заранее написанную функцию, код которой реализован в данной библиотеке. Далее, при обнаружении нового процесса к нему также прикрепляется dll библиотека, что обеспечивает контроль над всеми выполняющимися в системе потоками. Основной сложностью при этом является проблема обмена данными с dll библиотекой, так как наличие всех входных данных для получения контроля над вызываемым процессом WinApi-функциями требуется на момент запуска библиотеки, что обуславливает необходимость получения данных в dll Entry Point. Для этого используется технология File Mapping.

Описанные принципы защиты цифровых изображений от несанкционированного копирования были реализованы в специальном программном обеспечении, тестирование которого показало его корректную и стабильную работу. В частности, как это и должно быть, оказалось заблокировано копирование с использованием функции Print Screen, а также копирование при помощи стороннего программного обеспечения.

Таким образом, наиболее действенными методами защиты авторских прав на материалы, представленные в цифровом виде, в том числе материалы, предназначенные для размещения в средствах массовой коммуникации, следует признать программно-аппаратные методы, базирующиеся на принципах защиты информации от несанкционированного копирования и использования. В этом смысле защита прав автора может рассматриваться как специальный случай обеспечения информационной безопасности его работ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голуб В.А. Система защиты информации, записанной на компакт-диск / В.А. Голуб, А.Н. Нечипоренко // Материалы Международной конференции и Российской научной школы «Системные проблемы надежности, качества, информационных и электронных технологий в инновационных проектах (Инноватика - 2005)». — М. : «Радио и связь», 2005. — С. 121-122.
2. Голуб В.А. Защита информации на компакт-дисках / В.А. Голуб, А.Н. Нечипоренко // Безопасность. Бизнес. Наука. — 2006. — № 4. — С. 9-10.
3. Голуб В.А. Защита информации, представленной в виде графических файлов / В.А. Голуб, Ю.А. Дергачев, Д.В. Сурнин // Материалы Международной конференции и Российской научной школы «Системные проблемы надежности, качества, информационных и электронных технологий в инновационных проектах (Инноватика - 2006)». — М. : «Радио и связь», 2006. — Ч. 5. — Т. 1. — С. 98-100.
4. Голуб В.А. Защита цифровых изображений от несанкционированного копирования / В.А. Голуб, И.В. Цветков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Системный анализ и информационные технологии. — 2009. — № 2. — С. 30-33.
5. Голуб В.А. Защита цифровых изображений от несанкционированного копирования / В.А. Голуб, И.В. Цветков // Материалы X Международной научно-методической конференции Информатика : проблемы, методология, технологии. — Воронеж, 2010. — С. 205-209.

*Голуб В.А.
Воронежский государственный университет.
Доцент кафедры рекламы и дизайна,
кандидат технических наук.
e-mail: v.a.golub@yandex.ru, vgol@list.ru.*

*Golub V.A.
Voronezh State University.
Candidate of Technical Sciences, Associate Professor,
Department of Advertisement and Design.*

УДК 070: 659.123.4

КАРТИНЫ МИРА В СМИ: ТИПОЛОГИЯ, ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ, КАНАЛЫ ТРАНСЛЯЦИИ

© 2011 Е.Н. Ежова

Ставропольский государственный университет

Поступила в редакцию 5 июля 2010 года

Аннотация: В работе рассматриваются различные типы картин мира, формируемых в пространстве СМИ, устанавливаются принципы корреляции картин мира с жизненным миром как сферой дотеоретического, повседневного и очевидного. Выдвигается положение о формировании современными СМИ особого семиотико-ментального социокультурного поля — медиа-рекламной картины мира, которая осмысливается как новое симбиотическое образование, возникающее в результате взаимодействия и сосуществования мира медиа- и мира рекламы.

Ключевые слова: картины мира в пространстве СМИ, жизненный мир, информационная картина мира, рекламно-информационная картины мира, журналистская картина мира, медиа-картина мира, медиа-рекламная картина мира, симбиотический феномен медиа-рекламной картины мира.

Abstract: The various types of pictures of the world, that formed in the area of Mass Media are considered in this article. Also, principles of the correlation of the pictures of the world with the vital world as a sphere of pretheoretical, daily and obvious are determined in this work.

The principal proposition of forming by modern Mass Media of a special semiotic-mental, sociocultural field, which is a media-advertising picture of the world, and thus, it is conceptualized as a new, symbiotic formation, resulting from the interaction and co-existence of the world of Mass Media and the world of advertisity is in this paper.

Key words: pictures of the world in the area of mass-media, the vital world, an informative picture of the world, advertising-informative pictures of the world, a journalistic picture of the world, a media picture of the world, a media advertising picture of the world, a symbiotic phenomenon of a media-advertising picture of the world.

Понятие «картина мира», означающее мир, понятый как картина, т.е. глобальный образ мира, возникает в Новое время, в тот момент истории, когда объективизм впервые достигает наивысшей точки, а человек начинает определять себя в качестве субъекта, т.е. центра системы, «точки отсчета» для сущего как такового. Начиная с Нового времени в классической науке осуществляется попытка мысленно представить мир в целостности и системности. Первая картина мира, выведенная из совокупности физических принципов однородности пространства (Галилей) и однородности вещества (Декарт), определила и дальнейшую судьбу формирования последующих

картин различных эпох на основе естественно-научных представлений.

В современной культуре, сущностными чертами которой являются вариативность, множественность, фрагментаризация, понятие картины мира утратило интегративный, универсальный смысл: любая картина, во-первых, отражает лишь фрагмент действительности; во-вторых, представляет определенный, ракурсный взгляд на этот фрагмент, т.е. особый способ видения. Поэтому любая картина мира имеет объясняющую силу только для конкретного фрагмента действительности и определенного ракурса восприятия этой действительности. В связи с этим картина мира будет для каждого субъекта всегда оставаться незаконченным, незавершённым семиотико-виртуальным изо-

бражением. Даже такая широко интерпретируемая картина, как информационная, в современной ситуации не выполняет интегративные функции.

Как показывает сегодняшний опыт, влияние научных теорий на формирование картин мира, продуцируемых средствами массовой информации и искусством, ослабевает. Функции науки в данном процессе все в большей степени выполняет *повседневность*. В современной парадигме культуры складывается ситуация отсутствия привилегированных концептообразующих феноменов, различные картины мира приобретают относительно равнозначный статус, дополняя друг друга. В этой ситуации *интегративную функцию выполняет жизненный мир, содержащий совокупность значений и смыслов, общих для всех представителей данной культуры*.

Контуры картины мира строятся на основе изучения знаний и представлений человека о мире. Если признать, что жизненный мир — это человек и среда в их повседневном, обыденном взаимодействии, то любая картина мира — это *семиотико-ментальный результат переработки информации о среде и человеке*. Под картиной мира вслед за В.В. Красных мы понимаем «идеальное, концептуальное образование, имеющее двойственную природу: необъективированное — как элемент сознания, воли и жизнедеятельности, и объективированное — в виде различных следов сознания, воли и жизнедеятельности, в частности — в виде знаковых образований, текстов» [1].

Определяя картину мира с общенаучной, гносеологической точки зрения, И.А. Стернин и З.Д. Попова предлагают разграничивать разные виды картин мира: *непосредственную и опосредованную, когнитивную и языковую, национальную* (выделено нами. — Е.Е.) [2]. Когнитивная картина мира интерпретируется как непосредственно создаваемая в результате прямого познания окружающей действительности при помощи органов чувств и абстрактного мышления. Это первичная модель, которая включает в себя как концептуальную совокупность знаний о мире, которые приобретаются в деятельности человека, способы и механизмы интерпретации новых знаний, так и совокупность ментальных стереотипов, определяющих восприятие тех или иных явлений действительности.

Термин «картина мира» *многозначен*, и разные исследователи вкладывают в него различные смыслы. В современной научно-теоретической парадигме картина мира интерпретируется в трех основных параметрах: а) как глобальный *образ мира*; б) как *инструмент познания*; в) как *теоретический конструкт-модель* [3].

В первом значении термина «картина мира», рассматриваемого как глобальный образ мира, актуализируется *интроспективный взгляд* на сущ-

ность этого понятия, который схематично можно представить так: картина мира *изначально формируется в сознании индивида* как образ мира; затем этот образ *транслируется вовне*; и лишь потом на основе взаимодействия образов реальности, сформированных у индивидов определенных сообществ, складывается *многомерное интересубъективное образование, которое приобретает субстанциональность* и начинает функционировать как самостоятельный объект. «При формировании картины мира реальность как бы удваивается: с одной стороны, существует некая объективная реальность, с другой — ее психическая модель. И хотя последняя производится психикой, но, спроецированная вовне, она воспринимается как самостоятельный объект <...>. Об иллюзорности картины мира можно говорить только извне, но не изнутри нее, поскольку изнутри мир дан человеку не иллюзией, но реальностью» [4].

Во втором значении термина «картина мира», рассматриваемого как когнитивный конструкт-модель, актуализируется, напротив, *экстраспективный взгляд*: картина мира *продуцируется как ракурсная модель реальности в определенных социальных средах* (медиасреде, различных отраслях науки, направлениях в искусстве и пр.); затем эта модель *транслируется через определенные каналы и ретранслируется в сознании реципиентов*; и лишь потом вновь *складывается в многомерную ментальную целостность, характеризующуюся признаками интересубъективности и субстанциональности*. *Говоря о медиа-рекламной картине мира, мы будем использовать термин «картина мира» именно во втором значении, подразумевая модель виртуально-идеальной реальности, продуцируемую средствами массовой информации как транслятором рекламы и самой рекламой*.

Следует отметить, что и в первом, и во втором значении картина мира рассматривается как инструмент познания, поскольку картина мира, говоря словами американского социолога Курта Рихтера, — это *контурная схема, которая опережает человеческий опыт, определяет его и управляет им*.

Как показывает исследование научных источников по рассматриваемой проблеме, в последние десятилетия в различных отраслях научного знания наиболее востребованным оказалось понимание картины мира не как глобального образа мира, а именно как когнитивной модели реальности. Это позволило значительно увеличить объемность и семантический масштаб изучения феномена информации, знаний и языка как особого ментального кода, хранящего и передающего из поколения в поколение весь континуум смыслов, сформированных в течение длительной социальной эволюции конкретного

этнoса. Этот термин послужил очень удобным маркером для описания самых разных фрагментов бытия, для выделения в самостоятельный объект тех или иных культурно значимых когнитивных областей. *Выступая родовым понятием, термин «картина мира» продуцировал множество видовых единиц*, конкретизирующих ту или иную ячейку целостной мозаики — картины мира как модели реальности.

С о с у щ е с т в о в а н и е различных картин мира, формируемых в процессе массовой коммуникации, становится реалией современного мира масс-медиа. *Эти разнородные картины в соответствии с принципом дополнительности коррелируют в процессе восприятия действительности и, представляя ракурсные взгляды на одно и то же явление, позволяют воспринимающему субъекту приблизиться к его сущности*. Исследователи Е.Г. Дьякова и А.Д. Трахтенберг полагают, что при описании процессов массовой коммуникации как процессов конструирования реальности методологические противоречия, связанные с различием «правильной» и «неправильной» версий этого описания, возникают только в рамках позитивистской парадигмы, однако эти противоречия снимаются в рамках феноменологического подхода, поскольку *социальная феноменология исходит из тезиса о множественности реальностей, каждая из которых конструируется в соответствии со своим особым когнитивным стилем* (выделено нами. — Е.Е.) [5].

В современной теории журналистики релевантным является вопрос о типе и статусе картин мира, которые формируются посредством СМИ. На этот счёт имеется несколько различных точек зрения, которые не исключают друг друга, а позволяют более точно подойти к интерпретации и описанию конкретного модуля общего поля СМИ. Исследователи выделяют различные типы картин мира: 1) *информационная*; 2) *рекламно-информационная*; 3) *журналистская* [6]; 4) *телевизионная* [7]; 5) *медиа-картина мира* [8] и др. Отмеченные типы картин мира имеют прямое отношение к СМИ, формируются на их основе и актуализируют понятийно-терминологический аппарат теории журналистики. Эти КМ коррелируют друг с другом, как и номинирующие их термины, выражая понятия, связанные между собой отношениями включения, пересечения и/или эквивалентности, однако каждая из картин мира в отдельности не в полной мере отражает сущность сегодняшних инновационных процессов в СМИ, влияющих на их трансформацию в средства массовой коммуникации и массового рекламирования.

В структуру современной медийной картины мира и других картин мира, формируемых СМИ,

активно внедряется реклама, без которой уже немислимо конструирование медийной реальности. *Средства массовой информации и реклама, все больше сближаясь между собой и с повседневностью и тем самым обращаясь к жизненному миру, становятся не столько способом отражения реальности, сколько способом ее конструирования, способом философствования и видения*. Реклама прочно заняла в современной культуре место одного из главных смыслообразующих оснований. В современном мире роль, которую прежде играли идеология и искусство, в определенном смысле играет рекламный дискурс; посредством него осуществляется манипулирование массовым сознанием этноса в коммерческих целях, внедряются и формируются новые культурные приоритеты и пристрастия, создаётся «идеальный» виртуальный мир, к которому, как утверждается в соответствующих рекламных текстах, следует стремиться каждому. Сегодня *реклама является наиболее выразительным примером сближения искусства, идеологии и средств массовой информации с повседневностью* и тем самым с *жизненным миром*. Рефлексия по поводу тенденций этого сближения отчетливо просматривается в постмодернистских изысканиях. По мысли М. Маклюэна, реклама — это спрессованный образ современности. Она аккумулирует чувства и опыт всего общества.

Картина мира, которую формируют СМИ в настоящее время, принципиально отличается от картины мира, сформированной СМИ до распада СССР. Эта принципиально новая по характеру, функциям и субъектно-объектным параметрам картина — *медиа-рекламная* — является, по нашим наблюдениям, результатом исторического, идеологического, политико-экономического развития и новой внешней культурной ориентации России, которая отчетливо проявилась в начале 90-х годов и успела наложить отпечаток на всю деятельность СМИ по рекламированию как инновационному для российской ментальности процессу. Постепенно понятия «новости», «новостная информация» коммерциализовались и стали идентичными по значению понятию «товар». Трансформация социально-экономического статуса и строя России привела к появлению новой для неё картины мира, формируемой СМИ, — медиа-рекламной картины, в которой отразились новые реалии, события и информация о них как товар. Такое положение дел означает, что появился новый «организм», новое образование, которое мы интерпретируем как *медиа-рекламная картина мира*. Это новый этап в развитии и СМИ, и российской культуры, и цивилизации.

Есть все основания трактовать медиа-рекламную картину мира как инновационный тип

картины мира, которая имеет **симбиотический характер** по способу взаимодействия составляющих (СМИ и рекламы) и по целям и характеру формирования этих составляющих в единое медиа-рекламное социокультурное образование. Это не синтез, т.е. не соединение различных элементов в некое единство; это и не интеграция, т.е. не иерархически организованная совокупность элементов и их взаимодействие. Это именно симбиоз двух феноменов, медиа и рекламы, которые сосуществуют и приносят друг другу *взаимную пользу* (коммерческую выгоду). Сейчас практически ни один телевизионный или радиальный канал, ни одно печатное издание не выживут без рекламы, и реклама не может существовать без СМИ как канала трансляции. В этом полезном «сожительстве» и проявляется их симбиоз.

Медиа-рекламная картина мира, **формально подчиняясь законам медийного пространства, в содержательном плане оказывается противоположенной медиа-картине мира**. Медиа-картина мира формируется образами *негативной реальности*, критической оценкой происходящего, что в конечном счете приводит к притупленности восприятия даже действительно трагических событий. По мысли Н. Б. Кирилловой, «обладая такой силой воздействия на людей, российское телевидение в отличие от американского не позволяет «чувствовать себя хорошо». Как раз наоборот, оно создает довольно мрачную «картину мира» [9]. Медиа-рекламная картина мира, напротив, формируется образами позитивной, и даже *идеальной, реальности*. В этом смысле реклама, представляющая, как правило, светлые стороны жизни, *выполняет функцию буфера, который смягчает, ослабляет напряженность порожденной масс-медиа виртуальной реальности*.

Медиа-рекламная картина мира представляет собой, таким образом, **виртуально-идеальную модель реальности, формируемую СМИ**. Виртуальность как атрибутивный признак этой модели проявляется в искусственности созданной рекламно-информационной среды как **организованного пространства симулякров — знаков с опустошенным ценностным содержанием**, референциально не соотносённых с реальностью, т.е. не имитирующих, а симулирующих ее. Идеальный характер этой модели как когнитивного образо-

вания проявляется в её образцовости, поскольку медийная реклама посредством всех каналов трансляции внедряет новые культурные и потребительские приоритеты и пристрастия, формируя вещный мир-идеал, в котором возможна реализация всех желаний, стремлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. — М.: Гнозис, 2003. — С. 17.
2. Попова З.Д. Концептосфера и картина мира // Язык и национальное сознание / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — Воронеж: Изд-во Воронежского государственного ун-та, 2002. — Вып. 3. — С. 4-8.
3. Казыдуб Н.Н. Дискурсивное пространство как фрагмент языковой картины мира (теоретическая модель): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н.Н. Казыдуб. — Иркутск, 2006. — 34 с.
4. Жидков В.С. Искусство и картина мира / В.С. Жидков, К.Б. Соколов. — СПб.: Алетейя, 2003. — С. 62.
5. Дьякова Е.Г. Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов / Е.Г. Дьякова, А.Д. Трахтенберг. — Екатеринбург: УрО РАН, 1999. — 130 с.
6. Мансурова В.Д. Журналистская картина мира как фактор социальной детерминации. — Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2002. — 236 с.
7. Луков М.В. Телевидение: Телевизионная картина мира // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение», 2008. — (http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/4/Lukov_TV_World-view). — [12.12.2009].
8. Рогозина И.В. Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект: дис. ... д-ра филол. наук / И.В. Рогозина. — Барнаул, 2003. — 430 с.
9. Кириллова Н.Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну / Н.Б. Кириллова. — М.: Академический проект, 2005. — С. 187.
10. Тулупов В.В. Газета: маркетинг, дизайн, реклама. Новые тенденции в издании газет / В.В. Тулупов. — Воронеж: Кварта, 2001. — С. 167-168.

Ежова Е.Н.
Ставропольский государственный университет.
Кандидат филологических наук, заведующая кафедрой средств массовой информации, доцент.
e-mail: ezhova_elena1970@mail.ru

Ezhova E.N.
Stavropol State University
Candidate of philological sciences (Cand. Phil. Sci.),
Head of the Mass Media Chair, an Associate Professor.

УДК 070.1(470)

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ПЕРИОДИКИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (на примере журналистики Томской губернии)

© 2010 Н.В. Жиякова

Томский государственный университет

Поступила в редакцию 21 января 2011 года

Аннотация: В статье анализируется динамика развития журналистики Томской губернии в период первой русской революции 1905-1907 годов. Показана связь процессов, происходящих в региональной печати, с общероссийскими тенденциями. Выявлены основные характеристики выходящих газет и журналов, моменты политического самоопределения изданий.

Ключевые слова: сибирская журналистика, первая русская революция, новые типы изданий

Abstract: In article analyzing dynamic of change of journalism in Tomsk province in period of the first Russian revolution 1905-1907th. Showing connection of processes that take place in region press with all-russian tendencies. Displayed main characteristics of newspapers and magazines, moments of political determination of editions.

Key words: Siberian journalism, the first Russian revolution, new types of editions.

Количественные и качественные изменения, произошедшие в сфере журналистики во время первой русской революции 1905-1907 годов, затронули всю российскую периодическую печать, но особенно важными были для региональной периодики. Это хорошо заметно на примере периодической печати Томской губернии — одной из самых обширных в дореволюционной России (включала в себя современные Новосибирскую, Кемеровскую, Томскую области, Алтайский край и некоторые другие территории).

В начале 1905 года в городе Томске, который является центром Томской губернии, издавалось 6 газет и 9 журналов, преимущественно официального направления. Среди них было две крупных частных ежедневных газеты — «Сибирский вестник» (1885-1905, издательница В.Ф. Картамышева, редактор Н.Н. Соин) и «Сибирская жизнь» (1897-1919, издатель-редактор П.И. Макушин), а также единственный в Томске частный журнал «Сибирский наблюдатель» (1901-1905, издатель-редактор В.А. Долгоруков). Эти издания выхо-

дили под предварительной цензурой, поэтому события первой русской революции освещались на их страницах неполно и выборочно: о том, что происходило в России, местные газеты могли писать более свободно, перепечатывая материалы столичных газет и журналов, информация же о томских событиях публиковалась редко и с использованием средств «эзоповского языка». Неудивительно поэтому, что вопрос о свободе печати стал одним из основных в газетах Томска. А в начале декабря 1905 года им удалось освободиться от предварительной цензуры: 2 января вышел первый бесцензурный номер «Сибирской жизни», 6 декабря — «Сибирского вестника», 8 декабря — «Сибирских известий».

В двух ведущих газетах Томска — «Сибирская жизнь» и «Сибирский вестник» — в первый революционный год сменились издатели и редакторы, что повлияло на их направление и содержание. В «Сибирском вестнике» с 20 марта 1905 года издателем стал М.Н. Загibalов — революционер-народник, бывший политический ссыльный. С этого времени газета стала приобретать отчетливый социал-демократический характер, к концу 1905 года обозначилась симпатия редакции

«Сибирского вестника» к идеям РСДРП. Боевой характер издания, ярко выраженный критический пафос привели к конфискации тиража, а 31 декабря 1905 года газета была закрыта «по телеграфному распоряжению командующего войсками Сибирского военного округа Сухотина, в силу военного положения». Попытка продолжить издание в 1907 году под новым названием «**Вестник Сибири**» не удалась, вышел только один номер от 1 января.

После объявления Манифеста 17 октября в Томске, как и во многих российских городах, начались волнения в обществе, а 20-22 октября здесь прошел черносотенный погром, один из самых кровавых в России: было убито и сгорело «66 человек, в основном железнодорожные служащие, 129 человек были ранены. Погром продолжался три дня», и только «22 октября 1905 года войска разогнали погромщиков» [1].

Благодаря счастливому стечению обстоятельств избежала гибели семья А.И. Макушина — в то время исполнявшего обязанность городского головы, брата издателя «**Сибирской жизни**» П.И. Макушина и второго редактора этой газеты. Все это настолько потрясло основателя «Сибирской жизни», что он отказался от ведения газеты и 8 ноября передал ее профессорам томских вузов И. Малиновскому и М. Соболеву.

После перехода газеты в руки новой редакции «Сибирская жизнь» стала более политизированной, яркой, многотемной. К концу 1905 года она самоопределилась в лагере кадетской журналистики, в декабре на I полосе газеты появилось объявление о подписке на 1906 год на «народную еженедельную газету» «Народные нужды», «издание Томского отдела свободной народной партии». Во главе «Народных нужд» стояли И. Малиновский и М. Соболев, редакторы «Сибирской жизни».

Одним из показателей возросшей общественной активности в Томске стало основание новой еженедельной газеты «**Сибирские известия**», редактор-издатель М.Н. Кононов. Первый номер газеты вышел 1 сентября 1905 года, это было подцензурное издание, придерживающееся правых взглядов. «Образцом для подражания» для «Сибирских известий» выступала газета «Новое время». После Манифеста 17 октября газета стала публиковать программы новых партий («Прогрессивной промышленной партии», «Союза 17 октября»), вела активную полемику с томскими газетами. В декабре редакция объявила о прекращении «Сибирских известий», однако обещала в 1906 году высылать новую газету «Время».

В 1905 году в Томске была основана также еженедельная «**Томская торгово-промышленная газета объявлений**», редактор-издатель В.И. Лянге. Выпустив 59 номеров, Лянге прервал издание,

изменил название, убрав из него слово «объявлений», и со второй половины октября 1906 года стал издавать уже ежедневную «**Томскую торгово-промышленную газету**» по широкой программе из 12-ти пунктов. Газета не имела успеха, так как Лянге пытался остаться «вне политики» в то время, когда была востребована прежде всего оперативная информация об общественно-политической жизни России, Сибири, Томска.

Перемены, происходящие в стране в 1905 году, коснулись не только частной, но и официальной периодики. В «Томских губернских ведомостях» было решено реформировать неофициальную часть, чтобы усилить влияние на читателей, составить конкуренцию частной политизированной прессе. Редактором преобразованного отдела был назначен новый томский цензор П. Виноградов. С № 43 от 23 ноября в этой части «Томских губернских ведомостей» начали публиковаться телеграммы, корреспонденции, перепечатки из столичных и провинциальных российских газет. Эта тенденция совпадала с общероссийской: после принятия Манифеста при «Правительственном вестнике» также появилась газета «с публицистикой» — «Русское государство». Местная власть не обладала ресурсом для основания новой газеты для влияния на общественное мнение, но она воспользовалась имеющимся резервом в лице «неофициального отдела».

Из новых изданий необходимо также отметить выход 3-х номеров нелегального «**Сибирского социал-демократического листка**», организованного Сибирским социал-демократическим союзом (томское отделение Российской социал-демократической рабочей партии).

Таким образом, 1905 год стал началом перемен в системе томской газетной журналистики: она избавилась от предварительной цензуры, ощутила необходимость политического самоопределения, пополнилась новыми периодическими изданиями, как легальными, так и нелегальными. Изменения, произошедшие в официальной газете Томской губернии — «Томских губернских ведомостях» — свидетельствовали о желании власти организовать общественное мнение в свою пользу, подобно тому, как это сделал «Правительственный вестник».

В отношении частных томских журналов в 1905 году перемен не произошло; события первого революционного года освещались главным образом в ежемесячном журнале В.А. Долгорукова «Сибирский наблюдатель».

В 1906 году на томском рынке практически одновременно появилось пять новых газет, вместе с продолжающимися изданиями их насчитывалось одиннадцать — официальных и частных.

Можно констатировать, что это был один из «пиковых» периодов в развитии томской журналистики. 1906 год также ознаменовался выходом первых частных газет в двух городах Томской губернии: Барнауле («Барнаульские известия», редактор-издатель И.Д. Ребров) и Новониколаевске («Народная летопись», редактор-издатель Н.П. Литвинов; приостановлена, вместо нее в 1907 году стала выходить газета «Обь»).

Среди выходивших газет Томска были проекты совсем недолговечные, как, например, «**Вестник Сибири**», закрытый после первого же номера. Новая «общественно-литературная» газета «**Томский вечерний листок**», которая появилась в Томске в 1906 году, вышла в количестве трех номеров, после чего ее редактор-издатель М.С. Попов «по личным соображениям» преобразовал газету в «летучий сатирический листок» «**Ерш**» [2].

Политическая и литературная ежедневная газета «**Время**», выходившая вместо «Сибирских известий», продержалась дольше: она издавалась в течение 1906-1907 годов. Газета печатала материалы от «Союза 17 октября» — объявления, воззвания, рекламу, а с декабря 1906 года объявила себя «органом томского отдела Союза 17 октября». Главным содержанием «Времени» были выборы в Государственную думу, агитация за октябристов, а после их поражения — анализ причин неудачи. Газета была закрыта в 1907 году, на втором году издания, из-за внутриредакционных разногласий.

«Время» представляло собой новый тип издания на томском рынке периодики — партийный орган печати, она поддерживала октябристов. Другим партийным органом в Томске был еженедельник «**Народные нужды**» — «орган томского отделения партии народной свободы (конституционно-демократической)», в течение 1906 года было выпущено 24 номера.

«Народные нужды» в начале своего издания привлекли внимание читателей, о чем свидетельствует тираж газеты — 7.500 экземпляров (первый номер, напечатанный в этом количестве, разошелся без остатка, что газета не раз подчеркивала). Разнообразие тем, жанров, особая подача материала, приближенная к пониманию малообразованного селянина, обилие полезной информации делали «Народные нужды» востребованным изданием. Однако со временем в газете на первый план вышла политика, появились многочисленные перепечатки, и «Народные нужды» утратили привлекательность для читателей, несмотря на свою дешевизну (годовая подписка составляла всего один рубль).

«Сибирская жизнь» с 1906 года стала ведущей газетой Томска, вокруг редакции которой собрались профессора томских вузов, общественные деятели, публицисты, областники. Кроме того,

она имела широчайшую корреспондентскую сеть по всей Сибири. Газета поддерживала кадетов на выборах, вела активную агитацию за представителей этой партии.

В 1906 году «Сибирская жизнь» была дважды приостановлена: с 6 октября — на три месяца, с 8 ноября — на 6 месяцев. Во время второй приостановки сотрудники редакции оперативно начали выпускать газету «**Сибирская мысль**». Это издание не приобрело самостоятельного статуса — «Сибирская мысль» доставлялась вместо «Сибирской жизни» ее подписчикам, сохранились прежние рубрики и общее направление, остался прежним и состав сотрудников. После возобновления «Сибирской жизни» в 1907 году «Сибирская мысль» была прекращена.

«Неофициальная часть» «Томских губернских ведомостей» в 1906 году постепенно уменьшалась в объеме и теряла признаки «газеты в газете»: к концу года здесь уже не выделялись отдельные рубрики, большинство материалов — это перепечатки из других газет. Вместо П. Виноградова за эту часть стал отвечать Дуров (видимо, местный чиновник). Не сумев создать конкуренцию частной печати, официальная газета быстро сдала позиции и вернулась к прежнему виду и содержанию.

В сфере журнальной журналистики Томска 1906 год ознаменовался появлением новых типов изданий: еженедельного иллюстрированного журнала «**Томский театр**» (вышло 4 номера), первых сатирических журналов, а также первого нелегального журнала большевиков («Тюрьма», два номера было отпечатано на гектографе). Кроме этого, в 1906 году журнал «Сибирский наблюдатель» В.А. Долгорукова был переименован в «Сибирские отголоски» и из ежемесячного стал еженедельным.

Кратковременный расцвет сатирической журналистики в Томске в 1906-1907 годах оказался вполне в русле общероссийских тенденций. Из 13 сатирических журналов, издаваемых в Сибири в период первой русской революции, 6 выходило в Томске: «**Осы**» (1905-1907), «**Бич**» (1906), «**Бубенцы**» (1906-1907), «**Рабочий юморист**» (1906), «**Ерш**» (1906-1907) и «**Красный смех**» (1906). Сатирические еженедельники Томска были недолговечными, но их появление свидетельствовало о значительном послаблении цензурного гнета в Сибири. Опыт, полученный томскими публицистами и художниками — сотрудниками сатирических журналов, — способствовал развитию сатиры в регионе, вовлечению сибирского читателя в политическую жизнь России с помощью сатирических методов и приемов.

В 1905 и 1906 годах в Томске также вышло два литературных альманаха — «Первый сборник си-

биряков» (по свидетельству современников, быстро разошелся и покрыл все затраты) и «Второй сборник сибиряков»: «благодаря преобладавшему тогда настроению, как не затрагивавший злобы дня, не обратил на себя никакого внимания и остался на полках книжных магазинов» [3].

Необходимо добавить, что в 1905-1906 годах около десяти газетных проектов в Томской губернии по разным причинам не было реализовано, хотя свидетельства об издании были уже получены: ежедневная газета Томска «Сибирь», редактор-издатель М.Н. Вознесенский, свидетельство от 19 декабря 1905 года [4], томская газета «Народное дело», издатель Н.В. Соколов, редакторы Г.Н. Потанин, А.А. Силин, свидетельство от 4 января 1906 года [5], газета «Алтай» в Барнауле, издатель М.О. Курский, разрешение получено 10 марта 1906 года [6] и т.д.

Можно констатировать, что 1906 год для журналистики Томской губернии был одним из самых напряженных и плодотворных: в Томске появились первые партийные газеты, первые сатирические журналы, первый театральный и искусствоведческий журнал, нелегальный журнал большевиков; в Барнауле и Новониколаевске вышли первые частные газеты.

Последний год первой русской революции ознаменовался снижением издательской активности в Томской губернии. Новых частных журналов в 1907 году не появилось, а из 8-ми газет две — «Сибирская мысль» и «Сибирская жизнь» — по сути, были одним изданием. Газета «**Сибирские отголоски**» В.А. Долгорукова — это бывший журнал под тем же названием.

Из новых изданий 1907 года наиболее заметной была ежедневная политическая, общественная и литературная газета «**Голос Томска**» (1907-1908), редактор-издатель Н.В. Оленин. Являясь представителем российской черносотенной прессы, газета настаивала на своей «внепартийности», считая главным ориентиром «великую дату 17 октября» и пожелания самодержца. Газета была прекращена по причинам «внутреннего характера».

Нелегальная печать 1907 года в Томске была представлена двумя номерами газеты «**Голос социал-демократа**», издатель — Томский комитет Российской социал-демократической рабочей партии.

В Томской губернии центрами издания периодики оставались Барнаул (продолжали выходить «Барнаульские ежедневные телеграммы», издатель И.Д. Ребров) и Новониколаевск: кроме газеты «Обь», в 1907 году здесь была основана ежедневная газета «Сибирская речь», редактор-издатель Н.А. Кассианов, вышло 6 номеров.

Таким образом, динамика развития периодической печати Томской губернии в 1905-1907 годах совпадает с общероссийской картиной: освобождение от цензуры в 1905 году, появление новых типов изданий и количественный рост периодики в 1906 году, спад издательской активности в 1907. В провинциальной периодике эти процессы проходили с меньшей интенсивностью, но этапы остались практически те же. Для Сибири наиболее важными из них были связаны с освобождением от предварительной цензуры и появлением первых сатирических журналов: это способствовало развитию общественной мысли, открытому разговору с читателем, постановке насущных проблем.

Политическая дифференциация периодической печати в Томской губернии позволила жителям отдаленного российского региона принять участие в политической жизни, сориентироваться в собственных симпатиях и антипатиях.

Партийная печать, сатирическая журналистика, литературные альманахи: новые типы изданий, появившиеся в Томске, значительно расширили типологический спектр провинциальной печати. Все это позволяет считать первую русскую революцию 1905-1907 годов одним из решающих этапов самоопределения провинциальной печати, позволившим ей совершить качественный «скачок» в своем развитии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Томск от А до Я. Краткая энциклопедия города. — Томск : Изд-во НТЛ, 2004. — С. 246
2. ГАТО (Государственный архив Томской области). Ф. 2. Оп. 12. Д. 693. Л. 194.
3. Крутовский В. Периодическая печать в Томске / В. Крутовский // Город Томск. — Томск, 1912. — С. 306-307.
4. ГАТО. Ф. 2. Оп. 12. Д. 693. Л. 2.
5. ГАТО. Ф. 2. Оп. 12. Д. 693. Л. 47-54 с об.
6. ГАТО. Ф. 2. Оп. 12. Д. 693. Л. 41.

*Жиликова Н.В.
Томский государственный университет
Доцент кафедры теории и практики журналистики
e-mail: retama@yandex.ru*

*Zhiliakova N.V.
Tomsk State University
Associate professor of department of theory and practice
of journalism*

УДК 070.19

К ИЗУЧЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГРАЖДАНСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

© 2011 Р.В. Жолудь

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 февраля 2011 года

Аннотация: Статья посвящена определению факторов эффективности для гражданской журналистики. Основными факторами эффективности называются положение коммуникатора, его отношения с аудиторией и технологические особенности коммуникации.

Ключевые слова: гражданская журналистика, блоги, эффективность, Интернет, средства массовой информации.

Abstract: The article is devoted to definition of factors of efficiency for citizen journalism. Position of the communicator, his relationship with an audience and technological features of communications are called as major factors of efficiency.

Key words: citizen journalism, blogs, efficiency, Internet, mass media.

Предварительные замечания

На Западе исследование эффективности журналистики привлекало внимание, в первую очередь, социологов [1]. В работах, написанных в середине XX столетия, во время триумфа журналистики в политической сфере западного общества, эффективность СМИ рассматривалась как степень целенаправленного воздействия на общественное мнение и влияние на поведение аудитории (например, электоральное).

В отечественных исследованиях советского периода [2] главный акцент делался на пропагандистский и организаторский аспекты работы СМИ, что было вызвано специфическим пониманием функций журналистики в социалистическом обществе. Однако, как и в работах западных ученых, эффективность рассматривалась как мера влияния на общественное мнение (в рамках распространения идеологии) и как организационная деятельность. Большое количество опубликованных работ говорит о том, что тема эффективности журналистики была важной не только для исследователей-теоретиков, но и для тех, кто работал в практической сфере [3].

Уже в то время появилось два подхода в изучении эффективности журналистских выступлений:

— подразумевающий пропагандистское, агитационное и организационное воздействие на массовую аудиторию [4];

— рассматривающий текстовые и внетекстовые факторы психологического воздействия выступления журналиста на реципиента [5].

В современной отечественной журналистике вопросам эффективности СМИ уделяется гораздо меньшее внимание. Исключение здесь составляет разве что электоральная сфера [6]. Появилось новое понимание эффективности СМИ — коммерческое, связанное с показателями прибыли, полученной в результате деятельности редакции. Однако периодически публикуются исследования, в которых авторы стремятся найти подходы к анализу эффективности СМИ в традиционном смысле этого понятия, но отталкиваясь от новых условий существования российских масс-медиа [7].

* * *

Стоит отметить наличие споров о том, можно ли гражданскую журналистику относить к журналистской деятельности в принципе. На наш взгляд, ответ должен быть утвердительным — с этим согласились несколько лет назад западные исследователи [8]. При этом доводы противников причисления, например, блогерской деятель-

ности к журналистике зачастую неубедительны. «Ответственность журналистов за свои слова перед законом, меньшая доля субъективности (журналисты не высказывают свое мнение напрямую, оно выражается лишь частично в подтексте статьи) и то, что журналистика зачастую является первоисточником информации, которая потом попадает в блоги и там обсуждается, — все это создает огромное пространство между такими явлениями, как блоггерство и журналистика» [9], — пишет исследователь из Твери. Тезис о том, что «журналисты не высказывают свое мнение напрямую» — весьма спорный. Далее, любое лицо, распространяющее информацию в Интернете, несет ответственность за ее содержание (как гражданскую, так и уголовную). И, наконец, профессиональные СМИ тоже перепечатывают новости друг у друга. Так что согласиться с тем, что между блоггерами и журналистами «огромное пространство», не представляется возможным.

Роль коммуникатора. Еще П. Лазарсфельд в 1940-х гг. говорил о важной роли в массовой коммуникации «медиатора», «лидера мнений». Н.Н. Богомолова также уделяет роли коммуникатора большое значение. Она выделяет два направления, в которых действует коммуникатор [10].

В условиях гражданской журналистики роль коммуникатора становится двойной. С одной стороны, образ блогера, получившего известность в определенном сообществе, может обладать мощной силой воздействия на аудиторию. Известный автор получает определенный «кредит доверия», его выступления могут пользоваться значительным авторитетом.

Сдругой стороны, технологическая специфика коммуникации в социальных сетях дает возможность свободного распространения информации по цепочке пользователей — так называемый «перепост» (repost, retweet) сообщения — копирование его с минимальными комментариями или вообще без таковых. В этом случае личность коммуникатора (автора, первым опубликовавшего сообщение) уже может не играть сколько-либо значимой роли или просто оказаться утерянной в процессе многократного копирования информации. В таком случае эффективность воздействия будет зависеть от количества «перепостов», которое достаточно сложно спрогнозировать.

Заслуживает внимания и изменение положения коммуникатора в гражданской журналистике по отношению к аудитории. Уже достаточно давно исследователи говорят о том, что в профессиональной журналистике фигура коммуникатора заметно отделена от аудитории, к которой он обращается. Журналист начинает ощущать некоторую элитарность своего положения из-за того, что обладает правом вещать на большую аудиторию

— правом, доступным немногим (А. Мирошниченко называет это явление «жреческим правом журналиста») [11]. Некоторые исследователи говорят даже о противопоставлении журналистом себя аудитории как серьезной дисфункции в массовой коммуникации [12]. Разумеется, отделение себя от аудитории в гражданской журналистике нивелируется: автор выступления — обычный пользователь, даже если он и имеет популярность, все равно он обладает теми же правами, что и любой другой блогер.

Некоторые исследователи говорят даже о том, что отсутствие вовлеченности гражданских журналистов в профессиональную сферу, невладение профессиональными навыками не только не вредит коммуникации, но и обогащает ее, делает более эффективной за счет ломки профессиональных стереотипов в подаче информации и за счет приближения к аудитории. Этот эффект очень важен в связи с кризисом доверия к традиционным СМИ. Так, Ш. Коронел говорит о препрофессионализме и постпрофессионализме [13] в современной журналистике, причем во втором случае имеется в виду сознательный отказ от профессиональных стандартов в работе.

Принципиально важно, что в гражданской журналистике коммуникатор не имеет настолько формализованных целей, как в журналистике традиционной. И даже если автор сообщения подразумевал конкретную цель и задачи воздействия, то сокоммуникаторы, дублирующие и комментирующие это сообщение, могут сводить желаемый эффект на нет или даже изменять его на противоположный. Таким образом, можно говорить о том, что в сфере гражданской журналистики потенциально меньше возможностей для манипуляции общественным мнением.

Вовлечение аудитории. Серьезной отличительной чертой гражданской журналистики, дающей ей новый фактор эффективности, может считаться возможность полноценного вовлечения аудитории в процесс распространения и публичного осмысления информации. То, что в традиционной журналистике называлось обратной связью, в гражданской вырастает до полноценного соучастия. И, если в Интернет-СМИ, построенных по традиционному принципу, обратная связь дорастает до двухсторонней интерактивности [14], то в гражданской журналистике это понятие зачастую не имеет смысла, так как во многих случаях нет того самого четкого разделения на источник информации и принимающую сторону. Получая сообщение, пользователь, редактируя, комментируя его или оставляя без изменений, передает его дальше. Он одновременно и адресат, и адресант — создать такую ситуацию в коммуникации позволяют технологии.

Феномен «открытых новостей». Термин «open news» [15] стал употребляться в англоязычных исследованиях в связи с тем, что любая уже существующая новость в рамках гражданской журналистики доступна для реактуализации и обсуждения любым коммуникатором. В профессиональной журналистике такая возможность сильно ограничена — журналист должен иметь для этого веские причины и информационный заказ, который формулирует далеко не всегда общество. Подчеркнем, что возможность существования «открытых новостей» — тоже результат технологический, используемых в Интернет-коммуникации.

Государственная политика. При том, что регулирование Интернет-коммуникаций и тем более последовательная государственная политика в этой сфере — больной вопрос для российской власти, неофициально поведение чиновников, как ни парадоксально, положительно повлияло на эту сферу. А именно — на эффективность гражданской журналистики в нашей стране сказался приход в нее представителей различных ветвей власти. Появление в блогосфере чиновников упростило контакт аудитории со властью, сделало выступления блогеров заметными для представителей государственных органов и потребовало от последних определенной реакции. Следовательно, информационная открытость власти — залог эффективности гражданской журналистики.

Экономические факторы. Очень важно, что по сравнению с профессиональной журналистикой, экономический фактор в нашем случае играет малозаметную роль. Это связано с тем, что подавляющее большинство гражданских журналистов не извлекают коммерческой выгоды из своих публикаций, а владельцы интернет-ресурсов (социальных сетей, блогхостингов) получают прибыль с помощью инструментов, не связанных с журналистикой (за счет размещения рекламы, предоставления платных услуг и т.п.). Таким образом, роль экономических мотиваций и ограничений в гражданской журналистике незначительна.

Взаимоотношения с социальными институтами. В отличие от профессиональной журналистики, гражданская журналистика не имеет устойчивых формализованных отношений с социальными институтами. В большинстве случаев гражданский журналист не наделен какими-либо полномочиями, приближающими его статус к профессиональному работнику СМИ, что, несомненно, создает определенные преграды в доступе к информации.

Нами был проведен мониторинг российской блогосферы (период с января 2009 г. по март 2011 г.) на предмет эффективности выступлений блоге-

ров. Под качественными критериями эффективности понимались:

- попадание информации из блогов в традиционные СМИ (для упрощения были взяты федеральные СМИ);
- реакция на сообщения блогеров представителей государственных органов, чиновников, общественных деятелей;
- реальные изменения в действительности, произошедшие после публикаций в блогах.

В итоге нами были зафиксированы следующие направления эффективной деятельности гражданской журналистики в блогосфере.

1. Информирование. Во многих случаях блогеры реагировали на события быстрее журналистов-профессионалов. Как правило, внимание гражданских журналистов привлекали происшествия. Например, блогеры активно участвовали в распространении информации при авариях на Саяно-Шушенской ГЭС в 2009 году, землетрясении в Японии в 2011 году. Их внимание привлекают и менее значительные происшествия — например, взрыв баллона с газом в январе 2010 года в Москве первым описал один из местных блогеров, ставший свидетелем ЧП.

2. Воздействие на власть и общественный контроль. Так, блогеры добились наказания для милиционера, избивавшего демонстрантов на митинге 31 июля 2010 года в Санкт-Петербурге. Общественный резонанс, вызванный публикациями в блогах, заставил Министерство образования приостановить введение реформы в средней школе, против которого высказывались большое количество педагогов и общественных деятелей. Широкий отклик находит в настоящее время деятельность российского блогера А. Навального, ставшего известным после серии публикаций о «распилах» бюджетных средств в государственных учреждениях и на предприятиях. Петербургские блогеры зимой 2010-2011 года вели активную кампанию по критике работы служб ЖКХ в городе, москвичи уличили главу Ространснадзора Геннадия Курзенкова в регулярной езде на автомобиле по встречной полосе и т.п.

3. Самоорганизация. Блогосфера используется для организации проведения гражданских акций, мероприятий, оказания коллективной помощи и т.п. Например, екатеринбургские блогеры в 2010 году помогли местному ГУВД найти преступника, сбившего на пешеходном переходе 6-летнюю девочку. Летом 2010 года во время массовых пожаров блогеры собирали пожертвования для пострадавших от стихии, то же самое происходило в 2011 году после землетрясения в Японии.

Итак, главными факторами эффективности гражданской журналистики мы можем назвать особенности образа коммуникатора, его положение по отношению к аудитории, техническую специфику коммуникации. Те условия, которые

создает гражданская журналистика, позволяя ей во многих случаях действовать эффективнее традиционной — особенно в сфере политики и общественной деятельности, что демонстрируют результаты проведенного мониторинга.

ЛИТЕРАТУРА

1. См., например : Schramm W.A. Mass Communications / W.A. Schramm. — Urbana, 1948; Lazarsfield P., Berelson B., & Gaudet H. The People's Choice / P. Lazarsfield. — New York, 1949; Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society / J. Habermas. — The MIT Press, 1991 и др.

2. См., например : Грушин Б.А. Эффективность массовой информации и пропаганды: понятие и проблемы измерения / Б.А. Грушин. — М., 1979; Свитич Л.Г. Эффективность журналистской деятельности : программа и результаты социологического исследования условий и факторов эффективности местных средств массовой информации / Л.Г. Свитич. — М., 1986; Проблемы эффективности журналистики / Под ред. Я. Засурского, З. Шумберы; Ред.-сост. Л.Г. Свитич. — М., 1990 и др.

3. См., например : Районная печать: пути повышения эффективности : Сборник статей / Отв. ред. В.М. Теплюк; Ред.-сост. Н.К. Заика. — Владивосток, 1988; Лубкович И.М. Местная печать : проблемы повышения эффективности / И.М. Лубкович. — Львов, 1989.

4. Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики / Е.П. Прохоров. — М., 2003.

5. См.: Пронин Е.И. Текстовые факторы эффективности журналистского воздействия / Е.И. Пронин. — М., 1981; Кайда Л.Г. Эффективность публицистического текста / Л.Г. Кайда. — М., 1989.

6. Дзялошинский И.М. Российские СМИ в избирательной кампании: уроки эффективности / И.М. Дзялошинский. — М., 1996.

7. Дзялошинский И.М. Проблема эффективности пропагандистской деятельности, осуществляемой при помощи СМИ / И.М. Дзялошинский. — (<http://www.dzyalosh.ru/01-comm/statii/dzyalosh-01/f-kommunik2.html>); Рязанов В.Г. Об оценке эффективности информационной деятельности / В.Г. Рязанов. — (<http://www.alanianet.ru/neokavkaz/n1/1-6.htm>); Прохоров Е.П. Эффективность деятельности СМИ по проблеме толерантности / Е.П. Прохоров. — (<http://www.dzyalosh.ru/01-comm/statii/prohorov-01.html>).

8. Hiler J. Blogosphere: The Emerging Media Ecosystem: How Weblogs and Journalists Work Together to Report, Filter and Break the News / J. Hiler. — Microcontent News: The Online Magazine for Weblogs, Webzines, and Personal Publishing. — (<http://www.microcontentnews.com/articles/blogosphere.htm>).

9. Эггардт Л.В. Блоггерство : гражданская журналистика или слухи? / Л.В. Эггардт // Вестник ВГУ. Сер. Филология. Журналистика. — 2010. — № 2. — С. 223.

10. Богомолова Н.Н. Социальная психология печати, радио и телевидения / Н.Н. Богомолова. — М. : Изд-во Моск.ун-та, 1991. — С. 57-61.

11. Мирошниченко А. Когда умрут газеты / А. Мирошниченко. — М., 2011. — С. 24.

12. Быстрицкий А.Г. Журналист contra аудитория / А.Г. Быстрицкий, М.И. Красильников // Социологические исследования. — 1993. — № 4. — С. 60-61.

13. Coronel Sh.S. The Media as Watchdog / Sh.S. Coronel. — Harvard-World Bank Workshop, 2009. — P. 9.

14. Фомичева И.Д. Социология Интернет-СМИ / И.Д. Фомичева. — М., 2005. — С. 20.

15. Bruns A. From Reader to Writer : Citizen Journalism as News Produsage / A. Bruns. — Brisbane, 2005. — P. 5.

Жолудь Р.В.

*Воронежский государственный университет.
К. ф. н., доцент факультета журналистики.
E-mail: roman@21vek.org.*

Zholud R.V.

*Voronezh State University.
PhD, associate professor the faculty of journalism.*

УДК 070.2

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ КОНКУРЕНТОВ НА МЕДИАРЫНКЕ

© 2011 А.А. Золотухин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 февраля 2011 года

Аннотация: В статье предлагается методика проведения сравнительного анализа ближайших конкурентов в сегменте рынка СМИ, который можно использовать как в ходе различных маркетинговых исследований, так и в процессе создания бизнес-плана СМИ.

Ключевые слова: конкуренция, маркетинг, бизнес-план, содержание (контент), позиционирование, потребности, цена, аудитория.

Abstract: This article shows the method of holding comparative test of the nearest competitors in the section of media market, which may be used as in the process of different market researches or as the process of making the media business-plan.

Key words: competition, marketing, business-plan, content, positioning, need, price, audience.

Комплексный анализ конкурентов на рынке СМИ (эффективность комплексному анализу конкурентов придаёт проведение его в сравнении с собственным СМИ — сравнительный комплексный анализ) должен осуществляться в процессе создания бизнес-плана СМИ, а также в период планирования и осуществления антикризисной маркетинговой кампании, которая, в свою очередь, проводится, если по тем или иным причинам снижаются экономические показатели СМИ или в информационной нише появляется новый серьезный конкурент. Комплексный анализ конкурента будет необходим и в случае, если маркетинговые исследования определяют значительное пересечение аудиторий вашего СМИ с другим средством массовой информации. Анализ конкурентов СМИ в структуре бизнес-плана впервые находим у исследователя экономики СМИ В.Л. Иваницкого. В структуре бизнес-плана редакции, предлагаемой В.Л. Иваницким, параграф «Конкуренция» входит в раздел «Анализ рынка» и дается в виде таблиц, упрощающих восприятие информации, и видоизменяющихся в зависимости от типа компаний и СМИ, дополнительных задач исследования и т.д. Исследователь предлагает несколько блоков такого анализа, связанных

с «факторами потребительского предпочтения», «внутренними операционными факторами», «распределением долей рынка» [1]. В.Л. Иваницкий предлагает лишь походы к анализу конкурентов, не претендуя на его полноту.

Основываясь на работах московских исследователей С.М. Гуревича, Е.Л. Вартановой, В.Л. Иваницкого, предложим более подробный и углубленный комплексный анализ конкурентов на медиарынке на примере сегмента печатных СМИ (конкретно-универсальных СМИ).

Комплексный анализ необходимо проводить исходя из понимания двоянного характера медиарынка, что определяется, во-первых, неразрывностью рынка СМИ и рынка аудитории, во-вторых, представлением о СМИ, как одновременно товаре и услуге [2].

Комплексный анализ конкурентов проводится в рамках опять-таки двоянного исследования. Анализируется и само СМИ, и компания-производитель.

Важнейшим блоком анализа компании-производителя является выяснение его финансово-экономических показателей и характеристик. Анализ начинается с определения финансовой базы (капитализации) предприятия и его финансовых возможностей (возможностей инвестировать бизнес). Далее определяются объе-

мы продаж, структура доходов, затраты, прибыль, как в общем по компании, так и непосредственно в рамках анализируемого продукта (СМИ). Кроме этого возможен анализ производственных и операционных факторов и анализ менеджмента.

В основе анализа собственно СМИ-конкурента лежат его маркетинговые характеристики, в том числе типологические (позиционирующие). Структурироваться анализ может на основе возможностей комплекса маркетинга: продукт, цена, продвижение, дистрибуция.

Причем возможность «продукт» исследуется и с точки зрения «товара», и с точки зрения «услуги».

До сих пор неразработанными остаются направления анализа «товара» или собственно СМИ. На наш взгляд, началом такого анализа будет определение качественных характеристик потребителя СМИ и характера его бренда (репутационная история). Другими основными направлениями и факторами анализа будут: функциональная и тематическая направленность СМИ, а также известные типологические характеристики, такие как внутренняя и жанровая структура, дизайн. Чрезвычайно важен и анализ сердцевинной составляющей товара — его контента.

С точки зрения «услуга» СМИ-конкурент анализируется по двум основным критериям: характеристики потребителей услуг (рекламодателей) и качества рекламного контента.

Анализ ценовой политики, продвижения и дистрибуции СМИ-конкурента в основном осуществляется по законам и алгоритмам, приме-

няемым на любом другом рынке товаров и услуг.

Комплексный анализ конкурентов СМИ и конкурентов-компаний, исходя из набора задач в каждом конкретном случае, может состоять из разного количества анализируемых блоков и факторов. В целом структура комплексного анализа конкурентов на медиарынке может состоять из следующих разделов:

I. Маркетинговый анализ

СМИ — как товар/услуга (анализ позиционирующих характеристик товара, потребительских свойств и т.д.):

Заметим, что основные позиционирующие характеристики товара СМИ имеют многоуровневую структуру. Первый уровень — первооснова и единица продукции — журналистский материал. Далее следуют номер газеты или журнала, набор, подшивка номеров и, наконец, репутация СМИ, отражающаяся в его торговой марке или бренде. В случае со СМИ практически невозможно сказать, что потребитель платит за отдельный номер газеты или журнала. В подавляющем большинстве случаев он платит за бренд, за его репутационную историю, созданную журналистскими материалами определенного качества.

Качество содержания, контента — это то, что, безусловно, определяет основные потребительские свойства товара в целом. Между тем, качество контента, его потребительские, маркетинговые свойства — этот вопрос в теории журналистики остается сложным и глубоко не разработанным.

Таблица 1
СМИ как товар

Фактор	Ваше СМИ (компания)	Конкурент 1	Конкурент 2	Конкурент 3
Основные характеристики потребителя аудитории (географические, демографические, социальные, психографические и т.д.)				
Характер бренда (репутационная история)				
Функциональная направленность продукта и её особенности (для удовлетворения каких-потребностей используется, сочетания и нюансы функций)				
Тематическая направленность (связана с функциональной)				
Внутренняя структура (набор рубрик)				
Набор жанров				
Качество контента				
Качество дизайна				

Попробуем определить характеристики контента конкурирующего СМИ, которые можно более или менее четко, а иногда используя и количественные показатели, определить, как важные в позиционировании и конкурентной борьбе. Безусловно, качество контента конкурентов связано с качеством его творцов — прежде всего журналистов — создателей продукта, а также с определением его формата, который в последнее время закрепляется в основных редакционных документах, например, в так называемой *stylebook* — «книге стилей».

Из характеристик СМИ анализу и подсчету может быть подвергнута, например, заявленная и реализуемая полнота информации (она может быть обозначена в формуле — например, знаменитая формула NYT — «все новости, достойные печати» — и в формате СМИ), заявленные темы и ньюсмейкеры, «циклические публикации» и реализация этих программных заявлений и т.д.

Исследователям, видимо, еще предстоит определить необходимый и достаточный набор характеристик контента, с помощью которого его можно исследовать для различных, сугубо прагматических задач. Для комплексного анализа конкурирующих СМИ такими «разнородными», но непосредственно связанными с качеством контента, характеристиками могут быть:

- соотношение разных типов и видов контента: вербального и визуального; своего (подготовленного внутри редакции) и чужого; локального, регионального, национального, глобального и т.д.;
- сравнительный анализ авторского состава СМИ: основных штатных журналистов и колумнистов;
- особенности характера (формата) контента, закрепленные в документах и реализуемые;
- широта и глубина «информационного забора» (количество и качество ньюсмейкеров и информаторов);
- оперативность и полнота освещения «повестки дня» в сравнении с основными конкурентами;
- частота появления эксклюзивных тем и уровень их сенсационности.

Мы обозначили возможный перечень характеристик. Еще раз подчеркнем, что его широта и глубина будет определяться как непосредственными задачами исследования, так и типом исследуемых СМИ. Если набор характеристик в этих исследованиях будет вариативен, то их основная методика — более определена. Очевидно, что в ее основе будет лежать контент-анализ конкурирующих СМИ.

Таблица 2
СМИ как услуга

Фактор	Ваше СМИ	Конку- рент 1	Конку- рент 2	Конку- рент 3
Характеристики потребителей услуг (рекламодателей)				
Качество рекламного контента				

Заметим, что определение необходимых характеристик рекламного контента в рамках сравнительного анализа конкурентов — вопрос, также требующий отдельного исследования.

1.1. Цена — ценовая политика

Таблица 3
Товар

Цены	Ваше СМИ	Конку- рент 1	Конку- рент 2	Конку- рент 3
Каталожные цены				
Подписные цены				
Отпускные цены				
Розничные цены				
Цены с учётом полных затрат				

Таблица 4
Услуга

Цены	Ваше СМИ	Конку- рент 1	Конку- рент 2	Конку- рент 3
Прямая (блочная) реклама				
Строчная реклама				
Косвенная (имиджевая) реклама				
Действующая система наценок и скидок				

1.2. Продвижение (стимулирование) — всевозможная деятельность по распространению сведений о достоинствах своего товара и убеждению целевых потребителей покупать его — характеристики, сведения о маркетинговых действиях и кампаниях.

Таблица 5
Товар

Методы продвижения	Ваше СМИ	Конкурент 1	Конкурент 2	Конкурент 3
Реклама				
Коммерческая пропаганда (publicity — паблисити)				
Стимулирование сбыта (sales promotion — сейлс промоушен)				
Личная продажа (personal sales)				

Таблица 6
Услуга

Методы продвижения	Ваше СМИ	Конкурент 1	Конкурент 2	Конкурент 3
Реклама				
Коммерческая пропаганда (publicity — паблисити)				
Стимулирование сбыта (sales promotion — сейлс промоушен)				
Личная продажа (personal sales)				

Естественно, в продвижении услуги приоритетное направление — личные продажи, следовательно в этом компоненте чрезвычайно важным становится качество менеджеров по продажам рекламных возможностей.

1.4. Дистрибуция (место, каналы, методы сбыта) — всевозможная деятельность, благодаря которой товар становится доступным для целевых потребителей.

Таблица 7
Товар

Каналы	Ваше СМИ	Конкурент 1	Конкурент 2	Конкурент 3
Подписка				
Оптовые торговцы				
Мелкооптовые торговцы				
Розничные сети				
Бесплатное (бесплатное целевое) распространение				

Очевидно, характеристика «дистрибуция» связана прежде всего с товаром. Каналы доступа к услуге связаны прежде всего с «человеческим фактором» — профессионализмом менеджеров.

Маркетинговый анализ в структуре комплексного анализа конкурентов на медиарынке — определяющий, но не единственный. Кроме него, на наш взгляд, необходим сравнительный анализ следующих блоков.

II. Анализ производственных факторов

Таблица 8

Факторы	Ваше СМИ	Конкурент 1	Конкурент 2	Конкурент 3
Основные поставщики				
Основные материалы				
Производственное оборудование (допечатное, печатное — собственное, арендованное, наёмное)				
Технологическая компетентность персонала				
Производственная логистика				
Система контроля за качеством продукции				

III. Анализ менеджмента

Таблица 9

Факторы	Ваше СМИ	Конкурент 1	Конкурент 2	Конкурент 3
Организационная структура (схема построения компании, система ответственности, центры финансовой ответственности)				
Оценка ключевых менеджеров, управляющих компанией и ее подразделениями (образование, опыт, успехи, сильные и слабые стороны, сферы ответственности)				
Источники и способы привлечения специалистов				
Система обучения специалистов				
Заработные платы и иные формы вознаграждения, обеспеченность социальным пакетом				

IV. Сравнительная оценка основных финансовых показателей (необходимо оценить финансовые показатели как непосредственно конкурирующих СМИ, так и компаний-конкурентов в целом).

Показатели	Ваше СМИ	Конку- рент 1	Конку- рент 2	Конку- рент 3
Объемы продаж				
Структура доходов (продажи тиража, рекламы и т.д.)				
Прибыль				
Затраты				
Себестоимость				
Бюджет маркетинга				

Для оценки финансового состояния компании-конкурента можно ввести такие показатели, как стоимость активов, капитализация, финансовые возможности (возможности инвестировать бизнес) и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иваницкий В.Л. Бизнес-план редакции. Методические рекомендации по составлению и реализации бизнес-планов редакции / В.Л. Иваницкий. — М., 1999.

2. Вартанова Е.Л. Медиаэкономика зарубежных стран : Учеб. пособие / Е.Л. Вартанова. — М. : Аспект Пресс, 2003; Основы медиабизнеса : Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. Е.Л. Вартановой. — М. : Аспект Пресс, 2009.

*Золотухин А.А.
Воронежский государственный университет.
Кандидат филологических наук, доцент кафедры
теории и практики журналистики факультета
журналистики ВГУ.
e-mail: zolotukin@yandex.ru*

*Zolotukhin A.A.
Voronezh State University.
PhD, The theory and practice of journalism chair, docent.*

УДК 070.1(470)

ЭТИЧЕСКИЕ СТАНДАРТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ: АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ

© 2011 А.С. Маслов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 9 октября 2010 года

Аннотация: Статья посвящена изучению и стандартизации этической деятельности журналистов на региональном уровне, в том числе на примере конкретных случаев нарушения этических стандартов региональными СМИ, вопросам определения сущности понятия «этическая политика» СМИ, механизмам регулирования региональных СМИ.

Ключевые слова: этические стандарты, профессиональная мораль, нормы журналистской этики, принципы, нормы и правила профессиональной морали, позиция журналиста.

Abstract: The article is devoted to studying and standardization of the journalists' activity on the regional level. The examples of concrete cases of the offence against ethical standards by regional mass media, the problem of definition the notion «ethical policy» of mass media, the mechanism of regional mass media's regulation are taken up.

Key words: Ethical standards, the professional morals, the standards of journalistic morals, the principles, standards and the rules of professional morals, the journalist's position.

Процесс журналистского труда, а главное, его результат, так или иначе, затрагивает область этики и морали. О профессиональной пригодности человека к журналистике нельзя судить без учета его нравственных качеств, которые для этого вида труда имеют не меньшее значение, чем квалификация. Мы полагаем, что профессиональное практически всегда выступает в журналистике как моральное, и наоборот.

Проблема этики и этических стандартов в настоящее время находится в центре внимания теоретиков и журналистов-практиков. Среди последних работ можно назвать диссертации А.А. Юркова [19], А.Ю. Колянова [5], Г.М. Нуруллиной [11]. В них, в частности, описаны основные нравственные критерии различных направлений профессиональной журналистской деятельности и выделены приоритетные конвенциональные этические нормы. Однако многие вопросы до настоящего времени относятся к разряду дискуссионных. До конца не изучена региональная

специфика в данной области. Поэтому вполне объяснимо, что вопросы изучения и стандартизации этической деятельности журналистов приобретают, в том числе на региональном уровне, все большую актуальность.

Нельзя не согласиться с Г. Лазутиной [7, 13-21], которая считает, что именно отношение к продукту деятельности является основным профессионально-нравственным отношением, поскольку в нем проявляется принципиальное совпадение интересов любой профессиональной группы и общества, определяющее характер их взаимодействия. С одной стороны, любая деятельность вызывается к жизни общественной потребностью в ее продукте, следовательно, общество озабочено поддержанием этой деятельности. С другой стороны, будучи заказчиком продукта, общество озабочено и его качеством, что естественным образом влияет на статус производящей его деятельности, престиж профессии, благосостояние ее представителей. Для того чтобы обеспечить интересы обеих сторон, только добросовестного отношения к труду, за-

даваемого моральной установкой индивида, не достаточно. Необходима «страховка» качества продукта со стороны профессиональной группы: она выступает как гарант благополучия и для всей группы, и для каждого ее члена. Функцию такой «страховки» берет на себя профессиональная мораль. Применительно к журналистике, именно она ориентирует сотрудников редакций СМИ на стандарты профессионального поведения, проверенные опытом деятельности и реакциями общества.

Если этика — это философская наука, посвященная общим принципам морали и принимаемым людьми нравственным решениям, то журналистская этика — понятие, которым обозначается изучение и практическое применение стандартов профессионального поведения в журналистике, специфика возникающего при этом нравственного выбора.

Б.Н. Лозовский в работе «Журналистика: краткий словарь» [8] определяет профессиональную этику журналиста как область этики, изучающей нормы, правила, стандарты творческого поведения в журналистской среде, одну из форм саморегулирования профессиональной деятельности, где субъектом и объектом одновременно выступает профессиональное журналистское сообщество (в отличие от других форм контроля, где субъектами регулирования выступают государство и общество). Следовательно, вместо внешних принуждений государства к «профессионально правильному» исполнению обязанностей (в виде законодательных норм) и требований общественности (в виде протестов, согласия/несогласия, предложений, жалоб и т.п.) основу внутрицехового морального регулирования составляет осознанное намерение журналистов исполнять нормы и правила, выработанные внутри корпорации. Профессионально-этическому регламентированию подвергаются взаимоотношения журналистов с владельцами, учредителями, органами власти, аудиторией, источниками информации, героями (персонажами) материалов, аудиторией, коллегами и т.д.

С точки зрения стандартизации региональной журналистики важно, что в профессиональной этике журналиста выделяют два уровня: теоретический — выражение сущности и специфики профессиональной морали и нормативный, который концентрирует в себе изучение и обоснование практических рекомендаций, конкретных нравственных правил, которые и нашли свое воплощение в журналистских этических кодексах. Кроме того, следует учитывать, что требования этики находят воплощение и становятся правилами в тех ситуациях, которые регулярно возникают в отношениях между журналистом и

аудиторией, журналистом и источником информации, журналистом и персонажем его произведения, журналистом и властью, журналистом и редактором, журналистом и коллегами и т.д.

Следовательно, могут быть выделены действия журналиста, определяемые профессиональной этикой (связанные с его деятельностью в социальной среде), и действия, определяемые служебной этикой журналиста (связанные с его поведением в профессиональной журналистской среде). В ходе акционирования российских СМИ экономика информационного производства оказалась тесно связана с экономикой производства материального. Это поставило прессу в зависимость от крупных промышленных и финансовых структур, что вызвало, как минимум два негативных последствия. Во-первых, гипертрофированные товарные отношения в сфере журналистики повлекли за собой ориентацию на доходность любой ценой и, следовательно, — резкое «пожелтение» изданий, теле- и радиоканалов как на национальном, так и на региональном уровне. Во-вторых, СМИ стали активно использоваться в борьбе конкурирующих экономических группировок и политических сил, что положило начало росту ангажированности и коррумпированности среди журналистов. В этих условиях соответствие журналистики (в том числе на региональном уровне) профессиональным нравственным стандартам приобретает особую значимость. По сути дела именно такое соответствие должно рассматриваться как одно из основных условий, при которых журналистика может стать значимой общественной силой, вернув авторитет сограждан и существенно улучшив качество адресуемых им массовых информационных потоков.

Журналистская этика, как никакая другая, имеет свои особенные нормы. Среди них можно выделить:

- полный учет деталей и обстоятельств, при которых происходят события;
- свобода журналиста от односторонности, предубежденности;
- честность в изложении фактов, объективность в комментариях;
- соблюдение правил анонимности источников информации;
- участие в общественных и политических событиях только согласно установленным правилам редакции;
- беспристрастное соотношение всех «за» и «против», возникающих по мере знакомства с ситуацией;
- особая осторожность в использовании материалов и данных, связанных с личной жизнью человека.

Изучение этических стандартов региональной журналистики должно, по нашему мнению, осуществляться на основе анализа соответствия перечисленным выше нормам.

Моральное регулирование, в отличие от правового, не подкрепляется, как известно, силой общественных учреждений. Однако профессиональные кодексы составляют в этом отношении некоторое исключение. Они поддерживаются не только общественным мнением и силой привычки: за соблюдением журналистом правил поведения следят и редакционный коллектив, и Союзы журналистов, и советы по профессиональной этике. Другими словами, существуют определенные социальные институты, которые вправе принимать санкции к нарушителям профессиональной нравственности. При всем разнообразии нормативных документов в этой сфере на региональном уровне, они в значительной мере ориентированы на общероссийскую и мировую практику.

В этой связи интересен опыт работы Общественной коллегии по жалобам на прессу, рассматривающей, в том числе, и жалобы о нарушении журналистами этических стандартов [13]. Общественная коллегия по жалобам на прессу ведет специально организованную, систематическую деятельность, следит за соблюдением этических, нравственных требований профессии (однако надо учитывать, что наблюдение Коллегии за нарушениями журналистской этики происходит лишь по запросу заявителя).

Показательно, что в ряде случаев даже официальные лица предпочитают обращаться не в суд, а апеллируют к мнению общественности. Например, в сентябре 2010 года на совместном заседании Саратовской региональной коллегии Большого жюри и Правления регионального отделения Союза журналистов России было рассмотрено обращение главы Марковского муниципального района Ю.Моисеева в связи с публикациями журналиста С. Гайсина в газете «Огни Поволжья». На заседании обе стороны смогли выступить, ответить на вопросы, в том числе и друг к другу. Главный вывод, к которому пришли участники заседания состоит в том, что «есть нечто большее, чем просто человеческие амбиции — это законы общества, которые требуют уважать права другого человека, ради благой цели искать партнеров и союзников, быть профессионалом, корректировать формы и методы работы» [10].

Интересен анализ всех дел, которые были приняты к рассмотрению за время существования Общественной коллегии с 2005 по 2009 годы (52 дела) [17]. Среди наиболее частотных нарушений могут быть названы: неотражение позиций всех

заинтересованных сторон (62,5 % от выявленных Коллегией нарушений), тенденциозность (25 %), неуважение чести и достоинства (16,7 %), поверхностный подход журналиста к подготовке материала (16,7 %), дискриминация по национальному признаку (12,5 %), дискриминация по религиозному принципу (12,5 %).

Итак, неотражение позиций всех заинтересованных сторон — наиболее частое нарушение профессиональной этики журналиста в практике Общественной коллегии по жалобам на прессу. Норма, обязывающая журналиста отражать позиции всех заинтересованных сторон, выражается в различных правилах профессии. Во-первых, когда журналист подвергает кого-то критике, он должен получить разъяснения от объекта критики. Во-вторых, когда в издание поступает опровержение на уже вышедший в свет материал, оно обязано опубликовать это опровержение. «Уважение правды и права общества знать правду — первоочередной долг журналиста», гласит Декларация принципов поведения журналиста Международной федерации журналистов [3]. В Кодексе профессиональной этики российского журналиста говорится, что журналист «прилагает все силы к тому, чтобы избежать нанесения ущерба кому бы то ни было ее неполнотой или неточностью, намеренным сокрытием общественно значимой информации или распространением заведомо ложных сведений», «журналист отвечает собственным мнением и репутацией за достоверность всякого сообщения и справедливость всякого суждения, распространенные за его подписью, под его псевдонимом или анонимно, но с его ведома и согласия» [4].

С точки зрения анализа практики деятельности региональных СМИ, нам представляется важным обобщение Коллегии относительно неполноты предоставляемой журналистом информации: «Показывая тот или иной конкретный конфликт, ... журналист должен проявить достаточно широкое понимание общепризнанного профессионального требования предоставить слово всем его участникам. Необходимо помнить, что информация, исходящая от каждой из сторон, может не только не соответствовать действительности, но и иметь целью унижение другой стороны, победу над ней, нанесение ей ущерба и моральных страданий. В результате ... складывается ситуация обоюдной односторонности, которая, разумеется, далека от объективной, глубокой и всесторонней картины конфликта» [17]. Неотражение позиций всех заинтересованных сторон связано с тенденциозностью и может являться ее причиной, либо следствием.

Что касается тенденциозности, то понимая ее как предвзятость или необъективность, отме-

тим, что необъективность позиции автора может быть злонамеренной (и тогда он злоупотребляет профессиональным статусом журналиста) и непреднамеренной. Во втором случае необоснованная позиция может сформироваться из-за ошибок на этапе сбора материала. Норма честного сбора информации закреплена во втором пункте международной Декларации принципов поведения журналиста. Кодекс профессиональной этики российского журналиста подробно раскрывает значение этой нормы: «Журналист распространяет и комментирует только ту информацию, в достоверности которой он убежден и источник которой ему хорошо известен. Он прилагает все силы к тому, чтобы избежать нанесения ущерба кому бы то ни было ее неполнотой или неточностью, намеренным сокрытием общественно значимой информации или распространением заведомо ложных сведений» [4]. Мы полагаем, что тенденциозность и пристрастность нельзя считать полными синонимами. В своей профессиональной деятельности журналист не обязан быть нейтральным и беспристрастным. Тогда как тенденциозность может быть определена как необъективность, выраженная в сращивании фактов и мнений. Поэтому мы поддерживаем рекомендации Общественной коллегии: «журналист не обязан занимать в конфликте с выраженным общественным интересом позицию «над схваткой», пытаться «равномерно» освещать или «сбалансировано» представлять позиции сторон конфликта, не выражая собственного отношения к ним. Нормы профессиональной этики журналиста устанавливают лишь такие обязанности журналиста и СМИ, как: предоставлять аудитории достоверную, точную, проверенную информацию в том, что касается фактов; быть честным, излагая мнения; отделять факты от мнений» [17].

К такому виду нарушений как «неуважение чести и достоинства» могут быть отнесены оскорбления не только личной, но и деловой чести (порочение деловой репутации). Например, в газете «Комсомольская правда – Нижний Новгород» был опубликован материал «Кто убил бомжих-лесбиянок?» (28 июня 2005 года). Он посвящен факту убийства двух женщин без определенного места жительства. В конце текста читателям предлагалось угадать, кто был убийцей, чтобы выиграть приз за самую интересную версию. В решении по этому делу Общественная коллегия по жалобам на прессу отметила, что «превращение факта убийства двух женщин без определенного места жительства в тему для детективно-развлекательного конкурса среди читателей и посетителей сайта выходит далеко за рамки допустимого», а также, что «акценти-

руя внимание аудитории на нетрадиционной сексуальной ориентации, якобы имевшейся у жертв преступления, редакция фактически спровоцировала всплеск ксенофобии среди своих читателей» [17].

Норма уважения чести и достоинства в журналистике существует в Кодексе профессиональной этики российского журналиста: «Журналист уважает честь и достоинство людей, которые становятся объектами его профессионального внимания» [4] и в Декларации принципов поведения журналиста Международной федерации журналистов: «Журналист должен считать серьезными профессиональными нарушениями: ... клевету, оскорбление, необоснованное обвинение» [3].

В практике Общественной коллегии по жалобам на прессу встречаются различные виды дискриминации: по национальному, религиозному, социальному признакам, по сексуальной ориентации и т.д. И это несмотря на то, что недопустимость дискриминации по каким-либо признакам содержится в этических кодексах. Например, в Кодексе профессиональной этики российского журналиста написано, что «выполняя свои профессиональные обязанности, он противодействует экстремизму и ограничению гражданских прав по любым признакам, включая признаки пола, расы, языка, религии политических или иных взглядов, равно как социального и национального происхождения» [4]. Более широкий список дискриминационных признаков приведен в международной Декларации принципов поведения журналиста: кроме перечисленных выше, он включает следующее положение: «Журналист должен отдавать себе отчет в той опасности, которую таит в себе призыв к дискриминации, распространенный через СМИ, и должен сделать все возможное для того, чтобы избежать даже невольного стимулирования дискриминации на основе расы, пола, сексуальной ориентации, языка, религии, политических или иных взглядов, национального и социального происхождения» [3].

К такому виду нарушений как «поверхностный подход журналиста к подготовке материала», по нашему мнению, могут быть отнесены такие случаи, когда имеет место публикация непроверенной информации или несоответствие выводов излагаемым фактам, а также тогда, когда редакция не принимает достаточных мер, чтобы несовершеннолетние герои публикации не были узнаны.

Важно, что поверхностный подход журналиста при подготовке материала нарушает не только профессиональную, но и трудовую мораль. А если не выполнены элементарные нормы трудовой морали, то нельзя говорить о профессиональном, этически верном отношении к работе.

Исследование этических стандартов журналистики в региональном аспекте должно строиться с учетом дифференциации таких понятий как *п р и н ц и п ы*, *н о р м ы* и *п р а в и л а* профессиональной морали. Принципы задают общее содержание характера исполнения журналистского долга (объективность, гуманизм, толерантность и т.д.). Нормы и правила в форме запретов, дозволений, требований, ограничений, стандартов и образцов находят воплощение в хартиях, кодексах, уставах, правилах и т.п. документах.

Процесс кодификации норм поведения журналиста и внутригруппового контроля за их соблюдением можно рассматривать как постоянную борьбу за единство профессионально-нравственной позиции в рядах журналистов, а вместе с тем — за незыблемость общественного значения журналистики, за высокий престиж и авторитет профессии. Этот процесс может показаться на первый взгляд формальным, так как разрыв между кодексами и реальным поведением журналистов существовал и будет существовать всегда. Однако именно в нем проявляется сущность профессиональной морали как особого звена в системе моральной регуляции социума: в отличие от моральных отношений в целом, профессионально-нравственные отношения предполагают институционально организованное вмешательство профессиональной общности в поведение ее членов.

Нам представляется важным, что в ходе научных исследований было осуществлено разграничение понятий «мораль», «нравственность» и «этика» в рамках нравственной парадигмы творчества журналиста, а субъективность определена как естественное свойство личности журналиста. Знаковым является и акцент на решающем значении личного выбора журналистом этической позиции в качестве основополагающего резерва нравственного оздоровления СМИ [19, 5].

Региональные СМИ существуют в условиях определенной информационной среды и, одновременно, сами участвуют в формировании этой среды. При этом информационная среда представляет собой совокупность социально-экономических, политических и культурных условий существования социума. Современный человек погружен в сложную коммуникативную ситуацию, что обусловлено глобализацией информации, интенсивным распространением новых видов связи, расширением и качественным обновлением мультимедийного пространства. «Массовые коммуникационные процессы изменяют не только стиль жизни человека, но и его психотип» [2, 3].

Могут быть выделены и описаны два основных фактора, определяющих состояние информационной среды на региональном уровне. В пер-

вую очередь, это особенности государственного и общественного устройства, обуславливающие особенности существования его граждан. Кроме того, это развитость и открытость информационного пространства в конкретном регионе. Оба этих фактора с неизбежностью определяют тематические, содержательные, фактологические, жанровые, технологические и т.п. параметры журналистских материалов.

Исследователи начала XXI века справедливо полагают, что журналистика становится регулирующим посредником между субъектами массовой коммуникации [19, 9]. Публицистика в СМИ, реализуя коммуникативную функцию, формирует концептуальную массовую информацию и отличается активной авторской позицией. Налицо актуализация публицистического способа освоения информационной среды.

В научном сообществе не вызывает споров постулат, что нравственную основу творческой деятельности журналиста и меру ее социальной ответственности определяет выбор целей этой деятельности. Причем механизм этого выбора и типология целей не зависят от того, на каком уровне (региональном или национальном) работает журналист.

Мы считаем правомерным выделение следующих *ц е л е й* в соответствии с разными типами профессионального поведения.

Первая цель — управление сознанием и поведением людей. Журналист, ориентированный на эту цель, стремится убедить аудиторию действовать определенным образом или внушить ей определенные модели поведения. При этом аудитория выступает в качестве объекта действия журналиста.

Вторая цель — информирование аудитории о том, что происходит в окружающей действительности. Внутренняя мотивация журналиста при этом — стремление поделиться знаниями и впечатлениями. Аудитория выступает как партнер журналиста по общению. Причем журналист не собирается менять установки аудитории, он лишь предлагает ей некое знание (мнение), не всегда интересуясь, какие выводы сделает аудитория или какие действия предпримет, получив эту информацию.

Третья цель — стремление вместе с аудиторией разобраться в стоящих перед обществом проблемах и найти способы их решения. В этом случае журналист психологически размещает себя внутри аудитории. Подобная психологическая установка единения определяет профессиональное поведение журналиста.

Без сомнения, может быть выделена и четвертая цель — заработать как можно больше денег, предоставляя аудитории тот информационный продукт, те впечатления и образы, за которые она готова платить.

Выбор цели влияет на выбор средств, с помощью которых она должна быть достигнута. В самом обобщенном смысле могут быть выделены и описаны три комплекса средств, соответствующих определенному типу профессиональной деятельности журналиста.

К первому относятся все варианты предписания отношения к происходящему или образа действия. Ориентация на этот тип профессиональной деятельности предполагает, что главным содержанием текста является некий алгоритм поведения без указаний на возможность других «прочтений» ситуации, снабженный минимальным количеством аргументов в пользу принятия именно этого алгоритма. Подобного рода средства работают на уровне массового сознания.

Второй подразумевает обращение к более или менее консолидированной группе, имеющей достаточно устойчивые представления о нормах поведения. Приказы и предписания воспринимаются такой группой негативно. При этом информация о способах и нормах поведения представителей других групп воспринимается с интересом. Главным содержанием текстов, ориентированных не на массы, а на группы, должны быть оригинальные (иногда — экстравагантные) нормы жизнедеятельности и преодоления жизненных препятствий.

Третье — мысль, идея, проект. Главным в тексте при этом должны стать уникальная мысль или неповторимое переживание.

В любом случае выбор цели определяющим образом влияет на остальные параметры профессионального поведения. Целями могут выступать стремление максимально выгодно продать информационный продукт, манипулировать общественным сознанием, или (что соответствует этическим стандартам журналистики) — разобраться в общественно значимых проблемах и определить пути их разрешения. От этих целей зависит нравственная составляющая творчества журналиста.

Понимание этических стандартов современной журналистики невозможно без определения понятия «позиция журналиста». Словарь Ожегова трактует «позицию» как точку зрения, мнение в каком-либо вопросе [13, 538], социологический энциклопедический словарь добавляет к этому определению: «...определенная оценка факта, события; устойчивая система отношений человека к действительности, проявляющаяся в соответствующем поведении и поступках» [18, 298]. В трактовке Д.С. Аврамова субъективно жизненная позиция совпадает с позицией нравственной, для человека позиция — это он сам. В структуре позиции присутствуют мировоззренческие принципы,

обобщенные знания, идейно-политические и нравственные убеждения. Причем синтезатором всегда выступает нравственность [1].

Мы предлагаем следующее определение понятия «позиция журналиста»: это составляющая часть мировоззрения, предполагающая наличие системы поведения журналиста и включающая его нравственные ориентиры и осознанную ответственность. Свою позицию журналист выражает в публикациях, которые являются достоянием многочисленных аудиторий. Следовательно, его позиция неразрывно связана с проблемой социальной ответственности.

Проведенный нами анализ свидетельствует о том, что этические и профессиональные стандарты на региональном уровне не всегда соблюдаются современными журналистами. Например, в декабре 2006 года в «Новой газете» в Воронеже была опубликована статья «Дума и чувство юмора», которую региональное жюри по информационным спорам признало некорректной, нарушающей нормы профессиональной этики российского журналиста. Стиль заметки носит иронический характер, но попытка автора иронизировать выглядит неудачно и неостроумно. Анонимность материала лишь усугубляет факт публикации в отсутствие достоверных фактов. Эти моменты отмечены в Решении № 2 Регионального Жюри по информационным спорам Воронежской области «Об обращении Воронежской городской Думы в связи с публикацией в «Новой газете» в Воронеже» (г. Воронеж, 8 февраля 2007 года). Характерно, что ни автор публикации, ни редактор не приняли приглашения участвовать в заседании Жюри и представить свою позицию по возникшим со стороны городской Думы претензиям. С другой стороны, есть немало примеров, когда обвинения журналистов, высказанные в публикациях в адрес органов власти или должностных лиц аргументированы и не могут быть признаны неэтичными. Так, по решению Европейского суда по правам человека (Решение принято 10 июля Палатой из 7 судей, оглашено в Страсбурге и опубликовано на сайте Европейского суда 31 июля 2007 года) публикация курского журналиста В. Чемодуров «Двенадцать стульев из гарнитура губернатора, или Как «испарился» из областного бюджета еще один миллион долларов» была признана соответствующей этическим и правовым стандартам, а претензии губернатора к автору необоснованными.

Бесспорно, что современные СМИ оказывают значительное влияние на общество, так как они являются сегодня фактически единственной

системой (интеллектуальной и материальной), обеспечивающей условия, необходимые для реализации широкомасштабных коммуникативных обменов. «Средства массовой информации, независимо от того, традиционные они или новейшие, являются проводниками и сигнификаторами воли инициатора манипулятивного воздействия» [6, 3].

В свое время М. Маклюэн отмечал, что СМИ создают особую реальность, характеризующуюся мозаичностью информационной картины мира [9, 116-129]. Эта реальность в той или иной степени воспринимается аудиториями как действительность. Масс-медиа влияют на мировосприятие людей, их настроение, культуризацию, социализацию. Особенно важна эта проблема в региональном аспекте, так как местные СМИ воспринимаются аудиториями как «свои», не понаслышке знающие проблемы, волнующие жителей конкретной территории. Именно поэтому соблюдение этических стандартов в этой сфере крайне важно. СМИ несут ответственность за правдивость и достоверность сообщений, и, по большому счету, нравственную адекватность информирования общества.

Следование журналистской этике предполагает необходимость выбора, согласующегося с правилами и принципами профессии, соответствующими этическому кодексу. Причем, нравственный выбор журналиста предполагает определенную свободу в принятии решения, так как невозможно определить норму, подходящую ко всем случаям жизни. Разумеется, некоторые этические нормы и принципы кодифицированы и определены законодательно. В этих случаях государство требует от граждан следования конкретным правилам. Журналистская этика подразумевает больше индивидуальной свободы. Особенность журналистики состоит в том, что она, предполагая множество стандартизованных приемов, определяет мало абсолютных правил. В силу этого до сегодняшнего дня не существует окончательного определения поведения журналиста, которое можно было бы назвать стопроцентно «этичным».

Процесс кодификации этических норм журналистики, в том числе и на региональном уровне, выразился в следующем.

Во-первых, был определен перечень профессионально-нравственных представлений, в которых отражались объективно сложившиеся обязанности журналистики в обществе и необходимые качества продукции журналистики, о чем свидетельствует содержание различных профессиональных кодексов.

Во-вторых, определились алгоритмы действий профессиональной морали и формы влияния профессиональной общности на своих членов.

В-третьих, обозначился профессионально-нравственный облик журналиста.

Этические кодексы могут быть разделены на институциональные и производственные (в зависимости от их отношения к журналистскому сообществу), «упрощенные» и «усложненные» (по структурному принципу); кодексы в форме «кredo» и нормативные документы, подробно излагающие принципы работы для сотрудников конкретного издания.

Индивидуальное сознание воспринимает профессиональную мораль не как нечто абсолютное. Напротив, оно сопоставляет ее нормы с общими требованиями нравственности, которые индивид усваивает еще до приобщения к профессии. На первый взгляд, требования профессиональной морали представляются общеизвестными истинами. Мы полагаем, что анализ норм и ценностей профессиональной морали происходит только с учетом собственного опыта исследователя. Единство изучения требований журналистской этики с осмыслением практического опыта и приобщением к непосредственной работе в редакции — наиболее результативный путь освоения начинающим журналистом профессиональной морали.

Этические нормы профессиональных организаций дают только общие принципы и предписания, в них не указано, как вести себя в конкретных обстоятельствах. Поэтому зачастую журналист просто не может найти в подобных документах алгоритм решения для своих проблем. Практически единственное, что может ему помочь — это знание того, что может быть названо этической политикой редакции.

Мы полагаем, что «э т и ч е с к а я п о л и т и к а» представляет собой разумное управление вопросами нравственности и морали, которое принято в том или ином сообществе. В случае со средствами массовой информации этическая политика непосредственно касается вопросов соблюдения профессиональной этики журналиста.

Этическая политика включает в себя правила и нормы, установленные конкретной редакцией, а также знания в области профессионального поведения, полученные в результате каждодневной работы журналиста, руководства редакции и омбудсмана.

Этическая политика может также рассматриваться как направление, согласно которому построена работа редакции. От выбранной этической политики зависит то, как работники данного издания будут решать свои профессиональные задачи или конфликты, связанные с этическими вопросами.

Этическая политика издания — сложное понятие, которое базируется и на теоретических,

и на практических основах деятельности журналиста. Заметное влияние на формирование этической политики оказывают судебные дела, а также ошибки в работе редакции и журналистов.

Мы считаем необходимым подчеркнуть, что нормы профессиональной морали обладают различной степенью общности. Одни дают специалисту минимальную ориентацию в пределах частной ситуации (например: «при правке нельзя искажать смысл читательского письма»). Другие требования носят более общий характер, но при этом оставляют журналисту больше самостоятельности (например, требование следить, чтобы материал не затрагивал интересы третьих лиц). Эти предписания общего порядка, выходящие за рамки частной ситуации, могут быть названы «**п р и н ц и п а м и п р о ф е с с и о н а л ь н о й м о р а л и**». Они не совпадают с «**п р и н ц и п а м и н р а в с т в е н н о с т и**» (для журналиста — принципы правдивости, объективности, приверженности свободе слова и др.). Применяясь в массе сходных случаев, общие принципы впитывают опыт типичного поведения, конкретизируются и приобретают способность ориентировать журналиста в тех или иных ситуациях. Основные принципы нравственности, которыми руководствуется журналист в своей деятельности, закреплены в профессиональных кодексах.

Профессиональная мораль не разрешает противоречия, а находит компромиссы, согласовывая взаимные интересы противостоящих сторон. Опыт согласования этих интересов фиксируется в профессионально-нравственных нормах поведения специалиста. Формирование профессионально-нравственной нормы начинается с частной производственной ситуации, идет от конкретного к абстрактному. Постепенно технологические операции приобретают все более общий смысл, выходящий за пределы этой отдельной ситуации, а вместе с ним — и нравственное содержание.

Применительно к той или иной профессиональной деятельности всё чаще используют термин «**д е о н т о л о г и я**» (греч. *deon* — долг, должное; *logos* — слово, наука), понимая под этим учение о принципах поведения профессионалов с целью достижения максимальной эффективности деятельности и устранения вредных последствий неполноценной, недобросовестной работы специалиста. Существуют, правда, и другие мнения, подобные мнению независимого эксперта Н. Резантовой, считающей, «что вообще не может быть такого понятия — «журналистская этика». Есть просто человеческая этика. Она и должна подсказывать, что и как писать и показывать. И все ограничивается теми же общечеловеческими нормами морали и уважения личности» [15].

Предмет журналистской деонтологии, во-первых, составляет система обязанностей и норм поведения, выражающих отношение журналиста к своей профессии, к ее чести и достоинству, которая предполагает ответственность за нарушение этих норм. Во-вторых, в ее предмет входят правила, регулирующие отношения журналиста, с теми, кто пользуется плодами его труда: с читателем, зрителем, слушателем. Ибо именно в этой системе связи журналист реализует свой профессиональный долг. Можно сказать, что деонтология «переводит» объективные законы той или иной сферы деятельности в плоскость «долженствования» профессионала. «Журналистский долг следует рассматривать, по-видимому, как совокупность обязанностей по всему спектру профессиональных отношений, система которых задана законами функционирования журналистики как особого социального института, действующего в интересах всего общества. Отсюда берет начало и проблема ответственности как принятия «к исполнению» долга журналиста перед обществом» [14, 13].

Кодификация поведения журналиста на региональном уровне должна, по нашему мнению, строиться с учетом нескольких исходных позиций. Во-первых, любая профессионально-этическая норма представляет собой определенный, складывающийся на протяжении длительного периода способ согласования интересов сторон при столкновении с типичными профессионально-нравственными проблемами. Другими словами, генетически норма связана с типичными профессиональными ситуациями и потому воспроизводится в поведении специалистов постоянно и в массовом порядке. Во-вторых, действие нормы ограничивается конкретной профессиональной ситуацией для того, чтобы отличить норму от других структурных элементов профессиональной морали.

В теории журналистики известны различные взгляды на систему требований, предъявляемых к профессии. Например, Г.В. Лазутина [7] рассматривает совокупность этих требований как трехэтажную пирамиду. На верхнем она размещает такие категории, как профессиональный долг, ответственность, совесть, честь, достоинство. Второй уровень составляют профессионально-этические принципы, в которых отражены более конкретные требования к поведению журналиста. К группе регуляторов третьего уровня относятся запреты или побуждения, регламентирующие все аспекты поведения журналиста в конкретных производственных ситуациях. Таким образом, именно третий уровень составляют собственно профессионально-этические нормы. А, по мнению Д.С. Аврамова [1, 34-95], высшие, сверх-

нормативные регуляторы (представления об идеале, смысле жизни, счастье и т.п.) вообще не умещаются в профессиональных рамках. «Идеал» питает представление о профессиональном долге и справедливости, от «смысла жизни» берет начало ответственность, а «счастье» дает опору самооценивающим механизмам: совести, чести, достоинству. Именно благодаря высшим регуляторам все остальные нравственные предписания получают возможность творческого применения.

Профессиональная мораль способна оказывать воздействие на трудовую деятельность не только с помощью норм. Она регулирует поведение и через систему ценностей, на утверждение которых ориентирует журналиста.

Нам представляется важным следующее разграничение понятий: если норма подчеркивает обязанность поступать определенным образом и подразумевает санкцию за нарушение, то в ценности превалирует добровольность и внутренняя убежденность в необходимости следовать ей. Если норма конкретизирует содержание поведения в той или иной типичной ситуации, то ценность всегда предлагает более общий ориентир.

Таким образом, нормативной базой журналистской этики служат кодифицированные документы и правила профессиональной деятельности. При этом формирование профессиональной морали — постоянный процесс, и в настоящее время он все активнее переходит на региональный уровень. Этическую политику составляют следующие механизмы регулирования СМИ: законы и правила, установленные непосредственно работниками данного средства массовой информации; практический опыт журналистов редакции, омбудсмана и редакторов по решению этических конфликтов; случаи исключения из профессиональных норм, которые являются важным материалом для формирования этической политики издания. Механизмы регулирования СМИ включают и механизмы саморегулирования профессиональной журналистской этики. Под саморегулированием мы понимаем создание процедур по разрешению неизбежных конфликтов, прописанный механизм выявления, признания и исправления возможных ошибок. Исследователь СМИ Клод-Жан Бертран называет это системой отчетности СМИ и перечисляет около тридцати различных путей сохранения качества и ответственности свободны: критика и мониторинг, доступ общественности к СМИ и даже повышение уровня как профессионалов, так и потребителей [16, 2].

Другим, не менее важным механизмом самоконтроля СМИ, является институт омбудсмана. В переводе с древнескандинавского слово «омбудсмен» означает «человек, который следит за

тем, как чистят трубы и убирают с улиц снег, лед и мусор». Со временем значение этого слова трансформировалось и сегодня омбудсменами называют штатных сотрудников, которым предоставлена определенная степень свободы, чтобы вести расследования и разбирать жалобы потребителей. Омбудсмен анализирует работу корреспондентов и редакторов, составляет отчеты по их работе для руководителя издания, пишет критические обзоры редакционной деятельности для сотрудников и собственные статьи. Омбудсмены также занимаются рассмотрением читательских жалоб, разбираются в них и призывают редакцию к ответу. Отнюдь не все медиаэксперты считают институт омбудсмана необходимым механизмом самоконтроля СМИ, некоторые исследователи наоборот видят в омбудсменах угрозу для прямого контакта читателей и редакторов. Надо отметить, что на региональном уровне в отечественной практике институт омбудсмана не развит.

Проведенный нами анализ литературных источников и примеров деятельности региональных СМИ позволяет сделать следующие выводы.

Этика журналистской деятельности направлена на соблюдение тех принципов, на которых держится общество и которые обеспечивают стабильность и безопасность человеческой жизни. Профессиональная этика журналиста рассматривает совокупность предписаний, выраженных в принципах и нормах и регламентирующих нравственный аспект деятельности журналиста в процессе выполнения своей социальной роли.

Нам представляется логичным наряду с понятиями «профессиональная этика журналиста» и «политика издания» использовать понятие «этическая политика издания», смысл которого состоит в разумном управлении вопросами нравственности и морали, принятым в отдельном государстве или сообществе. Также этической политикой может быть то направление, согласно которому построена работа редакции. От выбранной этической политики зависит то, как работники данного издания будут решать свои профессиональные задачи или конфликты, связанные с этическими вопросами.

Этическая политика издания состоит из следующих элементов: законов и правил, установленных непосредственно работниками средства массовой информации, практического опыта редакции по решению этических конфликтов (особое значение имеет деятельность омбудсмана), случаев исключения из профессиональных норм. Становление этической политики редакции базируется на ранее принятых кодексах и законах. Изменения в корпоративный кодекс вносятся последовательно с учетом случаев из практики, конфликтов, судебных дел и т.п. Процесс фор-

мирования этической политики издания не является одномоментным и требует пристального внимания со стороны руководства (редакторов, издателей). Однако это окупается тем, что правильно выстроенная этическая политика издания заметно облегчает работу журналистам, так как представляет собой свод конкретных рекомендаций о том, как поступать в той или иной ситуации, исходя из этических норм и политики редакции.

Основными механизмами регулирования в отечественной практике СМИ являются общественные организации (например, Общественная коллегия по жалобам на прессу) и профессиональные этические кодексы. Общественные организации выполняют с этой точки зрения две функции: с независимых позиций разъясняют общественности, как работают СМИ, и выступают в качестве альтернативы судам при урегулировании конфликтов. В профессиональных кодексах обозначены регламентированные нормы и правила, определяющие этические принципы поведения и работы журналиста.

Особенностями кодификации деятельности СМИ на региональном уровне в современных условиях являются: подробное рассмотрение вопросов коммерческого характера, рекламная и PR деятельность и скрупулезное изучение проблемы анонимности и источника информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авраамов Д.С. Профессиональная этика журналиста : учеб. пособие / Д.С. Авраамов. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1999. — 224 с.
2. Гришанина А.Н. Психологизм как методический компонент журналистского творчества : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Н. Гришанина. — СПб., 2005. — 15 с.
3. Декларация принципов поведения журналиста. — (<http://www.mmdc.ru/self-regulation/dir74/single/234>).
4. Кодекс профессиональной этики российского журналиста. — (http://www.sovetnik.ru/documents/codes/russian/codex_prof_ethics).
5. Колянов А.Ю. Профессиональная деформация личности политического журналиста : автореф. дис. ... канд. полит. наук / А.Ю. Колянов. — СПб., 2007. — 18 с.
6. Костров Н.В. Современные СМИ : теоретические основы и механизмы манипулирования

политическим сознанием : автореф. дис. ... канд. полит. наук / Н.В. Костров. — Санкт-Петербург, 2004. — 17 с.

7. Лазутина Г.В. Профессиональная этика журналиста : учеб. пособие / Г.В. Лазутина. — М. : Аспект Пресс, 2000. — 208 с.

8. Лозовский Б.Н. Журналистика : краткий словарь / Б.Н. Лозовский. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. — 116 с.

9. Маклюэн М. Понимание Медиа : Внешние расширения человека / М. Маклюэн, пер. с англ. В. Николаева; закл. Ст. М. Вавилова. — М. : Жуковский : КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. — 464 с.

10. Новости. Веб-сайт Союза журналистов России. — (<http://www.ruj.ru/2010/100910-1.htm>).

11. Нуруллина Г.М. Этическая трансформация массмедийной политики : автореф. дис. ... канд. полит. наук / Г.М. Нуруллина. — М., 2009. — 26 с.

12. Общественная коллегия по жалобам на прессу. — (http://www.presscouncil.ru/index.php?option=com_frontpage&Itemid=1).

13. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. — М. : изд-во «Советская энциклопедия», 1968. — С. 538.

14. Прохоров Е.П. Структура и проблемы деонтологии журналистики / Е.П. Прохоров // Вестник Московского университета. Серия Журналистика. — 2002. — № 4. — С. 10-15.

15. Резонтова Н. Понятия «журналистская этика» не может быть вообще / Н. Резонтова. — (<http://www.smi-nn.ru/7id=11752>).

16. Саморегулирование журналистского сообщества. Опыт, проблемы. Перспективы становления в России. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Изд. Дом «Стратегия», 2004. — 400 с.

17. Самылкина Е.А. Общественная коллегия по жалобам на прессу как инструмент мониторинга нарушений профессиональной этики / Е.А. Самылкина. — (<http://www.presscouncil.ru/index.php?option=content&task=view&id=464>).

18. Социологический энциклопедический словарь / ред.-координатор Г.В. Осипов. — М. : Инфа М-НОРМА, 1998. — 488 с.

19. Юрков А.А. Адекватность информирования как этическое свойство журналистского творчества : автореф. дис. ...канд. филол. наук / А.А. Юрков. — СПб., 2002. — 18 с.

*Маслов А.С.
Воронежский государственный университет.
Аспирант кафедры рекламы и дизайна факультета журналистики.
e-mail: a-s-maslov@yandex.ru*

*Maslov A.S.
Voronezh State University.
Aspirant of the Faculty of Journalism VSU, the chair of Advertising and Design.*

УДК 070.1

ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ ГАЗЕТНОГО ТЕКСТА

© 2011 А.А. Махова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 февраля 2010 года

Аннотация: В статье рассматривается газетный текст как разновидность медиатекста и как самостоятельный феномен. Понимание текста соотносится с результатами проведенного лингвистического эксперимента.

Ключевые слова: медиатекст, газетный текст, прецедентный текст, понимание, лингвистический эксперимент, реципиент.

Abstract: The present article deals with precedent text as the variety of mediatext and self-dependent phenomenon. The comprehension of the text correlates with the results of the linguistic experiment which took place in our work.

Key words: mediatext, newspaper's text, precedent text, comprehension, linguistic experiment, recipient.

В настоящее время к традиционному пониманию текста массовая коммуникация добавляет новые параметры: последовательность языковых знаков усложняется за счет соединения вербальной части текста с медийными свойствами того или иного средства массовой информации. Так, в печатных изданиях к вербальной части присоединяются графические и иллюстративные объекты, на радио вербальный компонент получает расширение за счет аудиосредств (голосовая интонация и музыкальное сопровождение), телевидение расширяет границы текста за счет соединения словесной части с видеоизображением и звуковым рядом. Таким образом, в текстах, функционирующих в массовой коммуникации, «вербальные и медийные компоненты текста тесно связаны и могут сочетаться друг с другом на основе самых разных принципов: дополнения, усиления, иллюстрации, выделения, противопоставления и т.д., образуя при этом некую целостность, неразрывное единство, которое и составляет сущности понятия «медиатекст» [1].

Тексты массовой коммуникации, создающиеся и распространяемые с помощью радио, телевидения, Интернета, кино, отличаются от

других видов текстов тем, что «в них используются, систематизируются и сокращаются, перерабатываются и особым образом оформляются все другие виды текстов, которые считаются «первичными» [2]. В результате возникает новый вид текста — вторичный текст — со своими законами построения и оформления смысла.

В качестве объекта наблюдения мы выбрали газетный текст, представляющий разновидность медиатекста. В функционально-стилистическом ракурсе газетный текст принадлежит к публицистическому стилю, который находит применение в общественно-политической литературе, периодической печати, политических выступлениях. Реальное событие, в которое погружается субъект-журналист, становится «медиа-событием» (С.И. Сметанина), результатом воплощения события в языковую форму для трансляции в СМИ становится медиатекст [3].

Газетная речь, выполняющая основные функции — информирования и воздействия, предназначена для массовой аудитории и должна адекватно восприниматься всеми читателями. Другое важнейшее свойство газетной речи — диалогичность, адресованность рассредоточенной неопределенной дистанционной аудитории, поэтому при создании текста журналист ориен-

тируется на совокупный образ своего читателя и прогнозирует возможные реакции на материал.

Любой текст рассчитан на чье-либо восприятие, на обратную реакцию со стороны воспринимающего. «Так рождается взаимосвязанная триада: автор (производитель текста) — текст (материальное воплощение речемыслительной деятельности) — читатель (интерпретатор)» [4]. Правильность восприятия текста зависит от общего фона знаний, или коммуникативного фона, включающегося в процессы текстообразования и декодирования. Поэтому восприятие текста связано с пресуппозицией, предварительным знанием, предопределяющим адекватное понимание текста.

Выделяют следующие виды фоновых знаний:

1) социальные, т.е. те, которые известны всем участникам речевого акта еще до начала сообщения; 2) индивидуальные, т.е. те, которые известны только двум участникам диалога до начала их общения; 3) коллективные, т.е. известные членам определенного коллектива, связанным с профессией, социальными отношениями [5].

Прецедентные тексты, составляя фонд литературно-художественных знаний, входят в фоновое пространство представителей той или иной культуры. Задачи нашего исследования требуют определения номинации «прецедентный текст», получивший широкое и вместе с тем неоднозначное освещение в научной литературе. Существует множество терминов, связанных с данным понятием: *прецедентные феномены, логоэпистемы, текст в тексте* и др. Термин «прецедентный текст» был предложен Ю.Н. Карауловым, который отнес к их числу тексты, «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [6]. Это определение позволяет выделить такие важные свойства прецедентов, как *воспроизводимость, частотность, узнаваемость и реинтерпретируемость*.

К числу прецедентных текстов относят широкий круг явлений: художественные и библейские тексты, все виды устной народной словесности (былины, притчи, сказки, анекдоты и под.), публицистические произведения, исторические события и имена мифических и героических личностей и шире — весь мировой фонд культуры и социальный опыт человечества. Прецедентные тексты удерживаются в языке десятилетиями, расширяясь и обогащаясь в каждую новую эпоху.

Сфера массовой коммуникации предъявляет особые требования к применению прецедентных текстов. С одной стороны, цитирование — в ши-

роком понимании — является неотъемлемой составляющей образного слоя публицистического текста, т.е. обязательным его элементом. С другой стороны, массовая коммуникация, производящая и тиражирующая массовую культуру, ограничена диапазоном цитатности.

Цитата из художественного текста не станет прецедентным текстом, если не будет регулярно употребляться в процессе коммуникации. Восприятие и понимание фраз с прецедентными текстами состоит в том случае, если в памяти читателя есть возможность соотнести смысл текста-первоисточника с содержанием газетной статьи и установить их тождество или различие.

Мы провели лингвистический эксперимент, направленный на выявление степени и уровня владения носителями русской культуры прецедентных текстов. В качестве задания реципиентам предлагались цитаты в том виде, в каком они использовались журналистами в качестве заголовков в общероссийских изданиях: «Российская газета», «Новая газета», «Независимая газета», «Литературная газета». Эксперимент проводился в форме анкетирования, в котором участвовали преимущественно студенты факультета журналистики (2 и 4 курсы), студенты филологического факультета (2 курс), студенты факультета бизнеса и сервиса (2 курс), а также люди, уже получившие высшее образование (сотрудники музея-диорамы). В эксперименте приняли участие 70 человек от 18 до 63 лет. Вместе с тем ядром испытуемых была молодежная аудитория (90 %), т.е. реципиенты, не получившие еще высшего образования.

Выбор заголовков в качестве материала исследования не случаен: во-первых, это сильная позиция текста; во-вторых, в современной печати заголовкам отводятся особые функции, в том числе рекламные; в-третьих, номинации, вынесенные в заголовок, могут играть роль словесных знаков ситуации, ключевых понятий эпохи и др.

С точки зрения формы для газетных заголовков характерно два способа применения прецедентных текстов: 1) дословное цитирование, при этом само включение чужеродной единицы выступает как средство экспрессии; 2) изменение формы цитаты, что, как правило, приводит к изменению смысла первоисточника. В современных заголовках чаще встречаются цитаты в трансформированном виде, и это способствует тому, что создается эффект новизны, приобретается другой смысл прецедента, а читателю предлагается фраззагадка, нацеленная на узнавание и языковую игру.

Предлагая участникам эксперимента задания, мы исходили из того, что цитатный фонд не должен вызывать затруднений при его декодировании. Заголовки, предложенные реципиентам (49 заголовков), обладают всеми свойствами пре-

цедентов: они знакомы из школьной программы, воспроизводимы, частотны, широко тиражируются печатными изданиями. Охарактеризуем первоисточники, вошедшие в состав заглавий: это **фразы из художественных и мультипликационных фильмов** (*А вас, Штирлиц, прошу остаться; «Как вы яхту назовете...»; Очень приятно, царь; С любимыми не расставайтесь; Трое из ларца*), а также их **названия** (*Весна на Заречной улице; Непобедимый тихоход; Деньги в тумане; Здравствуйте, я ваш инспектор*); **цитаты из поэтических** (*«Ящик» просто закрывался; А судьи кто?; Без слез, без жизни, без любви; Голод названье ему; Гордо реет Буревестник; Да, он не Байрон, он другой; Девушка пела в церковном хоре; Есть женщины в русских судах; Папы разные нужны; Если друг оказался вдруг; Без искры возгорится пламя; Цену на скаку остановит; Как денди лондонский поет; И лошади кровавые в глазах; Я вас любил...; Я памятник себе купил*) и **прозаических художественных текстов** (*В Америке и рукописи горят; «Великие комбинаторы»; Гаврош, вернись домой; Нехорошая квартира; Невеликий инквизитор; Почему люди не летают*), **реплики из сказок** (*Ловись, пенсия, большая и маленькая*) и **строки из песен** (*Мальчишки и девчонки, а также их родители; Мы едем, едем, едем...; На безымянной высоте; Губит людей... вода*); **названия произведений** (*Волки и овцы; И дольше века длится день; На Западном фронте без перемен; Прости, оружие; Прощание с матерью; Похабщина в шагреновой коже*); **рекламные слоганы** (*Сколько вешать в тайнах*); **крылатые фразы и афоризмы** (*В депутате все должно быть красиво; Красота — это звучит больно*).

Цель нашего эксперимента — определить: 1) степень подготовленности современных читателей к пониманию культурных текстов, включаемых в газетные публикации; 2) эффективность использования культурных текстов в массовой коммуникации. Анкета включает три блока вопросов: *Знакомы ли Вам следующие высказывания?; Если Вы считаете, что приведенное ниже высказывание изменено по сравнению с первоисточником, то попытайтесь воспроизвести первоначальный текст; Стали бы Вы читать публикацию, в которой используются подобные заголовки.* В ответах учитывалась разная степень глубины узнавания прецедента (указание жанра, автора, названия произведения, имен главных героев и т.д.), точное воспроизведение первоисточника.

Анализ первого блока тестирования дал следующие результаты (ответы представлены в порядке убывания). Ответ «нет» включает незнание реципиентами высказываний, а также неверный ответ, к ответу «да» мы относили узнавание реципиентами не только фраз, но и указание автора, жанра, исполнителя, главного героя и др.

Чаще всего реципиентами идентифицируются фразы из художественных и мультипликационных фильмов (*А вас, Штирлиц, прошу остаться — 92 % правильных ответов; Очень приятно, царь — 89 %*). Хорошо узнаваемы цитаты из поэтических произведений А.С. Пушкина, Н.А. Некрасова, А.С. Грибоедова, М. Горького, включаемых в школьную программу (*Кому на Руси жить... — 93 %; Я вас любил... — 90 %; А судьи кто? — 84 %; Есть женщины в русских судах — 71 %; Гордо реет Буревестник — 60 %; Без слез, без жизни, без любви — 53 %*). Правильно идентифицируются строки из популярных песен (*Мальчишки и девчонки, а также их родители — 94 %; На безымянной высоте — 90 %*).

Не вызывают затруднений у испытуемых те названия произведений Л.Н. Толстого (*«После бала» — 78 %*), В. Распутина (*«Прощание с матерью» — 51 %*), А.И. Крылова, А.Н. Островского (*«Волки и овцы» — более 60 %*), которые «на слуху» у аудитории. Сохраняют статус прецедентных текстов цитаты из художественных произведений, получивших телеэкранизацию (*«Великие комбинаторы» — 79 %; Нехорошая квартира — 56 %*). Не теряют свойств прецедентности крылатые фразы и афоризмы. Так, фраза *«В депутате все должно быть красиво»* получила при обработке более 50 % положительных ответов.

Сложность вызывает глубинная идентификация цитатного фонда произведений, не изучаемых в школе или находящихся на периферии школьной программы. Например, строки из поэтических произведений: *Девушка пела в церковном хоре* (44 %); *Да, он не Байрон, он другой* (44 %). Фразу из поэмы А.С. Пушкина *«Полтава»* (*Тиха украинская ночь*) реципиенты соотносят, как правило, с именем Н.В. Гоголя или (реже) Т. Шевченко.

У реципиентов затруднение вызвала идентификация названий зарубежных произведений (*Прости, оружие — 40 %*). Вероятно, это связано с тем, что в школьной программе эти тексты не изучаются, в то время как в университетском курсе еще не изучались. Правда, название романа Э.М. Ремарка *«На Западном фронте без перемен»* идентифицировали более половины испытуемых (52 %). Наибольшие трудности вызывают трансформированные фразы (*Похабщина в шагреновой коже — 38 % и др.*).

Анализ ответов на следующий вопрос: *Если Вы считаете, что приведенное ниже высказывание изменено по сравнению с первоисточником, то попытайтесь воспроизвести первоначальный текст* — вновь подтверждает нашу гипотезу о том, что современная аудитория в значительной степени «подпитывается» массовой культурой.

Так, правильно воспроизводились фразы и названия художественных и мультипликационных фильмов (*Как вы яхту назовете... — 30 %; Деньги в тумане — 74 %; Здравствуйте, я ваш инспектор — 84 %*); рекламные слоганы (*Сколь-*

ко вешать в тайнах — 73 %). Довольно точно реконструируются испытуемыми литературные высказывания из творчества А.С. Пушкина, Н.А. Некрасова и др., фразы из сказок (*Я памятник себе купил* — 89 %; *Как денди лондонский поет* — 66 %; *Есть женщины в русских судах* — 77 %; *Цену на скаку остановит* — 77 %; *В Америке и рукописи горят* — 50 %; *А «ящик» просто закрывался* — 53 %; *Ловись, пенсия, большая и маленькая* — 89 %).

Сложности вызывает определение первоисточника таких заголовков, в состав которых входят афоризмы: «*В депутате все должно быть красиво*» (47 %), «*Красота — это звучит больно*» (41 %). В когнитивной базе реципиентов данные высказывания сопрягаются с другими расхожими фразами: «*Красота — это звучит гордо*»; «*Красота — страшная сила*»; «*Красота требует жертв*».

Высказывания из менее известных поэтических произведений А.А. Блока и др. оказались малоизвестными для реципиентов, и они не смогли воспроизвести фразу-оригинал (*Девушка пела в церковном хоре* — 14 %; *Без искры возгорится пламя* — 29 %; *Если друг оказался вдруг* — 40 %).

Можно говорить о том, что целый пласт культурных знаний, отсылающий к художественным и поэтическим произведениям (*Прощание с матерым* — 50 %; *И лошади кровавые в глазах* — 19 %; *Почему люди не летают* — 20 %), уходит из индивидуального когнитивного пространства современного читателя.

Оценка качественного аспекта газетных заголовков осуществлялась по шкале: *успешный — интересный — загадочный заголовок или неуспешный — непонятный заголовок*.

К успешным отнесены более 35 % заголовков (*Я памятник себе купил*; *Ловись, пенсия, большая и маленькая*), к интересным — 20 % заголовков (*В депутате все должно быть красиво*; *Здравствуй-те, я ваш инспектор*), более 10 % заголовков были отнесены к загадочным (*Как вы яхту назовете...*). Реципиенты оценили как непонятные 15 % заголовков (*Невеликий инквизитор*), 20 % заголовков вошли в круг неуспешных (*И лошади кровавые в глазах*).

Анализ ответов на третий вопрос: *Стали бы Вы читать публикацию, в которой используются подобные заголовки* — свидетельствует о том, что более 53 % опрошенных предпочитают публикации с прецедентными текстами, с яркими, броскими, интригующими заголовками. Менее чет-

верти ответов — это та часть реципиентов, которой не нравятся приемы работы с прецедентами. Четвертая часть испытуемых предпочла бы иные варианты газетных заголовков (*Я бы придумала другие заголовки*; *Я бы не стала читать статьи с подобными заголовками, потому что в современных газетах все заголовки пошлые, неинтересные и др.*).

Итак, наиболее узнаваемыми для реципиентов оказался фонд массовой культуры и произведения, составляющие ядро школьной программы. Хорошо декодируются строки из поэзии А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, Н.А. Некрасова, в то время как не программные произведения русских писателей и поэтов идентифицируются с трудом. Цитаты из произведений зарубежных авторов, особенно претерпевшие трансформацию, не декодируются участниками эксперимента, большинство из которых — студенческая молодежь. Та часть реципиентов, которая относится к старшей возрастной группе, имеет высшее образование и работает в сфере культуры (работники музея), демонстрирует значительно большую подготовленность к декодированию культурных знаний. Существенно по результатам эксперимента и то, что коммуникативный успех, связанный с адекватным восприятием газетных публикаций, всецело зависит от знания и узнавания цитатного материала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика : системный подход к изучению языка СМИ : современная английская медиаречь : учеб. пособие / Т.Г. Добросклонская. — М. : Флинта : Наука, 2008. — 264 с.
2. Рождественский Ю.В. Общая филология : учеб. пособие / Ю.В. Рождественский. — М. : Фонд «Новое тысячелетие», 1996. — 236 с.
3. Сметанина С.Н. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX в.) : моногр. / С.И. Сметанина. — СПб. : Изд-во Михайлова В.А., 2002. — 383 с.
4. Валгина Н.С. Теория текста : учеб. пособие / Н.С. Валгина. — М. : Логос, 2004. — 280 с.
5. Там же.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность : моногр. / Ю.Н. Караулов. — М. : Наука, 1987. — 264 с.

Махова А.А.
Белгородский государственный университет.
Аспирант.
e-mail: aulova_a@bsu.edu.ru

Mahova A.A.
Belgorod State University.
Post-graduate student.

УДК 070.1 (498.3)

РЫНОК ПРЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ

© 2011 А.А. Мелентьев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 января 2011 года

Аннотация: Система печатных СМИ Молдовы вынуждена существовать в сложных общественно-политических и экономических условиях. Вот уже более двадцати лет после распада СССР функционирует независимый молдавский рынок печати. За этот период сложились особенности развития газет и журналов в стране, наметились основные проблемы функционирования медиарынка. Изучение данных явлений способствует пониманию основных проблем рынка прессы Республики Молдова и осознанию перспектив его развития.

Ключевые слова: Молдова, пресса, медиа, газеты, молдавский, республика, рынок печати.

Abstract: The system of printed media in Moldova is forced to exist in a complex socio-political and economic conditions. For more than twenty years after the collapse of the USSR is functioning an independent Moldovan market print. During this period, the prevailing development of newspapers and magazines in the country, there have been major problems in the functioning media market. The study of these phenomena contributes to understanding the major challenges media market of the Republic of Moldova and the awareness of the prospects for its development.

Key words: Moldova, press, media, newspapers, moldavian, republic, printing market.

Рынок СМИ в Республике Молдова во многих своих аспектах является закрытым для исследователей. По причине непрозрачности, пресса в стране имеет репутацию сомнительного бизнеса, во многом зависящего от политики. Начиная с 90-х годов прошлого столетия, когда произошла либерализация прессы, в Молдове газеты и журналы создавались, главным образом, при поддержке политических партий. Это привело к появлению как партийных газет, так и изданий, действующих только в период избирательных кампаний. Примерами такого феномена служат газеты «*Rămînt și oameni*», исчезнувшая одновременно с отстранением от власти Демократической аграрной партии Молдовы, «*Mesagerul*» (Партия демократических сил), «*Dialog*» (Демократическая партия), «*Luceaafărul*» (Партия возрождения и национального согласия, руководимая экс-президентом Мирчей Снегуром), «*De facto*» (изда-

ние экс-президента Лучинского), «*Sens*» бывшего президента-коммуниста Владимира Воронина.

Постоянное удорожание бумаги, типографских расходов, оргтехники и другие негативные факторы поставили СМИ на грань выживания, приводят к нерегулярности выхода изданий, снижению тиражей, сокращению информативности. Важная проблема — несовершенство правовой базы деятельности СМИ, отсутствие социальной и юридической защиты журналистов, выверенной по международным стандартам государственной информационной политики. Однако главная проблема, стоящая перед прессой в Молдове — отсутствие финансов и прочной полиграфической базы.

Одной из важнейших проблем рынка прессы Молдовы является недоступность информации о тиражах, структуре менеджмента, источниках финансирования печатных СМИ. В большинстве изданий это не указывается в технических данных, данную информацию не разглашают

менеджеры газет и журналов. Данный факт объясняется все той же политической нацеленностью большинства газет и журналов страны. Издания не являются чисто экономическим предприятием, по сути это политический бизнес, который генерирует финансовые убытки, о которых не принято говорить. Стоит отметить также тот факт, что в большинстве случаев, владельцами периодических изданий являются SRL (ООО), носящие такое же название, что и издания. Только в случае «Комсомольской правды в Молдове» появляется название издательского дома из России. Остальные издания учреждены физическими лицами, многие из которых (особенно владеющие большинством акций) не известны ни широкой публике, ни даже редакционным командам.

Изучая рынок печатных СМИ Молдовы, стоит отметить практически полное отсутствие государственной поддержки газет и журналов в условиях рыночной экономики. Законопроект о государственной поддержке СМИ, включавший создание оптимальных условий для работы прессы путем уменьшения тарифов, освобождения от налогов и НДС и представленный в парламент в апреле 2001 г. в виде законодательной инициативы, отвергнут министерствами и департаментами. В 2003 г. отвергнут проект Закона о государственной поддержке СМИ по причине неплатежеспособности государства, хотя он предусматривал только некоторые фискальные послабления для уменьшения редакционных расходов на издание и распространение прессы. В 2001 г. в Закон о печати внесено изменение, запрещающее финансирование или поддержку периодических изданий правительствами других стран, за исключением случаев, предусмотренных двухсторонними соглашениями. Многие эксперты в данной области посчитали, что целью данного изменения было остановить финансовую поддержку, которую получали некоторые независимые издания от специального фонда правительства Румынии для Республики Молдова. Но это изменение вызвало и прекращение серии проектов и грантов для поддержки независимых СМИ, реализовавшихся в тот момент в Республике Молдова правительствами США, Нидерландов, Франции и Греции.

Государство контролирует и систему распространения газет и журналов в Молдове. В руках государства находятся две крупные сети распространения прессы: «Poșta Moldovei» (государственное предприятие) и «Moldpresa» (акционерное общество, большая часть акций которого принадлежат государству). Уже более 20 лет эти две структуры являются монополистами на рынке Молдовы, взимая за услуги по распространению не менее 30 % от цены изданий. К тому же си-

стема распространения плохо функционирует, большинство изданий приходят с опозданием, ассортимент газет и журналов невелик.

К основным проблемам печатных СМИ Молдовы можно отнести и плохой менеджмент. Очень часто директор издания является и главным редактором, и его экономическим директором, а отдел маркетинга состоит из одного, максимум двух человек. Таким образом, если издательскую часть деятельности газеты обеспечивают около десяти человек, финансовые проблемы редакции очень часто возложены на нескольких человек и только один-два из них занимаются продажей/продвижением рекламы. Есть несколько причин, объясняющих плохой менеджмент печатных СМИ, но первая и, кажется, самая главная из них — это недостаток опыта и подготовки в данной сфере. Ни специалисты-газетчики, ни эксперты в экономике не знают, как эффективно заниматься менеджментом в прессе. Люди, разбирающиеся в экономике, не хотят приходить в издательства, потому что здесь плохо платят, так как у газет нет денег, а у газет нет денег, потому что ими некому управлять и т.д. и т.п.

Общая, крайне неблагоприятная для печатных СМИ социально-экономическая ситуация в Молдове, почти полное отсутствие государственной поддержки печатных СМИ, их зависимость от коммерческих и политических структур наложили свой отпечаток на их деятельность. Положение в СМИ приводит к заключению о том, что они пока не выполняют функций, присущих таким институтам в демократическом обществе. Этого и трудно было бы ожидать, учитывая небольшой опыт их функционирования в условиях независимого государства.

Также можно дать следующие рекомендации для развития системы СМИ в Молдове:

- реформирование системы налогообложения и экономической поддержки печатных средств массовой информации, нацеленное на обеспечение возможности долгосрочного планирования, поощрение развития конкурентной среды;
- отмена норм, препятствующих формированию нормальной практики списания нереализованных тиражей на себестоимость для целей налогообложения;
- снижение таможенных пошлин на ввозимое в Молдову полиграфическое оборудование и материалы, исходя из необходимости развития отечественной полиграфической базы;
- включение в законодательство норм, препятствующих недобросовестной конкуренции на рынке СМИ (в частности, путем завышения тиражей в выходных сведениях изданий);
- разработка правовых норм о классификации изданий в зависимости от размера тиража (за-

конодательство Республики Молдова содержит многократные упоминания таких понятий как «многотиражная газета», «местная многотиражная газета», «издание и распространение газеты массовым тиражом» и т.п., однако их определение не дано ни в одном нормативном акте);

- возрождение концепции государственной поддержки и поощрения средств массовой информации в 1999-2003 годах, одобренная Постановлением Парламента РМ № 277-XIV от 11 февраля 1999 г., предусматривает установление справедливых условий для деятельности информационно-публицистических СМИ, независимо от вида собственности и организационно-правовой формы. В нынешних условиях эта тема особенно актуальна, поскольку многие положения вышеназванной Концепции остаются нереализованными, до сих пор не принят Закон о государственной поддержке средств массовой информации, не созданы достаточно эффективные механизмы, содействующие развитию отечественной прессы, когда льготы для средств массовой информации, в том числе в области налогообложения практически отсутствуют. Кроме того, государственные дотации отдельным СМИ свидетельствуют о дифференцированном подходе со стороны государства и ставят в неравное положение действующие на территории республики периодические издания.

*Мелентьев А.А.
Воронежский государственный университет.
Аспирант кафедры рекламы и дизайна факультета журналистики.
e-mail: bigwigand@mail.ru*

ЛИТЕРАТУРА

1. Actuala guvernare — principalul proprietar „din umbră” al mass-media din R. Moldova. Chisinau, 2009.
2. Coval D. File din istoria presei democratice Moldovenești. — Ch. : Cartea Mold., 1972. — 208 p.
3. Evaluarea situatiei mass-media din Republica Moldova. Chisinau, 2009.
4. Ghid mass-media din Republica Moldova : 2008 / Centrul Independent de Jurnalism. — Ch. : Tipogr. «Imprint Service» SRL, 2008. — 412 p.
5. Mass media în preajma alegerilor: cine și cum a fost reflectat în anul preelectoral 2008? Chisinau, 2009.
6. Relațiile dintre mass-media și autoritățile de stat — spre transparență și responsabilitate. Chisinau, 2008.
7. Media Management in the CIS. A basic guide with practical recommendations, The European Institute for Media. Duselidorf, 1999.
8. Доклад Worldwide Press Freedom Index (Индекс свободы прессы в мире), Репортеры без границ — 2006. — (http://www.rsf.org/rubrique.php?id_rubrique=639).
9. Скворцова А.Ю. О путях к гражданскому миру в Молдове / А.Ю. Скворцова // Национальные отношения в Республике Молдова на современном этапе и пути их оптимизации. — Кишинев : Штиинца, 1999. — 182 с.
10. Стати В. История Молдовы / В. Стати. — Кишинев, 2003. — 430 с.

*Melentiev A.A.
Voronezh State University.
Postgraduate of journalism department, advertising and design subdepartment.*

УДК 070:656.254.1(540)

СПУТНИКОВОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ ИНДИИ И БАНГЛАДЕШ

© 2011 Мохаммен СК

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 января 2011 года

Аннотация: В условиях глобализации и активного технико-технологического развития медиасектора особое значение приобретает интеграция современных технологий в традиционную систему СМИ. История развития Индии и Бангладеш позволяет проследить сложный процесс их взаимодействия и взаимовлияния.

Ключевые слова: цифровое телевидение Индии и Бангладеш, современные технологии.

Abstract: In the conditions of globalization and active tehniko-technological development of media sector integration of modern technologies into traditional system of mass-media became important. The history of development of India and Bangladesh allows to analyze difficult process of their interaction and interference.

Key words: digital TV of India and Bangladesh, modern technologies.

Как известно, спутниковое телевидение — телевидение, основанное на передаче сигнала через спутники связи. Сигналы некоторых передач спутникового вещания подвергаются преобразованию с целью недопущения к ним несанкционированного доступа, и уже в этом наблюдается его отличие от ряда других форм вещания. В английском языке существует термин digital TV или digital video broadcasting, что в дословном переводе и означает “цифровое телевидение”. По некоторым причинам, этот термин в Индии и Бангладеш не прижился: возможно, из-за того, что первым способом передачи данных в цифровом формате в данном регионе стал именно спутник, а приемником — спутниковая тарелка. До сих пор эта схема является лидирующей на отечественном рынке телекоммуникаций. Сигнал поступает непосредственно на спутниковую антенну пользователя, которая настраивается на прием определенного спутника, и перестроить ее без помощи специалиста не представляется возможным. Существует и более дорогой вариант — антенна с позиционером, которую при помощи пульта управления можно настроить практически на любой спутник.

Преимущества спутникового телевидения очевидны. Прежде всего, это индивидуальный прием, то есть вы ни от кого не зависите и абонентская плата не взимается. Более того, в данном варианте подключения отсутствует такое понятие как “усредненный” или “базовый” набор каналов, свойственный другим видам подключения. Есть и недостатки. Ключевой — зависимость от местоположения дома и квартиры: между антенной и спутником не должно быть никаких преград. Кроме того, существенным является и то обстоятельство, что оборудование выглядит весьма дорогостоящим. Таким образом сегодня спутниковое телевидение подходит ограниченному числу пользователей, живущих в зонах уверенного приема и обладающих достаточными средствами для покупки и установки оборудования. Однако оно является самым перспективным и быстро развивающимся методом передачи телесигналов на большие расстояния. Основная идея спутникового телевидения основана на том, что чем выше расположена передающая антенна, тем больше площадь, с которой можно получить излучаемый сигнал. Например, со спутника, расположенного на расстоянии 36 000 км от поверхности Земли, можно передавать сигнал на территорию с охватом 9 000 км.

© Мохаммен СК., 2010

Если говорить о некоторых важных датах развития спутникового телевидения, то они таковы. В 1962 году был передан первый спутниковый телевизионный сигнал из Европы в Северную Америку спутником Telstar. Первый геостационарный спутник Syncom 2 был запущен в 1963 году. Первый в мире коммерческий спутник связи, называемый ИНТЕЛСАТ I (Early Bird), был выведен на синхронную орбиту 6 апреля 1965. Первая национальная сеть спутникового телевидения под названием “Орбита” была создана в Советском Союзе в 1967 году и была основана на принципе использования эллиптического спутника “Молния” для повторного вещания и доставки телевизионного сигнала наземных станций приема. Что касается североамериканского опыта, то в 1972 году начал работать запущенный канадцами для спутникового телевидения геостационарный Anik 1. В 1974 году начал свою работу первый в мире экспериментальный спутник прямого вещания АТС-6. А в 1976 году приступил к работе первый советский геостационарный спутник “Экран”, предназначенный для обслуживания Дирекции Главного телевидения. И хотя впервые применять спутники для передачи телесигналов начали после первых запусков спутников связи, перспективность такого рода практического применения сразу показалась очевидной.

В 1977 году был принят Международный план спутникового телевидения. В нем были указаны позиции спутников на геостационарной орбите, частотные каналы, зоны обслуживания, уровни сигналов и прочие характеристики. План был рассчитан на то, чтобы с помощью спутникового телевидения передавать пять национальных программ в каждой стране. О международном вещании речи пока не шло. В то время технических средств для реализации этого плана не было. Когда они появились, в большинстве развитых стран была создана наземная передающая сеть, обеспечивающая прием двух-четырех национальных программ. Потребности в дальнейшем развитии этой сети не было, а потому не было и смысла в плане для исключительно национального вещания.

Однако примерно в это же время начал расти интерес к программам с узкой целевой аудиторией, например - для детей, домохозяек, любителей животных, музыки или спорта, - рассчитанных на аудиторию нескольких стран. И наиболее подходящими для этого оказались именно спутниковые каналы в сочетании с многоканальными наземными кабелями распределительных сетей.

БАНГЛАДЕШ

Изначально в Бангладеш, как известно, телекоммуникации были очень неразвиты. В период

между 1959 и 1963 годами первые 100 средневолновых и коротковолновых передатчиков были установлены в Дакке с целью улучшения коммуникации между двумя областями Пакистана, отделенными друг от друга более чем на 1200 миль. Были построены релейные станции в Читтагонге, Силхет, Rangpur, Кхулна и Раджшахи.

В 1971 году войны за освобождение Бангладеш уничтожили большинство объектов — особенно в Кхулна. Сразу же после освобождения, правительство создало Бангла Бетара Радио (BBR) с восемью региональными станциями. В июне 1975, Бангладеш вывела на орбиту свой первый спутник — радиостанцию в Бетбуния, получив 8 млн. долл. от Канадского агентства международного развития.

Телевидение начало функционировать в 1964 году благодаря “Ниппон электрик компании” — частичному владельцу экспериментального телевизионного проекта. К концу 1960-х годов наряду с двумя релейными станциями в Кхулна и Раджшахи появились станции спутниковой связи, действующие из Читтагонга. К 1970 году насчитывалось уже 35 часов еженедельных передач - в основном на бенгальском языке.

Сегодня “Бетара Радио” (BR) имеет восемь радиостанций в Дакке, в том числе одну для службы за рубежом. Есть FM помещения в Дакке, Силхет, Читтагонг, Раджшахи, Ранг-Пур и Кхулна.

Что касается телевидения, то BTV (Бангладеш-телевидение) является государственной собственностью. Вот почему очень немногие сообщения содержат информацию о политической оппозиции, а на период всеобщих выборов контроль правящей верхушки становится еще более очевидным.

BTV работает с 1964 года с целью совершенствования национальной культуры в области информации, образования, пропаганды и развлечений. Такая программа позволяет зрителям разобраться в сложных тенденциях сегодняшнего дня. В результате около 2 млн. телеприемников получают передачи от сети 17 релейных станций. Большинство из программ - местного производства, выпущенные, главным образом, в Дакке.

После 1990 года, с изменениями глобальной экономической и политической ситуации, сценарий бангладешских СМИ был также изменен в соответствии с разделением на глобальные и региональные средства массовой информации. Глобализация требует либерализации рынка наряду с либерализацией средств массовой информации. В этом процессе, несмотря на то, что правительство Бангладеш всегда в значительной степени контролирует государственные радио- и телевизионные каналы, в начале 90-х годов оно дает разрешение на вещание спутникового канала на коммерческой основе. Как результат,

бангладешская аудитория утонула в огромном количестве иностранных телевизионных каналов. И до 1990-х годов BTV имело лишь такой опыт вещания.

29 сентября 1992 года в США сеть новостей CNN начал ретрансляцию своих передач здесь на несколько часов каждый день, используя канал BTV. В том же году BBC начала вещать в рамках аналогичных соглашений. Разрешение на использование тарелки для приема спутникового вещания непосредственно обычным пользователям открыло новые возможности для бангладешских зрителей увидеть программы внешнего мира. В период с 1992 по 1995 годы более 10 международных телевизионных каналов вошли в дома Бангладеш. Сегодня эта цифра составляет более 50.

Электронные средства массовой информации Бангладеш на данный момент развиваются экспансивно. Сегодня существует 13 частных спутниковых каналов, которые транслируют развлекательные программы и новости в целом. Действуют два FM радио-канала, основными программами которых являются музыка и новости.

Спутниковые телевизионные каналы в настоящее время стали одними из наиболее популярных средств развлечения для народа. Новые каналы, появившиеся в 1992 году в Бангладеш, в дополнение к CNN и BBC, – это в основном Television Network, Zee TV, сети индийского телевидения и телевидение Пакистана. В погоне за завтрашним днем некоторые граждане Бангладеш приобрели спутниковые тарелки по весьма высоким ценам. Очень скоро наиболее активные предприниматели, предвидя прибыльный бизнес, начали на этой основе расширять возможности частных кабельных сетей, которые позволили принимать спутниковое ТВ по всей стране. Число каналов, просматриваемых по подписке, значительно возросло в крупных городах.

Согласно результатам опроса, проведенного в 1998 году в Дакке, ATN, BBC, CNN, DD-7, DD-Metro, Discovery, ESPN, Sony, Star TV Network, Zee TV и Zee cinema относятся к числу наиболее смотримых и наиболее популярных каналов. Высокий уровень просмотра был также зафиксирован для TNT, MTV и Cartoon Network. Среди относительно новых в плане трансляции каналов наиболее благоприятное впечатление на бангладешских зрителей произвела продукция ATN Bangla, Channel I, ETV, Star World, National Geographic, HBO, AXN, а также Alfa-TV. [1]

Вторжение спутниковых каналов в квартиры бангладешских зрителей, несомненно, стало своего рода вызовом государственному BTV, которое внезапно оказалось в условиях жесткой конкуренции. Однако некоторые специальные программы, – такие как еженедельная драма или

популярный журнал под названием “Ittadi”, – удерживают людей у экранов BTV.

В 1998 году появился первый круглосуточный национальный канал Channel I. Его популярность среди населения постоянно растет в связи с трансляцией несомненно лучших в Бангладеш учебных и развлекательных телевизионных передач.

Не менее популярен сегодня и один из новых Бангладешских телеканалов – Bangla Vision. Цель этого и аналогичных частных каналов заключается в том, чтобы объединить людей путем полноценного развлечения. Они пытаются быть политически непредвзятым и предложить объективные новости. Эти динамичные бангладешские телеканалы в основном направлены на бангладешских лиц и обеспечивают программирование такого рода, которое предполагает семейный просмотр. Однако в отношении обсуждения серьезных проблем они практически бессильны.

Хотя статья 39 (2) Конституции гарантирует Бангладеш право каждого гражданина на свободу слова и выражения, а также свободу печати, существуют законы, ограничивающие свободу, – в том числе Закон о государственной тайне, предназначенный для сдерживания свободы выражения мнений. Существуют ограничения в конкретных областях, связанные с обеспечением безопасности государства, дружеских отношений с иностранными государствами, общественного порядка, благопристойности или морали или в связи с неуважением к суду, диффамации или подстрекательства к совершению преступления.

Начиная с 1990 года, бангладешская пресса пользовалась умеренным уровнем свободы в связи с правительственным контролем. Электронные же средства массовой информации оказались в еще более жестких условиях: не только государственные, но и частные телевизионные каналы находились под строгим контролем со стороны правительства. А когда в 2007 году при поддержке военных нынешнее временное правительство пришло к власти, электронные СМИ окончательно потеряли свободу.

Сегодня правительство контролирует практически все радио- и телевизионные станции, за исключением немногих независимых станций, таких, как Ekushey (телевидение) и Metrowave (радио). Большинство новостей в прайм-тайм на радио и телевидении – это сообщения о деятельности премьер-министра и членов Кабинета министров. Дело в том, что одним из обязательных условий доступа к эксплуатации как государственных, так и частных станций является бесплатная трансляция всех выступлений премьер-министра и президента. Уровень проникновения правительственного контроля в работу телевидения Бангладеш – пожалуй, одна

из наиболее серьезных проблем, сдерживающих его естественное развитие. Спутниковый характер трансляции совершенно не снижает ее значимость, поскольку на национальных каналах в любом случае эта ситуация сохраняется. Кроме того, исследования показывают, что лишь 10 процентов всех домашних хозяйств могут получить доступ к спутниковому и кабельному вещанию, обеспечивающему хотя бы какой-то уровень свободы [2]. И здесь уже наблюдается другая проблема — разрыв между богатыми и бедными.

Эксперты, активно обсуждающие сегодня ситуацию на телевидении Бангладеш, подчеркивают, что его развитие должно бы было осуществляться в интересах бедных слоев населения с тем, чтобы большинство граждан имели доступ к широкому массиву контента. Сегодня же только 0,6 процента сельских семей имеют кабельное соединение.

Относительно недавно Институт предпринимательства Бангладеш организовал Национальный семинар на тему “Диверсификация вещания СМИ в Бангладеш: значение для развития”. В качестве выхода из сложившейся ситуации эксперты предложили создание постоянного и независимого вещания и предоставление автономии BTV и Бангладеш Бетар.

Главный редактор в “Бангладеш Сегодня” Ашрафудофлах, сказал: “Камеры должны двигаться в поисках новостей, а не министров”. Профессор кафедры массовой коммуникации и журналистики университета Дакки, доктор Голам Рахман добавил, что поскольку печатные средства массовой информации недоступны для значительной части неграмотного населения, именно телевидению, — и спутниковому в том числе, — должно уделяться наибольшее внимание. Рассуждая же о сегодняшних реалиях, профессор Шахаб НШАМ Хан подчеркнул, что недавний рост Медиа имеет очень незначительное воздействие на бедные слои населения в сельских районах: “В общей сложности 28,5 процента всех бангладешцев не имеют регулярного доступа к средствам массовой информации”. И именно для этой группы развитие спутникового сектора будет иметь принципиальное значение.

Этот аспект признается и государством, однако, несмотря на то, что правительство Бангладеш подчеркивает важность самобытного характера вещания, в целом оно занимает “загадочную” позицию в борьбе с проникновением индийской культуры посредством спутникового телевидения: лишая бангладешцев связи с Западной Бенгалией, оно при этом позволяет массиву индийской телепродукции проникать через спутниковые каналы на экраны бангладешских зрителей.

ИНДИЯ

Первые шаги индийского ТВ были робкими, неуверенными. В 1956 году на проходившей в Дели генеральной конференции ЮНЕСКО был предложен проект эксперимента, ставившего целью изучение роли телевидения как средства образования и повышения уровня жизни сельского населения. Индия согласилась стать своего рода базой для проверки выдвинутых в рамках ЮНЕСКО концепций, и в 1959 году Всеиндийское радио и ЮНЕСКО подписали соглашение о создании в Дели первой телевизионной станции. Пятнадцатого сентября того же года телестанцию торжественно открыл президент Индии Раджендра Прасад. В своей речи он выразил надежду, что «телевидение будет расширять кругозор людей и воспитывать их в духе научного мышления»*. Однако понадобилось еще шесть лет, прежде чем делийская телестанция начала вести регулярные передачи. Первая такая передача состоялась 15 августа 1965 года; посвящалась она празднованию в Индии Дня независимости. По нынешним меркам телевизионное вещание тогда было более чем скромным: ежедневным, но продолжительностью всего лишь час в день, причем за этот час нужно было дать и новости и образовательную программу.

Несколько лет назад индийская пресса заговорила о начавшемся в стране телевизионном буме. О национальном телевидении и перспективах его развития пишут специалисты, высказываются политические деятели. Телевизионный бум стал как бы символом выхода Индии из вековой экономической и технической отсталости. За ним последовал видеобум, захвативший наиболее состоятельную часть населения. Технический прогресс, способствовавший, кроме всего прочего, решению некоторых проблем социально-экономического развития страны, побудил кое-кого серьезно заговорить о “прыжке Индии в XXI век”. Телевизионный экран, вошедший в жилища многих индийцев, самым своим существованием свидетельствует если не о “прыжке”, то о быстром продвижении вперед, какого еще не знала эта древняя земля.

Спутниковое телевидение в Индии стартовало в январе 1991 года, когда была осуществлена первая трансляция передачи CNN о войне в Персидском заливе. С этого момента владельцы спутниковых антенн — сначала в основном в крупных гостиницах столицы — начали получать новости и развлекательные передачи иностранного производства. Первым же национальным спутниковым каналом Индии стал Star TV. Позже появились Zee TV, Sun TV и другие спутниковые каналы, пошатнувшие стабильные до того рейтинги государственного телеканала Doordarshan.

Спутниковое вещание быстро распространилось, поскольку приносило конкретную экономическую выгоду: предприниматели получали сигнал через спутниковые антенны и распространяли его за плату по кабельным сетям.

Конкуренция со стороны спутниковых каналов привела к радикальным изменениям в сетке вещания телеканала Doordarshan, который моментально почувствовал радикальные изменения в плане сокращения аудитории и рекламных доходов. В ответ на подобное развитие событий Doordarshan решило в 1993 году приступить к развитию пяти новых каналов в дополнение к своему первоначально существующему Национальному телеканалу. Программирование претерпело радикальные преобразования, и появились всевозможные шоу, мыльные оперы и прочие телепередачи развлекательного характера.

Интересно, что в 2008 году крупнейший индийский телеканал Zee TV принял решение о начале вещания на русском языке и об открытии представительства в России. Инвестиции в этот проект в первый год составили семь миллионов долларов США. По словам представителя Zee TV в России Сураба Шома, в скором времени канал должен получить лицензию на вещание круглосуточного Zee TV Russia. Индийская сторона ведет переговоры с концерном “Система Масс-Медиа” (СММ), являющимся подразделением АФК “Система”, о включение телеканала в пакет оператора “Космос-ТВ”, половина акций которого принадлежит СММ. Эту информацию подтвердил также заместитель гендиректора СММ Артем Кудряв-

цев. Zee TV на хинди уже вещает на платформе “Космос-ТВ”, у него около 2 тысяч подписчиков. В основном – это живущие в России индийцы. В будущем Zee TV Russia планирует показывать российскому зрителю индийские фильмы и передачи об Индии на русском языке, которые будут производиться на собственной студии Zee TV в Болливуде.

На российском информационном рынке уже работает отечественный телеканал со схожим контентом. В 2006 году холдинг “Ред Медиа” запустил телеканал “Индия ТВ”, который также демонстрирует индийское кино и программы о жизни этой страны. Аудитория этого канала в России превышает семь миллионов человек. За неполные два года вещания “Индия ТВ” окупил затраты на производство и начал приносит прибыль.

Обобщая вышесказанное, приходится согласиться с мыслью о том, что спутниковое ТВ сегодня становится одним из факторов роста активно развивающихся стран, и для многих из них именно оно воплощает в себе наиболее эффективные позиции взаимодействия с аудиторией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хелал Уддин Ахмед. Путеводитель по СМИ Бангладеш / Хелал Уддин Ахмед. - http://banglapedia.search.com.bd/HT/S_0126.htm
2. BANGLADESH: One third of countrymen have no access to media // Daily Star. – 2006. – August 30. - <http://www.asiamedia.ucla.edu/article.asp?parentid=51962>

*СК Мохаммен.
Воронежский государственный университет.
Аспирант кафедры телевизионной и радиожурналистики.
e-mail: mohaimen@yandex.ru*

*SK Mohaimen.
Voronezh State University.
Aspirant of department of TV and broadcasting.*

УДК 070.1 (497.1)

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ СОВРЕМЕННЫХ СЕРБСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ РАЗЛИЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

© 2011 Е.В. Осенков

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 февраля 2011 года

Аннотация: В статье рассматриваются коммуникативные стратегии современных сербских средств массовой информации, которые условно подразделяются на массово-либеральную, либеральную, качественную и радикально-оппозиционную, при анализе материалов сербских периодических изданий 2005-2010 гг., выявляется ряд закономерностей.

Ключевые слова: Политика, медиарынок, Восточная Европа, страны бывшей Югославии, коммуникативные стратегии, манипуляция.

Abstract: The article considers the communicative strategies of modern Serbian media, which are conventionally divided into the mass-liberal, liberal, quality and radical opposition, on the analysis of materials Serbian periodicals, the 2005-2010, reveals a number of the regularities.

Key words: Politics, media market, Eastern Europe, countries of former Yugoslavia, communication strategies, manipulation.

Говоря об информационной политике изданий различной идейной и политической направленности, необходимо говорить об общегазетных **коммуникативных стратегиях**. Это понятие, которое мы используем, подразумевает **общегазетный** дискурс, связанный с политическими, экономическими, общественными событиями в странах выхода СМИ и за их пределами, с точки зрения их оценки реальности. Для определения типов различных коммуникативных стратегий средств массовой информации Сербии, мы проанализировали материалы периодических изданий с 2006 по 2011 год, используя сравнительный анализ материалов в газетах «Глас явности», «Блиц», «Политика», «Велика Србия». По итогам исследования нами сформированы четыре типа коммуникативных стратегий современных сербских СМИ.

1. Массово-либеральная («Блиц»).

Сербский таблоид «Блиц», являясь массовым изданием, формирует собственную аудиторию с

помощью материалов на политическую тематику. С учетом того, что «Блиц» сегодня — это самое читаемое издание Сербии [1], можно говорить о том, что его аудиторией является большинство сербских граждан, читающих газеты. В «Блице» почти отсутствуют полемические материалы — речь идет о том, что если и создается полемический эффект с помощью публикации разных мнений, тут мы можем говорить о различных манипулятивных приемах типа «количественного доминирования» (большинство материалов одной точки зрения) или «качественного доминирования» (когда читатель больше доверяет конкретному мнению, а другое кажется ему изначально бездоказательным). Например, в ситуации с резолюцией Международного суда ООН по Косову читаем ряд комментариев о том, что решение по Косову «судьбоносно», о «техническом содержании независимости», об «активном участии в этой проблеме», «сложное решение» — создается следующий контекст: окончательное решение по Косово еще не принято, и ничего

радикального не произошло — газетой умышленно создается эффект спокойствия в нелегкой политической ситуации.

К темам «Блица» относятся прежде всего ситуация вокруг Косово (риторикой издания является цель создания демократического государства ценой Косово), выборы в стране и соседних государствах (в основном поддерживаются праволиберальные партии и блоки — например Демократска Србия), взаимоотношение с Россией (здесь в материалах прослеживается неприятие современной политической ситуации в России на уровне западных средств массовой информации).

В большинстве материалов используется субъективная оценка событий и субъективный подбор фактов — так, например, в материале про задержание Радована Караджича сообщается, что «несколько сотен граждан» вышло на улицу, чтобы праздновать задержание сербского лидера — и данный материал противопоставляется краткой информации о митинге протеста против задержания «нескольких молодых людей» из радикальной сербской организации «Образ» [2]. Резолюция, предложенная оппонентами партии Тадича в Скупштине, названа «радикальной» (без кавычек), что говорит о субъективной оценке данного события [3].

«Блиц» нередко применяет богатый иллюстративный ряд для подтверждения собственных высказываний, использует экспрессию в заголовках, и вообще, экспрессию в материалах — так, например, в ряде материалов применяются выражения типа «тржиште» (рыночная площадь, для обозначения лексики на сербских парламентских заседаниях) [3], в материале о выборах в России в 2008 году мы видим применение выражения «Путведев» (для обозначения ситуации, возникшей в России при президенте Медведева и премьере Путине) [4]. Используются и пассивные методы манипуляции — например, нагнетание нужной атмосферы в контексте — в ряде материалов «Блица» присутствуют такие выражения, как «возвращение риторики девяностых», «радикальность», «острая риторика», «краткосрочная политическая выгода», «опасность» и др., также подмена аргумента — например, под риторикой понимается спор о вступлении в ЕС и его условия (хотя, как известно, в прежние времена перед сербским государством не стояло вопроса — вступать или не вступать в Евросоюз и фактически сотрудничать с НАТО и США).

Думается, что большинство текстов в «Блице» пишутся для создания определенного контекста современной политической ситуации, и риторику издания можно описать следующим образом: *Сербии необходимо признать отделение Косово при интегрировании в Европу; власть С. Милошевича*

была преступна; Тадич выбрал единственно-верный путь развития Сербии — европейский, Гаагский трибунал — субъект Международного права, и если Сербия планирует стать частью Европы, необходимо считаться с этими решениями.

2. Либеральная («Глас явности»).

«Глас явности» — газета, ставшая одним из рупоров смены эры Милошевича, является праволиберальным изданием. В отличие от массового либерального издания «Блиц», где, фактически, по определению необходимо использовать экспрессию для формирования собственной коммуникативной стратегии, «Глас явности» формирует сознание потребителей через другие формы. Так, газета в собственных материалах почти не использует экспрессивных выражений и, в отличие от «Блица», не подменяет факты «сведениями своих источников». Стоит отметить, что материалы «Гласа явности» не отличаются резкими суждениями, в большинстве материалов присутствуют разные мнения, и в материалах участвуют представители разных партий. Однако стоит отметить, что роль комментаторов постоянно выполняют представители либеральных Демократической партии или Г17 плюс, цитаты же представителей радикальной партии не носят характера мнения [5].

Издание следует модели освещения событий, принятой на Западе. Предлагаются различные точки зрения, тон материалов весьма сдержан, политические предпочтения открыто не высказываются. Как и западные аналоги, либеральные газеты Сербии используют методы косвенно-оценочного воздействия: доминирующую семантику, нагнетание коннотативного ряда, эмфатические утверждения. Таким образом, праволиберальные газеты Сербии, принадлежащие большей частью западному капиталу, наряду с положительным опытом (улучшение качества дизайна и верстки, увеличение количества информации), перенимают у западных масс-медиа отрицательные характеристики, главной из которых является манипуляция сознанием аудитории.

«Глас явности» создает конкретный контекст политической ситуации Сербии: *считает власть Милошевича, с которой боролись на протяжении достаточного времени, преступной, формирует понятие о Косово как преграде на пути в ЕС, поддерживает ряд решений либерального лидера Тадича, и не обсуждает решения Гаагского трибунала, считая его правильным, так как это европейский суд. Таким образом, либеральная идеология проявляется достаточно активно и имеет перспективу в современных СМИ Сербии.*

3. Качественная («Политика»).

«Политика» — то качественное сербское издание, ориентированное на сочетание западных традиций и национальной сербской культуры.

Тираж «Политики» меньше «Блица», аудиторией являются представители среднего класса, политики, экономисты. За последнее время в издании произошли серьезные изменения, и от про-милошевичевской риторики «Политика» перешла к риторике либеральной.

В издании присутствует открытая полемика между представителями разных политических организаций, экономистов, специалистов по той или иной ситуации, газету сложно упрекнуть в субъективности, однако определенные манипулятивные тенденции присутствуют. Например, использование средств скорее массовых изданий — кричащие заголовки типа «Возвращение «Возвращение риторики эры Милошевича» [6] с соответствующим содержанием, где говорится о спекуляции чувств избирателей сложнейшими политическими проблемами страны. В ситуации с падением самолета Качиньского под Смоленском «Политика» изначально проводит параллели между нынешней трагедией и событиями 70-летней давности, предлагая вниманию читателей комментарии польских дипломатов о Катыни как проклятом месте — т.е. изначально предлагается позиция польской стороны, напоминая о сложнейших политических отношениях с Россией.

Можно говорить о том, что по форме в «Политике» присутствует объективизация журналистских материалов — однако тут мы можем говорить об объективном отражении действительности по форме, но не содержанию: в ряде новостных материалов замечена определенная трактовка тех или иных событий, присутствие большего количества информации на ту или иную тему, нежели на другую.

Изобразительно-выразительные средства, используемые в «Политике» — это, конечно, хорошо подобранный иллюстративный ряд к тем или иным материалам, также, например, нагнетание атмосферы — тут можем вспомнить материал о задержке Караджича и описание празднования боснийцев: «Тысячи жителей Сараево на улицах праздновали задержание Караджича, скандируя «Победа», «Это Босния», но одновременно слышалось и «Это Турция» [7]. Жители, по мнению издания, считают собственной победой задержание экс-президента боснийских сербов. Здесь мы видим только информацию, без анализа, предлагая читателю самому проанализировать ситуацию, однако не дает никаких комментариев относительно речевых и заявлений празднующих на улицах о том, что «Босния — это Турция».

Издание не боится использовать экспрессивных стилистических фигур, создавая необходимую атмосферу — так, мы видим присутствие экспрессивной лексики не только в публицистических материалах, но и в информационных замет-

ках — «риторика девяностых», «радикальность», «острая риторика», «краткосрочная политическая выгода» (о Коштунице), они используются и в выражениях социологов-комментаторов — «вместо конкретных действий», «язык пропаганды».

Газета также использует косвенную манипуляцию, иногда «подгоняя» нужный аргумент для создания необходимого контекста. К примеру, издание, учитывая положительное мнение общественности о российском президенте Владимире Путине, приводит информацию, что поздравительную открытку Путин отправил именно Тадичу, что «может свидетельствовать о большем успехе Тадича на выборах» [8]. Однако не поддержала ни одного кандидата на сербских выборах, более того — в ряде российских СМИ именно Николич был назван «пророссийским кандидатом».

Видим также и качественно-количественное доминирование — например, при анализе прошедших президентских выборов (2008 г.), слова даются разным комментаторам, но в основном речь ведется от лица Марко Благовича, который косвенно поддерживает Тадича.

Политические темы «Политики» — ситуация вокруг Косово (мы можем наблюдать за тем, как менялась позиция издания от неприемлемого варианта передачи Косова албанцам до фактического согласия с нынешней ситуацией), во взаимоотношениях с Россией «Политика» старается соблюдать нейтралитет, признавая, что ныне и США, и Россия являются одинаково важными стратегическими партнерами.

При общей кажущейся сбалансированной коммуникативной стратегии издания и объективной форме выражения, можно говорить о некой манипулятивной опасности, присутствующей в содержании материалов «Политики»: иногда журналисты пытаются соблюдать нейтралитет, но сложно скрыть общую позицию издания, которая, повторимся, серьезно изменилась с «эры Милошевича».

4. Радикально-оппозиционная («Велика Сербия»).

Газета является изданием фактически оппозиционным нынешнему правительству Сербии, выходит с 1991 года, основано лидером партии Войиславом Шешелем. На первой странице находится логотип — название газеты (используется стилизованный шрифт) с гербом Сербии в правой его части (логотип разверстан на все ширину листа). На первой полосе чаще всего используется тематический коллаж (использование ряда фотографий на злободневную тему).

С учетом того, что «ВС» является партийным изданием, значительное место в журнале уделяется политике. Здесь затрагиваются самые важные, серьезные и острые аспекты сербской политической жизни. Также газета имеет ряд публикаций о религии и как отрицательную составляющую

религиозной жизни — о сектах и их вреде. Для этого чаще всего используются материалы, написанные в жанре исповеди жертв сект.

В «Великой Србии» присутствует открытая полемика между представителями партии «Српска радикална странка» и либо своими членами, либо теми, кто исповедует те же политические взгляды. В том числе издание открыто полемизирует с теми, кто не согласен и считает, что Сербия должна идти по европейскому пути, а не патриотическому.

На наш взгляд, материалы «ВС» субъективны, что обусловлено партийной принадлежностью, но к моменту исследования «ВС» является одним из немногих периодических изданий современной Сербии, выражающей отличные от других СМИ взгляды. Например, в период парламентских выборов в постоянной рубрике издания — «Вперед, Сербия!» — публикуются агитационные материалы. В одном из них — интервью с Томиславом Николичем [9]. Здесь имеется большое количество утверждений и риторических вопросов. Причем, не только в ответах респондента, но и в вопросах. Вот лишь некоторые фразы, использованные в вопросах: «люди должны голосовать за СРС», «прозападный блок» (про партию Тадича), «Как же СРС возьмет власть, если не войной?» и прочие [9].

Во время парламентских выборов, «Велика Србия» выпускает сразу три номера, посвященных парламентским выборам. Один из номеров открывается письмом к читателям лидера партии Войислава Шешеля, находящегося в Гаагском трибунале. Он пишет о том, что в современной сербской истории было много важных выборов, но, безусловно, нынешние являются самыми главными — именно на них страна выберет либо тех, кому не хочется заботиться о своей земле и гражданах на ней, либо тех, кто долгое время работал на благо своего народа. Традиционно лексика Шешеля изобилует яркими метафорическими речевыми актами. Например, «Отечество прежде всего. Вперед, Сербия!», «На этих выборах... народ выберет из тех, кто работал спустя рукава и тех, кто всем сердцем был за свое Отечество»,

«Криминал и коррупция представляют кровотокающую рану сербского общества», «Западные силы загнали нас в угол», «Сербские радикалы будут вечно бороться за истинную государственную власть, не щадя себя» [10].

В газете постоянно используются изобразительно-выразительные средства, например, кричащие заголовки, метафоры, экспрессивная оценка ряда событий.

При субъективной подаче материала, газета «Велика Србия» балансирует «на грани фола» в своих заголовках, публикациях, оценках событий, а также в многочисленных рисунках и шаржах на политических деятелей: например, Борис Тадич в одном из номеров газеты изображался в виде дьявола; подобная участь постигла и Карлу дель Понте. Можно с уверенностью говорить о том, что в данном партийном издании используется огромное количество экспрессивного материала, что является положительным качеством данного издания, стремящегося донести свою точку зрения до общественности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Социологический опрос, проведенный компанией «Ирэкс» (irex.org).
2. Karadžić uhapšen u autobusu. — Blic, 22.07.2008 god. Radost u Sarajevu... — Blic, 22.07.2008 god.
3. Koštunica hoće vladu sa SRS — Blic, 11.03.2008 god.
4. Medvedev će pokazati lico! — Blic, 20.03.2008 god.
5. Sm.: Sledeći koraci I rokovi za državne institucije. — Glas javnosti, 10.03. 2008 god.; Mađari idu sami. — Glas javnosti, 10.03. 2008 god.; Šta se nudi građanima Srbije. — Glas javnosti, 10.03. 2008 god., Dinkić na Tadićevoj listi. — Glas javnosti, 15.03.2008 god.
6. Повратак риторике Милошевићеве ере. — Политика, 12.03.2008 год.
7. Ухапштен Радован Караџић. — Политика, 22.07.2008 год.
8. Politika, 15.01.2008.; 20.01.2008.
9. Најпред, Србијо! Интервју с Томиславом Николићем. — Велика Србија, мај 2008 год.
10. Писмо подршке проф. др. Војислава Шешелја. — Велика Србија, мај 2008 год.

Осенков Е.В.

Воронежский государственный университет.

Аспирант факультета журналистики Воронежского государственного университета

e-mail: osenkov_ew@mail.ru

Osenkov E.V.

Voronezh State University.

The post-graduated student of Department of Journalism.

УДК 070.4 (8=6)

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СМИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

© 2011 Т.А. Осенкова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 февраля 2011 года

Аннотация: В статье говорится об основных тенденциях развития латиноамериканского медиарынка: монополизации, глобализации, коммерциализации и финансовизации медиасектора, а также о нарушении прав журналиста в странах латиноамериканского континента.

Ключевые слова: Латинская Америка, монополизация, глобализация, коммерциализация, финансовизация, нарушения прав журналистов.

Abstract: The article tells about the main trends of development of the latin mediamarket: monopolization, globalization, commercialization and financialization of media sector, as well as a violation of journalists' rights in the countries of Latin America.

Key words: Latin America, monopolization, globalization, commercialization, financialization, violations of journalists' rights.

Система средств массовой информации Латинской Америки уникальна своей разнородностью: с одной стороны, информационное пространство практически захватили крупные медиакорпорации «Глобо», «Веневисьон», «Телевиса», с другой стороны, существует огромное количество людей, которые стремятся получить альтернативную информацию через Интернет-ресурсы, спутниковые каналы, партийные издания, иногда даже через самиздатовские газеты, напечатанные кустарным способом. Во многом эта разнородность объясняется экономической нестабильностью, социальной неустойчивостью латиноамериканского региона: жизнь в таких мегаполисах Буэнос-Айрес, Мехико, Лима сильно отличается от существования людей в колумбийских деревнях, перуанских горных селениях, где единственным источником информации до сих пор является радио.

Тем не менее, для основной части медиарынка Латинской Америки свойственны те

же тенденции, что и для рынков информации всего цивилизованного рынка, естественно со своими особенностями и нюансами, на которые влияет политическая, экономическая и культурная ситуации.

Одной из основных тенденций развития латиноамериканских СМИ является монополизация.

Ускоренное развитие СМИ в регионе подчеркнуло степень различий и контрастов в данной области, следствием которых является прямое противопоставление индустриальных государств и стран третьего мира. С одной стороны, мы имеем типичные для развитых стран мультимедийные корпорации с процветающими печатными периодическими изданиями, телевизионными сетями, производственными компаниями, снимающих и экспортирующих телесериалы и другую продукцию. Компания Industria de Medios Latinoamericana владеет двумя наиболее крупными мировыми телевизионными сетями, на которые приходится наибольшая часть прибылей. Но, с другой стороны, есть газеты с очень малыми тиражами, и сельские местности, где работает лишь одна довольно примитивная

радиостанция. Но, несмотря на этот контраст, развитие СМИ способствует появлению и росту маленьких, но эффективных предприятий и исчезновению менее активных, или их поглощению более конкурентоспособными [1]. Крупнейшие монополии здесь: Глобо (Бразилия), Кларин и Телефоника (Аргентина), Сиснерос (Венесуэла), Телевиса (Мексика).

В Венесуэле 5 крупнейших телевизионных станций контролируют 90 % рынка. Политика крупнейших национальных газет (Насьональ, Универсаль, Таль Куаль) является откровенно антипрезидентской. Медиамонполии атакуют Чавеса не столько с помощью косвенно-оценочного воздействия, характерного для современных западных СМИ, сколько с помощью грубой пропаганды.

Наиболее опасным последствием монополизации в сфере СМИ является безальтернативность как для потребителей информации, так и для журналистов. Например, в Венесуэле практически все основные телеканалы, кроме государственного, являются оппозиционными. Та же ситуация складывается в прессе. При отсутствии честной борьбы политических идей внутри СМИ становится очевидным колоссальное влияние медиамагнатов на политику и экономическую ситуацию. В отношениях «СМИ — власть», возникает круговая порука: в каждой латиноамериканской стране есть своя специфика, но суть остается той же — иногда огромное количество СМИ толкает к власти «правых» кандидатов, применяя все законные и незаконные средства, начиная со стандартных средств предвыборной кампании, заканчивая клеветой на соперников, подделкой документов и сведений. Такая модель характерна для молодых социалистических стран.

Вторая модель — характерна для стран с проамериканским правительством, которое стремится всячески подавить любые попытки левых прийти к власти. При такой системе основные издания и телеканалы существуют лишь для того, чтобы исполнять правительственный заказ, оппозиционные СМИ испытывают постоянные трудности, с риском в любой момент оказаться вне закона.

Еще одна тенденция, свойственная современному медиарынку Латинской Америки, — глобализация. Латиноамериканский континент находится под огромным влиянием медиаструктур США. Большую роль в его информационном пространстве играет агентство Ассошиэйтед Пресс. На американском континенте господствуют АП, ЭФЭ, АФП и Рейтер. 90 из 100 распространяемых в Латинской Америке слов информации идут от этих четырех агентств.

Особняком стоит Куба, чьи агентства — Прессна Латина и АИН, как и другие СМИ, являются

независимыми от американской информации. В отличие от Кубы, в Венесуэле и Боливии частные СМИ играют доминирующую роль в медиасекторе, но с приходом к власти социалистических правительств, их информагентства — Венпресс и АНФ — также стали источником альтернативной информации. Следует заметить и то, что некоторые издания, например аргентинская Кларин — крупнейшая газета Латинской Америки, занимают национально-ориентированные позиции, высказывая недовольство гегемонией США [2].

Медиаглобализация неотделимо связана с культурной глобализацией, которая буквально поглощает Латинскую Америку последние десятилетия: традиционный уклад латиноамериканских семей рушится об американские стереотипы, пропагандируемые по телевидению, пропасть между грамотным, обеспеченным населением и неграмотным, живущим за гранью бедности, растет.

Коммерциализация — еще одна сторона развития латиноамериканских СМИ. Увлеченные погоней за высокой прибылью от рекламы, издательства интересуются мнением читательской аудитории лишь постольку, поскольку она является потребителем заказных статей и рекламных модулей, находящихся рядом с неоплаченными материалами. Действительно, доходы от рекламы в десятки раз превышают доходы от продаж периодических изданий. Действуя на двух рынках, газеты, так же как и другие СМИ, одновременно продают свой тираж и доступ к аудитории для рекламодателей.

Коммерциализация СМИ ведет к политическому произволу, желанию получить денежные вливания от крупных бизнесменов, политиков, авторитетные издания пользуются запрещенными методами манипуляции аудиторией, пропагандой и даже призывам к переворотам. Например, в 2002 году в Венесуэле, в организации кровавого государственного переворота участвовало руководство средств коммуникации (явление, которому в Венесуэле дали имя «медиакратия»).

Безусловно коммерциализация латиноамериканских СМИ во многом негативно сказывается на качестве подаваемой информации: на сегодняшний день, качественное издание как таковое, практически исчезло с латиноамериканского рынка: даже самые авторитетные издания с вековой историей сдвинулись в сторону «желтизны», как того требовали инвесторы. На телевидении интеллектуальные телепрограммы вытесняются сериалами и американскими (или калькированными) шоу. Все эти СМИ обычно достаточно навязчиво продвигают позицию инвестора по тем или иным политическим и экономическим вопросам, при этом ни работники, ни профсоюзы

не в силах противостоять эти негативным тенденциям: в современной латиноамериканской журналистике мнение журналиста давно ушло на второй план — журналист лишь передает мнение медиамагната как единственно верное.

С другой стороны, общественные движения, социалистические партии и аудитория в целом также стремятся угнаться за популярностью медиагигантов: создают электронные издания, разрабатывают оригинальный дизайн, добавляют интересную информацию, проводят различные мероприятия, — стремятся стать еще более доступными — в чем обнаруживается их большой плюс, по отношению к коммерциализированным СМИ, с их высокими ценами, огромным количеством рекламы.

С каждым годом все очевиднее становится процесс финансиализации медиарынка. Этот процесс определяется игрой медиакомпаний на биржах, а также покупкой крупных и миноритарных пакетов акций компаний частными инвестиционными фондами, банками и другими финансовыми учреждениями [3].

На смену реальной конкуренции в Латинской Америке, как и во всем мире, приходит виртуальная, связанная с игрой инвесторов на финансовых рынках. Вложения в производство физических товаров сменяются инвестициями в спекулятивно-финансовую сферу (создание и продажу финансовых продуктов) и сферу услуг. Инвесторы, которых интересует лишь быстрая прибыль, оценивают показатели корпораций и «наказывают» их за любые временные неудачи. Это вынуждает корпорации принимать условия виртуального рынка, подчинять свою деятельность его требованиям [4].

«Финансиализация» капитала ведет мир к дальнейшему увеличению масштабов и разнообразию форм спекулятивной деятельности, росту «пузырей», разогреву рынков и инфляции, как результат — развитию «казино-капитализма». Финансиализация вытесняет капиталы из инновационной сферы и промышленности. Растет амплитуда циклических процессов, увеличиваются финансовые риски и терпимость бизнеса к ним [5]. Тот же процесс происходит и в глобальной финансиализации масс-медиа, превращающей духовное в придаток спекулятивно-коммерческого производства [6]. Доходы крупнейших компаний продолжают расти.

Качество производства информации интересует инвестора мало. Инвестиционная активность все больше связана со слияниями и поглощениями, чем с обновлением технологий, инновационными походами и пр. (например, «Телевиса», которая после резкого роста своих акций купила пакет Univision). Если компания

терпит на финансовом рынке фиаско, то это, в первую очередь, скажется на сотрудниках (самые крупные сокращения сотрудников приходятся на 2001 год, когда акции «Телевисы» сильно упали в цене).

В итоге мировой и, в частности, латиноамериканский рынок информации (хотя и в меньшей степени, чем рынок США или Западной Европы) полностью подчинен финансовому рынку.

Самой главной проблемой журналистики в Латинской Америке — является фактическое отсутствие свободы журналистской деятельности, нарушение прав журналистов и противоправные действия по отношению к репортерам в некоторых странах. Увольнения в Латинской Америке носят в основном частный характер. Чаще всего журналисты увольняются из-за давления на издания и телеканалы политической и бизнес-элиты, интересы которой были затронуты тем или иным журналистом в ходе работы. Но увольнение — далеко не самое страшное, что может случиться с представителем СМИ. Латинская Америка — один из самых неблагоприятных регионов для журналистов, поэтому можно сказать, что репортер, разрабатывающий злободневную политическую тему, почти всегда рискует работой или даже жизнью. Стоит отметить, что почти в каждом латиноамериканском государстве существуют организации, призванные защищать права журналистов, но, к сожалению, не всегда их действия бывают эффективными.

По политическим причинам увольняют сотрудников таких влиятельных газет как колумбийская «Тьемпо». Редактор газеты «Тьемпо» принял решение уволить обозревателя Клаудио Лопес: она в своей колонке от 13 октября 2009 года, подвергла критике то, как газета охватывает скандал с участием программы, которую проводит Министерство сельского хозяйства [7].

Мексика считается одной из самых опасных стран для журналистов после Колумбии. Организация «Репортеры без границ» подчеркивает, что нет никаких признаков какого-либо улучшения в общей ситуации со свободой прессы в Мексике. Как в близлежащем Гондурасе, Мексика продолжает оставаться одной из самых опасных стран в мире для журналистов. В более стабильных государствах Латинской Америки, таких как Аргентина, Бразилия, также происходят увольнения, но чаще всего они связаны с сокращением рабочих мест, а организации защищающие права журналистов, делают все для того, чтобы все происходило в рамках закона.

Самым крупным массовым сокращением штата сотрудников масс-медиа за последнее десятилетие — это увольнения весной 2001 года. 26 апреля Grupo Televisa сообщила об увольнении 750

сотрудников, большинство из которых работали в информационной системе ОЭС, а также Интернет-портал *esmas.com* [8]. Говоря о массовых сокращениях, стоит упомянуть еще одну испаноязычную медиакорпорацию — Univision, которая в феврале 2009 года уволила 300 сотрудников, что эквивалентно примерно 6 % своей рабочей силы [9].

Вообще для многих латиноамериканских изданий на сегодняшний день характерна жесткая экономия на рабочей силе, в штате работает минимальное количество сотрудников, зарплаты платятся по минимуму. При этом основной акцент издания стараются делать сегодня на Интернет-версиях, считая их не менее доходными чем печатные, но требующими меньших расходов. Примерно половина онлайн журналистов зарабатывает меньше, чем их коллеги, работающие в печатных изданиях. Более половины (53 %) онлайн журналистов не получили журналистского образования [10].

Основными тенденциями в развитии СМИ являются: монополизация, глобализация, финансиализация и коммерциализация, а также ущемление прав журналистов.

Практически все средства массовой информации в Латинской Америке сконцентрированы в руках нескольких семей-медиамагнатов. Эти семьи многие поколения участвуют в политике различных латиноамериканских стран, средства массовой информации, находящиеся под их контролем являются инструментом манипуляции населением государств.

Коммерциализация и финансиализация также оказывают негативное влияние на качество средств массовой информации Латинской Америки. Огромные объемы рекламы, целые полосы заказных статей — далеко не самые страшные проблемы изданий. Газета в Латинской Америке — это теперь не средство получения достоверной информации. Это, во-первых, инструмент пропаганды для собственников СМИ, а во-вторых, пакет акций, с помощью которого можно наращивать свой капитал.

Результатом развития выше перечисленных процессов является все большая оторванность СМИ от аудитории. Печатные издания давно стали прерогативой элиты во многих странах Латинской Америки. Телевидение — является не

источником информации, а способом отвлечься от многочисленных социальных и материальных проблем за просмотром американского ток-шоу или сериала. Единственный способ сложить собственное мнение о происходящем вокруг — это постоянный поиск альтернативной информации в Интернете или немногих СМИ, противостоящих гегемонии США и медиамагнатам.

Без выбора остаются и те, кто избрал себе профессию журналиста: почти единственная возможность зарабатывать — научиться писать «правильно» для оппозиционных изданий, любая попытка высказать свое мнение грозит увольнением. Профессия журналиста, изначально предназначенная для того, чтобы говорить правду, на сегодняшний день превращается в работу специалиста по связям с общественностью внутри крупного медиаконцерна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Из доклада ЮНЕСКО. *Polpred.ru*.
2. Сапунов В.И. Мировые информационные агентства : системное воздействие на аудиторию / В.И. Сапунов. — Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2007. — С. 149-150.
3. Сапунов В.И. Мировые информационные агентства : системное воздействие на аудиторию / В.И. Сапунов. — Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2007. — С. 18
4. Липницкий Денис. «Пузыри» и «маятники» в истории экономики» / Денис Липницкий. — (denis-lipnitsky.livejournal.com).
5. Климов В.П. Реально-виртуальный мир образования : «в ожидании Годо» / В.П. Климов. — (<http://www.inurb.ru/node/254>).
6. «FLIP concerned over dismissal of columnist during election period». — October, 2009. — (http://www.ifex.org/colombia/2009/10/15/lopez_fired).
7. «Tiene Televisa perdidas; confirma 750 despidos». — April 26. — 2001. — (http://www.accessmylibrary.com/coms2/summary_0286-3312382_ITM).
8. «Univisión anuncia despido de 300 empleados», 2009-02-27.
9. <http://www2.esmas.com/noticierostelevisa/internacional/044941/univision-anuncia-despido-300-empleados>.
10. www.journalism.com.

Осенкова Т.А.
Воронежский государственный университет.
Аспирант факультета журналистики.
e-mail: phland@mail.ru

Osenkova T.A.
Voronezh State University.
The post-graduated student of Department of Journalism.

УДК.101.1

РОЛЬ ГУМАНИЗМА В СМИ КАК ФАКТОРА ПРЕОДОЛЕНИЯ НЕГАТИВНОГО ВЛИЯНИЯ НА СОЗНАНИЕ ИНДИВИДА И УРОВЕНЬ КУЛЬТУРЫ В ОБЩЕСТВЕ

© 2011 А.В. Петрихин

Воронежский государственный технический университет

Поступила в редакцию 2 февраля 2011 года

Аннотация: В данной статье рассматривается проблема воздействия СМИ на сознание индивида. Автор обращает особое внимание на необходимость соблюдения принципов гуманизма в процессе профессиональной деятельности журналиста.

Ключевые слова: СМИ, гуманизм, профессионализм, социокультурное воздействие, ценностно-мировоззренческий кризис.

Abstract: The article is devoted to the problems of influence of mass-media on consciousness of the individual. The author pays special attention on necessity to observe principles of humanism in the professional activity of journalists.

Key words: mass-media, humanism, professionalism, socio-cultural influence, value-ideological crisis.

Сегодня под воздействием тенденций глобализации человечество остро нуждается в формировании принципиально нового (общепланетарного) мышления, открывающего возможность повышения уровня межкультурных коммуникаций, способствующего интеграции «многообразных векторов» человеческой самоактуализации. На практике данная ситуация оборачивается не только «манящими» перспективами (исчезновение межсоциальных конфликтов (в особенности войн), гармоничное соразвитие регионов, активное освоение космоса, оперативное реагирование и преодоление последствий технико-природных катастроф), но и отчетливо прослеживающейся угрозой унификации, стандартизации поведения и мышления индивида. Весьма существенный вклад в каждую из указанных перспектив могут внести СМИ, способные, тем самым, выступить в роли «двухсторонней медали», условия, как для беспрецедентного возвышения, так и для небывалого упадка свободы и творческих возможностей конкретного, единичного «Я». Активная трансформация постиндустриального

общества в его новую, «информационную» модель предопределила тот факт, что масс-медиа стали одним из важнейших компонентов социокультурной «среды обитания» человека, тем самым выйдя за грань только информационно-коммуникативной функции.

Например, Е.П. Прохоров, уделяющий особое внимание в сфере СМИ проблемам журналистики, считает последнюю полифункциональной системой, выделяя следующие, наиболее существенные, шесть ее функций:

1. Коммуникативную – функцию общения, налаживания контакта, которую автор называет исходной функцией журналистики.

2. Непосредственно-организаторскую, в которой наиболее наглядно проявляется роль журналистики как «четвертой власти».

3. Идеологическую (социально-ориентирующую), связанную со стремлением оказать глубокое влияние на мировоззренческие основы и ценностные ориентации аудитории, на самосознание людей, их идеалы и стремления, включая мотивацию поведенческих актов.

4. Культурно-образовательную, заключающуюся, по мнению автора, в том, чтобы, будучи одним из институтов культуры общества, уча-

ствовать в пропаганде и распространении в жизни общества высоких культурных ценностей, воспитывать людей на образцах общемировой культуры, тем самым способствуя всестороннему развитию человека.

5. Рекламно-справочную, связанную с удовлетворением утилитарных запросов в связи с миром увлечений разных слоев аудитории.

6. Рекреативную (развлечения, снятие напряжения, получение удовольствия) [1, 66].

Таким образом, СМИ — это не только зеркало, но и прекрасный инструмент влияния, создания новых ценностей и ориентации. Один из современных крупнейших социологов Э. Гидденс так характеризует значимость СМИ в жизни современного общества: «Средства массовой информации — газеты, журналы, кино и телевидение — часто ассоциируются с развлечениями и поэтому рассматриваются как нечто второстепенное в жизни большинства людей. Подобный взгляд совершенно неверен. Массовая коммуникация затрагивает многие аспекты нашей жизни... Даже «расслабляющие» средства информации, такие, как газеты и телевидение, оказывают огромное влияние на наше мироощущение. Это происходит не столько из-за их специфического воздействия на наши позиции, сколько потому, что они становятся средствами доступа к знаниям, от которых зависит общественная жизнь».

В связи с этим, на данный момент СМИ являются мощным структурирующим фактором, оказывающим колоссальное влияние как на мировоззрение индивида в частности, так и на ценностную ориентацию общества в целом. При этом далеко не всегда это влияние можно признать позитивным, направленным на достижение гуманных, благородных целей. К примеру, казалось бы бесспорный плюс, выражающийся в открытости, доступности потоков информации оборачивается реальной ситуацией ориентации СМИ на «человека массы», способного воспринимать ее не для своего нравственного, профессионального, интеллектуального и т.д. развития, а лишь для удовлетворения повседневных, эмоциональных потребностей. Опасность данной ситуации заключается в том, что индивид, лишенный (преднамеренно/стихийно — со стороны СМИ; сознательно/бессознательно — со стороны самого индивида) альтернативных источников информации, утрачивает способность образно, творчески мыслить. Более того подача фактов (их интерпретация), создание визуальных образов (реклама, массовые стереотипы поведения и т.д.) непосредственно им не контролируются, что приводит к возможности с их помощью

управлять сознанием аудитории. Получается так, что такое неотъемлемое явление нашей жизни как средства массовой информации способно и, к сожалению, зачастую оказывает весьма негативное влияние на общество в целом и каждого конкретного индивида в частности.

Следует отметить, что «система СМИ, как и любая другая система, неразрывно связана с объективными условиями своего существования: материально-техническими, экономическими, социально-политическими, условиями духовной жизни, определяющими их функции и типологические признаки» [2, 190], а поэтому сами по себе СМИ являются лишь инструментом, с помощью которого можно влиять на человека по-разному. За качественный характер их воздействия напрямую несут ответственность стоящие за ними «силы», а также государство, призванное охранять своих граждан от любого агрессивного воздействия. Однако многое зависит непосредственно и от самой аудитории: каковы запросы, таковы и «зрелища» (закон «спрос — предложение»). В связи с этим движение к гуманизации СМИ должно одновременно исходить из активности индивида, стремящегося к своему самосовершенствованию, развитию (спектр сфер и направлений многообразен) и общества, благосостоятельность и международный авторитет которого напрямую зависят от качественных характеристик, входящих в него людей.

Все это раскрывает суть одного из важнейших парадоксов гуманизации: нельзя сделать человека истинно добрым или любящим извне, нельзя сформировать за него присущие ему гуманистические убеждения. Только изнутри могут образоваться условия, в которых человек сам придет к этим убеждениям, свободно выберет их. При этом именно СМИ способны стать предпосылкой для индивидуального развития индивида, той практической платформой, благодаря которой принципы гуманизма будут активно «входить» в повседневную жизнь людей, «напоминая» о необходимости самосовершенствования, мотивируя их деятельность, направляя их активность в русло «добра и красоты».

В связи с этим функции СМИ по отношению к обществу в целом и индивиду в частности должны представлять собой аспект сознательной, целесообразной журналистской деятельности. Журналист является непосредственным посредником между аудиторией и «потоком» информации. В зависимости от того, какой «путь» он выбирает, какой позиции придерживается, меняется и степень ее влияния на потребительские массы, деятельность социальных институтов и их активность.

Гуманность творческой деятельности журналиста появляется в том случае, когда она пронизана идеей прогресса общества, когда он обращается к «целям» общечеловеческой истории. Е.П. Прохоров выделяет следующие требования к современному журналисту:

1. Прогрессивность позиции.
2. Энциклопедическая образованность.
3. Гуманизм, стремление к «добру, справедливости и истине».
4. Владение методологией социального анализа.
5. Способность толерантно относиться к инакомыслящим, умение способно и конструктивно оценивать их взгляды и предложения.
6. Вести диалог без обидных и тем более оскорбительных ярлыков в расчете на поиск и обнаружение совместных, приближающихся к истине решений [3, 137].

*Петрихин А.В.
Воронежский государственный технический университет.
Аспирант кафедры философии, специальность — социальная философия.
e-mail: petrihin85@mail.ru*

Таким образом, будучи одним из институтов культуры, журналистика призвана участвовать в пропаганде и распространении в обществе высоких культурных ценностей, воспитывать людей на образах общемировой культуры, тем самым, способствуя всестороннему развитию человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики / Е.П. Прохоров. — М. : Изд-во МГУ, 1995. — 293 с.
2. Мрочко Л.В. Теория и практика массовой коммуникации / Л.В. Мрочко. — М. : Флинта, 2006. — 238 с.
3. Прохоров Е.П. «Введение в теорию журналистики» / Е.П. Прохоров. — М. : РИП-холдинг, 2000. — 307 с.

*Petrihin A.V.
Voronezh State Technical University.
Post-graduate student Faculty of Natured and Humanic sciences.*

УДК 070 (470.341-25) «20»

НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОРОДСКОЙ ЖУРНАЛ НАЧАЛА XXI ВЕКА

© 2011 В.Н. Романова

Нижегородский государственный лингвистический университет

Поступила в редакцию 19 января 2010 года

Аннотация: Статья посвящена установлению типологических особенностей современного регионального городского журнала. На материале трех нижегородских журналов автор выделяет константные признаки городского журнала, анализирует состояние журнальной прессы Нижнего Новгорода первого десятилетия XXI века.

Ключевые слова: региональная пресса, городской журнал, макрожанр, «интеллектуально ориентированный» журнал, конвенциональная концепция издания.

Abstract: The article is dedicated to the establishment of the typological specifications of a modern regional city magazine. On a base of the three Nizhny Novgorod State magazines the author marks out the constant indications of a city magazine, analyzes the condition of the Nizhny Novgorod magazine press of the first decade of the 21st century.

Key words: regional press, city magazine, macro genre, "intellectual oriented magazine", conventional concept of the publication.

Вопрос типологии современных печатных СМИ является в той же степени назревшим, в какой и мало разработанным. Установление типологических особенностей современного регионального городского журнала, несомненно, относится к числу актуальных задач теории современной журналистики.

Решение названной задачи осложняется обстоятельством, хорошо известным теоретикам и практикам региональной прессы. Городской журнал, издающийся в провинциальных российских мегаполисах, как феномен, обладает в числе прочих свойств, отличающих его от столичных изданий, недолговечностью и нестабильностью. Недолговечность в большой степени объясняется экономическими причинами, нестабильность — поисками на рынке региональной печатной прессы «своей» ниши.

Эти причины, однако, не являются единственными, объясняющими недолговечность и нестабильность регионального городского журнала.

Какие еще обстоятельства влияли (и продолжают влиять) на содержательные, формальные

и временные особенности «нового» нижегородского городского журнала первых лет XXI века, а также каковы типологические особенности этого рода изданий, рассмотрим на примере журналов «Самокат» (выходил с 2001 по 2005), «Open клуб» (2002–2005) и «Крупный план» (2003–008).

... О том, что российская региональная пресса имеет существенные особенности в сравнении со столичной, неоднократно писали отечественные исследователи [2, 3, 5, 7 и др.]. Анализ провинциальной (региональной) прессы позволяет назвать следующие ее существенные и характерные черты.

Во-первых, слабую конкуренцию изданий друг с другом, объясняющуюся малочисленностью субъектов, владеющих печатными изданиями или контролирующими их. Особенно это касается журнальной периодики.

Во-вторых, эклектизм печатных СМИ, возникающий как реакция на постоянную смену или корректировку общественных приоритетов и отражающий эклектизм самой современной российской действительности.

Третьей характерной чертой провинциальной (региональной) прессы является монополизм, ограничивающий развитие периодиче-

ских печатных изданий. Монополизм, в разной форме сохранившийся и в распространении прессы, и в полиграфической сфере, снижает возможность издания рентабельного продукта. Большинство изданий живет за счет дополнительных спонсорских денег, получаемых от их владельцев, и рекламных доходов, поэтому тираж и популярность СМИ на информационном рынке не так важны, как успех СМИ в контактах с рекламодателями и спонсорами.

Важная особенность провинциальной российской журнальной прессы — экономический «дуализм» (во многом объясняющий, например, специфику содержания нижегородского журнала). Финансовые средства, которые поступают в редакции, чаще всего приходят от рекламодателей высокого уровня с продукцией категории «люкс». Как следствие, возникает противоречие: реклама и PR (а это почти половина всего содержания любого современного издания) ориентированы на читателя с высоким достатком, а остальное содержание и предполагаемая цена — на средний класс (как наиболее вероятного потребителя «интеллектуального журнала»).

В провинции вообще и в Нижнем Новгороде, в частности, остро стоит проблема распространения (дистрибуции) городского журнала. Региональные издатели в России, в отличие от большинства стран, не могут поставить фиксированную цену на свой продукт. Так называемая «рекомендуемая цена», обычно указываемая на обложке, редко используется распространителем, т.к. иначе его доход окажется нулевым. Таким образом, отсекается та часть аудитории, для которой эта разница может сыграть роль. И если «раскрученные» бренды, так или иначе, раскупаются, то вновь выходящим на рынок изданиям гораздо сложнее. Им нужно уговорить дистрибутора взять свой журнал в продажу, а дистрибутор делает это с большой неохотой — он боится идти на риск, когда известные издания уже приносят ему стабильный доход. За то, что продукт берут в сеть распространения, нужно платить дополнительно или предлагать какие-либо взаимозачеты. За выгодное расположение издания ближе к витрине киоска также надо доплачивать. Большинству изданий приходится предоставлять товарный кредит дистрибуторам (вместо должных условий 100 % предоплаты), идти на экономические риски.

Как правило, в нестоличных городах России используется устаревший способ продаж газет и журналов: не по западному образцу, в павильонах, а в киосках или на развалах. Подобный способ лишает потребителя возможности пролистывать журналы и спокойно выбирать «свое» издание. Издания, распространяющиеся бесплатно,

имеют свои презентационные стенды, но они не дают абсолютного доступа к журналу всех его потенциальных читателей (экземпляры часто заканчиваются, не все люди оказываются в местах распространения в момент выхода издания и т.д.).

Региональный рекламодатель еще достаточно молод (в начале 90-х рыночные отношения только начали развиваться) и, следовательно, неопытен. Это приводит к стереотипам в мышлении и рекламодателя, и СМИ. Так, например, зачастую в провинциальных городах считается, что профильные продукты должны рекламироваться только в профильных изданиях: мужские линии — в мужских журналах, банки — в деловых и т.д.

Определив особенности регионального рынка печатной прессы, обратимся непосредственно к проблеме городского журнала.

...На сегодняшний день количество и многообразие типов журналов позволяют построить более точную их внутреннюю классификацию не только по источнику финансирования (сетевые, федеральные, региональные), но и по формату и позиционированию. Например, в категории «глянцевых» ежемесячных журналов есть все основания выделить не только лайфстайлиновые издания, но и «интеллектуальные».

Представляется, именно этот тип и следует обозначить как «городской журнал».

Чтобы сравнить журналы, нужно классифицировать их не столько по концепции или позиционированию, сколько по «общему знаменателю» этих понятий. В зависимости от того, какую информационную задачу ставит перед собой издание и какими выразительными средствами на уровне текста или изображений оно пользуется для контакта с читателем, определяется и набор наиболее употребительных жанров. Устойчивый набор жанров служит одной из важнейших характеристик типа конкретного издания и формирует «макрожанр».

Определим его у изданий — объектов нашего исследования.

Анализ показывает: предмет интереса анализируемых изданий составляет разносторонняя, объемная совокупность событий, фактов, мнений, явлений действительности, а функцию — формирование на этой основе картины жизни общества, определение тенденций развития, социальное прогнозирование. Учитывая названные факторы, можно сделать вывод, что макрожанром городского журнала следует считать *обзор* или *обозрение*. Вполне закономерно, что в издании такого типа в качестве ключевых фигур журналистской команды выделяются обозреватели, комментаторы, колумнисты. В «Крупном плане», например, их тексты не только составляют костяк номера, но и занимают

ключевые позиции на страницах издания, а основные используемые жанры в этом журнале, соответственно — статья, комментарий, обзор, эссе, очерк и другие крупные материалы. Планирование и прогнозирование номеров проводились в «Крупном плане» очень тщательно; ведущими арт-проектами в названном журнале занималась сама редактор. В журналах «Самокат» и «Open club» также ключевыми являются тексты, ориентированные на читателя, расположенного к масштабным жанрам и ценящего в опубликованном материале интеллектуальный аспект. Для «Самоката» были особенно характерны очерк и развернутая беседа (часто с элементами очерка). Журнал «Open club» ставил жанровый акцент на собственно обзоре и комментарии (хотя и колумнистике здесь отдавалась почетное, значимое место).

Устанавливая типологические особенности городского журнала, принципиально важно ответить на вопрос, какова концепция изданий данного типа, имеет ли эта концепция свою специфику.

Концепция современного издания как система взглядов, оформленная документально в виде редакционного документа или присутствующая в работе редакции в виде убеждений, традиций и устоявшихся норм, подразумевает также и сознательный выбор базовой коммуникативной стратегии в общении со своей аудиторией. Для интеллектуального «городского» журнала значимость выбора стратегии особенно велика, т.к. он ориентирован именно на общение со своим читателем, а не на коммерческие взаимоотношения с ним.

По мнению исследователей проблематики коммуникативных технологий [4, 56–58], в настоящее время существует три основных типа стратегий, которыми и пользуются СМИ для установления контакта с аудиторией:

манипулятивная (управление поведением аудитории);

конвенциональная (диалогичность общения с аудиторией);

презентационная (пассивное общение с аудиторией).

Сегодня при создании концепции издания необходимо выбрать ту или иную стратегию коммуникации, иначе она окажется заведомо неэффективной, какие бы цели ни ставились перед изданием. Важно отметить, что в практике деятельности СМИ только на декларативном уровне заявляется, как правило, именно конвенциональный тип отношений с аудиторией (диалог) — самый уместный в современном демократичном обществе, и, безусловно, наиболее приемлемый для «городского» журнала «для чтения». Он подразумевает гибкость позиции

издания, открытость к общению и обсуждению и, в итоге, выработку общей для редакции и аудитории мировоззренческой платформы. Именно совместное создание смысла, который возникает внутри коммуникативного процесса, и есть основа конвенциональной стратегии. На практике же, как показал анализ, все три исследуемые журнала используют все доступные типы коммуникаций, в том числе манипулятивный, чтобы выжить на рынке и завоевать доверие своей аудитории.

Как уже упоминалось, нижегородский городской журнал пока оказывается очень недолговечен. Все три объекта нашего исследования — издания, в общем, достаточно успешные и интересные (причем практически не имеющие конкурентов на рынке в своей нише) — закрылись одно за другим.

Причина, как представляется, состоит в том, что Нижний Новгород, несмотря на свой бурный рост во многих сферах и отраслях, остается достаточно провинциальным в журналистике, и для нашего города характерны все основные проблемы региональной периодики, описанные выше.

Однако существуют и типично нижегородские особенности, на которые указывают многие работающие журналисты и действующие редакторы различных изданий. К внутригородским проблемам нижегородской журналистики относят:

чрезмерное влияние человеческого фактора при решении профессиональных вопросов, т.к. бизнес-элита города невелика и состав этого круга хорошо известен: издания создаются и закрываются, соответственно, на основании дружеских договоренностей или, наоборот, личных ссор. Деловая сторона вопроса часто оказывается менее значимой;

недостаток профессиональных кадров ощущается особенно остро: несмотря на то, что три вуза города готовят журналистов и многие вузы — филологов, выпускники крайне редко соответствуют требованиям редакции. Чаще всего молодые люди либо не имеют способностей, а подчас и склонности к журнальной журналистике, либо совершенно неверно представляют свою деятельность в профессии (они изначально ориентированы либо на создание текстов рекламного характера, либо на поверхностно-развлекательные статьи и т.д.). Соответственно, подобные сотрудники не могут работать в интеллектуальном, социально активном издании городского типа;

журналистика не является приоритетной отраслью развития для администрации города и, следовательно, она плохо финансируется, мало контролируется и практически не развивается, хотя и воспринимается представителями власти как инструмент в их деятельности;

основной уровень доходов населения не настолько высок, чтобы покупать достаточно дорогостоящие «глянцевые» издания, независимо от их наполнения, или даже посещать «элитные» места бесплатного распространения журналов. А значит, читательская аудитория нижегородского городского журнала невелика изначально. Он оказывается ориентированным на узкий круг жителей города с доходами среднего и выше среднего уровней.

Проведенное исследование позволило нам сделать вывод о том, что городской журнал — это журнал, обладающий следующими признаками:

- основой его содержания является узнаваемая и несомненно городская информация, причем ее ядро образуют общественно значимые (для данного города) темы в их проблемном (журналистском, а не коммерческом) звучании;
- это «интеллектуально ориентированный» журнал;
- это журнал преимущественно «для чтения»;
- это журнал, обладающий ярко выраженной оригинальностью — стилевой в первую очередь;
- макрожанр этого типа журнала — обозрение;
- жанр, «задающий тон» в таком издании — колумнистика;
- экономической основой такого журнала является местный источник.

В завершение можно сказать, что, с одной стороны, нижегородская региональная журнальная периодика постепенно приближается к структурам, распространенным в мировой практике, становясь все более «стройной», разнообразной и демократичной, отвечая потребностям своей аудитории и региона. А с другой — постепенно преодолевает тягу к копированию западных образцов (что было характерно для российской прессы в конце прошлого века). В процесс формирования нового общества постепенно создается и новая система информационных потребностей. Некоторые из этих потребностей наилучшим образом удовлетворяет городской журнал, формирование которого в Нижнем Новгороде происходит уже около десяти лет, но еще не завершилось.

*Романова В.Н.
Нижегородский государственный лингвистический университет
Доцент кафедры культурологии, истории и древних языков.
e-mail: vera@romanova.nnov.ru*

ЛИТЕРАТУРА

1. Голикова Л.Б. Типология деловых журналов / Л.Б. Голикова // Вестник Московского Университета. Серия 10. Журналистика. — 2007. — № 5. — С. 41-53.
2. Есин Б.И. Еще раз о типологии / Б.И. Есин // Вестник Московского Университета. Серия 10. Журналистика. — 2005. — № 6. — С. 65-71.
3. Засурский Я.Н. Колонка редактора : Российская модель СМИ в начале XXI века / Я.Н. Засурский // Вестник Московского Университета. Серия 10. Журналистика. — 2006. — № 2. — С. 3-8.
4. Иваницкий В.Л. Концепция периодического издания и его коммуникативная стратегия / В.Л. Иваницкий // Вестник Московского Университета. Серия 10. Журналистика. — 2005. — № 5. — С. 50-68.
5. Калашникова Л.Д. Журналы русской провинции / Л.Д. Калашникова // Север. — 1994. — № 5/6. — С. 158-161.
6. Корконосенко С.Г. Теория журналистики и практика прессы / С.Г. Корконосенко // Вестник Московского Университета. Серия 10. Журналистика. — 2003. — № 2. — С. 118-128.
7. Мартынов Д. Проблемы российской региональной прессы / Д. Мартынов, А. Оськин // Вестник аналитики. — 2007. — № 3. — С. 160-171.
8. Овсепян Р.П. История новейшей отечественной журналистики : февраль 1917 — начало XXI в. : учеб. пособ. / под ред. Я. Н. Засурского. — М. : Изд-во Моск. Ун-та : Наука, 2005. — 352 с.
9. Тулупов В.В. Региональная пресса : характер трансформации в переходный период / В.В. Тулупов // Вестник Московского Университета. Серия 10. Журналистика. — 2003. — № 2. — С. 34-51.
10. Шкондин М.В. Газетно-журнальная типология в условиях становления коммуникативной системы информационного общества / М.В. Шкондин // Вестник Московского Университета. Серия 10. Журналистика. — 2003. — № 2. — С. 12-32.
11. Шкондин М.В. Понятие «тип» в теории журналистики / М.В. Шкондин // Журналистика в 2003 году. — М., 2004. — Ч. 1. — С. 288-292.
12. Шостак М.И. Журналы России / М.И. Шостак // Вестник Московского Университета. Серия 10. Журналистика. — 2003. — № 2. — С. 53-64.

*Romanova V.N.
Novgorod State Linguistic University
Associate professor (docent) of the Culturology, History and Ancient Languages Department of Nizhny.*

УДК 070.4:004.451.55

ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ БЛОГОВОЙ МЕДИАКРИТИКИ

© 2011 А.А. Садовников

Ивановский государственный университет

Поступила в редакцию 5 июля 2010 года

Аннотация: В статье рассматриваются проявления медийной критики в блогосфере Интернета. Отталкиваясь от признаков блоговой журналистики, автор вводит понятие блоговой медиакритики и предлагает типологию ее материалов. Статья ставит проблемы взаимодействия в Сети профессиональных критиков СМИ и любителей-блогеров, их различного влияния на качественное развитие и перспективы медиакритики.

Ключевые слова: Интернет, веб 2.0, блогговая журналистика, медиакритика, телекритика, гражданская медиакритика.

Abstract: The article observes the displays of media criticism in the weblogosphere. Make a start from the factors of journalism blog, the author introduces the conception of media criticism blog and suggests structural typology of its content. The article raises the problem of the web interaction between the professional media critics and amateur bloggers, which have a different influence on the qualitative development of media criticism in prospect.

Key words: the Internet, web 2.0, journalism blog, consumer generated media, media criticism, television criticism, citizen media criticism.

В современных научных работах регулярно подчеркивается важность распространения и изучения медиакритики в свете развития медиаграмотности населения. Вместе с тем, проявления медиакритики в сетевом пространстве исследованы достаточно слабо. В то же время изменение социокультурного значения Интернета, а также трансформация журналистики в онлайн-пространстве обязывают нас обратить пристальное внимание и на процесс адаптации сферы медийной критики к современным коммуникационным условиям новых медиа.

Освоение профессиональной медиакритикой Интернет-пространства происходит очень медленно. На новостных сайтах и в сетевых изданиях размещаются написанные профессиональными журналистами материалы, посвященные критическому разбору и оценке медиаконтента. Они либо тиражируют статьи бумажных изданий, либо являются оригинальными произведениями, появившимися только в Сети. В обоих случаях

эти тексты обладают всеми типологическими признаками печатной критики.

С другой стороны, Интернет предлагает миллионы сообщений на форумах, гостевых страницах и иных системах комментирования, которые выражают критико-оценочное отношение к медийному содержанию. Стихийная критика СМИ принадлежит пользователям Интернета, взятым в их самой широкой массе. Жанрово-стилевые формы этих сугубо сетевых текстов имеют мало общего с традиционными выступлениями критиков на страницах прессы. Краткие, очень субъективные и, как правило, неаргументированные послания, являющиеся письменной фиксацией устной речи, далеки от формата аналитических обзоров, статей и рецензий. Однако эти сообщения являются голосом самой аудитории, демонстрирующей характерный уровень своеобразного восприятия медийного содержания. Этот факт позволяет отнести ответные тексты получателей массовой информации к сфере медиакритики.

Названные выше профессиональная и любительская медиакритика являются двумя полюса-

ми одного и того же явления. Под их влиянием формируется облик медиакритики в блогах. На журналистскую деятельность блогосфера уже оказала серьезное воздействие. Вслед за укреплением позиций Интернет-журналистики, развитие концепции веб 2.0 позволило говорить о возникновении феномена «блоговой журналистики». Отмечается, что сетевые дневники приобрели некоторые свойства СМИ [1]. Непрофессионалы получили возможность принимать участие в процессе сбора, обработки и распространения информации. Функции, добровольно принятые на себя любителями, во многом дублируют задачи журналистики, а их блоги содержат в себе признаки журналистских текстов [2].

Аналогичные признаки переносит на себя и медиакритика в блогах: в соответствующем сегменте Сети увеличиваются объемы и степень свободы как профессиональной, так и любительской критики СМИ. Вместе с тем, онлайн-среда бытования оказывает на них серьезное влияние. В первую очередь, это связано с интерактивностью и дискуссионностью блогов, что ведет к изменению роли критика и росту актуальности медиакритических произведений для аудитории. Не менее важной оказывается и жанровая трансформация под влиянием стилистики письма Интернета и его мультимедийных возможностей. Все это позволяет использовать — вслед за понятием «блоговая журналистика» — и термин «блоговая медиакритика».

Типология публикуемых в блогах медиакритических материалов затруднена. Если оттолкнуться от предложенного А.П. Короченским для медиакритики в целом фактора аудитории [3], то одно и то же сообщение в Сети может быть одновременно и массовой критикой (в силу потенциально неограниченной возможности доступа Интернет-пользователей), и внутрикорпоративной (сориентированной на фактически небольшое количество постоянных читателей). Мы сможем провести разделение, учитывая и уровень профессионализма исполнителя и особенности формируемого им содержания.

Блоги с медиакритической составляющей можно разделить на три группы. Блоги первой группы ведут журналисты, которые занимаются медиакритикой в своих СМИ. Они полностью подчиняют сетевой дневник собственным профессиональным задачам — анализу медиаконтента. Их коллеги-журналисты, а кроме того и медиаспециалисты, также по роду деятельности причастные к анализу и изучению медиапродукта, формируют блоги второй группы. Но в отличие от первой группы, их содержание имеет самую широкую направленность и не ограничивается лишь медиакритикой. Наконец, субъекты третьей

группы блогов не имеют прямого отношения к критике в онлайн-овых или оффлайн-овых СМИ. Это люди различных профессий, в блогах которых изредка или перманентно появляются посты и сообщения, содержащие медиакритику. Рассмотрим названные типы блогов подробнее.

Итак, в первую очередь, нас интересуют журналисты и медиаспециалисты, призвание которых — исследовать и оценивать медиаконтент, распространять информацию о деятельности и содержании СМИ. Используют ли эти профессионалы блоги? Оказывается, собственные сетевые дневники имеют совсем немногие. И лишь считанные единицы ведут исключительно медиакритические блоги. Они и составляют первую группу. К ним относятся, например, блог Юрия Богомолова bogomol37.livejournal.com, а также блог и персональный сайт Константина Ковалева: 0kk0.livejournal.com, kkovalev.ru/Sledy-na-tele.htm.

Юрий Богомолов не переносит в дневник тексты своих публикаций. В его блоге — регулярные ссылки на материалы, размещенные автором в «Российской газете», на сайте «РИА Новости» и сайте www.polit.ru. Тексты, которые не размещены в Интернете, публикуются целиком. Этот ресурс можно было бы назвать персональным дайджестом, если бы не старания автора задействовать инструментарий блога и расширить за счет него содержание своих публикаций.

Большую часть ссылок на медиакритические материалы Богомолов сопровождает краткими резюме. Автор сообщает, о чем повествует та или иная статья, в доступной форме поясняет изложенную в ней точку зрения, а иногда раскрывает мотивы, которые побудили его затронуть тему публикации. Бывают случаи, когда журналист размещает в своем блоге авторские оригиналы фрагментов статей, которые претерпели серьезную редакционную правку или вообще не были опубликованы в «Российской газете» по «техническим причинам». Вкупе с авторским комментарием эти тексты приносят в блог толику оригинальности.

Кроме того, критик регулярно делится с читателями дневника исключительно блогowymi мини-рецензиями, откликами на различные телесобытия, которые не затрагивались им в разрабатываемых обозрениях. Причиной этому может быть особый характер события — часто лежащего на периферии, не привлекающего основное внимание аудитории. Блог становится для журналиста и способом всего лишь заявить тему для последующей публикации. Или озвученная позиция может быть слишком резкой, изначально не подпадающей под формат СМИ. Схожим образом функционируют и личные ресурсы в Сети Константина Ковалева. Исходя

из вышеперечисленного, можно заключить, что форма и содержание блогов первой группы представляет собой существенную инновацию профессиональной блогерской медиакритики, если сравнивать ее с печатным прообразом.

Тем временем, большинство медиаспециалистов и медиакритиков не используют свои блоги в таких же специализированных рамках. Ко второй группе можно отнести дневники обозревателей сайта «Дни.ru» Марии Гореславской goreslavskaya.livejournal.com и сайта «РИА Новости» Сергея Варшавчика warsh.livejournal.com, ведущей радиостанции «Эхо Москвы» Ксении Лариной klarina.livejournal.com и некоторых других.

Контент-анализ этой группы блогов показывает, что оригинальная медиакритика в ней качественно уступает материалам, опубликованным этими же самыми журналистами в печатных и сетевых изданиях. Блоги осознанно отодвигаются авторами на второй план и исполняют роль скорее вспомогательного инструментария для обратной связи с читателями. Как правило, эти дневники мало чем отличаются от большинства блогов неспециалистов, которых интересуют события культуры, экономики, политики. Авторы второй группы блогов оставляют сообщения личного характера «для друзей», публикуют ссылки на заинтересовавшие их материалы в Сети, активно используют видео и фото. Доля медиакритики в них минимальна, причем она близка по своему формату выступлениям любителей. Это либо ссылки на собственные публикации различной тематики, как, например, у Сергея Варшавчика (иногда с кратким анонсом), либо просто лаконичные эмоциональные замечания. Например: «Ну почему в этих издевательствах над Караченцевым все участвуют?! Марк Захаров, например. Отвратительно (сейчас на НТВ)» [4].

Подобные сообщения характерны и для блогов рядовых пользователей Интернета. Любители, не имеющие возможности профессионально работать в СМИ, добровольно осваивают журналистскую деятельность, в том числе пытаются выразить свое субъективное мнение по отношению к содержанию масс-медиа. Их Интернет-страницы составляют третью группу блогов с медиакритической направленностью.

Интерес здесь представляют люди, известные за пределами Интернета. Их блоги уже имеют сравнительно большую аудиторию, авторитет их авторов способен оказывать влияние на читателей. Медиакритические сообщения в таких блогах часто посвящены наиболее заметному событию на телевидении, каким, например, стало недавнее появление сериала «Школа». Телекритика резонансных передач оказывается встроенной в тематику сетевого дневника — с учетом граждан-

ской позиции автора и его эстетических вкусов. К примеру, политик Илья Яшин зацепился за привычное ему разъяснение медиатехнологий: «Я почти уверен, что первые морализаторы, публично раскритиковавшие «Школу», были стимулированы пиарщиками» [5]. Редкие проявления оценки ТВ в блоге приводятся как иллюстрация общественно-политических убеждений автора. Сатирик Михаил Задорнов, оттолкнувшись от разбора съёмки, перешел к «вечному»: «Объективности ради должен отметить довольно хорошую игру актеров, точную и органичную, у них нет напыщенности, присущей актерам со штампами. Я бы даже сказал, что очень интересна операторская работа. Но все это помножено на самый главный минус, поэтому все плюсы не имеют значения. А минус в том, что основной посыл фильма — не любовь человека к человеку» [6].

Сравнивая группы блогов, интересным представляется противопоставление первых двух. Характер субъекта у них одинаков — профессиональный. Однако авторы различным образом относятся к своим дневникам. Показателен блог декана высшей школы телевидения МГУ Виталия Третьякова, который по содержанию может быть отнесен ко второй группе. В своем «политдневнике» он упоминает сериал «Школа» с показательной ремаркой: «Свое мнение об этом сериале уже сложилось, но пока я о нем умолчу. Думаю, сложилось такое мнение и у большинства авторов этого блога» [7]. Проигнорировав Интернет-читателей, Третьяков публикует свои мысли спустя целых две недели в колонке «Известий» [8]. На следующий день для посетителей блога этот текст был лишь скопирован без каких-либо ремарок. Сравним с этим ситуацию, когда Юрий Богомолов разместил в своем блоге развернутое сообщение «Долгоиграющая провокация» [9]. Эмоциональный пост был размещен по горячим следам после просмотра программы «Человек и закон». Через несколько дней текст трансформировался в колонку «Пиманов в роли Тартюфа» на сайте «РИА Новости» [10]. Так наспех высказанное (а не утаенное для последующего газетного эксклюзива) мнение, в том числе и благодаря читательским откликам, вступившим с автором в дискуссию, выросло в полноценную статью.

Блоги первой группы оказываются заложниками своей специфической направленности в силу фактора аудитории. Узкая тематика не привлекает большое количество читателей: к указанному чуть выше сообщению Юрия Богомолова пользователями было оставлено всего 15 комментариев. Разумеется, это не позволяет развернуть обширную дискуссию, имеющую значимый резонанс и влияние на блогосферу. Однако немногочисленная аудитория таких блогов является

более качественной для критика, нацеленной на активную обратную связь. Для сравнения статьи Богомолова на сайте «Российской газеты», имеющей несравненно большее число читателей, комментируются еще реже.

Блог Сергея Варшавчика популярнее ресурса Юрия Богомолова, поскольку ежедневно пополняется сообщениями на различные темы, интересующие широкую аудиторию. Если бы в этом блоге уделялось достойное место и медиакритике, тогда она бы получила в свое распоряжение многочисленных читателей сетевого дневника. Однако на деле этот ресурс Варшавчиком и большинством его коллег фактически не используется. Журналисты отдают себе отчет в том, что аудитория основных изданий, в которых публикуются их материалы, и без того несравненно больше аудитории блогов. И не придают им серьезного значения, сознательно готовя полноценные и качественные тексты именно для СМИ.

Центральным свойством, отличающим блогую медиакритику от печатной, является мультимедийность. Продвижение медиакритики в массы оказывается возможным за счет специальных блогов, сделавших популярность на размещении разноплановой информационно-развлекательной информации. Залог их успеха — активное использование мультимедийного контента. А появление в таких блогах медиакритической составляющей увеличивает потенциальную аудиторию блоговой медиакритики и позволяет отнести эти проявления к медиакритике массовой — в пределах Интернет-аудитории. Разумеется, все эти блоги относятся к третьей группе — среди популярных в Сети блогеров профессиональных медиакритиков нет.

Мультимедиа-блог Рустема Адагамова drugoi.livejournal.com иногда затрагивает деятельность СМИ. Во время вооруженного конфликта в Южной Осетии в августе 2008 года drugoi ежедневно анализировал сообщения в различных мировых СМИ, пытался отделить правду от вымысла, опираясь на факты, зафиксированные электронными средствами [11]. В центре его внимания — доступные в Интернете репортажные видео- и фотоматериалы. Разбору последних уделялось пристальное внимание, в том числе на предмет возможного фотомонтажа. Адагамов указывал на многочисленные ошибки в подписях к фотографиям, ложные и слишком вольные интерпретации снимков в исполнении журналистов. В августе 2009 года объектом критики блогера стал фильм «08.08.08. Война в прямом эфире», показанный по Первому каналу. Drugoi демонстрировал увеличенные фрагменты передачи, доказывающие несоответствие картинки и закадрового перевода слов американского фотографа.

Так качественная блогговая медиакритика создает в Сети свои оригинальные разновидности. Одна из них — фотокритика — имеет объектом своего внимания репортажные снимки. Это позволяет говорить о появлении мультимедийной (извините за тавтологию!) медиакритики в рамках развивающейся медиакритики блоговой. Ее механизмы должны оказать влияние на традиционную критику СМИ. Вспомним, что в Сети также популярна кинокритика с фрагментами фильмов и даже аудио-рецензии с музыкальными вставками. Использование профессиональной медиакритической фото-, видео- и аудиоэлементов позволит расширить свою аудиторию и увеличить степень актуальности для рядового потребителя медиапродукта. Однако на деле в исполнении профессиональных критиков подобного не происходит. Это парадоксальная особенность ставит крест на краткосрочных перспективах профессиональной блоговой медиакритики.

Важно отметить, что одной из проблем печатной телевизионной критики всегда являлось отсутствие перед глазами читателя собственно объекта критики. В результате автору регулярно приходится пересказывать увиденное, объяснять буквально на пальцах. Читателю, который не смог лично просмотреть и прослушать нужный фрагмент эфира, оставалось лишь вслепую довериться рассказу критика. Включение обозреваемых аудио и видео фрагментов позволяют журналисту преодолеть линейность электронных СМИ, зафиксировав объект критики в своем материале.

Важно, чтобы ключевую роль в процессе развития медиакритики в Сети играли все же медиапрофессионалы. Но многие из них как, например, Ирина Петровская или Анри Вартанов, полностью игнорируют онлайн-форму общения и платформу веб 2.0. При этом трудно утверждать, что опытные исследователи медиа пренебрегают виртуальными технологиями лишь в силу возрастной отсталости. Скорее следует говорить об инертности профессиональной медиакритики, не желающей встраиваться в систему современных коммуникаций. Даже в Сети ее отличает ориентация на традиционную текстовую культуру убеждения. При этом не учитываются, например, поменявшаяся модель восприятия информации «электронным» поколением, прежде всего молодежью [12], клиповое мышление которой не приемлет объемные тексты. Критики продолжают бороться со средствами массового воздействия их же методами — массовой пропагандой, забывая, что качественная пресса в силу своей малоохватности никогда не сможет противостоять объемам телевизионных аудиторий. И, разумеется, раз от раза они проигрывают сражение на чужом поле и ведущееся по чужим правилам.

Одновременно новые авторитеты Сети — блогеры — все чаще выступают в роли медиакритиков в среде веб 2.0. Насыщенные фото и видео материалом, их блоги оказываются в авангарде сетевой медиакритики и могут вызвать более широкий общественный резонанс, нежели массовая медиакритика в исполнении профессионалов на страницах прессы.

В результате качественное и жанровое развитие медийной критики в сети обуславливается не приходом профессионалов этой области в пространство Интернета, а освоением медиакритики активными пользователями Сети. Это свидетельствует о необходимости смены тактики в попытках развития медиаграмотности общества в целом и медиакритики в частности. В результате в сегодняшней медиалогии актуальной является не только работа по распространению знаний и развитию дискуссии о медиакритике [13], но и задача активного освоения медиаспециалистами и журналистами блоговой медиакритики. Она осуществляет решение ряда проблем медиакритики традиционной. Среди них и массовое распространение критических материалов, и налаживание полноценного диалога с читателем, и жанровая адаптация авторов к современным условиям восприятия СМИ аудиторией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева А.О. Блоги — новые СМИ? / А.О. Алексеева // Интернет-СМИ: Теория и практика:

учеб. пособие для вузов / Под ред. М.М. Лукиной. — М., 2010. — С. 290-294.

2. Богданова Д.П. Блоги в системе сетевых коммуникаций / Д.П. Богданова // Журналистика электронных сетей. Сборник научных работ / Отв. ред. проф. Акопов А.И. — Факультет журналистики ВГУ. — Воронеж, 2008. — С. 76.

3. Короченский А.П. «Пятая власть»? Медиакритика в теории и практике журналистики / А.П. Короченский. — Ростов-на-Дону, 2003. — С. 43-46.

4. <http://goreslavskaya.livejournal.com/61836.html>.

5. <http://yashin.livejournal.com/868145.html>.

6. <http://mzadornov.livejournal.com/10252.html>.

7. <http://v-tretyakov.livejournal.com/2010/01/15/>.

8. <http://www.izvestia.ru/comment/article3138165/>.

9. <http://bogomol37.livejournal.com/35973.html>.

10. <http://www.rian.ru/authors/20091211/198699932.html>.

11. <http://drugoi.livejournal.com/2008/08/09/>.

12. Аникина М.Е. Молодежь как аудитория СМИ / М.Е. Аникина // СМИ в меняющейся России: Коллективная монография. — М., 2010. — С. 231-234.

13. Баканов Р.П. К проблеме необходимости профессиональной дискуссии о медиакритике / Р.П. Баканов // Журналистика в 2009 году: Трансформация систем СМИ в современном мире. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. — М., 2010. — С. 5-6.

*Садовников А.А.
Ивановский государственный университет.
Аспирант кафедры журналистики и рекламы.
artem@sadovnikov.su*

*Sadovnikov A.A.
Ivanovo State University.
Post-graduate, Department of Journalism and
Advertising.*

УДК 070.4:655.26

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ ПРИРОДЫ ДИЗАЙНА

© 2011 А.С. Сундуков

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 18 марта 2011 года

Аннотация: В статье рассматривается сущность дизайна как такового и дизайна периодической прессы в частности. Для более полного раскрытия понятия и его отношений с наукой, техникой и искусством автор обратился к информационному подходу.

Ключевые слова: дизайн, наука, техника, искусство, информация.

Abstract: This article is devoted to design of its own and to design of pages in particular. We tried to explain a notion of this phenomenon. We applied to informational approach to show differences between design, science, technology and art.

Key words: design, science, technology, art, information.

Диапазон научных определений дизайна очень широк. Первый журнал, имеющий в своем названии слово «дизайн», появился в Англии в 1849 г. — *Journal of Design*. В предисловии к одному из первых номеров редактор Ричард Редгрейв отмечал: «Дизайн имеет двойственную природу. На первом месте — строгое соответствие назначению создаваемой вещи. На втором — украшение или орнаментирование этой полезной структуры. Слово «дизайн» для многих связывается чаще всего со вторым, с независимым орнаментом, противопоставленным с полезной функции, нежели с единством обеих сторон» [1]. Как видно из высказывания, уже в то время исследователи противопоставляли дизайн оформлению, украшательству. Это вызвано тем, что зарождение дизайна обычно связывают с индустриализацией и механизацией производства. Однако обусловлен ли он исключительно промышленностью? Что было до индустриализации? Ведь данное явление не могло возникнуть на пустом месте.

Очевидно, что дизайн в некотором роде, существовал на протяжении всей производственной деятельности человека (не только промышленной,

но и ремесленной) в тех случаях, когда создателю было необходимо представлять образ будущей вещи, ее функции и место в системе ценностей. Пожалуй, наиболее яркий пример «доиндустриального дизайна» демонстрирует Леонардо да Винчи, создавший модели множества устройств. И пусть его идеям, опередившим время, не хватало адекватной материальной базы для их полной реализации (то есть включения в производство), методология создания концептуальных моделей вещей станет основой дизайнерского труда в будущем. Пока же она находилась лишь в области инженерии, то есть в сфере применения и компоновки научных достижений для решений конкретных задач.

С другой стороны, ремесленное производство, в котором решающую роль играли смекалка и мастерство изготовителя, стало средой развития декоративно-прикладного искусства. Распространение рыночных отношений вызывало у ремесленника необходимость учитывать интересы и вкусы возможного покупателя или же конкретного заказчика. Поэтому создание эстетически привлекательного образа вещи становилось важной частью процесса производства. Позднее это найдет отражение в таком направлении дизайна как *стайлинг*, создание фирменного стиля.

Таким образом, на заре индустриализации, когда происходил переход к машинному тиражируемому производству, имелись все предпосылки для формирования дизайна как особой сферы, тесно соединяющей в себе как науку с ее творческой стороной (техническое проектирование), так и искусство с его логической стороной («красота на заказ»). Промышленное же производство привело к разделению труда, что сначала обособило область дизайна, а затем привело к появлению профессии, сформировав тем самым его важную составляющую — *ориентацию на решение индустриально-коммерческих задач*. В число индустриальных входят разработка новых продуктов, модификация прежних, структурирование рабочего процесса производства. К коммерческим задачам относится изучение потенциального спроса, создание уникального лица товара, выведение его на рынок и расширение круга возможных покупателей во многом за счет его привлекательности.

Еще в 1910-1930-е годы, когда дизайн стал осознаваться как особая и самостоятельная деятельность, некоторые исследователи сочли дизайн одной из ипостасей искусства. Герберт Рид сравнил дизайн с абстрактным искусством. Русские художники-авангардисты называли его «производственным искусством». Томас Мальдонадо, при котором и было утверждено данное понятие, сказал, что дизайн действительно содержит в себе элементы искусства, но не совпадает с ним. Сегодня он видится как нечто среднее между «строгой наукой» и «духовным искусством», воплощенное во всеобщем принципе удобства (в частности удобства в использовании, «удобства для глаз»).

Для более детального рассмотрения взаимодействия *дизайнерской, научной и художественной* видов деятельности мы собираемся проанализировать эти когнитивно-преобразующие процессы с позиции **информационных систем**. За последние полвека понятие информации значительно расширилось: от совокупности сведений, передаваемых в человеческом обществе, — до глобальной категории взаимодействия всех объектов в природе. Поэтому нам предстоит выйти на более глубокий уровень представления этого базового понятия, которое на сегодняшний день используется практически всеми науками и не имеет четкого определения в силу его нередуцируемости. В самом широком смысле, *информация — это все, что может быть воспринято кем-то*. Общество, в котором мы живем на данный момент, принято называть информационным из-за развития соответствующих технологий. Однако дело не только в новых способах мгновенной передачи данных, но и в понимании того, что по сути все в мире

управляется информационными процессами, образуя системы разных уровней. Основными элементами этих систем являются условные **источник (1), адресат (3) и передающая среда (2)**, по которой проходит канал связи между ними (*см. схему №1*).

Они обмениваются трансляциями сигналов, используя для кодирования информации различные методы, представленные в виде определенных соглашений. Эти так называемые *соглашения* (знаковая система) представляют собой некий язык, на котором отправляемая информация выражается как *идея* в виде *сообщения*, а получаемая — как реализация *функции* сообщения в виде его *смысла*. Кроме того, само поступление сообщения адресату еще не является фактом получения информации, пока получатель не воспримет его, используя адекватный метод.

Существует несколько направлений в трактовках информации. Можно выделить *количественный и качественный подходы*. «Математическая теория связи» К. Шеннона [2] и развивающие это направление теории рассматривают информацию как устранение неопределенности, происходящие при выборе или получении одного из обозначенного набора вариантов, что позволяет измерить **количество**. Минимальная единица — выбор одного из двух вариантов — бит. Это самая простая форма представления информации — двоичная система. Существуют и более сложные системы. Так с количественной точки зрения можно сказать, что, например, стихотворение А.С. Пушкина, начинающееся со строк «Я помню чудное мгновенье» содержит 638 знаков или 103 слова текстовой информации на русском языке (мера и способ трансляции). Количественные подходы находят применение, в кодировании и передаче данных с минимальными затратами, то есть упор делается на *источник (1) и канал связи (2)*.

Объектом дизайна, который мы изучаем в большей степени, выступает именно разновидность канала коммуникации — журнал как вид периодической печати, несущий графическую (текстовую и иллюстративную) информацию определенного объема в промежуток времени (количество страниц, периодичность) и соотношения (преобладание шрифтовой или изобразительной графики, цветовая гамма, количество элементов на полосе и пр.). Печатные методы воспроизведения подобной информации развивались на протяжении пятисот лет. Новые способы вытесняют устаревающие — сегодня предпечатный процесс максимально оцифровывается, набор текста и верстка производятся на компьютере, пленочные фотоаппараты заметно уступают электронным. Как видим, методы производства и

передачи значительно продвинулись к ускорению информационного потока, и совместно с ними прогрессировали методы восприятия.

Акцент на восприятии и осуществляющем его субъекте делается при рассмотрении **качественной стороны** информации. С этой точки зрения помимо адекватных методов *адресату* (3) необходимо иметь определенный уровень развития (подготовленности) для извлечения информации, которая в зависимости от ее новизны обладает некой ценностью. Ю.А. Шрейдер называл предшествующий запас информации адресата *тезаурусом* [3]. Наибольшую ценность в конкретный момент имеет та информация, которая последовательно дополняет тезаурус, то есть является как бы следующим кирпичиком в системе принимающего — тем, чего ему не хватало для развития своей системы.

Но и повторение одинаковых данных может тоже принести пользу помимо чисто количественной (перепроверка и сравнение информации, обновление за счет того, что не было воспринято из-за шумов, закрепление). Воспроизведение в определенный момент закреплённых данных может выполнять сигнальную функцию, которая вызывает характерные реакции у адресата (образуется тем самым новый уровень языка). Например, язык и алфавит, с помощью которых мы общаемся. Максимальная новизна его (открытие) будет у ребенка, а значит ребенок, изучающий алфавит и чтение, будет получать наиболее ценную информацию, поскольку она сформирует основу его тезауруса. И в дальнейшем видение тех же самых слов будет нести уже ценность другого уровня.

В прессе подобные процессы также находят отражение в выработке определенного *языка восприятия*. Покупая в первый раз номер сегодняшнего «Огонька» вы можете «удивиться», обнаружив на центральном развороте «Фото недели». В следующий раз вы уже будете знать, что делать, если сразу захотите увидеть фото. Так работают не только распределение рубрик, но и распределение шрифтовых, графических выделений (вопросы в интервью, врезки). Все это большое количество различных текстовых и иллюстративных блоков переходит в качество, когда адресат обладает определенным уровнем подготовки. Эволюция дизайна прессы шла параллельно с эволюцией читателя (развитием его уровня восприятия). Сегодняшний читатель обладает «клиповым мышлением», соответственно и пресса публикует не просто линейные тексты, а политексты, оформляющиеся как, своего рода, презентации.

Без необходимого тезауруса информация просто может быть не получена или искажена. Это касается восприятия не только функциональной, но и эстетической информации. В названии стихотворения А.С. Пушкина, приводимого уже

в качестве примера выше, содержится своеобразный шифр «K***». Для реализации его смысла необходимо знать некоторые биографические данные поэта. В принципе это характерно для искусства в целом, когда адресат образует свой смысл произведения, поскольку эстетическая информация субъективна. Безусловно, **искусство** рассматривается нами и как одно из направлений познания действительности, но в результате мы получаем авторское видение мира, в отличие от объективного научного [4]. Поэтому в искусстве могут быть самые разные трактовки, и эстетическая информация не может быть измерена количественно. Разберем отражение творческого процесса на схеме коммуникации (см. схему №1).

Духовная, эстетическая информация.

Итак, художник (*источник — 1*) вкладывает свои определенные идеи, замыслы, которые он хочет донести в послании, выражая их на языке образов. При этом он может прибегать к элементам дизайна, которые проявляются в продумывании образов, композиции, видении целостного будущего произведения. Но художник в отличие от дизайнера в большей степени свободен. Он не обязан следовать определенным правилам по выбору способов и методов передачи. Более того, он может создавать такие сложные произведения, которые могут оказаться трудными для их полного восприятия. Дизайнер же творит для аудитории и для него самое главное, чтобы его послание было воспринято адекватно. Кроме того, даже если художник и пытается представить, что в итоге у него должно получиться, результат вполне может быть непредсказуем.

Важным моментом также является тот факт, что эстетическая информация в принципе не устареет. Дизайн напрямую связан со временем. Промышленное изделие имеет смысл, если оно полезно «здесь и сейчас». Теряя свою полезность, оно становится наследием прошлого, раритетом. Однако с точки зрения стиля предмет может только обретать с годами все большую ценность своей эстетической информацией, потому что ретро всегда в моде.

Материальная, научная информация.

Говоря о **науке**, стоит заметить, что частично она перечеркивает прежние свои достижения за счет их обновления — пересмотра, доработки, расширения. Можно выделить цепочку из нескольких коммуникационных связей: природа (естественная или «вторая», рукотворная, общественная) — исследователь (ученый) — аудитория (другие ученые или студенты, ученики). При наблюдении или постановке эксперимента адресатом (3) является сам исследователь, стремящийся постичь источник (1), устройство природы. Он выдвигает некоторую гипотезу относительно

того, какую информацию он должен получить от проведения наблюдения или эксперимента [5], и о чем будет говорить подтверждение или опровержение предположения. Задача ученого сделать так чтобы полученный смысл по возможности максимально соответствовал действительности. Для этого необходимо применять адекватные методы, стараясь наиболее точно измерить данные. Естественно, ученому необходимо обладать определенным багажом знаний (ранее полученной информацией) для составления гипотезы, извлечения правильного смысла из наблюдения. Постигая все больше, человек открывает новые методы наблюдения и фиксации информации, недоступные его естественным чувствам, что позволяет ему воспринимать больший спектр сигналов природы.

Язык законов интерпретируется ученым в виде неких формул, категорий, понятий, и тогда на новом витке информационного потока адресат *сам становится отправителем*, участвующим в образовательном процессе — несении научных знаний другим людям. Для того, чтобы смысл, который извлечет получатель, максимально соответствовал исходящей идее (тому, что пытается донести научный сотрудник) необходимо выстраивать правильную методологию, соответствующую уровню адресата (будет ли это ученик школы, студент или другой научный сотрудник). Это не что иное, как системное моделирование результатов исследования, создание концепции, которая обеспечит поток информации в инновационные и образовательные структуры общества. Фиксирование таких данных, которые могут привести к реализации новых смыслов. Соответственно задача ученого — правильно наладить канал связи для постижения природы (или общества, если это гуманитарная наука), ее структурной информации передачи знаний другим людям.

Ученый представляет свою интерпретацию бытия — реальности, пропущенной через его логический аппарат — выражающую смысл в виде функций, понятий, которые являются общедоступными и объективными. Ученый стремится постичь «дизайн» природы, чтобы выявленный им смысл не только максимально соответствовал идее, но и отражал все те сложные связи между знаками и явлениями, которыми создано «послание».

Функциональная (техническая) информация.

Образование функциональной информации — этап, предваряющий любое производство. Он имеет место в процессе **изобретательства**, решения технической задачи благодаря конструктивному применению последних научных данных. За счет успешной комбинации явлений и предметов, используя язык функций, изобретатель создает

приспособление, решающее поставленную задачу (или способ, если речь не только о материальном объекте). Это первый этап создания «*второй природы*» — концепт и модель, выполняющая установленные функции. Другими словами, целью изобретательской деятельности является польза с минимальными затратами. Мы уже говорили выше, об эволюции методов, которые, по сути, и являются носителями функциональной информации. В отличие от искусства здесь новое, как правило, вытесняет старое за счет ускорения процессов, расширения возможностей или уменьшения затрат. Здесь также проявляется (опять же на этапе выбора языка и создания сообщения) одна из главных особенностей, характерная и для дизайна, — конструирование функционирующей модели и новаторство.

Индустриальная (производственная) информация.

После изобретения вещь (или принцип) попадает в **производство**. Именно здесь и появляется настоящий **дизайн**, который объединяет в себе черты, присущие на этом этапе другим коммуникационным системам. «*Профессиональное мышление дизайнера помещается в условном треугольнике между образным мышлением художника, системным — ученого, инновационным — изобретателя*» [6]. К этим трем компонентам добавляется присущий сугубо производству *смысл адресата — потребление*. Индустрия выполняет свое предназначение через потребление, следовательно, здесь включаются рыночные механизмы, ставящие свои уникальные задачи для дизайнера: выражать цели, потребности заказчика и привлекать внимание потребителя своей новизной, эстетической ценностью, уникальностью среди других предметов схожих функций.

Попробуем теперь при помощи схемы определить наше главное понятие. Итак, мы отводим дизайну место на этапе кодирования (формообразования) [7], где и в других коммуникационных процессах отражаются черты дизайнерской деятельности. То есть в широком смысле дизайн — это процесс (и результат), в котором используются наработки научного, технического и художественного языков для создания своего уникального высказывания. Здесь дизайн сам становится *языком производственно-потребительской коммуникации*, отвечая за то, как и из каких «букв» будут собираться данные, и каким образом получатель будет «считывать» сообщение, реализовывая его смысл. Чтобы не возникало путаницы, поясним эти обобщающие высказывание. Под «идеей сообщения» в схеме индустриальной коммуникации понимается не вербализованная мысль, а конкретная вещь, точнее ее сущность. Вещь, таким образом, яв-

ляется «высказыванием производителя», его сообщением потребителю. Более глобально эту точку зрения можно развить в мысль М. Маклюэна: *«средство коммуникации — это сообщение»* [8], подразумевающую, что СМИ, как и любые другие производимые промышленностью предметы, помимо выполнения предназначения несут сообщение всему человечеству. Именно функционирующая вещь как средство коммуникации, канал связи и является объектом дизайна.

Схематично дизайн можно определить как совокупность методов структурирования (в контексте идеи) различных видов информации в «сообщение» (в рамках канала) с учетом качественного и количественного «тезауруса» отправителя и получателя. Выражаясь языком производственных коммуникаций, в рамках которых дизайн и существует, мы попытаемся определить его как **совокупность методов, направленных на структурную разработку функциональных и эстетических качеств запланированного предмета, соотносящихся с нуждами и возможностями потребителя/производителя**. На наш взгляд, такое понимание отражает современную системность дизайна и позволяет объединить различные близкие понятия в единую группу дизайнерских методов. К ним можно отнести *моделирование вещи; производственное проектирование; художественное конструирование; а также креатив, построенный на анализе и поиске новых решений*.

Моделирование вещи как системы основывается на конкретизации ее функций, предназначения. Построение модели предполагает некоторое упрощение, создание заменителя, отражающего и закрепляющего структурные связи элементов системы как внутренних («скрытых» от пользователя), так и интерфейсных (взаимодействующих с потребителем). При отборе этих факторов для модели образуются критерии для типологизации предметов (подробнее о типологии — в следующей части главы).

Говоря о моделировании применительно к дизайну периодической печати, следует сказать о КГМ (композиционно-графической модели). В КГМ не входит закрепление всех иллюстраций и частей текста по местам — это касается лишь некоторых постоянных журнала (логотипа, фото автора, колонки редактора и пр.). В модель включаются *описания* типов используемых изображений и материалов, типов необходимых текстовых блоков (заголовков, лид, врезка, основной текст, подзаголовки и т.д.), закрепленных в стилях программы для верстки (какая гарнитура, кегль, интерлиньяж и т.д.).

Другими словами, моделирование устройства вещи — это ответ на вопрос, *как она будет работать*.

Производственное проектирование или проектирование рабочего процесса — это превращение модели в конкретную вещь, подбор на основе модели конкретных материалов, их структурирование. *«Дизайнеры должны четко представлять себе все этапы производства и давать каждому исполнителю понятные инструкции»* [9]. Дизайн периодически предполагает выбор не только физического материала (например, вид бумаги), но в большей степени интеллектуального. Здесь мы уже говорим об обязанностях ответственного секретаря, в которые входит планирование по полосам конкретного номера и, по сути, его реализация — отбор текстовых и иллюстративных материалов (намеченного и незапланированного), их структурирование, создание оригинал-макета, контроль верстки. Иначе говоря, производственное проектирование отвечает за то, *как вещь будет создаваться*.

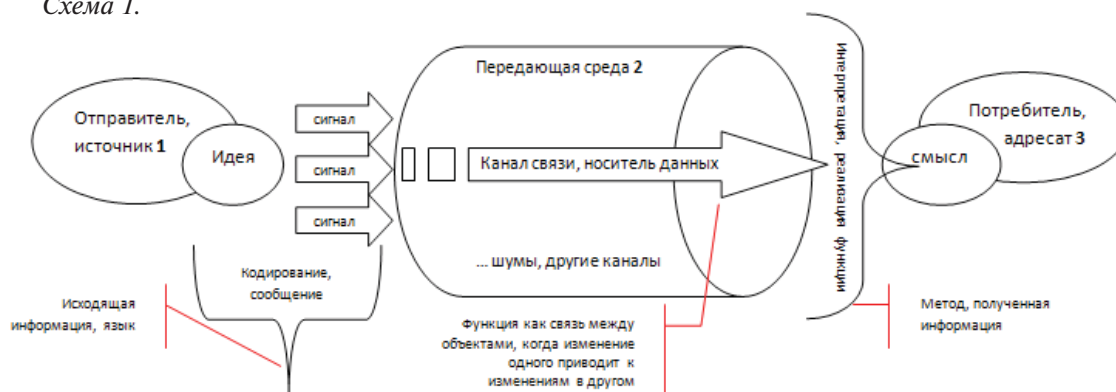
Художественное конструирование. Сюда входят методы и принципы, составляющие категории искусства — работа со стилем, образами, композицией. Эти методы одинаково применимы как в рамках моделирования, так и в рамках производственного проектирования. В первом случае они проявляются в создании постоянных элементов модели (привлекательных, запоминающихся), которые станут неотъемлемыми визуальными чертами, то есть фирменными признаками. Сюда можно отнести и стайлинг — разработка яркого внешнего вида продукта без серьезного затрагивания внутренних связей конструкции. В журнале фирменными визуальными чертами являются логотип, колонтитулы, цветовая гамма, декоративные элементы, которые закрепляются в КГМ. В рабочем же процессе художественное конструирование выражается в поиске наиболее эффективных способов реализации задачи. Так, ответственный секретарь постоянно вынужден применять композиционные решения — как разместить иллюстрации и текст друг относительно друга на полосе, развороте или нескольких разворотах.

По аналогии с другими дизайнерскими методами про художественное конструирование можно сказать, что оно отвечает за то, *как вещь будет выглядеть*.

Аналитический креатив основывается на изучении ниши, которую занимает предмет в коммуникационной среде, его эффективности, привлекательности. Все это направлено на *экспериментирование* и поиск *новых оригинальных решений*, которые сделают производимую вещь еще лучше, полезнее, красивее.

Перечисленные методы, на наш взгляд, в совокупности представляют сущность современного дизайна. На практике их не стоит значительно разграничивать, поскольку они все взаимосвяза-

Схема 1.

ны. Тем не менее, каждый производитель сам для себя решает, каким из них отдавать приоритет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цит. по: История дизайна. — С. 34.
2. Клод Шеннон назвал свою работу именно «Математической теорией связи», поскольку понимал всю сложность понятия информация и одновременно его привлекательность для использования.
3. Шрейдер Ю.А., Тезаурусы в информатике и теоретической семантике / Ю.А. Шрейдер // Научно-техническая информация. — Сер. 2. — 1971. — № 3.

4. Стоит отметить, что научная картина мира тоже имеет свои рамки, ограниченные общечеловеческими возможностями.

5. Передающей средой будет выступать та область природы, с которой непосредственно взаимодействует исследователь. По сути это объект.

6. Головки С.Б. Дизайн деловых периодических изданий / С.Б. Головки. — М.; 2008. — С. 15.

7. Здесь следует вспомнить, что слово «информация» образовано от латинского *in forma* (придание формы).

8. «Media is the message». Этому посвящена целая глава книги М. Маклюэна «Понимание медиа» («Understanding Media»)

9. Головки С.Б. Указ. соч. / С.Б. Головки. — С. 17.

Сундуков А.С.
Воронежский государственный университет.
Аспирант, преподаватель кафедры рекламы и дизайна.
e-mail: sunduckoff@gmail.com

Sundukov A.S.
Voronezh State University.
Postgraduate student, teacher of advertising and design sub department.

УДК 070(5):778.5

ЗАБЫТЫЕ ТЕМЫ В АРАБСКОЙ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ КИНЕМАТОГРАФИИ

© 2011 Фирас Джамил Джасим

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 февраля 2011 года

Аннотация: После второй Войны в Арабском заливе на Ближнем Востоке появились молодые режиссеры с документальными фильмами, говорящими о проблемах простых людей. Среди них — иракский режиссер Тарек Хашим (фильмы «16 часов в Багдаде», «Зайнаб»); Хувейда Таха из Египта (фильм «Позади солнца»), иракский режиссер Базим Кхар (фильм «Угнетенная почта»).

Ключевые слова: забытые темы, арабский документальный фильм, имам Шафи, боль, страдание, мечты.

Abstract: The face of the Arab creations. After the second Gulf war many filmmakers appeared, and show us many documentary films talking about the people problems e.g. Tareq Hashim: Iraqi director, his film «16 hours in Baghdad», «Zainab»; Huweida Taha her film «Behind the sun» in Egypt; Basim Qhar, Iraqi filmmaker the «Depressed mail».

Key words: Forgotten themes, Arabic documentary, imam Shafi, pain, suffering, dreams.

В течение многих лет произведения арабских кинематографистов были посвящены темам, которые имели прямое отношение к судьбе арабской нации, смене власти, национальной идентичности и которые были связаны с войнами, революциями, колониальной политикой, оккупацией территорий, освобождением и обретением независимости. Арабский кинематограф все больше интересуется просто историей из-за тех многочисленных кризисов, с которыми постоянно сталкивается арабская нация и в которых кинематографисты черпают вдохновение для своих произведений и находят темы для своих работ. Такая интерпретация истории в арабских фильмах ограничивает круг тем в кинематографии, которая отдает предпочтение забытым древним цивилизациям. В течение долгого времени правительство контролирует учреждения культуры, кинематографии и средства массовой информации, навязывая свою идеологию. Даже в частных организациях можно найти книги и

фильмы, которые касаются исторических тем и идеологических вопросов в арабском мире, но не затрагивают вопросов народа.

Война в Арабском заливе стала важным этапом в арабской киноиндустрии. Отечественная интеллигенция поставила под сомнение политические устои, критикуя социальные и моральные ценности господствующей в стране власти. Война дала свободу культурным учреждениям, и правительство перестало контролировать средства массовой информации и кинематографию. Новые арабские каналы начали трансляцию из других стран. Благодаря этому появились режиссеры, философы и писатели [1].

Многие пытаются не затрагивать национальные вопросы. Так, документальные фильмы поставлены по мотивам историй и романов, которые, обращаясь к арабской реальности, больше критикуют правительство.

Последние десять лет кинематографисты все больше акцентируют внимание на забытых темах, которые кажутся более близкими к реальности. В 2003 г. после нескольких месяцев амери-

канской оккупации в Ираке иракский режиссер Тарек Хашим снял фильм «16 часов в Багдаде». Фильм уделяет много внимания деталям, камера фиксирует развалины, грязь, пыль, разрушения войны отражены в глазах пораженных людей. Самый важный момент в фильме представлен сценой с простым багдадским бакалейщиком, который темной ночью рассказывает о цене овощей в своей лавке. Режиссер просит ближе поднести лампу к лицу, но тот, не слыша его слов, продолжает повторять одни и те же фразы. Все происходит очень быстро: за три минуты зритель может почувствовать состояние смятения, в котором пребывают режиссер и бакалейщик. Из-за отсутствия электричества лампа становится символом сцены. Бакалейщик безмолвно поднимает лампу всякий раз, когда помощник режиссера просит его показать свое лицо. Эта сцена символична и показательна: она построена на совпадениях, случайностях. Режиссер, импровизируя, акцентирует внимание на случайностях, которые задают общую канву фильма [2].

Обычно в Багдаде режиссеры снимают сцены с развалинами, демонстрациями, толпой людей. Однако в фильме Тарека Хашима основными действующими лицами являются не только люди, но и места, например площадь Тахрир, одно из самых знаменитых мест в центре Багдада. Камера попеременно показывает панорамный вид площади, которая представлена как мрачная пустыня, где ветер разбрасывает пустые консервные банки, газеты, пластиковые пакеты, старые фотографии. Когда-то более 20 тысяч человек каждый день посещали эту площадь, наполняя ее звуками, ароматами и цветами. В фильме зритель видит заброшенную, покинутую людьми площадь, потому что отныне война заставляет их идти домой или отправляет напрямик в могилы...

Во втором фильме под названием «Зайнаб» Тарек Хашим рассказывает о судьбе известной иракской актрисы Зайнаб (в Ираке ее называют народной актрисой), которая была забыта 25 лет, поскольку арабские и иракские средства массовой информации совсем не упоминали ее. Фильм начинается сценой похорон актрисы в Дании, где присутствуют многие выдающиеся иракские и арабские артисты, поэты, друзья и ее родственники. Сцена вселяет страх всем собравшимся в такую дождливую погоду, а дождь кажется протестом против смерти актрисы. В фильме режиссер затрагивает забытые детали жизни Зайнаб, которая сыграла важную роль в судьбе иракского народа и смерть которой не освещалась арабским телевидением. Эмигрировав из Ирака, актриса потеряла самое важное в своей жизни, работу, и осталась одинокой,

изолированной от родного языка и культуры. Ее роли в кино сделали актрису очень популярной и близкой иракскому народу. Фильм Тарека Хашима открывает перспективу для создания новых тем в арабском и иракском кинематографе, таких как наследство нации и жизнь женщины в жестоком обществе.

Продолжая данную тему, следует упомянуть фильм «Позади солнца» египетской журналистки Хувейды Таха. Фильм рассказывает о заключенных, которые подвергаются жестоким пыткам в египетских тюрьмах. По мнению режиссера, независимо от того, преступник ли он или невиновный человек, никто не имеет права оскорблять чужое достоинство.

Политические режимы вершат правосудие, привязывая к политической безопасности криминалитет и обращаясь с каждым политическим заключенным хуже, чем с обычными преступниками. Такое отношение объясняется тем, что слабость полиции зачастую означает неспособность правительства решить вопросы политической безопасности. В первой части Хувейда Таха использует записи офицеров полиции, которые снимают пытки своих жертв, во второй части фильма заключенные рассказывают о жизни в тюрьме. Эти слабые, беспомощные, несчастные люди — забытые жертвы, которые нуждаются в признании и понимании того, что они тоже человеческие существа.

Фильм, показанный в двух частях арабским телеканалом «Аль-Джазира», представляет собой противопоставление двух идеологий: с одной стороны, борьба за человеческие права, с другой стороны — идеология правящего режима. Если фильм «Позади солнца» может вызвать скандал в Европейском союзе, то в арабских странах он воспринимается обычно, общественность уже привыкла к таким реалиям [3].

Однако не только политические режимы стали источником дискуссий, сама жизнь породила персонажей, сюжеты и место действия в фильмах. Хувейда Таха провела шесть месяцев в египетских судах. Египетское правительство обвинило ее «в нанесении ущерба национальным интересам Египта».

Другой показательный фильм — «Угнетенная почта», снятый иракским режиссером Базимом Кхаром в Каире. Тысячи писем со всего мира приходят на могилу имама Эль-Шафи. Люди пишут о своих страданиях, о несправедливости, о надеждах, о мечтах, возлагая свои письма к могиле. Почему они просят справедливости и помощи у человека, умершего тысячу лет назад? Базим Кхар считает, что правительства ничего не делают и не дают всем этим отчаявшимся людям хлеб, кров и достоинство.

По мере того, как камера движется, в кадре мы видим плачущих людей у могилы, переполненной письмами. Это люди, которые молят имама о помощи, поскольку государство не может найти решения их проблем, а правительство только сжигает письма с их болью, страданиями и надеждами.

Правительства арабских стран в течение многих лет монополизировали кинематограф.

В настоящее время арабские режиссёры более независимы в выборе тем и сюжетов, чем прежде. Сейчас камера в руках людей, которые могут запечатлеть действительность по-другому. Несмотря на то, что такого рода фильмы еще далеки от профессиональных стандартов, режиссеры своими творениями открывают новую эпоху

в киноиндустрии. Значит, есть надежда на то, что в будущем такие фильмы займут достойное место в кинематографе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аль-Зобаиди Каис. Изображение и звук в кино. — Дамаск : Издательство Министерства культуры, 2006. — С. 164.

2. Миданат Аднан. Линзы фантазии. Дамаск : Издательство Министерства культуры, 2007. — С. 123.

3. Кхар Базим. Простой человек в арабском документальном кино. — документальный журнал на сайте «Аль-Джазира», документальный Канал. — Выпуск 2. — 2009. — С. 2.

*Фирас Джамил Джасим.
Воронежский государственный университет.
Аспирант
e-mail: basreatha@yahoo.com*

*Firas Jamil Jasim
Voronezh State University
PhD. Student in Faculty of Journalism*

УДК 070.11 (477)

ЦЕННОСТНЫЕ ДОМИНАНТЫ УКРАИНСКОЙ МЕДИАКРИТИКИ

© 2010 Э.В. Хмеленко

Белгородский государственный университет

Поступила в редакцию 6 ноября 2009 года

Аннотация: В статье представлены результаты исследования аксиологического аспекта творчества украинских телекритиков-колонистов. С одной стороны — определены ценностные доминанты в деятельности влиятельной на Украине группы авторов-критиков СМИ накануне новых президентских выборов, с другой — уточнена взаимосвязь аксиологии и медиакритики как одной из областей журналистики.

Ключевые слова: медиакритика, телекритика, аксиология, ценность, ценностная доминанта.

Abstract: The study of axiological background of creative work of Ukrainian television critics are presented in the article. The dominant values are in the field of concept «freedom». The article examines the relationship of axiology and media criticism as the sphere of modern journalism.

Key words: media criticism, television criticism, axiology, value, dominant values.

Центральным объектом системного анализа и оценивания в журналистской критике СМИ является медиатекст. В современных условиях, когда печатная и электронная пресса приобрела беспрецедентно большое влияние на социум, именно медиатексты, медийное содержание в целом представляет собой одну из важнейших форм конструирования и выражения ценностного ядра общества, которое в свою очередь «можно охарактеризовать как доминирующую в общественном сознании группу ценностей, которые интегрируют общество или иную социальную общность в некоторое целое» [14, 3]. То есть направление развития общества, разделяемые им ценности, в настоящее время в значительной степени зависят от ценностной нагрузки медиатекстов.

Изучение и оценивание медийного содержания на предмет выявления воплощенных в нём ценностей является важным аспектом деятельности медиакритиков.

Если медиакритический продукт производится профессиональным авторским коллективом влиятельной организации, имеющей в своём распоряжении все основные каналы передачи

информации и последовательно их использующей, вдвойне важно знать ценностные ориентиры такой медиакритической деятельности. На общем фоне бурного развития медиакритики на Украине в 2000-е гг. особой активностью отличается одна из её отраслевых специализаций — телевизионная критика (в классификации А.П. Короченского) [7, 6]. Деятельность ведущих украинских критиков ТВ развивается в рамках проекта «Телекритика» («ТК»). Начавшая свою работу в 2001 г. и сыгравшая далеко не последнюю роль в борьбе за свободу слова в 2004-м, «Телекритика» в настоящее время представляет собой влиятельную организацию. Она позиционирует свой продукт — критические и аналитические произведения — в печатном виде на страницах ежемесячного журнала «ТелеКритика», в Интернете (на сайтах «Телекритика» и «Дуся» с добавлением объёмных блоггерских секторов), на радио (еженедельная программа «Рентген» на радиостанции «Промінь» («Луч»)) и в телеэфире (проект «Телятина»).

Располагая такими ресурсами накануне очередных президентских выборов, «Телекритика» не может не привлечь к себе внимание как потенциально мощный инструмент влияния и на СМИ, и, конечно же, на их аудиторию. На новой стадии

борьбы за медийную информацию и её потребителя немаловажно знать, какими ценностными установками руководствуются ведущие творческие силы «Телекритики» в своём воздействии на украинскую медиасреду. Поэтому целью данной работы стало определение аксиологической доминанты основного творческого ядра украинской телекритики на очередном ключевом этапе развития постсоветской Украины.

В качестве материала для исследования использовались 46 работ ведущих украинских телекритиков, опубликованные в их авторских колонках на сайте «ТК» в период с августа 2009 г. (с момента фактического начала избирательной кампании на Украине) по январь 2010 г. (до президентских выборов). Из произведений всего авторского коллектива отобраны работы критиков, которые ведут свою собственную колонку на главной странице сайта «ТК», что является своего рода показателем значимости их творчества. Из 15 критиков-колумнистов «Телекритики» постоянными участниками медиадискурса на сегодняшний день являются пять. Из этих пяти авторов двое (М. Бриних и А. Радинский) участвуют в этом проекте недавно и не относятся к категории авторов, авторитетных в украинском медиасообществе. Таким образом, из 15 авторов были отобраны три: Наталья Лигачёва, Евгений Минко, Отар Довженко (в связи с двуязычием сайта и проекта в целом цитаты из работ О. Довженко даны в переводе с украинского).

Их творчество составляет костяк медиакритической деятельности «ТК» практически с самого основания организации. Эти авторы активно цитируемы в украинском медиапространстве в течение последних пяти лет, авторитетны, всегда находятся в центре дискуссий вокруг национальной системы СМИ, принимают активное участие во всех проектах «ТК».

При отборе статей был использован метод сплошной выборки, что объясняется необходимостью их глубокого и последовательного аксиологического анализа. Работа с материалом проводилась с применением смыслового и аксиологического анализа отобранных статей на предмет наличия в них высказываний, выражений, отдельных слов, являющихся выразителями определенных ценностных концептов. Производилось определение этих концептов с сопутствующим выявлением их ценностного содержания и категориальной принадлежности ценностей. На этой основе выявлены ценностные доминанты творчества каждого из автора, совпадения и различия в ценностных ориентациях критиков. Результатом является определение общих ценностных доминант творчества ведущих представителей украинской телекритики.

Среди из них — Наталья Лигачёва, основатель и по настоящее время директор проекта «Телекритика», борец за свободу слова, профессиональное мастерство журналистов и высокое качество медийного содержания, невмешательство политических сил в деятельность СМИ; организатор и участник многочисленных общественных акций («Журналисты — за чистые выборы», «Не продаёмся!», «Лучше не лгать!», «Журналистская революция», «День без политиков» и т.д.). Она — одна из самых цитируемых в украинской прессе медиакритиков, организатор и участница круглых столов по вопросам функционирования массмедиа [16].

Если до 2004 г. автор оппонировала в основном политическим силам, препятствовавшим реализации журналистикой её функций, то с 2005 г. стала отмечать гражданскую и профессиональную несостоятельности самих журналистов, многие из которых оказались неспособными эффективно работать в благоприятных условиях медиасреды, свободной от прямого политического давления. Это в свою очередь определяет позиционирование авторской ценностной доминанты приёмом «от обратного» — когда через демонстрацию негатива, акцентирования всего того, что не следует делать в журналистике, формируется идеал профессиональной деятельности журналиста (*журналистской миссии*) на основе комплекса позитивных ценностей.

Практически в каждой работе Лигачёвой приводятся доводы о проявившейся профессиональной несостоятельности украинских журналистов, о том, что профессия измелъчала и дальше продолжает лишаться своих опорных принципов деятельности. «... *За небольшим исключением, украинские журналисты либо продажны, либо некомпетентны. Либо и то, и другое вместе, помноженное еще нередко и на лень, на желание по-быстрому отработать редакционное задание (записать синхрон) — и свалить, не беря ничего в голову и ни за что не отвечая в содержательном, а не сугубо дисциплинарно-технологическом смысле. Ибо понятия МИССИИ в украинской журналистике уже практически не существует*» [10].

Н. Лигачёва отмечает, что после упущенного в 2004-2005 гг. журналистами шанса на радикальное улучшение национальных масс-медиа, в действие приходят неконтролируемые моралью правила купли-продажи. Законы рынка, устанавливаемые в данном случае политическими силами, трансформируют журналистику, лишают её истинного предназначения, ведут к подмене базовых понятий и ценностей, а вместе с этим — и сути журналистики как профессии, прессы как социального института: «*Начиная же с 2006-го года, когда начались тотальные зачистки старых журналистских*

кадров с крупных телеканалов, когда им на смену заводился неоперившийся малограмотный молодняк — всем имеющим в общем-то вполне законное желание иметь работу, неплохо бы высокооплачиваемую, стало понятно, что единственным продающимся товаром является лояльность к собственнику» [10].

Непрофессионализм, теперь уже основанный в первую очередь на внутренней несвободе работников СМИ, приобретает, по мнению Н. Лигачевой, довольно извращённую форму, когда масс-медиа сознательно уходят в политическое подчинение, не сопротивляясь ему: *«...это не политики у нас рвутся на ТВ, дабы поделиться наболевшим с народом или, скажем жестче, попиариться. А это ТВ у нас стоит с протянутой рукой перед всеми партийными офисами, перед Банковой и Грушевского: дайте, дайте кого-нибудь на эфир! А если речь идет о персоне первой руки... то тут уж просто лоб готовы расшибить, пойти на любые уступки. Это не ТВ у нас призывает политиков к ответу. А политики у нас диктуют свои условия ТВ» [10].* Неудивительно, что такие нездоровые отношения двух институтов — власти и прессы — приводят к тотальному снижению качества медиапродукции, превращают её в дешёвый товар массового бездумного потребления, о чём Лигачёва тоже не перестаёт говорить: *«...«ожелтение» медиапродукта, его скандализация, шоуизация ведут к потере журналистикой и СМИ своей социальной функции как артикулятора интересов общества, защитника его прав, коммуникатора между разными социальными группами и так далее. Говоря проще: ведут к масштабной потере качества медиапродукта и превращению его в часть шоу-биза, а не в гражданский институт» [8].*

«Иногда коллеги, похоже, становятся жертвами в общем-то похвального желания «выпендриться», сделать нечто отличное от всех, ну и как бы о другой, так сказать, «не паркетной», жизни. Но во всем должна быть мера» [9]. Таким образом, Лигачёва делает очередной акцент на непрофессионализме журналистов, который на этот раз выступает препятствием для соблюдения чувства меры. А это, в свою очередь, искажает журналистское видение действительности и порождает необъективность.

В целом же иерархия ценностей, присутствующих в произведениях Лигачевой, определяется двумя главными идейно-ценностными постулатами: *внешняя свобода медиасреды и профессионализм журналиста* как первооснова свободы внутренней. Утверждение первого происходит за счёт выявления, осуждения и отрицания таких явлений как *политическое давление* на журналистов и *коммерческая зависимость* прессы. При этом осуществляется не прямое утверждение идеала независимости массмедиа от

политических сил, большого бизнеса, владельцев медиахолдингов. В конечном счёте это вытекает в утверждение *свободы*, которая с одной стороны предстаёт как демократическая, а с другой — как общечеловеческая ценность. Второй постулат представлен отрицанием негативных качеств журналиста-непрофессионала, пренебрегающего своим призванием. В числе этих качеств: *поверхностность, продажность, лживость, погоня за сенсацией, личная выгода, корысть, апатичность, лень, посредственность, дилетантизм, безответственность*. Через осуждение этих качеств артикулируются и утверждаются полярно противоположные позитивные ценности журналистской профессии: *самодостаточность, неподкупность, объективность, служение профессиональному долгу, целеустремлённость, компетентность, ответственность*. Эти ценности в свою очередь сводятся в целом к долгу — одной из базовых профессиональной ценности журналиста.

Обобщение даёт следующий результат — ценность *свободы* и *долга* в журналистике позиционируются в творчестве Н. Лигачёвой не только как самодостаточные, а и как взаимозависимые. Так, свобода является условием соблюдения долга. А соблюдение долга — залогом свободы. Свобода здесь не анархична, не является самоуправством, а наоборот — представляет собой систему внешних (для государственной власти, медиа владельцев, рекламодателей) и внутренних (для всего медийного сообщества) ограничений. Она синонимична единству и гармонии закона и морали.

Евгений Минко — с 2008 г. главный редактор журнала «ТелеКритика», выведший издание на новый уровень, как в оформлении, так и в содержательном плане. Этот медиакритик много внимания уделяет вопросам толерантности, проблемам современного поликультурного медиапространства. В обличении непрофессионализма в журналистике он идёт тем же путём, что и его коллега Н. Лигачёва — вскрывает и подвергает осуждению отрицательное, утверждая тем самым положительное. И действует он в двух основных направлениях.

Первое — обличение игры, фарса, подменяющего привычные понятия. С одной стороны — в предвыборной агитации политиков, выборах как таковых и отношении кандидатов в президенты к национальным массмедиа в частности, с другой — в беспорядочном недобросовестном тиражировании украинскими СМИ политической информации. Автор обличает и отрицает *алчность, беспринципность, ложь, безответственность* журналистов и прессы, возлагая на украинскую прессу вину за усиление в обществе авторитарных тенденций, за криминализацию политической сферы: *«...именно масс-медиа при-*

надлежит сомнительная честь создания такой ситуации, когда всерьез обсуждается возможность прихода на главный пост государства либо человека с манерами завсегда зона, либо эгоцентрика с замашками диктатора» [12].

Через отрицание, резкую критику отмеченного негатива Е. Минко провозглашает *неподкупность, самодостаточность, объективность, добросовестность* как ценности журналистики.

Второе важное направление в работах медиакритика — призыв к формированию оригинальности украинских СМИ. Здесь обличению и осуждению *банальности, пошлости, бездарности* в журналистике противопоставлены позитивные ценности, которые нужно утвердить — это *уникальность, талант* [13].

Важным является и отношение самого потребителя к предлагаемому медийному продукту. Автор говорит об унылости и безликости самого зрителя, на которого ориентированы программы украинских телеканалов, отмечая, что ответственность за эти качества аудитории несут сами вещатели, которые их фактически культивируют: *«Функция руководителя «Интера» — этого динозавра, выжившего со времен централизованной подачи информации каналом УТ-3, — заключается именно в создании безликого эфирного ретранслятора, жмущего на точки столь же безликого постсоветского зрителя, вкусы которого формируются унылыми структурами прошлого»* [11]. Критик осуждает также стремление подстраиваться под примитивные вкусы и воззрения самой неразвитой части телезрителей: *«Безликость «Интера»... обусловлена его исторической миссией — быть как можно ближе усредненному зрителю и соответствовать его уровню понимания устройства мира»* [11].

Аксиологические доминанты авторской колонки Е. Минко в указанный период акцентированы на утверждение ценностного концепта *свободы*, понимаемой как *право выбора* (причём *правильного выбора*). Под правильностью здесь понимается выбор и журналистов, и власть предержащих, и зрительской аудитории в пользу профессионализма как такового и качества медийного продукта как главного показателя этого профессионализма. Одновременно с этим **свобода выбора** предопределяет самоидентификацию украинских массмедиа в практическом поиске и окончательном «выборе себя» из массы *инородного* и *чуждого* как неприемлемого (инородными, по мнению автора, являются и кальки с российского телевидения, нередкие в украинском телеэфире).

О. Довженко, специализирующийся на медиакритическом разборе политических ток-шоу на ТВ, в сентябре 2009 г. в предвыборной ситуации, приобрел собственную авторскую колонку и в дальнейшем лидировал по степени активности

в медиакритической колумнистике. Он представляет в своих работах не только критический анализ взаимодействия украинской политики, социума и национальных массмедиа, но и предлагает последовательную критико-аналитическую проработку этих сложных взаимоотношений в перспективе и с учётом быстро изменяющейся общественно-политической обстановки.

Главная тема публикаций О. Довженко — освещение предвыборной гонки национальными телекомпаниями. При этом автор подвергает критике не только телепрограммы с участием кандидатов на пост президента, а и самих политиков — начиная с манеры держаться в эфире и до их программных планов на будущее, в том числе тех, что касаются СМИ. Лейтмотив оценочного отношения критика — фраза *«Они лгут»*. О. Довженко пишет: *«все лидирующие кандидаты в президенты в течение последних пяти лет цинично игнорировали решения срочных проблем украинского медиaprостранства. Вы ещё верите, что с избранием кого-то из них случится чудо?»* [5].

Апеллируя к значимости демократических постулатов функционирования общества, автор акцентирует внимание на свободе слова, а точнее на её отсутствии, приглашая к рассуждениям по этому поводу: *«Есть ли в Украине сегодня свобода слова, или это просто иная, более пристойная на вид, разновидность несвободы — вопрос дискуссионный»* [5]. На примере прошедших внеочередных парламентских выборов О. Довженко обозначает конкретные проявления несвободы: *«Кандидаты, которые коллективно закупили «джинсу» и злоупотребляли обычной политрекламой, покупали студии политических ток-шоу и даже развлекательных программ, жестоко ошиблись в своих расчетах: их результаты оказались хуже ожидаемых. Казалось бы, урок пора усвоить: в современной Украине выиграть выборы лишь с помощью медиа невозможно. Наоборот, чрезмерное компостирование мозгов людям, которые хорошо помнят темники и программу «Однако», даёт противоположный результат. Но политехнологам тоже хочется есть»* [2]. Критик акцентирует внимание на тотальности извращенной коррупции в политической сфере и медиасообществе. Именно благодаря такому подходу политиков и медийщиков к ситуации и в результате взаимовыгодного сотрудничества политехнологов с журналистами, гонка лидеров на Украине началась раньше положенного срока: *«До официального старта избирательной кампании ещё два месяца, а в теленовостях уже цветёт откровенная предвыборная джинса Тимошенко и Яценюка»* [3].

Телекритик, как и его коллеги, объясняет отсутствие качества в украинских СМИ не только недобросовестностью и ленью сотрудников

масс-медиа, но и пассивностью аудитории, её безволием и безразличием. Он отмечает, что такая позиция открывает дорогу авторитарным тенденциям: *«...если больше заявлений про необходимость диктатуры, недемократических шагов и незаконных судебных решений будет проходить так, как история с запретом «антирекламы», без организованного протеста и открытого неприятия активной частью общества, то больше будет шансов на то, что в одно прекрасное утро, увидев по телевизору «Лебединое озеро» вместо новостей, украинцы не будут иметь ни силы, ни воли сказать «нет» уже настоящей диктатуре»* [4]. Критик резко осуждает положение, когда украинские масс-медиа находятся в ожидании начала деспотии, по-прежнему ничего не предпринимая в защиту свободы: *«К сожалению, разговоры о будущем в журналистских курилках последнее время чаще всего сводятся к тому, что профессия обречена, свободная журналистика доживает в Украине последние месяцы, цензура необратима, и остаётся выбрать, какой из её «цветных» вариантов нам больше по вкусу. Таким образом, коллеги сами становятся агентами гипноза, который тиражирует в обществе веру в неизбежность авторитаризма»* [6].

Концепты свободы и воли выводятся Довженко на первый план как основные критерии профессионализма в журналистике. При этом свобода подразумевается как нечто целостное и многоуровневое (включает независимость государства, отсутствие диктатуры в нём, свободу слова, материальную свободу населения, осуществление права выбора). В свою очередь, артикулируемое критиком ценностное понятие *честности* вытекает из профессиональной неподкупности и личностной порядочности политиков, журналистов и всего общества в целом. Утверждение ценностных концептов так же, как и у предыдущих авторов, производится через отрицание антиценностей: *лжи, диктата, унижения, равнодушия, алчности, безволия*.

Таким образом, в утверждении концепта «свобода» налицо совпадение ценностных установок творчества всех троих ведущих медиакритиков-колумнистов. «Свобода является сложным феноменом, где выделяются такие её аспекты как социальная и индивидуальная свобода. Также говорится о гражданской, личной, политической, экономической и других аспектах свободы. Свобода делима: она может наличествовать в одном аспекте человеческой жизни и отсутствовать в другом» [17, 34] — пишет В.Н. Шилов. При этом, специализируясь в области политической аксиологии, он представляет свободу — важнейшей политической ценностью.

Следует понимать концепт *свобода* как феноменологически сложный и «различать две такие

её особенности как *позитивная* и *негативная свобода*. Позитивная свобода — это «свобода для» (наличие условия для реализации желаний, целей человека). Негативная свобода — это «свобода от» (отсутствие ограничений, запретов)» [17, 34].

Свобода как ценность в публикациях украинских телекритиков предстаёт в позитивном ракурсе. Это «свобода для»: реализации средствами массовой информации своих прямых функций получения, переработки и распространения информации беспрепятственно, независимо от чьего-то неоправданного стремления к личной выгоде и подчинению других; осуществления гражданами своего права на своевременное получение качественной информации и участие в общественно-политической жизни государства. При этом перейти из состояния позитивного в негативное *свободе* не должны позволить взаимодействующие внутренние ценностные «ограничители» профессиональной деятельности журналиста — *долг, право выбора, воля*.

Понимание *свободы* как сложного противоречивого феномена предстает в работах ведущих украинских медиакритиков как идеал, как представление о желаемом. Выступая за оздоровление украинской медиасреды, телекритики постулируют на основе базовой ценности *свободы* концепт «*миссия журналиста*», в который укладываются ценности, определяющие уровень журналистского профессионализма: *самодостаточность, неподкупность, объективность, правда, служение профессиональному долгу, целеустремлённость, компетентность, ответственность, уникальность, талант, неподкупность, самодостаточность, добросовестность, воля*.

Ценностные доминанты украинской телекритической колумнистики обладает положительной валентностью, заключающейся в гармоничном сочетании позитивных политических, профессиональных, эстетических, этических, культурных, демократических ценностей. При этом ценности предстают как самодостаточные, без привязки к каким-либо публичным личностям, что в условиях нынешней политической борьбы служит определённой гарантией объективности критиков. Но с другой стороны, в аксиологической составляющей медиакритики Украины, ориентированной в основном на гуманистические, демократические ценности, невозможно не отметить существенный пробел. И касается он острой языковой проблемы, относящейся к деятельности СМИ. Базовой демократической ценностью в этом вопросе является *свобода выбора*, однако в изученных произведениях апелляция к ней не отмечена. Поэтому есть резон усомниться в целостности и устойчивости выявленной ценностной платформы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барышков В.П. Аксиология личностного бытия / В.П. Барышков; под ред. В.Б. Устьянцева. — М. : Логос, 2005. — 192 с.
2. Довженко О. Вибири 2010 : медіа залежність / О. Довженко // «Телекритика», 02.09.2009. — (http://www.telekritika.ua/media-continent/authorcolumn/otar_col/2009-09-02/47609).
3. Довженко О. Вони працюють / О. Довженко // «Телекритика», 01.09.2009. — (http://www.telekritika.ua/media-continent/authorcolumn/otar_col/2009-09-01/47610).
4. Довженко О. Все буде «ВОНА»? / О. Довженко // «Телекритика», 14.10.2009 г. — (http://www.telekritika.ua/otar_col/2009-10-14/48546).
5. Довженко О. «Да пошли вы!» / О. Довженко // «Телекритика», 07.10.2009. — (http://www.telekritika.ua/otar_col/2009-10-07/48390).
6. Довженко О. Юля і ми / О. Довженко // «Телекритика», 20.12.2009 г. — (http://www.telekritika.ua/otar_col/2009-12-20/49992).
7. Короченский А.П. «Пятая власть»? Медиакритика в теории и практике журналистики / А.П. Короченский. — Ростов н/Д, 2003. — 280 с.
8. Лигачёва Н. Бумеранг Шустера / Н. Лигачева // «Телекритика» 05.10.2009. — (<http://www.telekritika.ua/media-continent/authorcolumn/nl/2009-10-05/48339>).
9. Лигачёва Н. Желтизна разлитая / Н. Лигачева // «Телекритика» 17.09.2009. — (<http://www.telekritika.ua/media-continent/authorcolumn/nl/2009-09-17/47995>).
10. Лигачёва Н. Савик ответил за всех / Н. Лигачева // «Телекритика» 26.09.2009. — (<http://www.telekritika.ua/media-continent/authorcolumn/nl/2009-09-26/48193>).
11. Минко Е. Анна Безлюдная и пошлость бытия / Е. Минко // «Телекритика» 08.09.2009. — (<http://www.telekritika.ua/media-continent/authorcolumn/minko/2009-09-08/47759>).
12. Минко Е. Аромат позора / Е. Минко // «Телекритика» 06.10.2009. — (<http://www.telekritika.ua/media-continent/authorcolumn/minko/2009-10-06/48367>).
13. Минко Е. Кружок ветеранов колонизации / Е. Минко // «Телекритика» 05.10.2009. — (<http://www.telekritika.ua/media-continent/authorcolumn/minko/2009-09-03/47665>).
14. Нигматулина К.М. Трансформация политических идеалов на российском телеэкране : дисс. на соискание уч. ст. к.ф.н. / К.М. Нигматулина. — СПб. : СПбГУ, 2009. — 220 с.
15. Сидоров В.А. Аксиология журналистики: опыт становления новой дисциплины / В.А. Сидоров, С.С. Ильченко, К.Р. Нигматулина; под. общ. ред. В.А. Сидорова. — СПб. : Роза мира, 2009. — 174 с.
16. Хмеленко Э.В. Творчество медиакритика Н.Л. Лигачёвой / Э.В. Хмеленко // Слова у кантэксте часу : да 80-годдзя доктара філалагічных навук, прафесара Аркадзя Іосіфавіча Наркевіча : зб. навук. прац. — Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2009. — С. 403-410.
17. Шилов В.Н. Политическая аксиология. Монография / В.Н. Шилов. Белгород : Изд-во БелГУ, 2005. — 116 с.

Хмеленко Э.В.

Белгородский государственный университет.

Магистр журналистики, заведующая кабинетом периодической печати кафедры журналистики и связей с общественностью факультета журналистики.

e-mail: springmil@mail.ru

Khmelenko E.V.

Belgorod State University.

Master of Journalism, head of the cabinet of the periodicals, chair of journalism and public relations, department of journalism.

УДК 070

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА СМИ

© 2011 Г.В. Чевозерова

Тольяттинский государственный университет

Поступила в редакцию 2 апреля 2010 года

Аннотация: В статье раскрывается сущность понятия «информационная политика» массовых информационных процессов, формулируются ее максимально обобщенные онтологические цели и задачи, определяются возможные субъекты и механизмы ее формирования. И на основе общей теории вопроса рассматриваются аналогичные понятия применительно к российским средствам массовой информации.

Ключевые слова: информационная политика, менталитет, ментальность, национальный характер, национальная идея, субъекты формирования информационной политики СМИ.

Abstract: This article is intended to explain the meaning of information policy in the field of mass information processes, represent its main goals and purposes and define possible subjects and forming mechanisms. The same terminology, based upon the general theory, is also relevant to Russian mass media industry.

Key words: information policy, mentality, mindset, national spirit, national idea, forming subjects of mass media information policy.

По мнению А.С. Панарина, политика — это «вид человеческой практики, посредством которой люди воздействуют на окружающую среду, свою судьбу и меняют свой статус в обществе... это действия, направленные на изменения судьбы» [1]. Информация же, как уже сказано, тоже может изменять воспринимающую ее систему. Логично предположить, что, если передача информации осуществляется как политическое действие, то есть с какой-то целью и ради достижения планируемых изменений у воспринимающей ее аудитории, то можно говорить, что таким образом осуществляется информационная политика. **Производство целенаправленных изменений объектов, процессов, явлений с помощью передаваемой информации называется информационной политикой.**

Логично предположить, что если задаться целью с помощью целенаправленных информационных потоков обеспечить человека и общество как можно более точными сведениями об окружающей действительности, то можно реально помочь людям успешно существовать и функционировать,

развиваться духовно и физически. Вот эту цель и можно обозначить как наипервейшую, онтологическую цель информационной политики в любых информационных процессах и особенно в массовых.

Разумеется, так формулируется прогрессивная цель. Но она может оказаться и реакционной, то есть направленной на разрушение. Тогда чем больше дезинформирован человек в отношении окружающей его действительности, тем меньше шансов у него выжить, не говоря уже о развитии.

Однако человек живет не просто на планете Земля, а где-то в конкретном ее уголке и в конкретное время. Отсюда вытекает и другая цель прогрессивной информационной политики — помочь человеку сориентироваться в конкретно-исторической обстановке. Для этого необходимо как можно более адекватно отражать в непрерывном информационном потоке характерные черты бытия конкретной эпохи на конкретной территории. По сравнению с первой — вечной и общечеловеческой целью, вторая выступает как исторически преходящая и конкретно национальная или государственная, если иметь в виду конкретный тип политического устройства, в котором проживает личность.

Эти две цели не могут достигаться информационной политикой, что называется на выбор, какую захочется, или в какой-либо последовательности, одна за другой. Вся простота и сложность заключается в одновременном осуществлении обеих целей. Они существуют взаимосвязано, как целое и частное, которые просто не могут быть одно без другого.

Определив сущность понятия «информационная политика» и ее основные онтологические цели, необходимо выяснить, кто может быть субъектом, который эту политику формирует и реализует. Этой способностью обладает любой элемент общественной системы: человек, группа, социальный институт, поскольку все они взаимосвязаны и осуществляют обмен информацией в процессе своей жизнедеятельности. Но некоторым из них свойственна особая коммуникативная активность в силу их природной миссии и функций. Среди таковых – журналистика. Как массово-информационная деятельность она постоянно осуществляет информационную политику и, судя по ее природной миссии, как раз и должна способствовать достижению двух выше означенных максимально обобщенных целей. Она, по определению Е.П. Прохорова, выступает как фактор социального управления, потому что «благодаря информации у ее «потребителя» создается такая картина мира, которая, будучи структурно развернутым образом действительности (внутренней моделью внешнего мира, включая представления о желаемом будущем и путях его достижения), регулирует отношение носителей этой модели с реальной действительностью» [2].

Кроме того, Прохоров подчеркивает, что журналистика может осуществлять свою деятельность с иными целями и даже вообще без ясно осознанной цели, но управляющее воздействие все равно будет происходить в силу внутренних закономерностей информационной деятельности. В этом и просматривается онтологически обусловленная суть этой деятельности.

Таким образом, любое СМИ в любом случае осуществляет ту или иную информационную политику, определенную или неопределенную, четко продуманную или совсем неосознаваемую его руководством и участниками процесса. Субъектами информационной политики в журналистике выступают все лица, причастные к выпуску средств массовой информации. Естественно, что каждый участник имеет различные возможности проявлять свою волю в формировании информационной политики издания и соответственно несет разную степень ответственности за реализуемые цели этой политики. Но прежде чем вести речь о субъектах информационной политики СМИ необходимо определить не только цели, но

и задачи информационной политики, реализация которых позволит достичь обозначенных целей.

Конечно, человек может самостоятельно организовывать свое информационное потребление, усваивать те или иные знания о мире с целью достижения необходимой для жизни информированности, то есть формировать свой интеллект, который определит затем его поступки. В таком случае он выступает политиком самому себе.

Но поскольку индивид живет не сам по себе, а непременно является гражданином конкретной страны, то помимо него самого его информационное потребление будет определять еще какая-то конкретная социально-политическая система, заинтересованная в том, чтобы он совершал поступки, соответствующие ее целям. Все меры воздействия, кроме физического насилия, предполагают наличие у человека хотя бы минимальных знаний о мире и о политике, то есть о том, как производятся действия, изменяющие судьбу. Таким образом, между целями системы и поведением индивида лежит промежуточная инстанция в виде политического сознания (массового и индивидуального).

Политическое сознание представляет собой некую совокупность сведений о том, как в современном мире можно производить те или иные изменения в соответствии с личными и общественными целями и потребностями. Информационная политика любого субъекта системы направлена на формирование массового и индивидуального политического сознания. Без успешного решения этой задачи невозможно достичь каких бы ни было информационных целей.

А.К. Уледов выделяет различные уровни сознания: теоретическое и обыденное [3]. Обыденное сознание отражает практическое повседневное бытие людей. Теоретическое сознание дает представление о наилучших, идеальных формах общественного бытия. И, конечно, необходимо, чтобы обыденное знание обогащалось теоретическими сведениями, которые способствуют прогрессивному развитию общественной жизни.

В качестве такого теоретического знания о моделях общественного устройства выступает, например, **политическая философия (или философия политики)**. Она соотносит теоретические модели с реальным образом жизни нации, со всеми процессами, происходящими в обществе, и на основе этого соотношения обосновывает необходимость определенных действий, тех или иных перемен в жизни общества. Недаром говорят: блажен тот народ, где царствуют философы и философствуют цари. Это значит, что в таком обществе все управленческие решения принимаются на основе глубоких теоретических разработок, а теоретические разработки базируются на конкретном историческом опыте и им же проверяются на истинность.

Другая наука — **политическая социология** выделяет в политическом сознании идеологический и массовый уровень. Все реже можно наблюдать единое массовое сознание, сформированное на основе единой официальной идеологии, все больше массовое политическое сознание представляет собой довольно разнообразную мозаику, сложенную из индивидуальных взглядов людей, настроений и чувств. Политическая социология фиксирует эту картину. Она описывает имеющиеся в наличии типы политического сознания: консервативного, либерального, реформистского, революционного.

Как формируется это сознание — рассматривает еще одна наука — **политическая психология**. Политическая психология обращает внимание на процесс формирования установок, стереотипов, ориентаций, интересов и ценностей.

Существует много других наук и отраслей знаний, которые так или иначе участвуют в формировании политического сознания. Но это знание — теоретическое, а, значит, весьма сложное для освоения широким массовым сознанием. И вот здесь свою существенную лепту в обогащение обыденного знания теоретическим может внести журналистика. Она делает научную теорию доступной и прагматически ценной для широких масс и тем самым решает задачу формирования политического сознания как продуктивного союза теории и практики. Журналист, обладая теоретической базой фундаментальных наук, может каждый конкретный случай из жизненной практики представить как определенную тенденцию, типовое явление и прогнозировать его развитие. Изучение теоретических основ формирования политического сознания и конкретно-исторической практики позволяет журналисту эффективнее помогать гражданам выстраивать свое политическое сознание и, опираясь на него, эффективнее достигать высоких целей информационной политики, направленной на устойчивое развитие общества.

Теоретическим познанием журналист занимается, изучая соответствующие науки. А вот как изучать конкретно-историческую практику, если она — бесконечная река? Погрузившись в нее, как в Лету, можно увлечься и забыть, ради чего ты отправился в столь увлекательное плавание. Вот поэтому при всей привлекательности исторической и современной статистики необходимо постигать концентрированную сущность происходящего здесь и сейчас. Эта сущность как первооснова всего происходящего создает ощущение единства и взаимосвязи протекающих процессов, определяет специфичность исторического момента и национального колорита. И, в конце концов, она сама предстает как некая

самостоятельная концентрированная фигура конкретно-исторической практики, воплощенная в каждом фрагменте современного бытия той или иной страны. Специалисты называют ее **менталитетом**, **ментальностью** или еще шире — **национальным характером**.

«Факты общественного бытия заложены, наряду с прочим, в социальных генах, менталитете народа, в его национальном характере и глубинной идеологии, — пишет доктор философских наук, автор многочисленных трудов по журналистике как политической науке профессор В.Д. Попов. — Они обеспечивают преемственность поколений на бытийном уровне и на уровне общественного сознания. В них лежат истоки народной и государственной идеологии (или общенациональной идеи)» [4].

Очевидно, что для журналиста, который хочет разобраться в современной действительности, быть полезным, понятным и правильно понятым соотечественниками нет иной альтернативы как постижение национального характера своего народа и его национальной идеи.

Но для начала надо разобраться в сути названных понятий. Понятие ментальности пришло из французской исторической психологии середины прошлого века. Под ним понимали наличие у людей того или иного общества, принадлежащих к одной культуре, определенного общего умственного инструментария, который дает им возможность по-своему воспринимать и осознавать свое природное и социальное окружение и самих себя. **Менталитет**, таким образом, это и определенное содержание политического сознания (сами установки), и одновременно стиль мышления. В.Ф. Шаповалов раскрывает содержание понятия «установка»: «Установка означает выбор тех или иных предпочтений, ценностей. Она предполагает определение того, что принимается за норму, а что рассматривается как отклонение от нормы. Установка во многом определяет оценку своих и чужих поступков... Установка также предполагает определенный набор моделей поведения в их соотносительности с ценностной шкалой» [5].

Некоторые исследователи не разделяют понятия менталитет и ментальность и пользуются ими как синонимами. Другие считают важным подчеркнуть их различие. Так, например, В.Д. Попов указывает, что менталитет — это «глубинная психология» (или психология подсознания и бессознательного), то есть «потенциальная, спящая до поры до времени информация»; а **ментальность** — «функция менталитета», «вершинная психология» (или психология сознания) [6].

Ментальность В.Ф. Шаповалов определяет как «присущие данному обществу и его представителям устойчивые способы мышления, находя-

щиеся в тесной связи и взаимной зависимости со столь же устойчивыми способами *чувствования*. Устойчивые способы мышления и чувствования в своей совокупности образуют то, что мы будем называть характером или устойчивыми психологическими чертами данной общности людей. Разумеется, речь пойдет, прежде всего, об общероссийском **национальном характере**... Способы ментальности и чувствования оказываются не чем иным, как глубинными *инвариантами* жизни определенного сообщества людей, взятого в длительной исторической перспективе» [7]. (Инвариант — то, что в процессе изменения остается относительно неизменным, инвариантным, то есть проявляющимся во многих разных вариантах).

Итак, национальный характер проявляется в каждом действии каждого жителя страны, причем, как доказывает В.Ф. Шаповалов, независимо от его этнической принадлежности, то есть фактически характер лежит в основе всего происходящего. Отсюда очень важно определить, какими чертами обладает национальный характер россиянина.

Наиболее яркое представление о нем дает Николай Бердяев в удивительно современной, хотя и написанной почти 100 лет назад, статье «Душа России»: «Подойти к разгадке тайны, сокрытой в душе России, можно, сразу же приняв антиномичность России, жуткую ее противоречивость» [8]. Бердяев говорит о поразительной способности русской души соединять в себе противоположности. С одной стороны, Россия — самая безгосударственная страна в мире, самая анархическая. С другой — самая бюрократическая страна, где все превращается в орудие политики. Россия самая нешовинистическая и одновременно самая националистическая страна, где самомнение русских есть обратная сторона их смирения. Развитое личностное религиозное начало противостоит атеистическому государству. Это страна безграничной свободы духа и вместе с тем неслыханно жуткой покорности, лишенная сознания прав личности, не защищающая ее достоинство.

Возможно, именно из-за противоречивости характера и проистекают представления о бесконечной широте русской души, которая вмещает в себя абсолютно все: от одной крайности до другой. Интересное размышление по этому поводу ведет академик Д.С. Лихачев: «О чем же свидетельствует эта широта и поляризованность русского человека? Прежде всего — о громадном разнообразии возможностей, скрытых в русском характере, об открытости выбора, неожиданности нового, о возможности бунта против бунта, организованности против неорганизованности, о внезапных проявлениях хорошего против дурного, о внутренней свободе русского человека, в

котором сквозь завесу дурного может неожиданно вспыхнуть самое лучшее, чистое, совестливое» [9].

Что же и каким образом возбуждает к жизни, активизирует лучшие качества российского человека? Разумеется, — цель, высокая и актуальная, содержащая в себе общезначимый образец, идеал бытия. В качестве таковой может выступать единая **национальная идея**. Исследователь этого феномена И.Б. Чубайс весьма выразительно пишет о необходимости ее наличия: «Если из-под многоэтажного дома вытащить фундамент — дом рухнет. Но если из страны убрать Бога и национальную идею, страна окажется в критическом состоянии» [10].

Под национальной идеей И.Б. Чубайс понимает «существующие объективно, сохраняемые многими поколениями и характерные для данного народа глубинные правила и традиции, которые порождают ряд иных особенностей и характеристик» [11]. Таким образом, идею нельзя выдумать, ее надо обнаружить в реальной жизни народа и провозгласить как общегосударственный, общезначимый образец бытия, к которому следует стремиться. И тогда она становится мобилизирующей силой.

На Руси известны три национальные объединительные идеи. Первая была провозглашена во времена борьбы с татаро-монгольским игом как идея объединения в борьбе за святую веру. Она так и формулировалась — «Святая Русь». И, действительно, объединила и подняла разрозненные русские княжества против иноземных захватчиков. Под флагом идеи «Москва — третий Рим. Четвертого не дано» произошло образование единой Российской империи во времена Ивана Грозного. Постепенно происходило замещение идеала святой Руси на «Великую Россию». По мнению В.Ф. Шаповалова, этот идейный стержень, ориентирующий страну на самостоятельную историческую роль, не утратил своего значения со времен послепетровской Руси и ныне [12].

Однако реально страна в течение 70 лет, начиная с 1917 года, жила под лозунгом «Коммунизм — светлое будущее человечества», и создавала «единый могучий Советский Союз». Исчерпанность этой идеи стала очевидной в конце 80-х годов прошлого столетия. И вот уже несколько десятилетий в стране существует идейный вакуум. «Ситуация вынужденного отказа от старых норм, принципов и ценностей общественной жизни и отсутствие приемлемых новых правил и есть ситуация утраты старой идентичности, ситуация идейно-идентификационного кризиса» [13], — резюмирует И.Б. Чубайс.

В такие времена, естественно, проявляются как раз не лучшие черты национального характера. Ссылаясь на многих исследователей

современного российского менталитета, В.Д. Попов в качестве доминант сегодняшнего психологического состояния российского общества выделяет потерю смысла жизни, неуверенность в завтрашнем дне, страх за экономическое выживание и за сохранение жизни, открытую и скрытую агрессию, депрессию, апатию, самоуничтожение, утрату державности, обломовщину. И одновременно противоречивое российское сознание демонстрирует в реальности выносливость к страданию, искание социальной справедливости, христианское терпение, искание Бога, правды, совесть, порядочность, потребность в наведении порядка [14]. Или, по известному выражению И. Ильина, в России совершается незримое духовное возрождение в зримом распаде.

Сегодня многие уже ощутили необходимость в наличии большой государственной идеи. Президент России Б.Н. Ельцин в июне 1996 года призвал найти новую идею для страны. «Российская газета» объявила читательский конкурс «Идея для России». Но весной 1998 года было заявлено, что результаты конкурса подводиться не будут. И даже в период острых предвыборных баталий политические лидеры не блеснули проницательным умом, и не предложили идеи, которая бы покорила их избирателей и повела бы за собой из серого духовного хаоса к просветлению. Стало ясно, что административным путем такую проблему не решают.

«Следует с самого начала развеять одно недоразумение, связанное с привычкой власти «заказывать идеологию», — пишет А.С.Панарин. —... Власть предрасположена — заказчики на «Большую идею» не подозревают, с какими энергиями им, в самом деле, предстоит столкнуться. «Большая идея» — это ответ человеческого духа на условия и обстоятельства, оскорбляющие наши чувства высшей правды и высшей справедливости. Отсюда нам и открываются будущие стороны «Большой идеи» [15].

Попробуем рассуждать о возможной сути новой национальной идеи с указанных позиций, учитывая главные исторически сложившиеся российские ценности, которые совокупно выделены в исследованиях И.Б. Чубайса: «православие, собиранье земель и общинный коллективизм» [16]. Что сегодня оскорбляет наши чувства высшей правды и справедливости?

Вспомним кадр из фильма Станислава Говорухина «Россия, которую мы потеряли». Бабушка идет по рынку, где цены на продукты таковы, что она не может купить ничего. За кадром звучит вывод автора: не может быть будущего у страны, которая во имя этого будущего отдала на заклание своих стариков-родителей. Наше общество сегодня так и поступило, чем закрыло себе пер-

спективы развития. Поэтому, думается, новая большая идея обязательно должна быть связана с традиционным для Руси принципом общности, который обеспечивает взаимопомощь и взаимозащиту.

Очевидно, что новая национальная идея должна способствовать преодолению кризиса власти. В ней, по мнению Панарина, с которым трудно не согласиться, должно реализоваться исконно русское стремление к справедливости, выраженное в подлинно демократических принципах «честной игры», то есть настоящей соревновательности в различных областях деятельности, и, в первую очередь, в хозяйственной, беззастенчиво монополизированной сегодняшней номенклатурой. Только тогда и можно будет всерьез рассчитывать, что деятельность народа, направленная на обустройство своей жизни и внутренней жизни страны, будет успешной.

Православие с его особым акцентом на духовность и нравственность как основа национального характера не может не формировать внутреннего протеста людей против этической вседозволенности и эстетического нигилизма современной российской жизни. Социокультурная направленность новой национальной идеи естественным образом должна опираться на традицию и религию. Иначе идея окажется ментально несовместимой с национальным характером и просто будет не признана и не принята им.

Национальная идея, базирующаяся на лучших чертах национального российского характера, способна возбудить патриотизм, а уж более могучей силы для преобразований, чем любовь к своей Родине, невозможно и придумать.

Не следует забывать, предупреждает А.С. Панарин [17], что новая идея формулируется в период, когда человечество завершает свой очередной этап развития и переходит в следующий — постиндустриальный. Есть два сценария этого перехода. Западный вариант — продолжение развития потребительской цивилизации — явно предполагает добровольный геополитический передел мира, то есть некоторые наиболее слабые страны должны будут охотно поделиться своими ресурсами с более развитыми в технологическом отношении государствами, отдав тем самым в более сильные руки самое свое существование, проголосовав за продолжение развития потребительской цивилизации. И сильные державы будут тянуть всю планету до тех пор, пока не изобретут новый, более справедливый проект для человечества.

Другой вариант предусматривает тотальное преобразование ценностного типа, включая новые принципы жизнестроения, новые цели, открывающие перспективу для всех, а не только сильных западных держав. Должна произойти

смена «морали успеха». Новая культура станет предполагать во взаимоотношениях между природой, космосом и земной цивилизацией принцип эквивалентного обмена, принцип ответственного потребления.

Думается, что новая большая идея России должна выставить альтернативный западному образец постиндустриального развития. Условия для рождения такой идеи именно в России как раз созрели. В качестве эффективного механизма выработки и утверждения новой идеи, по мнению И.Б. Чубайса, может выступать «гражданская дискуссия» [18].

И здесь самое время вернуться к теме нашего разговора — информационной политике, одной из целей которой мы назвали *необходимость как можно более адекватно отражать в непрерывном информационном потоке характерные черты бытия данной эпохи на данной территории, чтобы помочь человеку сориентироваться в конкретно-исторической обстановке*. Более масштабно и регулярно чем журналистика через свою систему средств массовой информации этого не может сделать никакой другой социальный институт. Тематика, связанная с поиском национальной идеи, явно согласуется с данной целью. А предложенная форма гражданской дискуссии представляется наиболее уместной, если иметь в виду, что гражданами в государстве являются все люди, в нем проживающие: политики, бизнесмены, ученые, общественные деятели, рядовые жители и, само собой, журналисты.

Журналистика как социальный институт осуществляет информационную политику, реализуя в ней вышеназванные цели и задачи главным образом через систему средств массовой информации. А каждое СМИ, в свою очередь, разрабатывает собственную информационную политику, под которой, согласно определению Е.П. Прохорова, понимается «идейно-творческая концепция ведущихся проблемно-тематических линий, направление данного СМИ, характер разработки которого определяется социальной позицией и воплощается в совокупности принятых форм реализации программы» [19].

Поскольку характер информационной политики определяется социальной позицией, то важно понять, чья это позиция? Если считать, что средство массовой информации выпускают журналисты, то их социальная позиция в идеале определяется миссией профессии и информационными целями из нее вытекающими, о которых шла речь выше. В этом случае логично предположить, что журналисты должны обладать знаниями о моделях устойчивого развития общества в условиях окружающей среды, то есть представлять себе научную картину мира и следить за динамикой ее развития.

Кроме того, для реализации конкретно-исторической цели информационной политики им необходимо обладать представлениями о реальной картине мира, чтобы оценить ее в сравнении с научно обоснованным образцом и иметь возможность сделать наиболее вероятностный социальный прогноз. И, разумеется, информация о реальной общественно-политической жизни своей страны особенно важна для аудитории, ожидающей от СМИ объективных сведений для того, чтобы самостоятельно сориентироваться в своих личных способах действия.

Это в идеале. В реальной же общественно-политической жизни журналисты, как и другие люди, тоже вынуждены выстраивать оптимальную линию своего поведения. Информационную политику СМИ они формируют под влиянием не только научных знаний о мире (если они вообще ими обладают), но и ряда факторов реальной действительности. Субъектами, которые более всего сегодня фактически влияют на процесс формирования информационной политики СМИ, являются *управляющие органы данной страны, региона, города*. Власти оказывают влияние через свою информационную политику, продуманную и организованную или спонтанную и хаотическую. Продуманная информационная политика государственных органов власти в каждом тематическом направлении сформулирована в различных доктринах, концепциях, положениях, меморандумах, законах, планах и других документах, публично предъявляемых властью населению. Так, например, в интересующей нас информационной сфере деятельности в 2001 году в России принята «Доктрина информационной безопасности населения». Некоторые документы имеют длительный характер действия, другие же обновляются периодически, чаще всего ежегодно. Журналист, ведущий в редакции какое-либо тематическое направление, непременно должен ознакомиться с актуальными для данного периода государственными документами, регламентирующими данный вид или сферу деятельности. Эти документы позволяют понять, чему именно и почему в каждой из отраслей государство в данный момент уделяет особое внимание, чему дается «зеленый свет», оказывается всевозможная поддержка, и на что официальные власти призывают направить свои усилия. Без знаний такого рода может оказаться, что журналист ломится в открытые двери или же стучится о стенку лбом, не подозревая, что двери рядом. Основное содержание деятельности государственных органов и формы взаимодействия с ними населения работники редакции должны представлять себе отчетливо, если они хотят действовать эффективно.

Это вовсе не значит, что деятельность государства — священная корова, которая при любых обстоятельствах должна оставаться вне критики. Не секрет, что она далеко не всегда бывает научно обоснованной и прогрессивной. Принятые законы приходится выполнять, даже если они плохие. Но при этом не запрещено публично обсуждать и обоснованно критиковать их недостатки. Такая инициатива может исходить от журналистов и аудитории издания. Правда, реализованной она окажется, если против того не станет возражать учредитель или собственник издания.

Учредители и собственники СМИ — субъекты, которые также весьма существенно влияют на информационную политику издания, потому что определяют его цели. Среди них могут быть самые разные организации, в том числе и государственные, а также частные лица с любой профессией. И поэтому профессиональная миссия журналистики чаще всего не является для них ориентиром при выборе целей издания. Учредители и собственники, кроме того, могут иметь частные интересы, не во всем согласованные с общественными. Журналисты, в том числе и главные редакторы, если они не являются учредителями и собственниками издания, могут позволить себе лишь ту свободу действия, о которой они договорились с учредителем и собственником и которую зафиксировали в Уставе и учредительном договоре редакции.

Полностью игнорировать волю таких субъектов как органы власти, учредители и собственники изданий, влияющие на информационную политику издания, разумеется, не удастся никому СМИ. Но и считать себя всецело зависящими от них тоже не стоит. Во-первых, потому, что цели, сформированные на научной основе и реальных потребностях аудитории, журналист может обсуждать с учредителями, собственниками изданий и властью, ведь все они тоже живут в этой стране и уже в силу этого заинтересованы в ее процветании и собственном позитивном имидже в глазах населения. Нет никаких гарантий, что журналист будет услышан, равно как не может быть и полной уверенности, что этого не произойдет. Поэтому для профессионалов пера всегда конструктивен девиз: стучитесь и вам откроется. И, кроме того, субъекты, влияющие на информационную политику издания, далеко не всегда осуществляют тотальный контроль над деятельностью редакций. На чем-то они настаивают, а что-то оставляют на усмотрение авторов. И это свободное для реализации профессиональной миссии журналистов пространство порой оказывается весьма просторным и, увы, далеко не полностью освоенным.

Все-таки многое зависит от профессиональной подготовленности журналиста и его личной социальной позиции. Он тоже является субъек-

том, формирующим информационную политику своего издания, причем, не только стратегическую, но и тактическую, вплоть до ежедневной. И ему просто невозможно продиктовать сверху буквально каждую строчку, особенно если, у него есть собственные знания, творческие способности и активная социальная позиция. Об этом убедительно свидетельствует творчество лучших публицистов.

Желание проявить творческую индивидуальность, реализовать свое профессиональное предназначение в совокупности с правами работника редакции делает *журналиста* активным субъектом, участвующим в формировании информационной политики издания. Власть, учредители и собственники, как уже сказано, также активно реализуют свои права и возможности в формировании информационной политики изданий. А вот аудитория, для которой собственно и предназначен изготавливаемый информационный продукт, активным субъектом формирования информационной политики издания может стать лишь при условии, что ее захотят сделать таковым вышеперечисленные субъекты, изучив ее потребности и интересы и учитывая их при тематическом планировании. Такие желания у влиятельных субъектов может породить развитый экономический рынок СМИ и подлинная политическая демократия, при которых движущей силой всех процессов является именно аудитория с ее потребностями, общественным мнением и активной гражданской практикой.

В этом случае процесс управления носит действительно природный характер, то есть любые изменения диктуются не чьей-то субъективной волей, а потребностью преодолеть все отклонения от нормы, которые мешают людям жить и развиваться. Таким образом, можно сказать, что оптимальную информационную политику издания диктуют именно потребности и интересы аудитории. Или можно выразиться иначе: *аудитория* является главным субъектом, формирующим информационную политику издания, а также одним из основных признаков, формирующих тип издания. Это утверждение вполне согласуется с природной миссией журналистики, деятельность которой направлена на то, чтобы обеспечить аудиторию необходимой для жизни и развития информацией.

Особо следует подчеркнуть, что учитывать потребности и интересы аудитории нужно непременно в совокупности друг с другом. Если же редакция будет ориентироваться только на интересы аудитории, то издание неизбежно превратиться в сенсационное, цель которого ограничивается тем, чтобы любыми путями удивить, возбудить интерес, развлечь читателя. Пользы

от такого чтения немного. Если же, наоборот, редакция будет стремиться удовлетворять только потребности аудитории, не пытаясь сделать свои сообщения интересными, то при всей полезности издание может оказаться трудным для восприятия широкой аудиторией.

Очевидно, чтобы учитывать информационные потребности и интересы аудитории, их надо изучать. И важно подчеркнуть, что аудитория и ее общественное мнение может быть весьма сильным союзником журналистов, осуществляющих информационную политику издания в соответствии со своей профессиональной миссией.

Итак, субъектами, формирующими информационную политику издания, являются аудитория с ее интересами, потребностями и реальной практикой; государство, управляющее социальной средой, в которой аудитория живет и действует; учредитель и издатель средства массовой информации с его целевыми установками; редакционный коллектив во главе с редактором и каждый конкретный журналист с их онтологически определенной профессиональной миссией, а также личной социальной и профессиональной позиций. Всем им предстоит сойтись на коммуникативной площадке конкретного издания и вести дискуссию, обсуждая проблемы современной жизни, от частных и мелких до глобальных и общественных, с целью устойчиво жить и развиваться на планете Земля в стране, в которой им довелось проживать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панарин А.С. Политология : учебник для вузов / А.С. Панарин. — М. : Проспект, 1997. — С. 25.
2. Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики : учебное пособие / Е.П. Прохоров. — М. : Изд. РИП-Холдинг, 1998. — С. 40-41.
3. Уледов А.К. Структура общественного сознания / А.К. Уледов. — М., 1968. — С. 60-126.
4. Попов В.Д. Социальная информациология и журналистика : учебное пособие / В.Д. Попов. — М. : Изд-во РАГС, 2007. — С. 72.

5. Шаповалов В.Ф. Россиеведение : учебное пособие для вузов / В.Ф. Шаповалов. — М. : ФАИР-ПРЕСС, 2001. — С. 42-43.

6. Попов В.Д. Социальная информациология и журналистика : учебное пособие / В.Д. Попов. — М. : Изд-во РАГС, 2007. — С. 63.

7. Шаповалов В.Ф. Россиеведение : учебное пособие для вузов / В.Ф. Шаповалов. — М. : ФАИР-ПРЕСС, 2001. — С. 42-43.

8. Бердяев Н. Судьба России : Сочинения / Н. Бердяев. — М. : Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков : Изд-во Фолио, 2000. — С. 273.

9. Лихачев Д. Русское искусство от древности до авангарда / Д. Лихачев. — М., 1992. — С. 26.

10. Отечествоведение : учебник для старших классов средней школы / Барулин А.Н. и [и др.]. — М. : Захаров, 2004. — С. 226.

11. Отечествоведение : учебник для старших классов средней школы / Барулин А.Н. и [и др.]. — М. : Захаров, 2004. — С. 219-220.

12. Шаповалов В.Ф. Россиеведение : Учебное пособие для вузов / В.Ф. Шаповалов. — М. : ФАИР-ПРЕСС, 2001. — С. 69.

13. Отечествоведение : учебник для старших классов средней школы / Барулин А.Н. и [и др.]. — М. : Захаров, 2004. — С. 223.

14. Шаповалов В.Ф. Россиеведение : учебное пособие для вузов / В.Ф. Шаповалов. — М. : ФАИР-ПРЕСС, 2001. — С. 322.

15. Панарин А.С. Политология: учебник для вузов / А.С. Панарин. — М. : Проспект, 1997. — С. 352-404.

16. Отечествоведение : учебник для старших классов средней школы / Барулин А.Н. и [и др.]. — М. : Захаров, 2004. — 336 с. — С. 250.

17. Панарин А.С. Политология: учебник для вузов / А.С. Панарин. — М. : Проспект, 1997. — С. 352-404.

18. Отечествоведение : учебник для старших классов средней школы / Барулин А.Н. и [и др.]. — М. : Захаров, 2004. — С. 282.

19. Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики : учебное пособие / Е.П. Прохоров. — М. : Изд. РИП-Холдинг, 2002. — С. 245.

*Чевозерова Г.В.
Тольяттинский государственный университет.
К. полит. н., доцент кафедры журналистики.
e-mail: gchevozerova@mail.ru*

*Chevozerova G.V.
Togliatti State University
PhD in Political Sciences, Associate Professor in Togliatti
State University's Journalism department.*

УДК 070.15

СПЕЦИФИКА МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В СМИ

(на примере конкретной публикации в еженедельном
общественно-политическом журнале)

© 2011 А.А. Черваков

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 26 октября 2010 года

Аннотация: Цель данного исследования — выявление специфики политического анализа в СМИ. В работе рассматриваются сущностные особенности осмысления и описания политической действительности журналистом и предлагается универсальная модель создания аналитической публикации на политическую тему.

Ключевые слова: политический анализ, властный сдвиг, политический актор, политический обозреватель, аналитическая ценность публикации.

Abstract: The aim of research is to inquire the specificity of political analysis in mass media. The essential characteristics of comprehension and description of political reality by a journalist are considered in this article. The author sets a general model for creation a publication with analysis of a policy.

Key words: political analysis, power shift, political actor, political observer, analytical level of a publication.

Проблема исследования аналитических медиатекстов является одной из основополагающих в теории журналистики, поскольку имеет отношение к вопросу о перспективах существования определенного типа изданий (еженедельных газет, еженедельных и ежемесячных журналов, а также сходных с ними по подаче материала сетевых массмедиа), ценность которых именно в аналитических, а не в информационных материалах. С учетом того, что для каждого направления журналистики (политического, экономического, социального, культурного, спортивного) характерна и своя специфика подбора, осмысления и подачи информации, политический анализ в текстах массовой коммуникации следует признать достаточно значимым предметом для изучения.

В политологии как фундаментальной науке и политическом консалтинге как прикладной дисциплине механизм политического анализа изучен достаточно глубоко и полно. Наиболее емкое определение этому понятию находим у К.

Симонова: «Политический анализ — совокупность различных методик, с помощью которых возможно исследование конкретных политических событий и политической ситуации, создание предположений по поводу ее возможного развития и принятие компетентных политических решений» [1, 100]. Другими словами, универсальное понятие политического анализа можно сформулировать так: оперирование фактами для понимания смысла происходящего в политической сфере.

Однако ракурс, с которого за происходящим в политике следит тот или иной наблюдатель, накладывает свой отпечаток и на процесс анализа. В центре внимания СМИ — общественно значимая новость, а соответственно в центре внимания политического обозревателя — новость, касающаяся перераспределения власти акторов конкретной политической локации. Причем речь идет как об очевидных, явных политических сдвигах, так и об потенциальных и скрытых. Причем только последние выявляются журналистом в результате политического анализа новостного потока.

© Черваков А.А., 2011

В связи с этим представляется уместным провести разграничение между информационным и аналитическим сообщением в политической журналистике. В информационном сообщении, если оно является политическим текстом, автор при изложении материала не выходит за рамки констатации факта перераспределения власти, оставляя без внимания вопросы, которые вызывает каждый политический сдвиг. Другими словами, обозреватель в данном случае ограничивается фиксацией изменившейся политической реальности. У таких сообщений, безусловно, есть информационная, но не аналитическая ценность.

Аналитическое сообщение отличается тем, что журналист осмысляет политическую реальность, поэтому в его фокусе внимания, помимо *явных происходящих и свершившихся* политических изменений, находятся *предполагаемые скрытые* или *потенциальные* изменения. И здесь требуется активная позиция политического обозревателя — для выявления обозначенных сдвигов необходимо не только наблюдать текущие события, но искать, увязывать друг с другом и встраивать в общую картину данные, проливающие свет на теневую сторону политического поля. Именно в этом состоит аналитическая ценность сообщения.

Представим политический анализ в СМИ в виде некоторой конструкции, построенной с учетом как выработанных в политологии и политконсалтинге схем, так и медийной специфики. Системный анализ, применяемый в исследованиях политических процессов и ситуаций, *«оказывается целесообразным [...], когда исходным пунктом служит появление новой проблемы»* [2, 57]. Он предполагает следующий алгоритм: обнаружение проблемы; оценка актуальности проблемы; определение цели и критериев ее решения; вскрытие структуры существующей системы; определение ее дефектных элементов; оценка веса их влияния; построение набора и выбор альтернатив; их реализация и оценка результатов. Этот абстрактный аналитический каркас можно конкретизировать применительно к журналистскому творчеству. В качестве иллюстрации представленной нами модели используем публикацию «Операция «Недоверие» из журнала «Власть» (№ 39 [893] от 04.10.2010 года). На момент выхода материала уже состоялась отставка Юрия Лужкова с поста столичного градоначальника, но еще сохранилась неизвестность относительно того, кто станет следующим мэром Москвы. Аналитическая публикация по подобной ситуации (властный сдвиг, имеющий и явные, и скрытые стороны) наиболее подходит для демонстрации специфики политического анализа в текстах СМИ.

Надо ли на новость обращать внимание

Первым кирпичиком нашей аналитической конструкции является новость в поли-

тической сфере, под которой подразумевается изменение в распределении власти между акторами конкретной политической локации. Таким образом, политический обозреватель производит отбор из новостного потока той информации, которая удовлетворяет двум критериям: а) содержит событие с участием политических акторов); б) касается перераспределения политической власти. Обозначим такую новость — политическое **ВЫСКАЗЫВАНИЕ**. В случае с публикацией «Операция «Недоверие» оно просматривается достаточно четко: президент РФ отправил в отставку мэра Москвы Юрия Лужкова (один политический актер вывел и из игры другого, чем запустил значительное перераспределение власти на одном из важнейших участков политического поля страны).

Надо ли новость анализировать

Вместе с тем необходимость в анализе новости, удовлетворяющей требованием политического высказывания, возникает только при условии ее информационной ценности. Она определяется тем, насколько политическое высказывание меняет представления аудитории о состоянии и динамике политического поля. Речь, собственно, идет о самом объекте наблюдения, который у журналиста и у политолога схож, *«представляет собой набор: 1) политических акторов с их ресурсами и стратегиями; 2) политических институтов, которые [...] рассматриваются [...] как набор формальных и неформальных правил и норм»* [3, 50]. Вместе с тем представления аудитории следует разделить на две составляющие. **ТЕКСТ** — представления о раскладе сил на конкретном политическом поле, а именно об основных акторах, их ресурсах, стратегиях и взаимоотношениях между ними, которое является подтвержденным и общепризнанным. **ПОДТЕКСТ** — представления о властных взаимоотношениях на политическом поле, имеющие предположительный характер (стереотипы) и вызывающие разногласия у наблюдателей. Если высказывание противоречит политическому тексту или каким-то стереотипам подтекста, равно как подтверждает некоторую часть последних, можно говорить о его высокой информационной ценности и необходимости анализа новости.

В материале «Операция «Недоверие» ясно указывается на информационную ценность случившегося. Если бы Юрий Лужков ушел в отставку через год, то с учетом объявленного главой государства курса на обновление губернаторского корпуса, то это событие было бы воспринято как ожидаемое, укладывающееся в общую логику развития политической ситуации.

Но автор публикации подробно описывает уникальность произошедшего, его несоответствие установившейся в стране системе властных взаимоотношений: впервые руководитель субъекта Федерации вступил в публичную полемику с главой государства по поводу своей отставки и отказался уходить добровольно. Таким образом, обозначено противоречие высказывания тексту. Здесь необходимо отметить, что конкретную публикацию следует рассматривать с учетом взаимосвязи ее содержания и не включенных в него, но значимых для понимания смысла материала моментов. Здесь вполне уместны параллели между принципами построения художественных и журналистских произведений. *«Внетекстовые связи произведения могут быть описаны как отношение множества элементов, зафиксированных в тексте, к множеству элементов, из которого был осуществлен выбор данного употребленного элемента [...] Неупотребление того или иного элемента, значимое отсутствие, «минус-прием», становится органической частью графически зафиксированного текста»* [4, 60]. Приведение в «Операции «Недоверие» слов председателя правительства Владимира Путина о поддержке действий Дмитрия Медведева подчеркивает, что высказывание противоречит и определенному стереотипу подтекста. Хотя курсировавшие в публичной сфере предположения о том, что другой ключевой игрок российского политического поля — премьер-министр Владимир Путин — поддерживает Юрия Лужкова, в самой публикации не нашли отражения.

В каком направлении анализировать новость

Противоречие высказывания тексту и подтексту, равно как и его соответствие какому-то из стереотипов последнего, подразумевает определенный властный сдвиг. Но для прояснения его сути необходимо определить, на какие вопросы политической повестки он дает ответ. Политические изменения возможны при условии существования на политическом поле точек неопределенности, которые придают развитию ситуации непредсказуемый и вариативный характер. Здесь необходимо ввести новый элемент аналитической конструкции — политическую **ИНТРИГУ**. Это либо незавершенное и непредрешенное противостояние акторов (скрытое или явное) по поводу перераспределения власти; либо проблема, не имеющая однозначного решения, но способная оказать существенное влияние на перераспределение власти между акторами конкретного политического поля. Интрига, являющаяся предпосылкой и каналом протекания властных изменений, собственно, и задает направление анализа. С учетом того, что политическая сфера пребывает в постоянной динамике, разрешение одной интриги порождает другую.

В «Операции «Недоверие» мы находим сразу три интриги, обозначенные автором. Первая — самая очевидная — связана с тем, кто сменит Юрия Лужкова на его посту. Вторая заключается в том, останется ли Юрий Лужков, потеряв статус, политическим игроком и станет ли соответственно проблемой для доминирующих акторов. И, пожалуй, самая главная — третья: как отразится этот политический сдвиг на тандеме Путин-Медведев. *«Если Медведев решил утопить непотопляемого Лужкова, то почему бы ему после этого не попытаться сменить и несменяемого Путина?»* [5, 14-17]. Данная интрига восходит к другой — более высокого уровня: насколько президент независим в своих действиях от премьера и насколько велики его стремление к самостоятельности в принятии решений и политические амбиции. Чем большее значение имеет разрешение интриги для всего политического поля, тем важнее связанное с ней направление анализа. Это соображение позволяет принять оптимальное решение при выборе из нескольких той интриги, на которой стоит сосредоточиться при жестко ограниченном объеме публикации.

Каким образом анализировать новость

Автор «Операции «Недоверие», судя по всему, не был жестко лимитирован в размерах материала, поскольку разобрал все три интриги, связанные с рассматриваемым политическим сдвигом. Здесь мы подошли к тому элементу анализа, который придает публикации аналитическую ценность. Его можно обозначить — **АНТИТЕКСТ**. Он заключается в построении новых представлений о политической реальности путем раскрытия интриги от истоков до финала, что в публикации находит отражение в виде версий о сути произошедшего и вариантов дальнейшего развития ситуации. Обозреватель ищет ответы на вопросы политической повестки, которые еще не прояснились со всей очевидностью. Ведь интрига вкупе с высказыванием нарушают полноту имеющихся представлений о политической локации (тексте и подтексте), поэтому задача обозревателя — воссоздать их цельность, предложив новое видение, отрицающее предыдущее, — антитекст.

В связи с тем, что линии анализа проводятся через точки неопределенности, обозреватель учитывает многовекторность версий произошедшего и вариантов развития событий. В этом и состоит отличие аналитического и обыденного взгляда на политику. Обыденное восприятие предполагает единственную трактовку (не важно, самостоятельно ли наблюдатель пришел к такому представлению или разделяет чей-то взгляд), аналитическое — веер трактовок. Другое дело, что в публикации может быть отражена только одна. Политический сдвиг, который находится в фокусе внимания

обозревателя, подразумевает одну из фаз политического процесса (захват, расширение, ослабление или утрату власти определенными акторами). *«Под политическим процессом [...] понимается некая равнодействующая суммы акций различных социально-политических субъектов, то есть совокупность субпроцессов или микропроцессов»* [6, 80]. И следует рассмотреть разные векторы перераспределения власти между акторами. С этой целью журналист совершает те же операции, что и аналитики смежных сфер: поиск фактов и сведений, которые могут прояснить развитие интриги в свете высказывания; увязку фактов и сведений между собой для раскрытия взаимосвязи высказывания и интриги; выстраивание измененной картины политической ситуации. *«Анализ в публицистике становится активным фактором, когда он хорошо аргументирован. Глубокое проникновение в сущность анализируемых фактов, выявление связей с другими фактами позволяет найти выход из противоречий, прийти к обобщению, сделать вывод, заострить ставящийся на обсуждение вопрос»* [7, 35].

Автор рассматриваемого материала создает антитекст, т.е. формирует новые представления о политическом поле, по линии все трех упомянутых интриг. На вопрос, насколько опасен в политическом плане окажется отставленный Юрий Лужков, он дает ответ: за счет своей популярности экс-мэр столицы способен создать оппозиционное движение, эксплуатирующие привлекательную для москвичей идею возврата выборов градоначальника. Обозреватель «Власти» прогнозирует и контрход Кремля: усиление информационного нажима на Юрия Лужкова и ущемление его семейного бизнеса.

Интригу с преемником автор материала раскрывает, приводя два варианта: *«Одни эксперты считают, что он непременно будет москвичом, что должно успокоить столичную элиту, другие же, напротив, уверены, что разгром лужковцев будет увенчан назначением на его место кого-то из «понаехавших»* [5, 14-17]. Стоит отметить, что среди прочих возможных сменщиков Юрия Лужкова значится и Сергей Собянин, который после выхода публикации действительно был наделен полномочиями мэра Москвы. Но в данном случае точность предположения является не результатом анализа, а лишь следствием информированности автора.

И наиболее значимая интрига рассматривает достаточно подробно — с проработкой обоих вариантов: а) отставка Юрия Лужкова — самостоятельный ход президента Дмитрия Медведева; б) уход московского градоначальника — результат согласованных действий тандема. *«А очень многие детали указывают на то, что он (Владимир Путин — прим. автора) намерения президента как*

минимум одобрил, а то и был реальным инициатором отставки мэра» [5, 14-17], — отмечает автор «Операция «Недоверие» и приводит в обоснование этой версии участие в прессинге экс-мэра Москвы «Единой России», чьим лидером является премьер, и другие доводы. *«Впрочем, совсем уж сбрасывать со счетов версию о сепаратных действиях Медведева, наверное, нельзя»* [5, 14-17], — замечает обозреватель и рассматривает другую версию: поддержка премьером действий президента — создание видимости единства тандема и сокрытия возникших внутри него противоречий. Таким образом, Дмитрий Камышев, в свойственном ему плюралистическом стиле, сформировал антитекст, состоящий из широкого спектра версий произошедшего и вариантов развития событий.

В каких рамках анализировать новость

Но чем интересна данная публикации для выявления общей модели политического анализа в СМИ: автор поднялся выше локальной политической ситуации, ставшей непосредственной темой публикации. В материале присутствует также такой элемент нашей аналитической конструкции — **СВЕРХТЕКСТ**. Под ним подразумевается выявление новых потенциальных точек напряжения на политическом поле, напрямую или косвенно связанных с рассматриваемой ситуацией. Речь об интригах, которые на данный момент не проявлены, не актуализированы в представлениях наблюдателей за происходящим в политической сфере. В этой связи автор «Операции «Недоверие» напоминает о борьбе вокруг вырубки Химкинского леса, с которого началось политическое пике Юрия Лужкова. Разрешение этого на тот момент «замороженного» вопроса, по мысли обозревателя, в дальнейшем может пролить свет на судьбу правящего тандема и, если смотреть конкретнее, исход президентских выборов 2012 года. Как показывает публикация, особо важно обращение к свертхтексту в ситуации, когда развитие интриги подходит к финалу, и рассмотрение предстоящей политической повестки становится все более актуальным.

Зачем анализировать новость

Предмет анализа политического журналиста — распределение власти в политической локации. Но поскольку сама политическая власть — главный регулятор общественных отношений, немаловажным аспектом рассмотрения политической ситуации является учет того влияния, которое властный сдвиг оказывает на жизнь социума в целом. Поэтому в случае, если политические изменения касаются не только внутриэлитных, но и социентальных процессов, в анализе важен элемент — **ЗНАЧЕНИЕ**. Оно включает в себя именно общественное измерение политической динамики.

В рассматриваемом материале такой аналитической составляющей нет в силу формата самого издания, которое претендует на объективный подход в освещении событий. Авторские мнения, отдающие субъективизмом, имеют право на существование только в жанре колонки. Поэтому в приведенном случае такой элемент анализа — значение, вынесен за рамки публикации «Операция «Недоверие» и содержится в подверстанном к ней комментарии «Парадокс Лужкова», у которого другой автор — Вероника Куцылло. Подача этих материалов в таком комплексе, позволяет четче отграничить указанный элемент предлагаемой аналитической конструкции для целей нашего исследования. Смысл комментария заключается в выявлении социального аспекта властного сдвига: отправка в отставку Юрия Лужкова не воспринимается как эффективная антикоррупционная мера, поскольку в таком виде стала возможна ввиду укрепления системы власти, создающей благоприятные условия для развития коррупции.

Перечисленные элементы анализа, выделенные и встроенные в определенную иерархичную конструкцию, относятся как к плану отображения политической реальности в восприятии журналиста, так и к плану ее отражения в тексте. Собственно в этом и заключается специфика модели политического анализа в СМИ: он совмещает в себе процесс (осмысление происходящего в политической сфере) и результат (фиксация происходящего в произведении, предназначенном к распространению по каналам массовой коммуникации). Если план отображения, являясь целиком ментальным, не имеет материального выражения, то план отражения воплощен в определенной публикации. И в каждом конкретном политическом материале наличие, соотношение и расположение выявленных аналитических элементов может варьироваться в зависимости от значимости темы, избранного жанра и смысловых акцентов автора. «Различные варианты предмета отображения, различные способы сообщения о нем, различные комбинации методов истолкования предмета создают в каждом отдельном случае свою «модель» аналитического текста» [8, 178-179].

Однако в политической публикации, соответствующей установленным нами критериям аналитичности, присутствуют три константы: (высказывание) — интрига — антитекст. Высказывание может не обозначаться в материале, а только подразумеваться, выноситься за скобки повествования как общеизвестное. Другие элементы следует отнести к переменным, которые могут вообще отсутствовать без ущерба для аналитической ценности публикации. Выявленная модель политического анализа, на наш взгляд, позволяет задать критерии качества аналитической (политической) журналистики, прояснив некоторые особенности формата целого класса СМИ, которые акцентируются не на трансляции новостной информации, а на производстве более сложного информационного продукта. Ввиду стремительных изменений, происходящих сейчас в масс-медиа как на глобальном, так и на локальном уровнях, решение таких исследовательских задач представляется крайне актуальным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Симонов К.В. Политический анализ / К.В. Симонов. — М. : «Логос», 2002. — С. 100.
2. Тавокин Е.П. Исследование социально-экономических и политических процессов / Е.П. Тавокин. — М. : «Инфра-М», 2008. — С. 57.
3. Гельман В.Я. «Постсоветские политические трансформации : наброски к теории» / В.Я. Гельман // «Полис». — Москва, 2001. — № 1. — С. 50.
4. Лотман. Ю.М. Об искусстве Ю.М. Лотман. — С.-Петербург : «Искусство-СПБ», 2000. — С.60.
5. Камышев Д.А. «Операция «Недоверие» / Д.А. Камышев // «Власть». — Москва, 04.10.2010. — №№ 39 (893). — С. 14-17.
6. Дегтярев А.А. Основы политической теории / А.А. Дегтярев. — М. : Высш. шк., 1998. — С. 80.
7. Колосов Г.В. Публицистика как творческий процесс / Г.В. Колосов. — М., Изд-во Моск. ун-та, 1977. — С. 35.
8. Тертычный А.А. Аналитическая журналистика : познавательно-психологический подход / А.А. Тертычный. — М. : «Гендальф», 1998. — С. 178-179.

Черваков А.А.
Воронежский государственный университет.
Преподаватель кафедры теории и практики журналистики.
e-mail: messir1132@inbox.ru

Chervakov A.A.
Voronezh State University.
The theory and practice of journalism chair, lecturer.

УДК 417.3

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ А.И. ГЕРЦЕНА: ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2011 Е.В. Ширина

Южный федеральный университет

Поступила в редакцию 29 марта 2010 года

Аннотация: В статье рассматриваются издательские комментарии к публикациям А.И. Герцена, представленные в приложениях к тридцатитомному собранию его сочинений. В них полно и обоснованно раскрываются идеологические и мировоззренческие позиции автора, его творческое своеобразие, приемы и принципы художественного и публицистического мышления, речемыслительные механизмы эффективного воздействия на читателя. Анализ осуществлялся в рамках определенной идейно-тематической проблематики творчества А.И. Герцена середины XIX столетия, отражающей концептуальные его суждения в оценках самодержавной власти и русского народа. Выявлены методы, характеризующие работу текстологов в исторических, литературоведческих и языковых аспектах анализа.

Ключевые слова: текстология, дискурс, концепт, когнитивизм, прагматизм, экспрессивные приемы, концептуальные означивания, сравнительно-исторический метод, комментарий, интерполяция, интерпретация.

Abstract: The article deals with the publisher's notes to A.I. Herten's works given in the appendix to the thirty-volume collection of his publication. The notes reveal the ideological and world outlook of the author, his artistic peculiarities, methods and principles of his artistic and journalistic thinking and linguistic mechanisms of influencing the reader. The analysis was carried in the accord with the conceptual evaluation of the autocracy in the middle of the 19th century. Textual investigations including those making use of journalistic and linguistic aspects of research have been involved.

Key words: textual study, discourse, concept, cognitive study, pragmatics, expressive means, historical-comparative method, notes, interpolation, interpretation.

Текстология — отрасль филологии, изучающая произведения письменности, филологии, литературы различных жанров с целью установления авторства по характеру изложения или индивидуальному стилистическому почерку, правильности введенных в текст документов, цитат, уточнения времени издания и многое другое. Кроме того, текстологи раскрывают по историческим данным смысл намеков, завуалированной информации, разъясняют сведения, неизвестные современному читателю. В филологическом аспекте трактуются метафорическая, образная система языка, во-

площение в тексте духовных начал автора, его идей и установок. В задачи данной статьи входит текстологический анализ публикаций А.И. Герцена наиболее значительного периода его жизни — середины XIX столетия. Анализ осуществляется по собранию сочинений в тридцати томах (1954–1964 гг.) и комментариям, приводимым в приложении. В этой работе принимали участие историки, литературоведы, лингвисты, журналисты. Среди них имена В.В. Виноградова, Д.Д. Благого, С.А. Макашина, В.Г. Березиной, Ю.Г. Оксман, Л.Я. Гинзбурга. В монографии «Герцен и традиции Вольной русской прессы» (2001) А. Роот говорит

© Ширина Е.В., 2011

об «основных массивах источниковедческой базы» исторически ценных научных выводов, в том числе и текстологических — «сравнительно-сопоставительных соотношений вариантов произведений, установления авторства, создания выверенного научно-справочного аппарата» [1, 15]. В предлагаемой статье рассматриваются комментарии к статьям Герцена, помещенными в XIII-XVIII томах и отражающими динамичные события противостояния самодержавной власти и народа с 1858 по 1863 гг. Идеино-тематическую проблематику этих публикаций возможно концентрированно представить в четырех идеологических концептах, сжатых, но емких речемыслительных формулах, характерных творческому перу Герцена: «народ», «власть», «Россия», «личность». Концепт на современном этапе развития гуманитарной науки интенсивно изучается как объект филологии, представленный чаще всего в области художественной и философской литературы. Он содержит объективно-субъективный смысл авторского понимания словной структуры, взятой за его основу, и характеризуется индивидуальной системой языковых средств аргументации. Ввиду этого, он необходимо нуждается в объяснении исследователями, в том числе и текстологами.

О свойствах подобной структуры писал Ю.С. Степанов: «Концепты могут «парить» над словами и «вещами», выражаясь как в тех, так и в других» [2, 41]. Смысловая подвижность и изменчивость понятийного содержания концептов делают их постоянным предметом внимания ученых. Значение концептов можно оспорить или придать им новые оттенки. Концептуальные суждения Герцена включали информацию, отличную от общепринятой в самодержавном государстве. Противоположные оценки публицистов-демократов складывались из суммирования негативных сторон характеристики российской действительности: Россия — страна «казенной, правительственной, канцелярской власти» (Герцен); народ — сословие зависимое, подчиненное, его предназначение работать и служить властимушам; личность в «тоталитарном режиме» (Герцен) растворялась «в угоду заведенному порядку» (Писарев) и «неотлагаемо нуждалась в руководительстве» (Добролюбов). Гражданская деятельность замалчивалась, яркие личности сознательно принижались, подвергались гонениям и наказаниям. «Свободная русская речь» запрещалась цензурой. Поэтому во многом концепты в демократической публицистике давались в завуалированной, не всегда прозрачной форме. Все это требовало сопроводительных пояснений.

Тематика текстологических анализов публикаций Герцена в данном случае ограничена рамками статьи и направлена на проведение

комплексной систематизации, в основном, двух центральных идеологических концептов, чтобы с их помощью и комментариев текста достоверно и убедительно создать истинную картину мира эпохи в его творчестве.

В лингвистическом аспекте концепт — это субъективная авторская модель в отражении исторически объективной реальности, несущая в себе «черты человеческого способа миропонимания, т.е. антропоцентризма и ментального представления иного, другого мира» [3, 53]. В концептуальном воображении картина мира автора проецируется им в текстах подбором специальных средств языка и стилистических приемов. Именно потому, что концепт обладает авторской индивидуальностью, он и требует привлечения к своему пониманию специалистов широкого профиля. Научный аппарат текстологии включает принципы, реализуемые на уровне междисциплинарного объединения, среди которых важнейшими стали когнитивизм (со стороны исследователя текста) и дискурсивное мышление (с позиции «говорящего» в тексте лица).

Первый — познавательный процесс, помогающий раскрыть объективные и субъективные трудности понимания текста, особая технология анализа, требующая обращения к трем составляющим: приобретение автором знаний, структурирование их в тексте и оперирование ими для получения правильного, авторского, смысла. При участии текстологов увеличивается запас знаний читающего, что способствует нужному распознаванию им текста. Категоризация знаний об объекте исследования связана с ролью языка в процессе познания и ведет к изучению характера самого высказывания, в котором концепт представлен. Так возникает стремление воспринимать текст как конструктивную деятельность субъекта речи, то есть самого автора в выражении его внутреннего мира, менталитета, духовных ценностей, мировоззренческих позиций. Поэтому второе направление — показать соединение двух миров семиотики: мира языка и речевого поведения создателя текста в определенных условиях коммуникации и по определенным прагматическим установкам, что и осуществляется в дискурсивном пространстве текста.

Известный голландский ученый Т.А. ван Дейк выделил дискурс в качестве «сложного коммуникативного явления, которое включает в себя и социальный контекст, дающий представление как об участниках коммуникации (и их характеристиках), так и о процессах производства и восприятия сообщения» [4, 112-113]. Дискурсивная методика в практике лингвистических исследований текста стала заметной чертой в ученом мире. Н.Д. Арутюнова определяла дис-

курс как «речь, погруженную в жизнь» [5, 137], в которой языковые процессы связаны не только с концентрацией определенной информации и ее передачей, но и умением пишущего дать ее в такой форме, которая оказала бы эффективное воздействие на адресата, призвала бы его к «со-размышлению» (Л.Е. Кройчик).

Изучение дискурсивного мышления субъекта речи входит в задачи лингвистов и текстологов. Последние дополняют исследования первых, так как им приходится осмыслить и озвучить то, что закодировано в дискурсе, а для этого исходить не только из внутреннего, речевого, его представления, но и учитывать внешние содержательные типы его сущности. В дискурсе «говорящий субъект» (М. Пеше) всегда опирается на предшествующие контексты и ситуации. В результате, в них, а затем и в концепте раскрываются «выводные знания» (Ю.Н. Караулов), которые надо найти и утвердить в «инаковости мнений» (своеобразии) его концептуального означивания.

В отличие от описательного способа представления концептов, распространенного в современной исследовательской практике — по общему содержанию произведения и личному восприятию читающего, идеологические концепты Герцена — цельная речевая структура, сочетающая все его компоненты: концептуальную дефиницию, атрибутивные квалификаторы и дополнительные, разъясняющие речевые формы. Но по истечении времени и исторической давности, а также по образно-метафорической системе выражения, свойственной публицисту, они нуждаются в уточнениях и пояснениях для современных читателей. В текстологических анализах ученые добивались выявления неявных или скрытых компонентов смысла; определения доминантной мысли в том или ином отрезке текста; акцентирования ее экстралингвистическими и лингвистическими средствами; установления коммуникативной связи с прагматической целевой направленностью на адресата. Кроме того, текстологи, отслеживая и те изменения во взглядах автора, которые он претерпевает в различные временные отрезки. Так, концепт «власть», при неизменности общих оснований Герцена в оценке самодержавия, получает несколько различающихся трактовок, зависящих от ряда исторических обстоятельств и времени: в начальный период подготовки крестьянской реформы, затем в ходе ее проведения и первых осязаемых результатов, от недолгих иллюзий и надежд на подлинную свободу народа к разочарованию и осознанию того, что «Россия пятится назад, к николаевскому правлению». Отсюда вновь появившаяся мысль о преемственности царских династий и неизменности принципов самодержавного самоуправления.

Отсюда и жесткие концептуальные определения: «Императорская власть у нас — только власть, то есть сила, устройство, обзаведение, содержания в ней нет, обязанности на ней не лежат». В народе зреет новое сознание: «столкновение неминуемо, найдется достаточная сила, могущая бороться, поднимается «морская волна». Власти придется сделать «выбор между кормилом и илом морского дна» [XVI, 223, 225]. В комментарии к статье «Журналисты и террористы» (1862) подтекст данных высказываний заключается в призыве поднять народ на борьбу с правящим в России строем, на революционный протест самодержавию. В связи с выдвижением новых приемов концептуального анализа основных идейно-тематических проблем 60-х гг., отраженных в статьях, для полноты освещения материала необходим поиск исторических сведений, архивных данных, документов, различных источников, изменившихся оценок. Все это не только обогащает текстологическую науку новой информацией, но делает ее перспективной и актуальной даже в пределах, казалось бы, достаточно полно проведенных исследований.

В числе специальных методов текстологии нами учитывались разные подходы к тексту: сравнительно-исторический в — достоверном толковании концептов (реально-объективный); представления языковой личности публициста через концепты (индивидуально-субъективный) и филологический — выражении концептуальной мысли (художественно-образный). Из подразделов текстологии выделены были три вида комментирования: издательское, реально-текстовое и литературно-художественное. В первом собраны сведения об изданиях статьи и ее вариантах: когда опубликована, в полном объеме или частично, появлялись ли какие-либо уточнения, опровержения, касающиеся издания. Наше внимание обращено на два последних вида комментирования. В **реально-текстовом** даны сведения об исторической обстановке, политических позициях автора, его мировоззрении и намерении, а также разъясняются документы, отдельные места из писем и других источников. Содержится дополнительная информация о фактах и событиях, упомянутых в текстах. В **литературном комментарии** раскрываются приемы художественной образности и метафоризации.

В «Предисловии к «Колоколу» Герцен определяет радикальные программные установки журнала пока еще в общегуманистическом плане, в надежде воздействовать на политику Александра II. Требуя свободы слова, освобождения крестьян от крепостной зависимости публицист выдвигает принцип: «быть везде и всегда против насилия... предрассудков... против изуверства... против отсталых правительств». Исследователи отмечают соединение здесь двух позиций: «умеренного

просветительства» и «пламенного призыва против всевластия чиновничества», что и воспринималось как обвинение царского правительства. Эмоциональный пафос Герцена отразился в грозном предупреждении: «Свободное русское слово раздастся в Зимнем дворце — напоминая, что сдавленный пар взрывает машину, если не умеют его направить» [XIII, 7-8, 13; комм.: 486-487].

В статье «1 июля 1858» уже видно «усиление сомнений Герцена в целесообразности апелляции к верхам», хотя по-прежнему остается вера в царя, который, как ему кажется, «силится подать руку народу». Постепенно приходит отрезвление, пока еще нечетко обозначенное: «государственный рыдван плелся так себе вперед, но когда он решительно начинает пятиться, давит своими тяжелыми колесами ноги..., в звон нашего «Колокола» входит именно вопль, поднимающийся из съезжих, из казарм, с помещичьих конюшен, с барщинских полей, с ценсурной бойни» [XIII, 298; комм.: 569]. И все это сказано для того, чтобы укрепить царскую волю на смену традиционной системы власти, привычного управления народом и страной.

Статья «1860 год» передает пик напряженных событий вокруг реформы, но вместе с тем она была последним усилием Герцена в его уповании на прогрессивные устремления царя. Здесь опровергаются фактами реальной жизни его либеральные иллюзии и вера в царя. Проект «Положения» о реформе еще обсуждается, а уже «русская кровь льется». В государе «какая-то истошающая сила, нерешительность, шаткость во всех действиях». Он командировал особо доверенных лиц в губернии и уезды для обеспечения порядка. Они «снабжены полномочиями вешать и расстреливать по усмотрению». Приведены письма, документы об арестах и задержаниях [XIV, 217; комм.: 526].

«Введение» к первой части сборника «За пять лет» (1860) уже свидетельствует о «значительных сдвигах в политических позициях Герцена и о решительном преодолении им монархических иллюзий». По поводу фразы «самодержавие застенчиво остановилось, произнесло слово «освободятся с землей», в комментариях даются разъяснения, что «редакционная комиссия проекта внесла значительные изменения, касающиеся «безземельного освобождения крестьян», что, по сути, сдерживало позитивное восприятие публицистами программы готовящегося «Манифеста». В результате появляется иронический и пророчески воспринимаемый эпиграф к статье: «Прощайте, Александр Николаевич...» и звучит негативная оценка самодержавной власти: «Россия представляет небывалое зрелище государства, в котором все, признанное человеком, состоит сплошь из чиновников, военных или гражданских» [XIV, 277; комм.: 555-556].

По такой же ориентации определяется принцип концептуального означивания народа и власти по другим его высказываниям и текстовым комментариям к ним. Сравнительно-исторические методы текстологии помогают не только раскрыть исторические предпосылки мировоззрения Герцена на разных этапах его формирования, но и использовать с целью получения исследователями знаний о прошлом как необходимом инструменте их прагматического действия в настоящем.

В литературно-художественном комментарии анализируются экспрессивные приемы творческой стилистики Герцена, нуждающиеся, с одной стороны, в разъяснении, с другой — в уточнении исторической привязанности к какому-либо факту, лицу, ситуации, имеющих также отношение к характеристике власти и народа. Основой таких анализов в текстологии является *традуктивный метод* — умозаключение, необходимое для выводов в результате выявления сходства, сравнения, аналогии. В публицистике Герцена это своеобразный синтез исторического, художественного и журналистского мышления. Раскрыть реальный замысел его высказываний, определивших суть концептов, возможно по соотнесению метафорически представленного образа с фактами истории, вызывающими жизненные ассоциации. По такой методике мы рассмотрели несколько способов, характерных индивидуальной стилистике Герцена, получивших разъяснение в текстологических комментариях и связанных с названными выше концептами «власть» и «народ», в частности: 1) речевые манипуляции с антропонимами — сатирическими приставками к фамилиям реально-исторических лиц; 2) обращение к литературным и фольклорным источникам; 3) языковая игра как возможность пародийного обыгрывания в изображении реальных лиц власти по конкретным фактам и ситуациям.

Сатирические антропонимы нужны Герцену для обличительного высмеивания самодержавного правительства по реальным поступкам и действиям тех или иных министров, чиновников. Так, например: Апраксин Безднинский — по участию в карательных событиях в с. Бездна; Муравьев Вешатель — за проведение арестов и особо жестоких наказаний; Лужин Верный — за верноподданническое служение власти; Тимашев Школинский — в связи с тайным надзором за образовательными учреждениями. К этой группе относятся также контрастные противопоставления в сфере собственных имен. Например: «Муравьев возмнил себя князем Пожарским, не имеющим отечества для спасения, и бросился на полицейское усмирение Польши». Часто используется Герценом перевод фамилии по буквальному смыслу. Член Главного комитета по крестьянскому делу

Адлерберг (adler — орел, berg — гора) представлен в ироническом подтексте с намеком на засекреченную и охраняемую им информацию о подготовке реформы. Еще один характерный способ — обращение собственного имени в нарицательную структуру. Блюдов, — член Главного управления цензуры: блуждающий в поисках опасного для власти смысла публикаций.

Ссылки на произведения литературы и фольклора рассчитаны на культурный уровень знаний воспринимающих. Но в условиях нашего времени могут быть не всегда понятны современному читателю, а в этом случае теряется суть их политических и идеологических ассоциаций. Поясняются ссылки из разных источников письменности: библейских, художественных, фольклорных, литературно-критических, публицистических и др. Начиная с 60-х гг., все чаще звучат мысли Герцена об отступлении власти от демократических основ проводимой реформы и неизбежности возмездия за ее стремление как можно больше сохранить привилегий дворянства. Так пишет он о «грядущей каре»: «социализм стоит тем же гневным Даниилом, указывая страшные, огненные буквы». Текстологические пояснения этой фразы, смысла, который имел в виду Герцен, направлены на то, чтобы предупредить власть, ибо по преданию пророк Даниил расшифровал начертанные на стене дворца огненными буквами слова, предвещавшие Вавилонскому царству скорую гибель» [XVI, 12; комм.: 347]. Не столько в переводе, сколько в разъяснении функционального назначения нуждается эмоциональный возглас из «Песни о колоколе» Шиллера, взятый Герценом для эпиграфа к «Колоколу»: «Vivos vos!» (Зову живых). Он передает призыв к революционной интеллигенции примкнуть к поднимающемуся народу» [XVI, 14; комм.: 348].

Ситуацию противостояния и нарастающего народного движения Герцен передает обращением к фольклорным темам, традиционным образам добра и зла, ассоциативно относя их к оценкам власти и народа. Таково их представление в статье «Исполин просыпается» (1861): «Подтянись во всю силу молодецкую, вздохни свежим, утренним воздухом, да и чихни, чтоб спугнуть всю эту стаю сов, ворон, вампиров, Путятиных, Муравьевых, Игнатьевых и других нетопырей; ты просыпаешься — пора им на покой». В тексте и комментарии к нему выражена мысль о пробуждении гражданского самосознания несогласных с режимом самодержавия и о близком падении реакционного строя [XV, 173; комм.: 398]. Этим можно было объяснить и эмоциональный возглас Герцена с призывом к юношам: «В народ! К народу!» О воздействии этой статьи на демократическую интеллигенцию впоследствии писал В.В. Стасов:

«Это случилось после чтения нами «Богатырь просыпается!» в «Колоколе», где меня так поразила «поднимающаяся волна» [6, 270].

В период уже пошатнувшихся либеральных надежд Герцена он выступает с удвоенной обличительной силой обвинения, критикует подвластный царю правительственный кабинет в газетном обозрении «Россияда» (1863). Под его прицельным огнем находится М.Н. Муравьев — постоянный объект насмешек и иронических оценок Герцена. Используя в качестве эпиграфа к одному из разделов обозрения известную фразу из басни И. Крылова «Злой тоской удручена, к Муравью ползет она», публицист передает «полностью восстановившийся расклад сил между императорской и полицейской Россией», окончательно завершившейся бойней в Польше: с одной стороны, Россия, «опозоренная злодействами царского самодержавия, запятнавшая себя «канибальскими обедами Каткову, тостами в честь Муравьева Вешателя»; с другой — совершенно конкретная и адресная оценка самодержавной власти, впоследствии подтвержденная в письме к Бакунину: государь сел задом в муравейник, все Муравьевы около него» [XVII, 154; комм.: 417, 418].

Языковая игра и ее разновидность — политический каламбур — типичная речемыслительная форма Герцена. В расшифровке каламбура надо отметить две стороны. Прежде всего он становится ясным с помощью комментариев, разъясняющих контекст в приурочивании его к определенной исторической ситуации. В другом подходе каламбур раскрывает творческую индивидуальность автора в его «устройстве языка» и главное — ассоциативную связь с реальностью, усиленную художественно-образным мышлением. В основе каламбура лежит столкновение двух значений слова или фразы: прямого и переносного, что, в свою очередь, отражается в особом стиле соединения объективности и экспрессии. Своеобразие каламбуров Герцена в том, что он их создает не по отвлеченной схеме, а в соотнесенности с реальной основой: по внешним или другим данным, характеризующим определенное лицо, или по ситуации, вызывающей обличительную реакцию. Однако в виду наличия в каламбуре субъективного подтекста, часто скрытого смысла, суть его политической ориентации раскрывается в комментариях. Из многочисленных форм каламбуров Герцена выделим те, которые связаны с концептуальной тематикой власти и народа. С учетом средств речевого структурирования назовем:

1) омонимии для придания сатирического озвучивания контекста: «...г. Закревский, следуя примеру красноречивого полицмейстера, хотел что-то прислать, и мы приготовили нашу

лучшую сажу, чтоб отпечатать его статью». В каламбуре двойной смысл: сажка используется в типографских целях, но в данном случае речь идет не об этом, а о предполагаемой ответной статье «Колокола», в которой полицейские оценки будут представлены в обличительных, черных и саркастических тонах. Имеется в виду Московский военный генерал-губернатор [XIII, 331, 429; комм.: 579, 613];

2) ложную этимологию слов в пародийном их обыгрывании. Таков перевод слов *porte* — порт и *franco* — свободный. О распоряжениях Строганова, Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора, Герцен пишет в язвительной каламбурной манере. Он высылал из Одессы людей, которые ему не нравились «лицом, цветом волос или не знаю чем... или он думает, что *porto franco* значит свободно можно выбрасывать за дверь...». В каламбуре содержится аллюзия на уже назревшую и необходимую отставку, *porto franco* (свободного выбрасывания за дверь), грубого сатрапа, «великого Свекра» царя [XIV, 96; комм.: 487];

3) морфемное разложение состава слова, в двусмысленном «столкновении» прямого и переносного значений и сходству звучания: «Князь крепко закусил николаевскую на-водку!» Речь идет о князе Радзивилл. Каламбур создается морфемным разъединением в составе слова «на-водка» и сочетанием его с глаголом «закусить», что ведет к их каламбурному восприятию: закусить чем-либо водку или «по николаевской на-водке» жениться на его любовнице. Высмеиваются нравы высшего общества [XIV, 143; комм.: 509];

4) грамматическую антитезу. Ее компоненты, словоформы одной лексемы, противопоставлены лишь грамматическими значениями. Такой каламбурный тип выполняет в тексте язвительно-сатирическую функцию. В пафосной пародийной интерпретации Герцен передает бравадную фразу М.Н. Муравьева: «Я не из тех Муравьевых, которых вешают, а из тех, которые вешают». В первой ее части — объектные отношения между компонентами, во второй — субъектно-предикативные, отсюда и характер действия разный: обезличенно пассивный и конкретно адресный (один подвергается действию, другой сам его выполняет). Муравьев — самая яркая и часто встречаемая в текстах публициста фигура власти: генерал-губернатор Северо-Западного края, министр государственных имуществ, член Главного комитета по крестьянскому делу. Резкие и негативные оценки «верноподданнической» службы этого «дикого сатрапа», «бульдога самодержавия» объясняются его политикой расправ в Польше. Позднее, соглашаясь с теми, кто не желал расставаться с привилегиями дворянства, Муравьев, пользуясь тем, что «правительство,

вступив в эпоху реформ, идет ощупью, хочет и не хочет...», стремится узаконить положение «об уравнении государственных крестьян с удельными и объявить их личной собственностью царя и великих князей» [XIII, 29; комм.: 499].

Много игровых ситуаций в языке Герцена, связанных именно с этим персонажем. А в соединении текста и комментариев образ Муравьева Вешателя становится биографически полным. Будучи министром государственных имуществ, он «настаивал на самом строгом взыскании недоимок с государственных крестьян», что ассоциируется у Герцена с жестокостью бироновского времени, когда за недоимки «несчастных крестьян не только секли, но и обливали на морозе холодной водой» [XIV, 396; комм.: 615]. Относя Муравьева к кровожадным флигель-адъютантам, которых можно считать «яркими цветами махового прогресса», Герцен с иронией и негодованием сообщает о его новом предполагаемом назначении: «на место Н.А. Милютин, товарища военного министра 1860-1861 гг., сядет *Муравьев вешающий!!!*» [XV, комм.: 357]. Муравьев назван в числе «заявленных тормозов» в подготовке крестьянской реформы [XVI, 25], он организатор «ужасных дел, бесчеловечной бойни и еще больше бесчеловечных рукоплесканий» [XVI, 130]. Герцен имеет в виду «сочувственное отношение помещичье-буржуазного общества к тем жестоким мерам, которые были предприняты царским правительством по отношению к восставшим в Польше» [XVI, комм.: 407].

Подводя итоги краткого анализа соотношения публицистического текста Герцена и комментирования его издателями и исследователями в том или ином функциональном аспекте, можно сделать выводы, касающиеся непосредственно тематики комментариев и методов текстологических исследований. Прежде всего собрана информация, значительно расширяющая сведения о текстовых высказываниях Герцена и нуждающаяся в разъяснениях современным читателям и историкам журналистики.

Д.С. Лихачев признавал особый, междисциплинарный, характер текстологии, так как по своей сути она учит «правильно понимать смысл текста, будь то исторический источник или художественный памятник, требует знаний не только по истории языков, но и знаний реалий той или иной эпохи, эстетических представлений своего времени, истории идей и т.п.» [7, 227]. Сейчас уже сложилась практика самостоятельных текстологических исследований, наметился круг параллельных проблем дотекстовых, вербально-текстовых и посттекстовых анализов. Наблюдаемый материал текстологических приложений позволяет выделить три их типа: традиционный

комментарий, интерполяцию и интерпретацию. *Комментирование* в утвердившейся форме — это пояснительные замечания по ходу текста, они могут осуществляться и самим автором, чаще в сносках. Сюда входят также разъяснения использованных в тексте фамилий, дат, названий местности и мн. др. *Интерполяция* (от лат. вставка) — внесение небольших заметок текстолога в его же анализ конкретного материала, разъясняющих ссылки автора на другие источники или привлекаемые к анализу цитаты, сопровождаемые выражением согласия или несогласия со стороны исследователя. *Интерпретация* — посредническое критическое отношение текстолога к тому, что он поясняет по тексту публициста. В этом случае происходит толкование авторского текста не только в традиционном плане комментирования, но и с позиции текстолога — по его внутреннему миру и восприятию.

В заключение, подводя итоги, следует отметить характер составляющих компонентов текстологического анализа с точки зрения его функциональной и научной ценности: 1) приобретение знаний из текстовой информации; 2) оперирование этими знаниями для получения верного и обоснованного их понимания читателем; 3) выражение дополнительного, уточненного, преобразованного смысла текстовых высказываний на основании новой информации и современных методов ее получения.

Ширина Е.В.

Южный федеральный университет.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры истории журналистики.

e-mail: Lena007@aanet.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Роот А. Герцен и традиции вольной русской прессы / А. Роот. — Казань : Казанский университет, 2001. — 350 с.

2. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. — Москва : Языки русской культуры, 1997. — 823 с.

3. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика / В.А. Маслова. — Минск : Терра Системс, 2005. — 254 с.

4. Дейк Т.А. ван Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. — Москва : Наука, 1989.

5. Арутюнова Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. редактор В.Н. Ярцева. — Москва : Советская энциклопедия, 1990. — С. 136-137.

6. Балакирев М.А. В.В. Стасов. Переписка. Т.1 / М.А. Балакирев. — Москва : Просвещение, 1970. — 205 с.

7. Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном / Д.С. Лихачев. — Москва : Детская литература, 1989. — 236 с.

ИСТОЧНИКИ

Герцен А.И. Собрание сочинений в 30-ти томах / А.И. Герцен. — Т.ХІІІ-ХVІІІ. — Москва : Изд-во Академии наук ССР, 1958-1959.

Shirina E.V.

Southern Federal University.

Candidate of Philology, Senior Lecturer of History of Journalism Department of Philology and Journalism Faculty.

УДК 070.4

ЖАНРОВЫЕ ПРИЗНАКИ КОЛОНКИ

© 2011 С.С. Ярцева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 февраля 2011 года

Аннотация: В статье выявляются и описываются жанровые признаки колонки. Журналистская колонка начала свое существование как рубрика, но, если первоначально в отдельной колонке печатались самые разнообразные тексты, то со временем сложилась практика публиковать под рубрикой «колонка» тексты, тяготеющие к жанрам с сильным авторским началом (эссе, комментарий, обозрение), а затем из этого корпуса выделилась группа текстов, явно схожих между собой и очевидно объединенных совершенно новой жанровой формой — колонкой.

Ключевые слова: колумнистика, колонка, жанр.

Abstract: The article describes genre features of column. Journalist's column began its existence as rubric, but if originally separate column was a place for different texts including information, with the lapse of time it became usual to publish in this rubric very personal texts (essay, commentary, review), and then a group of similar texts appeared. Today we can speak about column as a new genre form, which is possessed of particular features — subject, method, function, content and form.

Key words: column, columnism, genre.

Термин «колонка» сегодня используется в журналистской практике в трех значениях: во-первых, как особым образом оформленный столбец на газетной полосе, являющийся существенным приемом выделения материала при решении конкретных тактических задач — подборка информационных материалов, статистические сведения, цитаты, опросы и т.п.

Второе значение термина «колонка» — авторская рубрика. В данном случае колонка выполняет уже стратегические задачи — она вводит на газетную полосу имя — имя автора, привлекающего внимание аудитории. Важнейшая задача колонки такого рода — закрепить интерес определенного сегмента аудитории за автором как носителем определенной информации.

Третье значение термина «колонка» — особый жанр, формирующийся сегодня на наших глазах и актуализирующий личные переживания автора по конкретному поводу в виде демонстрации точки зрения субъекта высказывания.

В своем движении от рубрики к жанру колонка фактически повторила путь фельетона, рождение которого относят к 28 января 1800, когда в парижскую газету «Журналь де Деба» («Journal des Debats») был впервые вложен дополнительный листок (feuilleton), в котором стали печататься объявления, театральные и музыкальные рецензии, модные новости, шарады, даже романы («Парижские тайны» Э. Сю, «Три мушкетёра» А. Дюма), словом, неполитические, неофициальные материалы. С увеличением формата газеты фельетоном стали называть её «подвал». В свое время Даль определял фельетон как «отдел рассказней в газете» [2]. Постепенно разнородные тексты, объединяемые одной только рубрикой, пришли к единой форме, обрели общие признаки и сейчас едва ли кто-то усомнится в том, что фельетон давно стал полноправным журналистским жанром.

Примерно это же происходило и с колонкой. Сначала в крайней колонке печаталась информация, на которую редакция газеты хотела обратить внимание. Это могли быть объявления, экстренные новости, официальные сообщения, однако постепенно содержание

колонки смещается в сторону частной жизни. В XIX веке большим интересом читателей пользуются колонки сплетен, где публикуются сообщения о текущей жизни горожан — рождениях, свадьбах, помолвках, смертях, поездках, отпусках и проч. Колонка, таким образом, становится местом на полосе, где из регулярно публикуемых фрагментов формируется картина жизни частного человека, и выполняет некую бытописательскую функцию. Затем в колонке-рубрике начинают концентрироваться тексты жанров с ярко выраженным авторским началом — комментарии, эссе, обзоры и обозрения, рецензии. Затем под влиянием процессов жанровой диффузии и гибридизации, изменения самосознания автора и читателя, а также новых тенденций в публицистике, когда интерес к отдельной личности усилился настолько, что стало возможным появление в прессе дневниковых жанров — формируется жанр колонки, фиксирующий переживания автора по тому или иному поводу в максимально личном, интимном, биографическом тексте.

Если попытаться обобщить свойства различных текстов, публикуемых под рубрикой «колонка», становится очевидным, что часть из них обладает совершенно определенными признаками, общими для всей группы и в то же время нехарактерными для других известных жанров.

Попытаемся определить эти признаки.

1. Предмет колонки — *личное переживание по конкретному поводу*.

«Колонка — это жанр, когда человек рассказывает о том, что его беспокоит» [7], — такое определение дает футбольный комментатор и колумнист нескольких спортивных изданий Василий Уткин. Уткин не теоретик, однако в своем образном определении он передает смысловой стержень колонки: *беспокойство* автора.

Информационным поводом к написанию колонки может быть и единичный факт, и событие, и явление, и судьба, и характер, однако на первом месте всегда стоит именно то, как колумнист осмысливает этот повод, то, какие чувства и мысли рождает в нем тот или иной факт. Таким образом, предметом исследования в колонке опосредованно является сам субъект высказывания, ход его рассуждений, его мыслительный процесс.

2. Функция / целевая установка (зачем мы пишем текст): *демонстрация точки зрения* субъекта социальной практики в связи с возникшей ситуацией с целью обратить внимание аудитории не только на саму ситуацию, но и на *характер ее оценки*. В колонке Я становится объектом исследования.

Именно личность колумниста является основным смысловым ядром всего жанра — этим

обусловлена такая особенность колумнистики: колонку ведет, как правило, человек с именем — либо известный человек (писатель, политик), специалист в определенной области, чье мнение интересно само по себе, либо автор, обладающий ярким талантом говорить интересно обо всем, и тогда на первый план выходит сам процесс демонстрации мнения.

3. Метод — *образный анализ*, то есть сочетание *анализа* (выявление взаимосвязей предмета, причин, следствий, их оценка, прогноз их развития) и *художественного обобщения*.

В этом смысле колонка занимает пограничную позицию между аналитическими и художественно-публицистическими жанрами в традиционной классификации, либо входит в группу исследовательско-образных жанров по классификации Л.Е. Кройчика [3].

4. Содержание. По содержанию колонка — это цепочка фактов, событий или явлений, с которыми автор соприкасается непосредственно или которые представляются ему актуальными в данный момент, и рассуждений, которые рождают у него эти факты, события. В колонке автор избегает вымысла, он пишет лишь о том, что произошло на самом деле. Публицист предлагает нам свою точку зрения на окружающую действительность, а его статьи, превращаются в неопровержимые свидетельства эпохи и одновременно оригинальные художественные произведения.

Так как на первом плане выступает не факт, а отношение автора к нему, колонка становится жанром максимально интимным, где автор не боится самого себя сделать участником событий, рассказывая о глубоко личном опыте, личных впечатлениях и демонстрируя личное мнение. Автор колонки — это безусловно биографический автор.

5. Форма. По своей форме колонка — это свободное повествование, вбирающее в себя элементы самых различных жанров — от заметки до эссе. Однако все эти элементы включены в повествование для того, чтобы усилить авторскую аргументацию, авторскую манеру письма, сохраняющуюся от колонки к колонке, максимально интимизировать повествование и, ведя читателя за ходом своих мыслей, сделать его соучастником повествования, собеседником.

Итак, в колонке грамматические формы и конструкции, а также приёмы их организации создают атмосферу внешней безыскусности (при тщательной стилистической обработанности, смысловой сложности и многомерности), исповедальности, вызывают у читателя ощущение личного контакта. Особенности такой манеры, называемой интимизацией, в

большей или меньшей степени проявляются во всех колонках, хотя в конечном итоге выбор стилистических средств и степень интимности повествования зависит от конкретного автора и могут разниться довольно сильно.

Говоря о жанрообразующих факторах, позволяющих определить колонку как отдельный жанр, стоит отметить: хотя текстам колонки присущи совершенно отчетливые отличительные признаки, сама специфика этого жанра с сильным авторским началом, вниманием к форме и стремлением к самовыражению, не позволяет ограничивать его жесткими рамками, поэтому для жанра колонки, как и для жанра эссе, будет характерна некоторая размытость жанровых границ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века : Фонетика, морфология, ударение, синтаксис / Л.А. Булаховский. — М. : Учпедгиз, 1954. — С. 455-458.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. — М. : Прогресс, 1994. — Т.

4: С-У. — Репринт. воспр. изд. 1903-1909 гг. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. — Ст. 1136.

3. Кройчик Л.Е. Система журналистских жанров / Л.Е. Кройчик // Основы творческой деятельности журналиста. Ред.-сост. С.Г. Корконосенко — СПб. : Знание, СПбИВЭСЭП, 2000. — 272 с.

4. Осс Н. В тылу парада / Н. Осс // Газета.ru. — 7.05.10. — (<http://www.gazeta.ru/column/oss/3364397.shtml>).

Ряд исследователей называет в качестве жанрообразующих факторов также и языковые средства, используемые в тексте, либо форму авторского присутствия, однако, как нам кажется, эти факторы входят в понятие формы и содержания.

5. Свиarenко И. Свинцовая вертикаль / И. Свиarenко // Газета.ru. — 14.01.10. — (<http://www.gazeta.ru/column/svinarenko/3311633.shtml>).

6. Соколов-Митрич Д. Бешеное Подмосковье / Д. Соколов-Митрич // Известия. — 04.05.10. — (<http://www.izvestia.ru/comment/article3141480/>).

7. Уткин В. Играть по счету или платить? Заинтересованный взгляд на телевизионное будущее российского футбола / В. Уткин // Советский спорт. — 17 января 2009. — №6(17722).

*Ярцева С.С.
Воронежский государственный университет.
Аспирант кафедры истории журналистики.
e-mail sabiaza@mail.ru*

*Yarceva S.S.
Voronezh State University.
The post-graduated student of Department of Journalism.*

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Общие положения

Журнал «Вестник Воронежского государственного университета» принимает к публикации материалы, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленных в виде полных статей, кратких сообщений, а также обзоры (по согласованию с редакцией). Опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются.

Полные статьи принимаются объемом до 20 страниц рукописи и до 6 рисунков, краткие статьи — до 5 страниц и до 4 рисунков.

Статья должна быть написана сжато, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Для публикации статьи авторам необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

1) текст статьи, в соответствии с нижеприведенными требованиями, подписанный всеми авторами, УДК, таблицы, рисунки и подписи к ним (в 2 экз.);

2) название статьи, аннотацию, ключевые слова, инициалы и фамилию авторов, место работы - на русском и английском языках (в 2 экз.);

3) файлы всех представляемых материалов на электронном носителе или по электронной почте редакции;

4) сведения об авторах: их должности, ученые степени, телефоны и адреса электронной почты (на русском и английском языках).

Статьи, направляемые в редакцию, подвергаются рецензированию и в случае положительной рецензии — научному и контрольному редактированию.

Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде (в 2 экз.) вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки. К переработанной рукописи необходимо приложить письмо от авторов, содержащее ответы на все замечания и поясняющее все изменения, сделанные в статье. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая.

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

2. Структура публикаций

Публикация полных статей, кратких сообщений и обзоров начинается с индекса УДК, затем следует заглавие статьи, инициалы и фамилии авторов, развернутые названия научных учреждений. Далее приводится дата поступления материала в редакцию, затем краткие аннотации и ключевые слова — на русском и английском языках.

Редколлегия рекомендует авторам структурировать представляемый материал, используя подзаголовки: *ВВЕДЕНИЕ, МЕТОДИКА ЭКСПЕРИМЕНТА, ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ, ЗАКЛЮЧЕНИЕ, СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ*.

В конце статьи помещается информация об авторах (место работы, фамилия, инициалы, должность, контактные данные - на русском и английском языках).

3. Требования к оформлению рукописи

Текст статьи должен быть напечатан через полтора интервала на белой бумаге формата А4, с полями ~ 2,5 см с левой стороны, размер шрифта — 14 (Times New Roman Cyr).

Все страницы рукописи, включая список литературы, таблицы, подписи к рисункам, рисунки следует пронумеровать.

Каждая таблица должна иметь тематический заголовок.

Уравнения, рисунки, таблицы и ссылки на литературу нумеруются в порядке их упоминания в тексте.

Рисунки прилагаются отдельно (в 2 экз.). Формат рисунка должен обеспечивать ясность передачи всех деталей. Надписи на рисунках даются на русском языке; размерность величин на осях координат обычно указывается через запятую (например, U, B; t, c). Подрисуночная подпись должна быть самодостаточной, без апелляции к тексту. На обратной стороне рисунка следует указать его номер, фамилию первого автора, пометить, если требуется, “верх” и “низ”.

Полутоновые фотографии (используются только при крайней необходимости) представляются на белой глянцевой бумаге (в 2 экз.), ксерокопии не принимаются.

Ссылка на использованную литературу дается в тексте цифрой в квадратных скобках. Если

ссылка на литературу есть в таблице или подписи к рисунку, ей дается порядковый номер, соответствующий расположению данного материала в тексте статьи. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются. Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание, ссылки располагаются в порядке цитирования.

Греческие буквы в тексте следует подчеркнуть красным карандашом, буквы латинского рукописного шрифта отмечать на полях. Во избежание ошибок нужно четко обозначить прописные и строчные буквы латинского, русского и греческого алфавитов, имеющие сходные начертания (С, с; К, к; Р, р; О, о; S, s; U, u; V, V и т.д.), буквы I (i) и J (j), букву I и римскую единицу I, а также арабскую цифру 1, вертикальную черту | и штрих в индексах (a₁, a'), латинское l (эль) и e (не эль). Прописные буквы подчеркиваются карандашом двумя черточками снизу, а строчные — сверху.

Химические и математические формулы и символы в тексте должны быть написаны четко и ясно. Необходимо избегать громоздких обозначений, применяя, например, дробные показатели степени вместо корней, а также exp — для экспоненциальной зависимости. Химические соединения следует нумеровать римскими цифрами, математические уравнения — арабскими. Десятичные доли в цифрах отделяются точкой. Химические формулы и номенклатура должны быть лишены двусмысленности.

4. Требования к оформлению электронной версии

В состав электронной версии должны входить: файл, содержащий текст статьи и иллюстрации, и файлы, содержащие иллюстрации. Текст статьи должен быть набран шрифтом Times New Roman Cyr, 14-й кегль, через 1,5 интервала.

К комплекту файлов должна быть приложена опись (возможно в виде файла) с указанием названия и версии текстового редактора, имен файлов, названия статьи, фамилий и инициалов авторов.

Основной текст статьи должен быть представлен в формате Microsoft Word (для серии Физика. Математика можно использовать редакторы Tex, LaTeX) с точным указанием версии редактора.

При подготовке графических объектов желательно использовать форматы TIFF, JPEG, BMP, WMF.

При подготовке файлов в растровом формате желательно придерживаться следующих требований: - для сканирования штриховых рисунков — 300 dpi (точек на дюйм); - для сканирования полутоновых рисунков и фотографий не менее 200 dpi (точек на дюйм).

Графические файлы должны быть поименованы таким образом, чтобы было понятно, к какой статье они принадлежат и каким по порядку рисунком статьи они являются. Каждый файл должен содержать один рисунок.

Таблицы являются частью текста и не должны создаваться как графические объекты.